

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2024

ТОМ 9 NО 2

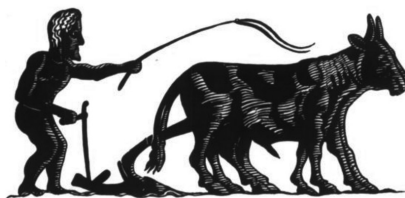
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
ДИЗАЙН: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Калики-перехожие». Прянишников И.М. 1870с. Государственная
Третьяковская галерея, Москва

© РАНХиГС, 2024

Содержание

Теория

Trotsuk I. V. A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russia's Non-Black Earth Region 6

История

Белых А. А. Сколько стоило пушкинское имение Михайловское? 20

Горюшкина Н. Е. Реализация крестьянами прав на разрешение питейной торговли в «акцизной» России (1863–1894 гг.) 39

Иванов А. А., Чемакин А. А. «Революционный мятеж» черносотенного крестьянства: о волнениях в Подолии в 1914 году 61

Николаева А. А. «Затомилась деревня невесточкой...»: судьба женщины в лирике С.А. Есенина периода Первой мировой войны 79

Тимкин Ю. Н. «Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП (б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах 89

Kim Chang Jin. Lost Paradise: The phenomenon of 'Soviet Korean Advanced Kolkhozes' in Central Asia (Part 1) 109

Современность

Shagaida N. I. Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? 139

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа 153

Логинов Д. М. Сельское население России: субъективное благополучие и практики социально-экономического поведения 180

Горлова Н. И., Ковальчук А. П. Волонтерство как инструмент продвижения туризма на сельских территориях 197

Интервью с исследователем

Михеев Е. К., Никулин А. М., Фадеева О. П. «Наша стратегия строилась по принципу: что выгодно, то и надо делать» 212

Научная жизнь

Гонина Н. В. История окраин в многообразии интерпретаций и подходов. 235

Овчинцева Л. А. Сельский туризм: перспективы и ограничения 249

Russian peasant studies

Vol. 9. 2024. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Trotsuk I. V.* A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russia's Non-Black Earth Region 6

HISTORY

- Belykh A. A.* What was the price of the Pushkin family estate Mikhailovskoe? 20
- Goryushkina N. E.* Peasants' exercise of the rights to alcohol trade in excise Russia (1863–1894). 39
- Ivanov A. A., Chemakin A. A.* “Revolutionary revolt” of the Black-Hundred peasantry: The 1914 unrest in Podolia 61
- Nikolaeva A. A.* “Village Languishing in Ignorance...”: Woman's fate in the lyrics of S. A. Esenin during the World War I 79
- Timkin Yu. N.* “Face of the village”: Activities of the Vyatka Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to revitalize rural and *volost* organizations in 1924–1926 89
- Kim Chang Jin.* Lost Paradise: The phenomenon of ‘Soviet Korean Advanced Kolkhozes’ in Central Asia (Part 1). 109

THE PRESENT TIME

- Shagaida N. I.* Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? 139
- Kartseva M. A., Mkrtychyan N. V., Florinskaya Yu. F.* Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis 153
- Loginov D. M.* Russia's rural population: Subjective well-being and social-economic practices 180
- Gorlova N. I., Kovalchuk A. P.* Volunteering as a means of promoting tourism in rural areas 197

INTERVIEWS

- Mikheev E. K., Nikulin A. M., Fadeeva O. P.* “Our strategy was based on the principle of doing what was profitable” 212

SCIENTIFIC LIFE

- Gonina N. V.* History of the outskirts: Interpretations and approaches 235
- Ovchintseva L. A.* Rural tourism: Prospects and limitations 249

A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russia's Non-Black Earth Region¹

I. V. Trotsuk

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Department, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Intercenter, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Abstract. The article presents some methodological considerations on the possibilities and limitations of the qualitative approach (repeated case studies in the specific Russian region) for the sociological assessment of human capital. In the first part of the article, the author considers the Russian tradition of rural studies as combining two analytical 'optics' — sociological/ethnographic observations of local realities based on various combinations of qualitative techniques and a strong anthropological/ peasant-studies emphasis with large-scale social surveys aimed at macro-descriptions of agrarian reforms, rural social/human capital and agro-industrial complex under the persistent trends of social-spatial differentiation. In the second part, the author mentions the key possibilities and limitations of case studies for assessing the state and prospects of rural human capital in the most depressed rural region of Russia, focusing on the role of entrepreneurs in formal and informal support of the local rural economy and communities in cooperation with municipal and regional authorities. In the final part, the author emphasizes typologies as the analytical result of rural case studies (especially the repeated ones) and provides examples — 'types' of the local agricultural producer relationships with the rural settlement's authorities and community (as the basis for preserving rural human capital) and 'types' of the rural entrepreneurs' biographical trajectories (as the basis for the generational continuity of this differentiated rural stratum).

Key words: (repeated) case study, field research, typology, analytical generalizations, rural entrepreneur, rural human capital, positive and negative trends, local authorities, rural community, formal and informal interaction

DOL: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-6-19

Two analytical 'optics'

The Russian tradition of peasant/rural studies can be divided into two conditional parts. On the one hand, there are sociological/ethnographic observations of local rural realities based (see, e.g.: Ban-

1. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

field, 2019; Vinogradsky, 2009; Yastrebinskaya, 2005; Vorbrugg, 2018; 2020). On the other hand, there are large-scale social surveys combining statistical and sociological data to provide macro-descriptions (see, e.g.: Kalugina, Fadeeva, 2009; Kuznetsova, 2009; Shagaida et al, 2019; 2023). Certainly, the latter is more widespread due to management tasks, including the critical systematization of the prerequisites and results of the post-Soviet agrarian reform for the further restructuring of Russian agriculture (Uzun, Shagaida, 2015: 12).

Other things being equal, rural sociologists prefer qualitative techniques to reveal rural realities that determine or are hidden behind the bravura macro-descriptions based on big data and inclined to imitation — of the local authorities for the regional ones, of the regional authorities to the federal ones, and of local entrepreneurs to everyone they consider necessary — so that not to be punished for shortcomings and to get additional funds (see, e.g.: Maksimov, 2018; Saraikin, Yanbykh, 2018). The qualitative approach allows to identify imitations and its reasons, for instance the desire of the local authorities to maintain the status quo and to keep higher authorities as far as possible in order to develop informal network mechanisms for everyday survival in the contemporary unpredictable and changeable social-economic realities. Depending on the success of such imitation games and selected social-economic practices, some researchers divide rural Russia into three spatial parts: “territories of growth”, “territories of stagnation” and “territories of compression” (or “desolation zones”) (see, e.g.: Nefedova, 2003; 2021).

Both quantitative and qualitative approaches are fundamentally important for rural sociology (see, e.g.: Toshchenko, 2018; Trotsuk, 2019a; 2019b; 2020): the former shows general trends, the latter — how they manifest themselves in the life of typical (according to various criteria) rural territories and settlements. For instance, when assessing the results of the post-Soviet agrarian reforms, long-term ethnographic observations within case studies reveal those social-economic forms that determine statistical generalizations about a multi-structural agrarian economy; why huge agrohholdings keep displacing peasant farms and personal subsidiary plots; why Russian agriculture lost its collective nature and did not manage to become cooperative; why there so many regional differences in the Russian agrarian structure; what determined “changes in the composition of the largest producers, redistribution of regions’ positions and increased concentration of production in the largest regions”, and consequences of “the complete and unconditional triumph of large and very large farms... an unprecedented round of agrarian gigantomania... and the disappearance of two villages every day” (Toshchenko, 2016: 14).

The qualitative approach reveals the subjective dimension of the macroeconomic situation, focusing on radical changes in the rural lifeworld under the ongoing transformations of the traditional rural

community (de-peasantization): “the peasant world has disintegrated, there is nothing in common that unites people, disunity and isolation are everywhere” (Toshchenko, 2016: 45). However, it is the qualitative approach that shows ‘behind’ the well-known negative trends (caused by inefficient formal social-economic institutions and identified with quantitative indicators) some positive trends, such as the revival of rural communities based on the mechanisms of informal economy (networks of mutual support, various forms of grassroots mobilization) which is forced to compensate for low living standards. Moreover, different combinations of qualitative and quantitative approaches have proven that both positive and negative trends in the agrarian development are largely the result of the unjustified romanticization of the countryside by post-Soviet reformers with their utopian “fantastic ideas about some collective farmer who, having received land, would instantly turn into a farmer to independently ensure the entire production cycle” (Toshchenko, 2016: 52).

In recent years, many economic and sociological works have considered the systemic transformations of Russia’s rural areas, focusing on development scenarios, institutional traps and transaction costs of numerous attempts to solve the land question, to resolve objective contradictions of post-Soviet reforms, to revive rural periphery and relationships between formal and informal social-economic and rural-urban practices, thus, trying to balance the interrelated trends of de- and re-peasantization, centralization and privatization, globalization and glocalization, etc. (see, e.g.: Allina-Pisano, 2008; Hann et al, 2003; Lindner, Moser, 2011; Nefedova, 2013; Pilyasov, 2009; Shagaida, 2010). On the one hand, the refrain of such works (even the most optimistic ones) is the shrinking rural space primarily due to the outflow to cities, the declining number of traditional types of agricultural employment, the ongoing depletion of rural human/social capital, the persisting objective and subcultural poverty and other negative trends that do not allow rural settlements to overcome the gap in the standard of living with cities. This persisting social-economic differentiation is a distinctive feature of the Russian society, especially when comparing life opportunities of urban and rural residents.

Another typical feature of rural studies is the refusal to talk about some mythical “peasant class” in the 21st century, since this concept turned from literal to metaphorical. The boundaries of Russian rural ‘classes’ seem unclear due to the remoteness of villages from urban centers as places of power, but the main reason is rather the inapplicability of the class stratification model today as representatives of powerless groups in rural areas often have some power resource (pensioners work as heads of municipalities, local entrepreneurs pay for public works and celebrations). Quite often rural residents hold a principal non-class position or do not identifying themselves with any class, emphasizing their ‘autonomy’ from the state; therefore, we can use the metaphor of “second Russia” (see, e.g.: Ni-

kulin, 2012; Trotsuk, 2014) or “weapons of the weak” (see, e.g.: Scott, 1985; Vinogradsky, 2009; Wegren, 2016) (the costs and negative consequences of social-economic reforms are compensated by traditional norms of the rural community life). It is unlikely that “the demonstrative indifference and bravado of freedom that remoteness from city life gives rural residents is a self-deception or a game” (Clement, 2021: 61), and that today we observe “the destruction of the peasant community (of the *Gemeinschaft* type) which began almost a hundred years ago” (Clement, 2021: 59).

Possibilities and limitations of case studies for assessing rural human capital

Qualitative studies in Russia’s northern non-black-earth region with its difficult conditions for farming are particularly indicative, since in general its state of agriculture is deplorable and its human capital is depleted (compared to much more successful and rich agricultural regions like Kuban). Thereby, its ‘critical’ rural cases of vitality are valuable, especially if the most depressed rural localities somehow managed to survive. On the one hand, there are depressive settlements with the last weak attempts to survive with the help of the former collective/state farm’s resources preserved under the market economy and spontaneous privatization, with a general feeling of complete abandonment by the state and a migration outflow or sentiments. On the other hand, there are less pessimistic settlements with sustainable entrepreneurial activity based on both former Soviet agricultural enterprises and new projects with the state support (former city residents can become rural entrepreneurs, see, e.g.: Bozhkov, Trotsuk, 2018; Denisenko et al, 2016; Ovchintseva, 2021; Vinogradskaya, 2019; Vinogradsky, Vinogradskaya, 2022).

Both types of rural entrepreneurs not only officially support the local rural economy (create jobs, replenish local budgets, prevent the youth from migration, attract families from neighboring areas), thus, preserving rural communities, but also informally perform the former functions of Soviet agricultural enterprises in cooperation with local administrations (construction, holidays, cleaning, applications for grants and state subsidies), thus, preserving rural human capital. Such entrepreneurial concern is not selfless or charitable but rather rational ‘capitalist’ — investment in rural workforce (living conditions and social activities), but rural entrepreneurs have no guarantees of success (natural disasters, financial crises, crop failures); thereby, their motives and actions can be explained by the theory of small deeds (see, e.g.: Ely, 2022; Gordeeva, 2003; Nikulin, Trotsuk, 2022a; 2022b) — a set of altruistic communitarian ideas for improving rural life through everyday transformations (educational, cultural-historical, recreational-ecological, etc.).

Such broad generalizations based on the case study data are traditional for rural sociology: for instance, the well-known Teodor Shanin's field projects summarizes the results of the post-Soviet market-economy reforms and rural transformations in a model of patrimonial management (a symbiotic type of appropriation and redistribution of collective-farm resources, see, e.g.: Nikulin, 2010; Uzun et al, 2022). Another example is a dynamic typology of rural areas, based on the extensive social-economic and social-geographic data, which shows an increasing differentiation and polarization of space between urban centers and rural periphery (preservation of agricultural production as a collective/cooperative farm, development of small-scale private agricultural farming, an entrepreneurial use of natural resources preservation of rural settlements as cultural-historical objects, see, e.g.: Nefedova, 2013). Among the peripheral rural areas, researchers identify autarkic (eco-settlements) and symbiotic (combinations of formal and informal practices) rural communities (see, e.g.: Averkieva, 2017); among economically developed, densely populated and market-oriented rural areas — multi-structural and mono-structural (see, e.g.: Fadeeva, 2015; Kuznetsova, 2009). Thus, case studies continue the tradition of typologizing rural areas based on the repeated field observations (see, e.g.: Trotsuk, 2007; Nikulin, Trotsuk, 2014; Ovchintseva, 2020; Savoskul, Alekseev, 2021). However, this does not eliminate the shortcomings of case studies, which are described, for instance, by E. C. Banfield in *The Moral Basis of a Backward Society* (2019): implicit and explicit comparisons, reliance on 'unverified guides', dubious simplifications of complex phenomena that are convenient to interpret as 'simple'/backward, etc. Banfield's book shows that even half a century ago 'rural status' did not guarantee sustainable *Gemeinschaft* relations and communalism, since, as today, the main problems of rural communities were unemployment, poverty, low social trust, perception of the state as both the cause of bad life and the paternalistic source of financial assistance (although it is always better to stay away from the state).

Our case studies in rural areas of the non-black-earth region (see, e.g.: Bozhkov et al, 2020; 2022; Bozhkov, Trotsuk, 2018; 2020) showed through the fate of villagers and settlements both clear depopulation trends and some reasons for optimism, since even in the traditionally depressed areas there are rural entrepreneurs supporting the rural economy and local communities, 'restoring' their social-demographic structure, cooperating with local administrations, combining formal and informal ways to solve problems, and turning into the real power in the countryside. As in Soviet times, agricultural and other enterprises are forced to act as social guarantors, maintaining the livelihoods of their workers and other villagers; and it is much easier for such 'guarantors' to fulfill these obligations in an informal way, i.e., their funding is irregular and depends on the financial condition of the enterprise and the good will of its owner. Local agricultural en-

terprises solve minor infrastructure problems and provide villagers with some necessary services, because their heads are more accessible than the municipal or regional authorities, which makes such enterprises a key supporter of the rural structure.

Since the relations between the authorities and agricultural enterprises are not officially regulated, personal connections come into force: if the head of the rural settlement and the head of the enterprise establish informal relationships, they start to work together in the interests of the village. Under the constant shortage of funds this is not easy but possible through the redistribution of funding and services. Thus, modest budgets of rural settlements provide opportunities not for their social-economic development but for the formation of social networks at the grassroots level, i.e., of the ‘patrimonial’ principle of management, which emerged in the 1990s, still works and determines the emergence of ‘exemplary’ municipalities — with decent schools, medical centers, good roads and public transport — not necessarily near the district/urban center.

The position of the local authorities is quite dual: on the one hand, they should express the rural population’s opinions and work in close contact with villagers; on the other hand, they depend on the regional authorities’ decisions (including in financial terms). As a result, the so-called ‘national consolidation’ often leads to rural destruction, although traditional rural groups and social institutions can successfully adapt to changing conditions, ensuring a necessary human-capital basis for the national model of modernization (see, e.g.: Gusfield, 1967), but only provided a reasonable balance between tradition and modernization. However, the ‘traditional’ model of Russian modernization in both Soviet and post-Soviet periods seems to be ‘catch-up’ and ‘from above’ (see, e.g.: Fedotova, 1997; Krasilshchikov, 1993; Naumova, 1999; Pain, Volkogonova, 2008), i.e., it combines traditional and modern (often borrowed) norms, values and institutions, making an emphasis on political-ideological (transformation of political system, changes in public life, increasing influence of power structures at all levels) rather than social-economic tasks.

Certainly, there has been a gradual transition to a new economic management regime, which can be traced through statistical data and biographical narratives of villagers, but officials often follow old patterns to expand the boundaries of their “administrative resource”. This term is negative in its narrow political definition: when parties or candidates use their status or connections with government agencies to influence the results of elections (see, e.g.: Nureev, Shulgin, 2006; Olshansky, 2001). This term’s broader interpretation has a greater research potential, indicating informal social connections and knowledge of the mechanism and structure of management, based on the traditional rural way of life (and the role of administrative resource in its regulation) and the rural communities’ attempts to maintain viability (human capital) under the social-economic transformation

‘from above’ with destructive outcomes instead of the increased efficiency of agricultural production.

In the Soviet period, collective and state farms had funds to maintain the rural social infrastructure (educational institutions, housing and communal services, transport), while the municipal authorities did not have resources to carry out their direct functions and were forced to turn for help to the heads of agricultural enterprises. This situation determined a significant redistribution of these enterprises’ resources in favor of their workers in both legal (purchase of agricultural products at lower prices, getting feed, grain and other products free of charge, use of agricultural machinery) and illegal (widespread theft with the connivance of enterprise managers) ways, i.e., the state transferred many its functions (and functions of municipalities) to agricultural enterprises.

In the post-Soviet period, under the inefficient agricultural management, low returns of huge investments in agriculture, and constant outflow of rural residents to cities due to the low quality of life in the countryside, the state chose the modernization model based on the radical disruption of management and an emphasis on self-organization (see, e.g.: Efimov, 2009; Kalugina, 2001; Nefedova, 2003; Patsiorkovsky, 2003; Veliky, Morekhina, 2004). The general idea of agrarian reforms (see, e.g.: Krylatykh et al, 2018; Petrick, 2022; Shagaida, 2019; Vinogradskaya, 2022) was that inefficient forms of production would be replaced by highly efficient ones as soon as the peasant started to work independently on the allocated land, created new forms of cooperation and established more effective collective or individual farms. However, the high technological level of the contemporary agricultural production, the lack of sufficient economic and social resources, the unpreparedness for such radical social-institutional transformations intensified the systemic crisis in agriculture, which explains that the preserved enterprises relied on power structures as the only available resource.

Some enterprises realized the importance of maintaining agricultural production for their regions or municipalities and established specific interaction with certain government institutions and other enterprises, i.e., personal connections and non-institutionalized relationships had a decisive influence on agricultural production, rural development and human capital (see, e.g.: Lester, 1998). The financial and social-economic well-being of the rural territory has been largely determined by the interaction between the authorities and the business (see, e.g.: Fadeeva, 2003; Fadeeva, Nefedkin, 2018; Nikula, Kopoteva, 2020; Popov, 2022; Vinogradsky, Vinogradskaya, 2022). Many long-term and repeated case studies prove the importance of such interactions for stabilizing the social-economic situation in rural areas and preserving their human capital by determining the most diverse local practices and the most justified local strategies for compensating the shortcomings of the state macro-policies and the regional unified management.

Not just descriptions

In addition to analytical descriptions, case studies serve as a source of typologies that can be rather broad (successful and unsuccessful paths of the local rural development; efficient and inefficient relationships of the local rural community with local/regional authorities/agricultural producers) or focused (types of local rural entrepreneurs). Due to the huge variety of practices and strategies for interaction between municipal authorities, local communities and heads of agricultural enterprises, any single model for the development of rural areas makes no sense and should be replaced by some common type-forming features. For instance, a typology of the local agricultural producer (entrepreneur) relationships with the rural settlement (its authorities and community) can consist of the following types:

- Large agroholding as an interested (temporarily but better constantly) and forcedly socially responsible economic actor that invests if not in the regional/local development then at least in preserving agricultural production, which implies caring for the local community as a source of human capital (workers). Sometimes the municipal authorities contribute to the concentration of the production base to ensure that several small (weak) enterprises would constitute one large (strong) enterprise (negotiations set the conditions for both sides).
- Individual successful entrepreneur (the backbone of the local economy — high production indicators, effective management, independently solves all problems without municipal or regional subsidies or funds) is forced to invest in the local human capital to save a dying enterprise, to preserve his rural homeland or to create a profitable agricultural production. Any of these motives is fortunate for the local authorities (to preserve and develop agricultural production and rural territory), but such an entrepreneur is inconvenient in the management perspective (the authorities have almost no leverage over such an investor).
- Successful medium-sized or small entrepreneur that depends on local authorities is offered to become the head of the local economy-forming agricultural enterprise to invest in it his income from diversified activities. Usually, he cannot refuse such an offer not to spoil relations with the local/regional authorities, which would threaten his main enterprise. Such a case is beneficial for the local authorities that can report about having found an investor for the dying enterprise, but there are no guarantees of his success.
- The ‘unique’ case of the successful commercial enterprise either established by the local institution that did not get support from the local authorities but managed to interest the regional authorities or to win a federal/commercial/regional grant or patronized by the local authorities as a kind of the “social-economic landmark”. Both cas-

es are beneficial for the municipal administration to demonstrate to any higher-ranking authorities when asking for (additional) funding. Certainly, this typology is far from being complete, and the boundaries between types are fluid as they can transform into others under the influence of external (regional or district policy) or internal (social and human capital) factors with both positive and negative consequences. However, all types form the basis for the rural survival strategies and perform the stabilizing function for the local economy.

In general, those agricultural enterprises whose managers/owners have a significant social resource are in a better position, since their informal connections with the municipal/regional authorities and accumulated social capital (formalized in legal, consulting, information, financial and other types of assistance) provide such resource-rich entrepreneurs with better chances for implementing their business development strategy (to get loans and equipment within regional or national programs, to re-register enterprise, to get financial and consulting assistance, etc.). In other words, agriculture as an industry of small and medium-sized commodity producers is often more efficient and sustainable when the authorities take responsibility for the work of agricultural enterprises with both economic and administrative levers, admitting the importance of such producers for preserving rural human capital.

Another important resource for analytical generalizations in rural case studies are biographies of owners/managers of agricultural enterprises, especially in repeated case studies, when we compare 'qualitative' changes in the stratum of rural entrepreneurs. For instance, such a typology can be based on the idea of the generational continuity: in recent decades, the stratum of rural entrepreneurs has become noticeably younger (compared to the previous generation of former state/collective farm managers and more diversified (a) in terms of entering this economic niche — some have consistently replaced their fathers/grandfathers, some at first denied this path but then accepted it (for different reasons), some were engaged in many urban or rural activities before making their final choice of agriculture (can be newcomers for the rural community), reinforced by the state's attitude (many forms of support — grants, expanded subsidies, changes in legislation) and (b) in motives and value orientations (wishes to organize a profitable business, to change one's life, to preserve family business, to have a more 'natural'/traditional way of life, to live in a small community of like-minded people, and so on).

For their part, local communities are interested in new rural entrepreneurs — with good knowledge of agricultural production (can be supplemented by the higher or secondary specialized education), management experience (in leadership positions), professional skills, authority among municipal and regional authorities (mainly informal connections). Many successful rural entrepreneurs become members of municipal or regional government bodies — due to their ability to restructure thinking in changing economic conditions, to find solu-

tions in the most unfavorable conditions, to set goals and work for results that are associated with both personal and collective success.

Thus, repeated rural case studies show two trends in the development of rural areas and their human capital: on the one hand, since the mid-2000s, many local authorities have lost their ability to dictate conditions to agricultural enterprises and a number of powers (due to the radical reduction in funding), which accelerated the collapse of agriculture, aggravated the already deplorable situation in some rural areas, especially in the non-black-earth region, and gave rise to depressive and pessimistic moods among rural population (a feeling of the complete abandonment by the state led to the increasing outflow to the city). On the other hand, Russia's rural areas have become a differentiated space with 'oases' of development, mainly due to the new human capital (a cohort of rural entrepreneurs that establish or preserve agricultural enterprises, including with the help of federal and regional support).

Certainly, the latter trend is reinforced by the contemporary production technologies that reduced the number of employees needed. This trend cannot be considered sustainable positive, since it did not completely break/reverse the negative trend of the compression of the old-developed rural territories due to the still unsolved agricultural and rural problems. Nevertheless, the local entrepreneurial stratum makes a huge contribution to the development of rural human capital and economic functions of the village, thus, preserving rural settlements even in the traditionally most depressed areas. The positive influence of small and medium-sized rural entrepreneurs on the social and human rural capital is the main reason why local administrations are so much interested in them rather than in large enterprises (not to mention huge agroholdings) that, as a rule, do not contribute to the financial base of the village/region and do not implement social responsibility to the local community. On the contrary, small and medium-sized agricultural and other enterprises invest part of their working capital and profits in maintaining social infrastructure of rural settlements, fulfilling most of such obligations informally, which strengthens their relationships and cooperation with the heads of rural municipalities in the interests of local communities (a micro-public-private partnership).

References

- Allina-Pisano J. (2008) *The Post-Soviet Potemkin Village. Politics and Property Rights in the Black Earth*, Cambridge University Press.
- Averkiewa K.V. (2017) Symbiosis of agriculture and forestry in the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4. (In Russian)
- Banfield E. C. (2019) *The Moral Basis of a Backward Society*, Moscow. (In Russian)
- Bozhkov O. B. (2019) Family entrepreneurship in the countryside: Some details of the portrait. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no 4. (In Russian)

- Bozhkov O. B., Ignatova S. N., Trotsuk I. V., Nikulin A. M. (2022) *Rural Entrepreneurs in the Northern Non-Black Earth Region: Sociological Essays Based on Field Observations*, Moscow. (In Russian)
- Bozhkov O. B., Nikulin A. M., Poleshchuk I. K. (2020) Agricultural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: Formal and informal practices. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 4. (In Russian)
- Bozhkov O. B., Trotsuk I. V. (2018) Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 4. (In Russian)
- Bozhkov O. B., Trotsuk I. V. (2020) Post-Soviet farmers' international in the agriculture of the North-West Region. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 4. (In Russian)
- Clement K. (2021) *Patriotism from Below. "How Is It Possible for People to Live so Poorly in Such a Rich Country?"*, Moscow. (In Russian)
- Denisenko M. B., Denisenko G. M., Efremenko D. V. et al. (2016) *Townspeople in the Village: Sociological Research in the Russian Hinterland: Deurbanization and Rural-Urban Communities*, Moscow. (In Russian)
- Efimov V. M. (2009) Evolutionary analysis of the Russian agrarian institutional system. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, no 1. (In Russian)
- Ely C. (2022) *Russian Populism: A History*, Bloomsbury Publishing.
- Fadeeva O. P. (2003) Rural entrepreneurs in the local community. *Journal of Economic Sociology*, vol. 4, no 2. (In Russian)
- Fadeeva O. P. (2015) *Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development*, Novosibirsk. (In Russian)
- Fadeeva O. P. (2018) Sketches for the farm project: An Altai palette. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 1. (In Russian)
- Fadeeva O. P. (2019) Siberian village: From formal self-administration to the forced self-organization. *ECO*, no 4. (In Russian)
- Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. (2020) Informal public-private partnership as an initiative from below: Rural cases. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 3. (In Russian)
- Fedotova V. G. (1997) *Modernization of the "Other" Europe*, Moscow. (In Russian)
- From Family Homesteads to the Far Eastern Hectare* (2021): *Non-Trivial Issues of Public Administration and Municipal Government*, Moscow. (In Russian)
- Gordeeva I. A. (2003) *"Forgotten People": History of the Russian Communitarian Movement*, Moscow. (In Russian)
- Gusfield J. R. (1967) Tradition and modernity: Misplaced polarities in the study of social change. *American Journal of Sociology*, vol. 74, no 4.
- Hann C. et al. (Eds.) (2003) *The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition*, vol. 1, Münster.
- Kalugina Z. I. (2001) *Paradoxes of the Agrarian Reform in Russia. Sociological Analysis of Transformation Processes*, Novosibirsk. (In Russian)
- Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. (2009) *Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches*, Novosibirsk. (In Russian)
- Kolesnikov N., Tolstoguzov O. (2016) Structural changes in the economy of the Russian North-west: A spatial dimension. *Baltic Region*, no 2. (In Russian)
- Krasilshchikov V. V. (1993) Modernization and Russia on the threshold of the 21st century. *Issues of Philosophy*, no 7. (In Russian)
- Kuznetsova T. E. (2009). *Multi-Structure of the Russian Economy: Historical Roots, State and Prospects*, Moscow. (In Russian)
- Lester D. (1998) Feudalism's revenge: The inverse dialectics of time in Russia. *Contemporary Politics*, vol. 4, no 2.
- Lindner P., Moser E. (2011) (De)centralization of rural Russia: Local self-government and the "vertical of power". *Peasant Studies: Theory. History. The Present Time*, vol. 6, Moscow. (In Russian)
- Maksimov A. F. (2018) Quantitative analysis and assessment of the number of agricultural consumer cooperatives. *Applied Economic Research*, no 6. (In Russian)

- Naumova N. F. (1999) *Recurrent Modernization in Russia: Misfortune, Guilt or Resource of Humanity?* Moscow. (In Russian)
- Nefedova T. G. (2003) *Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays*, Moscow. (In Russian)
- Nefedova T. G. (2013) *Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of the Geographer*, Moscow. (In Russian)
- Nefedova T. G. (2021) Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1. (In Russian)
- Nikula J., Kopoteva I. (2020) Local development initiatives in the Lake Ladoga Region: Reasons for success and approaches to funding. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 1.
- Nikulin A., Trotsuk I. V. (2022a) Political and apolitical dimensions of Russian rural development: Populism “from above” and narodnik small deeds “from below”. *Politics and Policies of Rural Authenticity*. (Ed. by P. Pospěch, E. M. Fuglestad, E. Figueiredo), Routledge.
- Nikulin A. M. (2010) Oligarchoz as a successor of postkolkhoz. *Economic Sociology*, vol. 11, no 1. (In Russian)
- Nikulin A. M. (2012) *Second Russia: Differentiation and Self-Organization*, Moscow. (In Russian)
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2014) Rural development in Finland: Interaction of the state, farmers and science (possible lessons for Russia). *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, no 3. (In Russian)
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2022b) Humanitarian populism. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 4.
- Nureev R. M., Shulgin S. G. (2006) The relationship between economic and political monopolism in Russian regions: Administrative resource and forms of its manifestation. *Economic Bulletin of the Rostov State University*, vol. 4, no 3. (In Russian)
- Olshansky D. V. (2001) *Psychology of the Contemporary Russian Politics*, Moscow. (In Russian)
- Ovchintseva L. A. (2020) Case-study method in the studies of the Russian rural cooperation. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 3. (In Russian)
- Ovchintseva L. A. (2021) New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no 2. (In Russian)
- Pain E. A., Volkogonova O. D. (Eds.) (2008). *Russian Modernization: Reflections on Its Originality*, Moscow. (In Russian)
- Patsiorkovskiy V. V. (2003) *Rural Russia: 1991–2002*, Moscow. (In Russian)
- Petrick M. (2022) Post-Soviet transformation of agriculture: A success after all? *The Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 1, pp. 103-130. (In Russian)
- Pilyasov A. N. (2009) *And the Last Will be First: Northern Periphery on the Way to a Knowledge Economy*, Moscow. (In Russian)
- Popov E. A. (2022) Social functions of rural farmers (on the example of the Altai Region). *RUDN Journal of Sociology*, vol. 22, no 3. (In Russian)
- Saraikin A. V., Yanbykh R. G. (2018) Classification of cooperatives and development of agricultural cooperation. *AIC: Economics, Management*, no 7. (In Russian)
- Savoskul M. S., Alekseev A. I. (2021) Trajectories of transformation of one unpromising village (on the example of the village Kuzreka in the Tersk district of the Murmansk Region). *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 3. (In Russian)
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, Yale University Press.
- Shagaida N. I. (2010) *Agricultural Land Turnover in Russia: Transformation of Institutions and Practice*, Moscow. (In Russian)
- Shagaida N. I., Yanbykh R. G., Uzun V. Ya. et al. (Eds.) (2019) *On the State of Rural Areas in the Russian Federation in 2017. Annual Report on the Results of Monitoring*, Moscow. (In Russian)
- Toshchenko Z. T. (2018) Features of the life world of rural residents in Russia. *Sociological Studies*, no 2. (In Russian)
- Toshchenko Zh. T. (Eds.) (2016) *Meanings of Rural Life (Sociological Analysis)*, Moscow. (In Russian)

- Trotsuk I. V. (2007) Possibilities of the case study method in the study of rural social problems. *RUDN Journal of Sociology*, no 4. (In Russian)
- Trotsuk I. V. (2014) "Second Russia": Ways for "identification" and discursive presentation. *Paths of Russia. New Languages of Social Description*, Moscow. (In Russian)
- Trotsuk I. V. (2016) Social aspects of Russian geography: A new round of the studies of the space transformations between two Russian capitals. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 16, no 4. (In Russian)
- Trotsuk I. V. (2019a) Rural development monitorings: "quantity", "quality", or a combination of both?. *Proceedings of the IX Grushin Conference "Social Engineering: How Sociology Changes the World"*, Moscow. (In Russian)
- Trotsuk I. V. (2019b) Similarities and differences between two sociological discourses about rural Russia. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*, no 2. (In Russian)
- Trotsuk I. V. (2020) Qualitative and quantitative format of rural sociological monitorings: opportunity or need? *Social-Economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*, no 3. (In Russian)
- Uzun V. Ya., Shagaida N. I. (2015) *Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results*, Moscow. (In Russian)
- Uzun V. Ya., Shagaida N. I., Gataulina E. A., Shishkina E. A. (2022) *Holdings in the Russian Agricultural Business*, Moscow. (In Russian)
- Veliky P. P., Morekhina M. Yu. (2004) Adaptive potential of rural society. *Sociological Studies*, no 12. (In Russian)
- Vinogradskaya O. Y. (2022) Estimates of the land reform of the 1990s thirty years later. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 22, no 1. (In Russian)
- Vinogradskaya O. Ya. (2019) Why and from what townspeople move to the village: Phenomenology and practice. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 3. (In Russian)
- Vinogradsky V. G. (2009) *Weapons of the Weak: Technology and Social Logic of Everyday Peasant Life*, Saratov. (In Russian)
- Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. (2022) Farming and the rural world: A generational change. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 1. (In Russian)
- Vorbrugg A. (2018) Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 3. (In Russian)
- Vorbrugg A. (2020) Ethnographies of slow violence: Studying the effects of rural disintegration. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 1. (In Russian)
- Wegren S. (2016) Household inequality and village discord: Toward a post-socialist moral economy. *Russian Peasant Studies*, vol. 1, no 1.
- Wegren S., Trotsuk I. V. (2019) The paradoxes of smallholders in contemporary Russia. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 4.
- Yastrebinskaya G. A. (2005) *Taiga Village Kobelevo. History of the Soviet Village in Russian Peasant Narratives: 1992–2002*, Moscow. (In Russian)

Несколько методических заметок по результатам полевых наблюдений за сельским человеческим капиталом в российском Нечерноземье²

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии

2. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Интерцентра МВШСЭН. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены некоторые методологические выводы о возможностях и ограничениях качественного подхода (повторных кейс-стади в особом сельском регионе России) в рамках социологической оценки состояния сельского человеческого капитала. В первой части статьи российская традиция сельских/крестьяноведческих исследований представлена как сложное сочетание двух аналитических «оптик» — социологических/этнографических наблюдений за локальными реалиями сельской жизни на основе разных сочетаний мягких методик и с сильным антропологическим акцентом с крупномасштабными социальными обследованиями, призванными обеспечить макро-описания хода и результатов сохраняющихся тенденций социально-пространственной дифференциации. Во второй части обозначены ключевые возможности и ограничения кейс-стади в оценке состояния и перспектив сельского человеческого капитала в самом депрессивном аграрном регионе России: акцент сделан на роли сельских предпринимателей в формальной и неформальной поддержке местной экономики и локальных сообществ в сотрудничестве с муниципальными и региональными властями. В заключительной части подчеркивается, что типологии — важнейший результат кейс-стади (особенно повторных), и представлены примеры — «типы» взаимоотношений местного аграрного производителя с представителями власти и локального сообщества (как основа сохранения сельского человеческого капитала) и «типы» биографических траекторий сельских предпринимателей (как основа поколенческой преемственности данной дифференцированной социальной страты).

Ключевые слова: (повторное) кейс-стади, полевое исследование, типология, аналитическое обобщение, сельский предприниматель, сельский человеческий капитал, позитивные и негативные тенденции, местные власти, сельское сообщество, формальное и неформальное взаимодействие

Сколько стоило пушкинское имение Михайловское?¹

А. А. Белых

Андрей Акатович Белых, доктор экономических наук, зам. директора Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС. 119571 Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: abelykh@inbox.ru

Аннотация. В статье изучается история финансовых взаимоотношений А. С. Пушкина и его родственников по поводу родового имения Михайловское. Этот сюжет практически не привлекал внимания пушкинистов, историков и экономистов, однако он имеет важное значение для понимания экономической жизни как самого Пушкина, так и российского дворянства в середине — второй половине XIX века. Село Михайловское принадлежало матери Пушкина, Надежде Осиповне. После ее смерти в 1836 году по закону отец Пушкина, Сергей Львович, получил одну седьмую часть имения, сестра Ольга — одну четырнадцатую, остальное досталось поровну братьям — Александру и Льву. Отец отказался от своей доли в пользу дочери. Физический раздел имения с 80 крепостными мужского пола не имел экономического смысла, целесообразным было финансовое урегулирование. Пушкин предполагал выкупить Михайловское, исходя из цены в 40 тыс. руб. (500 руб. за душу). Н. И. Павлицев, муж Ольги, доказывал, что имение стоит вдвое дороже, он хотел получить за долю Ольги максимальную сумму. Затем он снижал цену, но у Пушкина не было денег, а во второй половине 1836 года уже разворачивались события, которые привели поэта к трагической дуэли. В феврале 1837 года вдова Пушкина обратилась к Николаю I с просьбой выкупить Михайловское в пользу детей. Была назначена опека над детьми Пушкина, и после длительных переговоров Михайловское в 1841 году было выкуплено. Наследники — Лев, Ольга и Н. Н. Пушкина получили оплату долей, исходя из цены имения в 34 тыс. руб. Собственниками, имевшими равные доли, стали дети Пушкина — Мария, Александр, Григорий и Наталья. В 1856 году сыновья выкупили у дочерей их доли в Михайловском. В 1870 году единственным собственником Михайловского стал Григорий. В 1899 году Михайловское было выкуплено у него Казначейством за 144 600 руб. Но основную долю в этой сумме составляла цена участка леса, а не цена крепостных душ.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, имение Михайловское, семья Пушкина, цена имения, выкуп имения, опека над детьми Пушкина, Г. А. Пушкин

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-20-38

После смерти А. С. Пушкина 29 января 1837 года, его вдова Н. Н. Пушкина 3 февраля обратилась к императору Николаю I

1. Статья подготовлена в рамках гранта, представленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

с просьбой об учреждении опеки над детьми Пушкина и о назначении опекунов — Г. А. Строганова, М. Ю. Вильегорского и В. А. Жуковского. В тот же день министр юстиции Д. В. Дашков сообщил Наталье Николаевне о том, что «...его величество соизволяет на учреждение испрашиваемой Вами опеки, но с тем, чтобы Вы с настоящей просьбою Вашей обратились куда следует установленным порядком» (Архив опеки Пушкина, 1939: 343). Имелось в виду, что Пушкиной следовало обратиться в Дворянскую опеку — институт дворянского самоуправления, созданный указом Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года². Очевидно, Пушкина выполнила указание Николая I, и уже 11 февраля 1837 года был издан «Указ его императорского величества, самодержца российского, из С. Петербургской Дворянской Опеки» о том, чтобы детей Пушкина «в зависимость сей опеки принять» и утвердить опекунами госпожу Пушкину и избранных ею лиц (Архив опеки Пушкина, 1939: 345)³.

22 мая 1838 года Наталья Николаевна обратилась с письмом к М. Ю. Вильегорскому, одному из опекунов. Она писала: «...желала бы поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребен и прах его. Я говорю о селе Михайловском, находящемся по смерти его матери в общем владении — моих детей⁴, их дяди и тетки. Я надеюсь, что сии последние примут с удовольствием всякое предложение попечительства, согласятся уступить нам свое право, согласятся доставить спокойный приют семейству их брата, дадут мне возможность водить моих сирот на могилу их отца и утверждать в юных сердцах их священную его память. Меня спрашивают о доходах с этого имения, о цене его. Цены ему нет для меня и детей моих. Оно для нас драгоценнее всего на свете. О других доходах я не имею никакого понятия, а само попечительство может собрать всего удобнее нужные сведения» (Архив опеки Пушкина, 1939: 287–288).

Для нас, почитателей А. С. Пушкина, как и для Натальи Николаевны, село Михайловское бесценно. Однако финансовая история этого имения имеет важное значение для понимания многих событий жизни самого Пушкина, его жены и детей, а также экономических условий дворянского быта в XIX веке. Экономические отношения, возникавшие по поводу собственности на село Михай-

2. В соответствии с указом в каждом верхнем земском суде учреждалась дворянская опека для дворянских вдов и малолетних детей (об истории опеки см., напр.: Чернова, 2024).
3. Опекуном был назначен также Н. И. Тарасенко-Отрешков, о котором Пушкина не просила.
4. Строго говоря, дети Пушкина получили права на Михайловское только после его смерти.

ловское, почти не привлекали внимания исследователей. Исключение составляет книга П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», в которой кратко описываются события 1836 года, когда после смерти Н. О. Пушкиной, матери поэта, владевшей имением, встал вопрос о его наследовании (Щеголев, 2021: 365–369). Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы восполнить этот пробел.

Когда речь идет о денежных отношениях Пушкина с родителями, то прежде всего подразумевается его отец, Сергей Львович. Но не стоит забывать, что его мать, Надежда Осиповна Пушкина, сама была помещицей, владела Михайловским, и в этом качестве проводила самостоятельные финансовые операции. С нее взимались законодательно установленные пошрины, она оплачивала земские повинности. В документах сохранилась, например, квитанция следующего содержания: «С вотчины помещицы Надежды Пушкиной следующий на построение в городе Пскове дворянского дома деньги за восемьдесят девять душ, всего восемь рублей девяносто копеек, принял 20 Генваря 1828 года» (Александр Сергеевич Пушкин, 2007: 715). Заметим, что в документах того времени в таких случаях имеются в виду мужские души и что на январь 1828 года в Михайловском было 89 крестьян.

После того, как 29 марта 1836 года Надежда Осиповна умерла, возникли вопросы, связанные с наследством. Наследниками были дети и муж. По действовавшему законодательству муж, Сергей Львович, должен был получить одну седьмую часть, дочь Ольга — одну четырнадцатую, остальное должно было быть разделено поровну между сыновьями — Александром и Львом. Сергей Львович отказался от своей доли в пользу дочери Ольги, поэтому ей причиталось $\frac{1}{14} + \frac{1}{7} = \frac{6}{28}$ от наследства. Соответственно, братьям доставалось на двоих — $\frac{22}{28}$, каждому — $\frac{11}{28}$. Если бы производилось физическое выделение имущества, то Пушкин должен был бы получить $\frac{11}{28}$ от 80 душ, то есть 31,43 души. Такие же расчеты пришлось бы делать по всем видам недвижимого и движимого имущества. Понятно, что физическое выделение долей имущества было не только очень сложным, но и экономически совершенно нецелесообразным. Речь могла идти только о денежных расчетах, однако для этого было необходимо иметь денежную оценку всего имения — только тогда можно было определить финансовые суммы, причитавшиеся каждому из наследников.

Таким образом, возник вопрос, давший название нашей статье, — «Сколько стоило пушкинское имение Михайловское?»

Для денежной оценки имения в то время существовало два подхода — по доходности и по числу душ мужского пола. В принципе, размер дохода, приносимого имением, был связан с числом душ — чем больше работников, тем больше они приносят дохода (либо в форме оброка, либо в результате продажи продуктов крестьянского труда). На самом деле, при этом не учитывалось несколько важных факторов. Во-первых, число душ определялось по ревиз-

ским сказкам, а между проведениями ревизий проходило несколько лет. За это время кто-то из крестьян умирал, у кого-то рождались дети — то есть количество крестьянских душ постоянно менялось. Во-вторых, в это число входили и новорожденные мальчики, которые не могли увеличивать доходов от имения. В-третьих, в некоторых имениях значительную роль играли женщины, выполнявшие те или иные работы. Так, например, в Кистеневе, в имении, принадлежавшем С. Л. Пушкину, важным промыслом было ткачество — женщины ткали рогожи и кули.

При продаже имения на рынке основное значение имела доходность. При получении кредита в банке в качестве залога выступали крестьянские души, а показатель дохода при принятии решения вообще не рассматривался. Правда, предполагалось, что на каждую крестьянскую душу имеется определенное количество земли, что давало возможность вести хозяйство и приносить доход помещику. И сами души оценивались по-разному: в зависимости от того, в какой местности находилось имение, у банков была фиксированная цена. Размер залога определялся путем умножения числа закладываемых душ на цену. Сумма выдаваемого кредита составляла 50% от размера залога, при этом могли вычитаться определенные комиссии.

В случае с Михайловским, при разделе долей наследников, играли роль и приносимый имением доход, и число душ. Именно дебаты о цене крестьянской души сыграли главную роль во всех последующих событиях.

А. С. Пушкин. 1936 год

Первую денежную оценку имения и вариант его раздела между наследниками представил сам Пушкин в письме Льву, написанном 3 июня 1836 года, через два месяца после смерти матери. Приводим его расчеты:

«80 душ и 700 десятин земли в Пск.<овской> губ<ерн>ии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены 400 р.) 40,000 р.

Из оных выключается 7ая часть на отца 5,714

Да 14ая часть на сестру 2,857

Итого 8,571

Отец наш отказался от своей части и предоставил ее сестре.

На нашу часть остается разделить поровну 31,429 р.

На твою часть придется 15,715.

Мнение мое: эти 15,000 рассрочить тебе на 3 года — ибо вероятно тебе деньги нужны и ты на получение доходов с половины Михайловского согласишься не можешь» (Пушкин, 1949: 123–124). Во время обучения в Лицее математика не была любимым предметом Пушкина, в некоторых его документах есть арифметические неточности, но в данном случае его расчет верен.

Из текста письма следует, что Пушкин предполагал полностью выкупить Михайловское. Отметим, что Пушкин заложил в расчет цену в 500 руб. за душу, при обычной цене в 400 руб. Для родственников он был готов увеличить цену по сравнению с рынком на 25%. При такой оценке ему надо было выплатить Льву и Ольге сумму в 24 286 руб. Таких денег у Пушкина, конечно, не было. В январе 1837 года общая величина его долгов — Казне, Опекунскому совету и частным лицам — составляла 180 500 руб. (Белых, 2021: 79). В июне 1836 года долгов было меньше, но ненамного — крупных заимствований во второй половине года Пушкина не делал, обычно речь шла о пролонгации долгов или перекредитовании. В отсутствие свободной наличности Пушкин хотел рассрочить выплату Льву на три года. Очевидно, что аналогичное письмо он написал сестре, но, по-видимому, оно не сохранилось.

Предложение Пушкина было вполне разумным, хотя понятно, что для того, чтобы выкупить доли брата и сестры, ему пришлось бы заложить Михайловское. Другого способа получить крупную сумму денег у него уже не было. Лев согласился со сделанным ему предложением и в начале июля послал Пушкину доверенность на ведение дел: «Вот тебе и доверенность. Закладывается или продается Михайловское — не знаю, да и дела мне до этого нет; были бы деньги, а ты мне их обещаешь. Чего же лучше?» (Пушкин, 1949: 134).

Ситуация с Ольгой была сложнее — решения принимал ее муж, Н. И. Павлищев, чиновник, служивший в Варшаве. В июне 1836 года они жили в Михайловском. Дата письма Пушкина Ольге нам неизвестна. Возможно, он хотел сначала дождаться реакции брата. Во всяком случае, в письме Павлищева Пушкину, датированном 18 июня, ничего о выкупе имения не говорится. Павлищев лишь дает подробное описание хозяйственного положения Михайловского, доказывает, что управляющий — вор, сообщает, что он его выгнал. Павлищев, по сути, дает отчет о своих действиях и пишет: «О том, что и как делать вперед, я сообщу, если вам угодно будет, мои соображения» (Пушкин, 1949: 133).

В июле Павлищев уже в курсе предложения Пушкина и выражает несогласие с предназначенной Ольге суммой в 8500 руб.⁵ В письме, датированном 11 июля, он приводит собственные расчеты справедливой, по его мнению, доли Ольги.

Исследователи, прежде всего Щеголев, характеризуют Павлищева как нахального и чрезмерно требовательного родственника. Это, конечно, правильно. Но как экономист он действовал достаточно логично. Прежде всего, он выяснил, что Пушкин не знал размеров имения. В Михайловском, по мнению Павлищева, было

5. В расчете Пушкина в письме Льву фигурировала цифра выплаты Ольге — 8571 руб. Возможно, в письме к Ольге Пушкин округлил цифру.

не 700, а 1975 десятин⁶. Затем Павлищев попытался выяснить, какой доход может приносить Михайловское. По его мнению, средний доход составляет 3000 руб. в год. В письме Пушкину он обосновывал свою оценку: «...цена всякого имения определяется доходом с него получаемым. ...Чистого дохода выведено около 3000 рублей. ...для получения его нужен капитал 80 т. руб., следовательно, Михайловское равно капиталу 80 т <ыс. руб.>, а душа 1000 руб.». Павлищев пишет Пушкину в манере школьного учителя: «Так делаются оценки, Александр Сергеевич» (Пушкин, 1949: 137–138).

Пушкин был готов увеличить оценку имения по сравнению с рыночной, но Павлищев удвоил даже завышенную оценку Пушкина — вместо 500 руб. за душу получилось 1000 руб. Соответственно, удвоилась бы сумма, которую Пушкин должен был бы выплатить Ольге и Льву. Обоснованием такого требования и должны были служить выкладки Павлищева. Из письма видно, что он вступил в переписку со Львом и сообщил ему о своих расчетах.

Если не учитывать этическую сторону дела, с экономической точки зрения аргументы Павлищева формально могли быть правильными. Пусть годовой доход составляет 3000 руб., какой нужен капитал, чтобы получать такой доход? Естественным показателем, используемым для оценки активов как в то время, так и сейчас, является банковский процент. В 1836 году по действующему законодательству банковские ставки по депозитам составляли 4% годовых, по кредитам — 5%. По-видимому, Павлищев берет среднюю цифру — 4,5% годовых. Действительно, для получения дохода в размере 3000 руб. необходимо иметь 80 000 руб. ($80\ 000 \times 0,045 = 3600$). Это вполне современное рассуждение — если прогнозируется постоянное получение от актива одинакового дохода, цена этого актива равна капитализированному доходу.

Тем не менее, посылая эти расчеты Пушкину, Павлищев лукавил. Во-первых, сумма 3000 носила условный характер. Детальный анализ этих цифр выходит за рамки настоящей статьи, отметим лишь, что по законодательству того времени для оценки имения нужно было использовать среднюю величину за последние десять лет. Однако сам Павлищев признавал, что книги учета доходов и расходов Михайловского ему обнаружить не удалось, поэтому его расчет базировался на данных одного года и на нем нельзя было основываться. Во-вторых, Павлищев, наверно, понимал, что за 80 000 руб. такое имение, как Михайловское, продать очень сложно, практически невозможно. Видимо, это понимание заставило его сделать Пушкину более реалистичное предложение.

В том же письме от 11 июля Павлищев сначала допускает, что доходы могут оказаться ниже, поэтому оценка Михайловского со-

6. Щеголев, со ссылкой на ревизские сказки и опись, сделанную Опекой в 1838 году, приводит цифру — 1965 десятин (Щеголев, 2021: 276). Отличие, составляющее менее 1%, конечно, несущественно.

ставит не 80 тыс., а 70 тыс. руб. Но если бы имение выкупал сам Пушкин, то Павлицев был готов еще больше снизить цену: «Если имение купите вы, то я готов спустить еще 6/т., и отдать вам его за 64 т <тыс. руб.>, т.е. по 800 руб. душу. Ниже этого нельзя ни под каким видом» (Пушкин, 1949: 138). При такой цене имения Ольга получала бы 13 712 руб., а Лев — 25 144. Павлицев даже написал Льву о том, что ему причитается 25 тыс. руб.

С точки зрения правил коммерческих переговоров Павлицев, безусловно, действовал правильно. Сначала предложил высокую цену. Затем дал большую скидку. При этом он постарался заручиться поддержкой людей, которые могли повлиять на человека, принимающего решения, — в данном случае это родные люди, брат и сестра, да еще нуждающиеся в деньгах. Лев действительно вскоре написал брату письмо, в котором просил поскорее прислать треть причитающихся ему денег, не дожидаясь завершения финансовых расчетов.

Павлицев требовал от Пушкина «ответа решительного, а пуще всего — безотлагательного». Срок его отпуска истекал, нужно было возвращаться в Варшаву, иначе его ждали неприятности, можно было даже потерять место. При этом Павлицеву, как он писал, необходимо было иметь с собой как минимум 2500 руб. Видимо, речь шла о неотложных платежах по долгам.

Пушкину предложение Павлицева не понравилось и не могло понравиться. Для него было ясно, что Павлицев сознательно завышает цену Михайловского. Пушкин уже дал ему и Ольге тысячу рублей авансом. Льву он всегда помогал, даже выкупал его большие долги, но в данном случае предлагаемый Павлицевым вариант был для Пушкина неприемлем. Если Павлицев и пытался преподать Пушкину урок экономической науки, то и Пушкин в письме от 13 августа дал ему достойный ответ: «Оценка ваша в 64,000 выгодна; но надобно знать, дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее» (Пушкин, 1949: 154). Переводя на современный язык — предлагаемый проект не только слишком дорог, но и менее эффективен, чем альтернативные проекты капиталовложений.

В этой ситуации Пушкин был готов просто продать Михайловское, а затем поделить между наследниками вырученные деньги: «Пришлите мне, сделайте одолжение, объявление о продаже Михайловского, составьте его на месте; я так его и напечатаю. Но постарайтесь на месте же переговорить с лучшими покупателями» (Пушкин, 1949: 153–154).

Еще не дождавшись ответа Пушкина, Павлицев в письме от 1 августа предложил новую схему. По его мнению, Ольге причиталось 80 душ в Нижегородском имении Сергея Львовича, которые стоили по 600 руб. за душу (за вычетом 200 руб. закладных). Это давало бы сумму в 48 000 руб. Тогда Павлицев выкупил бы Михайловское сам. По его расчету, он должен был бы заплатить Пушки-

ну и Льву по 25 000 руб. Заложив Михайловское и получив за него 12 тыс. руб., Павлищев отдал бы Льву 5 тыс. руб. Причитающиеся Пушкину 25 тыс. руб. и остающиеся 20 тыс. руб. Льву Павлищев заплатил бы из 48 тыс. руб., полученных от Нижегородского имения (Пушкин, 1949: 145).

Говорят, что в споре двоих людей один — дурак, а другой — подлец. В данном случае Павлищев умудрился совместить обе ипостаси. Он хотел обмануть Пушкиных — получить имущество в Нижегородском имении (собственно, речь идет о части Болдино), обменять его на Михайловское и остаться с 10 тыс. руб. наличных денег (3 тыс. руб. от залога нижегородских душ и 7 тыс. руб. от залога Михайловского). При этом у Пушкиных, как у семьи в целом, просто осталось бы меньше активов. В то же время он выдает себя, фактически признавая, что его оценки стоимости душ просто неверны. Он считает, что в Болдино души стоят 800 руб. Что же значит вычет 200 руб. закладных? У Сергея Львовича практически не было свободных от залогов крестьян. И предполагаемые Павлищевым к выделу 80 душ уже были заложены. Соответственно, под этот залог уже был получен кредит из расчета 200 руб. за душу. Но банк исходил из того, что кредит выдается в размере 50% залоговой суммы, то есть души стоили по 400 руб., а не по 800.

Этот расчет подтверждается и историей кредита самого Пушкина. Он получил в 1830 году кредит в Московской сохранной казне. Пушкин заложил 200 душ по цене 400 руб. за душу (при залоговой цене в 200 руб.) и получил 40 тыс. руб. ($400/2 = 200$, $200 \times 200 = 40\ 000$) (подробнее см.: Белых, 2019). Если бы в Нижегородской губернии души действительно стоили 800 руб., то кредит мог быть получен исходя из залоговой цены в 400 руб. Рассчитывать на то, что можно каким-то образом получить по 600 руб. за уже заложенные души — просто наивно или глупо. Души в Псковской губернии стоили дешевле, чем в Нижегородской. Соответственно, как можно было доказывать Пушкину, что цена души в Михайловском равна 1000 или 800 или 700 руб., если Павлищев знал реальное положение дел? Он сам в письме сообщал, что 80 душ в Пскове можно заложить и получить только 12 тыс. руб. Это значит, что залоговая цена душ в Псковской губернии — 150 руб., а рыночная — 300 руб. Это намного ниже, чем предлагал Пушкин и с чем Павлищев не хотел согласиться. Ясно, что целью всех предложений Павлищева было одно — получить максимально возможную сумму наличных денег.

Даже если не учитывать экономическую необоснованность плана Павлищева, совершенно непонятно, зачем это было бы нужно Сергею Львовичу. У него было около 1200 крестьян. Цифру 80 Павлищев назвал приблизительно — это примерно соответствует доле Ольги, которую она получила бы после смерти отца ($1200/14 = 85$). Отдать дочери ее будущее наследство? Сергей Львович не был королем Лиром, который еще при своей жизни разделил королевство и отдал его дочерям. Пушкин в том же письме от 13 августа выска-

зал Павлищеву свое мнение: «Отец не выделит Ольгу, и на Болдино полагаться нельзя» (Пушкин, 1949: 154). Пушкин также написал, что собирается приехать в Михайловское.

Получив ответ Пушкина, Павлищев 21 августа пишет еще одно письмо. Он практически требует: «Мне не с чем выехать и не с чем приехать, чтобы расплатиться с кредиторами, арестовавшими четвертую часть моего жалованья. Эта крайность заставляет меня отказать как от меновой сделки, так и от продажи имения в чужие руки — продажи, требующей времени. Возьмите Михайловское за 40 т.<тысяч>, только выручите нас из беды. Если не можете заплатить Ольгиной доли сполна, то дайте на первый раз хоть 2500; остальные 5/т.<тысяч> (за вычетом 1000, уже нами полученной) будут за вами, год или два. ...Деньги эти, вместо высылки по почте, лучше вам самим привезти сюда» (Пушкин, 1949: 157). Он уже согласен на оценку Пушкина, на сумму платежа Ольге в размере 8500 руб., только бы Пушкин сам привез ему 2500 руб. Более того, он ставит Пушкину временные ограничения — Павлищеву нужно быть в Варшаве 20 сентября, поэтому уже 15 сентября надо выехать из Михайловского. То есть Пушкин, получив письмо Павлищева, должен был все бросить и помчаться в Михайловское, чтобы успеть туда до 15 сентября и вручить Павлищеву деньги.

Не дождавшись ответа Пушкина, Павлищев снова написал ему 28 августа: «Объявление о продаже Михайловского не нужно, потому что я отказался уже от меновой сделки. Приезжайте сюда скорее, дайте нам 2500 р. и имение за вами. ...дело о разделе наследства между нами кончено» (Пушкин, 1949: 157).

Но Пушкину в это время было уже не до выяснения правильной цены Михайловского. Его волновали вопросы, связанные с изданием журнала «Современник», с накапливающимися долгами. В сентябре Пушкин с семьей переезжает на новую квартиру на Мойке, 12, ставшей для него последней. Арендная плата составляла 3400 руб. в год. Это было меньше, чем на предыдущей квартире (6000 руб. в год), но как оплачивать аренду, было не вполне понятно. Продолжались ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной.

В октябре Павлищев делает еще одну попытку получить у Пушкина деньги. В письме от 22 октября он выделяет в цене Михайловского в 40 000 руб. движимое и недвижимое имущество. Для этих видов имущества по закону существовали различные нормы наследования. Сергею Львовичу причиталась одна четверть движимого имущества, а не одна седьмая, как для недвижимости, а Ольге — одна восьмая, а не одна четырнадцатая. Стоимость недвижимого имущества в Михайловском, по оценке Павлищева, составляла 30 458 руб., движимого — 9541 руб. Поскольку нормативы для движимого имущества были для Ольги более выгодными, причитающаяся ей доля увеличивалась с пушкинских 8500 руб. до 10 100 руб. Павлищев вычитал из этой суммы полученные им ранее от Пуш-

кина 1000 руб., затем — 1200 руб., которые он забрал у управляющего имением, а также деньги за продажу ржи в сумме 2015 руб. Кроме того, Павлищев уменьшал этот денежный вычет на ту сумму, которая и так причиталась бы Ольге по нормативу наследования недвижимости. В итоге, несмотря на ранее полученные деньги, Павлищев считал, что Пушкин должен был отдать ему 6578 руб. 80 коп., причем 1500 руб. нужно было выслать немедленно (Пушкин, 1949: 174).

Отметим, что Павлищев в этом письме признается, что рожь он продал по цене 11 руб. 50 коп. за четверть. Между тем в письме Пушкину от 27 июня Павлищев писал, что управляющий имением, продав рожь по цене 22 руб. за четверть, совершил кражу, так как цена на рожь якобы была от 24 до 30 руб. Конечно, цены могли меняться, но понятно, что именно Павлищев совершил невыгодную для экономики Михайловского сделку.

Неизвестно, ответил ли Пушкин на это письмо Павлищева, в его жизни происходили гораздо более важные события — 4 ноября он получает анонимное письмо об избрании заместителем магистра Ордена Рогоносцев и его историографом. Вечером того же дня Пушкин отправляет Дантесу вызов на дуэль.

Несмотря на преследовавшие его проблемы и душевные потрясения, а может быть, как раз из-за них, Пушкин продолжал думать о Михайловском. 24 декабря 1836 года он пишет письмо П. А. Осиповой, хозяйке соседнего Тригорского. В этом письме он рассказывает о несостоявшемся разделе Михайловского, о роли Павлищева и том, что пришлось «послать его к чорту». Пушкин откровенен: «Я желал бы, чтобы вы были владелицей Михайловского, а я — я оставил бы за собой усадьбу с садом и десятком дворовых. У меня большое желание приехать этой зимой ненадолго в Тригорское. Мы переговорим обо всем этом» (Пушкин, 1949: 403).

Осипова достаточно быстро ответила Пушкину — письмо было отправлено 6 января 1837 года. Она писала, что приобретать Михайловское не хотела, но желала бы, чтобы Пушкин сохранил его за собой. Она полагала, что имение «стоит ни больше и ни меньше как 500 р. за душу», то есть действительно стоит 40 000 руб. Осипова считала, что, заложив имение, можно получить 16 000 руб. (исходя из залоговой цены души в 200 руб.). Почему-то она думала, что, хотя Сергей Львович уступил свою долю Ольге, ему надо заплатить 5500 руб. (По ее расчету, одна седьмая часть от 80 — это 11 душ, 500 x 11 = 5500.) «Остальное вы заплатите Льву», — писала она. Экономическое положение Михайловского Осипова оценивала оптимистично: «Доказано, что доход с него может превысить 3000; вот, значит, и в Ломбард уплачено, — ибо вы будете платить не больше сотни рублей в год, — и вот вы хозяин Михайловского, а я охотно стану вашей управляющей» (Пушкин, 1949: 406). Осипова писала по-французски и после приведенных расчетов советовала: «Lisez, pensez, cher Alexandre Серьеич».

Если последовать этому совету и действительно «прочесть и подумать», то можно заметить, что расчеты Осиповой ошибочны. В правильном расчете Пушкина сумма выплат родственникам составляла 24 286 руб. Получаемых в Ломбарде (так Осипова не без оснований называет Сохранную Казну) 16 000 руб. явно было бы недостаточно. Утверждение о годовой плате за кредит в размере 100 руб. выглядит нелепо, но это — очевидная описка, речь идет о том, что платить надо не больше 1000 руб. в год. По действующему законодательству, при кредите в сумме 16 000 руб., взятом на 37 лет по ставке 5% годовых, надо было бы платить ежегодно 960 руб. При доходе в 3000 руб. такой платеж был бы вполне посилен. Но где взять недостающие 8286 руб.? Более того, даже Павлицев рассчитывал заложить Михайловское не за 16 000, а только за 12 000 руб.

Неизвестно, ответил ли Пушкин на это и на следующее письмо Осиповой (9 января она послала ему банку крыжовника, сопроводив посылку коротким письмом). Мы знаем только, что 5 января 1837 года он написал Павлицеву письмо, в котором были такие слова: «Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, вам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собою» (Пушкин, 1949: 214). До роковой дуэли оставалось 22 дня.

Н. Н. Пушкина. 1838–1841 годы

После смерти Пушкина наследниками его доли в Михайловском стали его дети и вдова, Наталья Николаевна. Финансовая поддержка, оказанная Николаем I семье Пушкина, была весьма значительной, об этом хорошо известно. Главное, за счет Казны были оплачены долги Пушкина частным лицам, а долг Казне был списан. Оставался, правда, большой долг Сохранной казне, но он был обеспечен залогом 200 крестьянских душ сельца Кистенево. В любом случае финансовое положение семьи Пушкина было непростым. После обращения Натальи Николаевны к Николаю I с просьбой об учреждении опеки над ее детьми, опека была учреждена.

22 мая 1838 года Наталья Николаевна обратилась в Опекун⁷ с письмом, содержащим просьбу о выкупе Михайловского, — с цитированием этого письма начинается настоящая статья. Завершалось письмо следующей фразой: «Итак, я прошу Попечителей войти немедленно в сношение с прочими владельцами села Михайловского, спросить их об условиях, на коих согласятся они предоставить оное детям своего брата, выплатить им, есть ли возможно следующие деньги, и довершить таким образом свои благодеяния семейству Пушкина» (Архив опеки Пушкина, 1939: 288). Громоздкая бюрократическая машина Российской империи в данном слу-

7. Здесь и далее под Опекой понимается группа лиц, назначенных опекунами.

чае проявила оперативность. Уже на следующий день Опека завела «Дело о покупке села Михайловского в собственность малолетних детей А. С. Пушкина. Началось 23 мая 1838 г.». Теперь речь шла о том, чтобы Опека выкупила доли Ольги Сергеевны, Льва Сергеевича и самой Натальи Николаевны в пользу детей Пушкина. Наступил новый этап в истории об оценке Михайловского. Опека начала с выяснения состояния объекта оценки — были составлены опись имущества, а также список крестьян и дворовых людей.

Опись выявила, что в наличии было не 80 крестьянских душ мужского пола, а только 71. Со времени последней ревизии 10 мужчин умерло, родилось 5 мальчиков, двоих забрали в солдаты, одного выслали на поселение. $80 - 10 + 5 - 2 - 1 = 72$. На самом деле, в описи должно было быть 72 души. Но при ее составлении была допущена ошибка — младенца Петра, сына Авдотьи Сергеевой, записали в женскую графу (Архив опеки Пушкина, 1939: 274). Впрочем, Опека в дальнейшем все равно работала с официальными данными ревизии — во всех документах считалось, что в Михайловском не 71 и не 72, а 80 душ мужского пола.

Если на первом этапе проблемы создавал Павлицев, то на втором этапе существенно затянул дело С. А. Соболевский, который был привлечен к процессу выкупа. Он был давним знакомым самого Пушкина и однокашником Льва и Павлицева по Лицейскому Благородному пансиону. Соболевский получил доверенности на ведение дел от Льва и Ольги. Некоторое время заняло согласование с Опекой текстов доверенностей — поначалу формулировки прав Соболевского не позволяли ему совершать операции по продаже долей имения. Задержки были вызваны в том числе и географическим фактором — Ольга жила вместе с мужем в Варшаве, где Павлицев находился на государственной службе. Лев служил в армии в южных краях. Наконец юридические вопросы были решены, и в феврале 1839 года один из опекунов Г. А. Строганов, двоюродный дядя Натальи Николаевны, глава Опеки, официально запросил Соболевского о том, как тот оценивает части имения, принадлежащие его доверителям. Отметим, что прошло уже 8 месяцев с начала дела.

Соболевский занял довольно странную позицию. В письме Г. А. Строганову от 2 марта 1839 года он заявил: «Решительная цена оному имению по 500 рублей ассигнациями за душу, то есть 40 000 за всё имение. Расходы на счет покупщика» (Архив опеки Пушкина, 1949: 291). В случае, если Опеку такая цена не устроила бы, он просил, наоборот, продать доли Натальи Николаевны и детей Пушкина. При этом покупателями стали бы Ольга и Лев, но в этом случае Соболевский выставлял цену в 400 руб. за душу. (О том, что ни Лев, ни Ольга не имели денег и не смогли бы выкупить остальные доли имения ни по 400 руб. за душу, ни даже по 300 руб., Соболевской почему-то не думал.) Если бы и с этим предложением Опека не согласилась, он считал возможным выставить Михайловское на аукцион.

Соболевский выдвинул довольно странный аргумент. 29 августа 1839 года в письме главе опеки графу Г. А. Строганову он заявил, что Пушкин «хотел дать брату и сестре по 500 руб. за душу, я должен от их имени этого требовать и не могу согласиться на другую цену» (Архив опеки Пушкина, 1949: 294). В обосновании своей позиции Соболевский доказывал, что частным покупателям деньги обходятся дороже, чем государственной структуре, и что поэтому для них цена должна быть ниже. Этот нелепый аргумент, конечно, не мог убедить Опеку.

Действительно, Пушкин хотел дать родственникам премию в 100 руб. к рыночной цене, составлявшей 400 руб. за душу. Но почему Опека, распорядившаяся казенными деньгами, должна была бы пойти на такой прирост цены — совершенно непонятно. Конечно, члены Опеки были выбраны самой Натальей Николаевной и искренне хотели завершить сделку в пользу детей Пушкина. Но, в конце концов, в данной ситуации они выступали как государственные служащие. И ценовая вилка, предложенная Соболевским, лишь усложнила ситуацию — фактически он признавал, что рыночная цена крестьянских душ была не 500, а 400 руб.

Летом и осенью 1839 года продолжились переговоры Соболевского с Опекой. Опека сначала решила пойти по второму варианту, предложенному Соболевским, и даже получила согласие Дворянской опеки на продажу долей Михайловского на вольном рынке. Нюанс заключался в том, что Опека могла распоряжаться только долями детей Пушкина, поэтому и разрешение Дворянской опеки относилось только к продаже долей детей. Однако сумма долей Ольги и Льва составляла 17/28 — немногим больше половины. Соответственно, Опека могла продать только меньшую часть имения. Найти желающего купить такую часть, исходя из цены, по которой продавалось бы имение целиком, было непросто. У Опеки этого не получилось. При такой продаже не решалась бы главная задача — сохранение имения для рода Пушкина.

В связи с этим Опека сделала правильный ход — надеясь на благоразумие собственников долей, Льва и Ольги, она обратилась к ним напрямую, минуя посредника Соболевского. Более того, Опека все же предложила несколько увеличенную цену. В конце декабря 1839 года глава Опеки граф Г. А. Строганов одновременно написал письма Ольге и Льву, предлагая либо выкупить остальную часть имения по цене 425 руб. за душу, либо продать Опеке их доли в пользу детей Пушкина по той же цене — 425 руб.

Оказалось, что Лев вообще не был знаком со схемой Соболевского. Понятно, какие эмоции возникли у человека, постоянно нуждающегося в деньгах и с нетерпением ожидающего завершения сделки. 29 января 1840 года Лев написал В. А. Жуковскому, что отзывает доверенность, выданную Соболевскому, и дает доверенность самому Жуковскому на продажу доли по предложенной Опекой цене — 425 руб. за душу. Более того, Лев даже уполномочил Жуковского в том случае, если Ольга не согласится с ценой в 425 руб.,

добавить ей необходимую сумму из его денег. Он не ожидал, что Ольга будет против, но готов был даже на материальные убытки: «Мое желание одно, чтобы имение это не переходило в посторонние руки. Не имея средств удержать его за собою, я надеюсь, что оно останется у детей брата» (Архив опеки Пушкина, 1939: 299–300).

Ольга не стала отзываться доверенности, выданной Соболевскому, но в письме Г. А. Строганову, написанному в феврале 1840 года, дала согласие на предложенную Опекой цену и уполномочила Соболевского совершить конкретное действие — продать свою долю (которая включала и долю Сергея Львовича) именно по цене Опеки.

В итоге выкуп был благополучно согласован, однако реальные выплаты денег начались только в 1841 году. Опека выкупила доли Ольги, Льва, а также долю Натальи Николаевны, которой причиталась одна седьмая часть доли самого Пушкина. Ольга получила деньги 8 февраля, Наталья Николаевна — 8 мая 1841 года. Правда, Пушкиной пришлось написать расписку о том, что она получила от Опеки деньги «с обязательством, что если бы Правительствующий сенат не утвердил выдел оных из сумм опекунства над детьми и имуществом мужа моего, возратить оные деньги обратно сему опекунству» (Архив опеки Пушкина, 1939: 311). Кроме того, требовалось, чтобы за Ольгу и Наталью Николаевну были даны поручительства. За Наталью Николаевну поручительство предоставил друг Пушкина князь П. А. Вяземский. Лев получил деньги только 15 октября 1841 года. Таким образом, дело длилось почти три с половиной года.

Наталья Николаевна была утверждена опекуном над своими детьми. Крестьяне Михайловского дали обязательство: «Содержать Михайловскую вотчину в порядке и благоустройстве, вносить за всю вотчину исправно и без всякой недоимки все государственные подати и земские повинности и сверх того платить помещице нашей Наталии Николаевне ежегодно 850 руб. серебром» (Архив опеки Пушкина, 1939: 312). Все предыдущие финансовые цифры приводились в ассигнациях. В 1839 году в России министр финансов Е. Ф. Канкрин начал денежную реформу. С 1 января 1840 года все сделки должны были исчисляться только в серебре. По условиям реформы один серебряный рубль приравнивался к трем с половиной рублям ассигнациями. Таким образом, если считать в ассигнациях, крестьяне обещали платить 2975 руб. в год. В какой степени им удавалось выполнять это обещание — вопрос отдельный. Как показывает история Михайловского, в отдельные неурожайные годы Наталье Николаевне вместо того, чтобы собирать доходы, приходилось помогать крестьянам.

Мария, Александр, Григорий, Наталья Пушкины. 1856–1899 годы

У Пушкина и Натальи Николаевны было четверо детей — Мария, Александр, Григорий, Наталья. В результате осуществленно-

го Опекой выкупа Михайловского у Льва, Ольги и самой Натальи Николаевны, дети стали собственниками Михайловского. Все дети имели равные доли в имении.

Сергей Львович Пушкин, их дедушка, умер в 1848 году. История и экономика раздела его наследства представляет значительный интерес, но выходит за рамки настоящей статьи. Для нас важно то, что в 1856 году между детьми Пушкина произошел раздел всего наследства. Это разделение, если воспользоваться современной терминологией, было проведено по гендерному принципу. Имущество оставалось в собственности братьев — Александра и Григория, а дочери — Мария и Наталья получили денежную компенсацию в 28 571 руб. 50 коп. серебром каждая (Архив опеки Пушкина, 1939: 324). В ценной исследовательской работе Е. А. Зонтовой, диссертации, посвященной пушкинским местам в Псковской губернии в период 1837–1945 годов, утверждается, что при разделе братьям отошли «доставшиеся по наследству от отца имения, а сестры М. А. Пушкина и Н. А. Дубельт (Пушкина) взамен принадлежащих им частей» получили денежную компенсацию (Зонтова, 2015: 63).

На самом деле сделка имела несколько более сложный характер. Прежде всего, отметим, что Наталья Николаевна отказалась от всех своих имущественных прав в пользу детей. В самом раздельном акте учитывались не только имения, но и права на издания сочинений А. С. Пушкина, а также некоторые финансовые документы. Этими документами были билеты (по сути — свидетельства о депозитах) С.-Петербургской сохранной казны и Государственного коммерческого банка, а также заемное письмо, выданные на имя М. А. Пушкиной, на общую сумму 17 182 руб. (очевидно, ассигнациями). Братьям, Александру и Григорию, отходили не только доли сестер во всех имениях, но и права на издания сочинений А. С. Пушкина. При этом величина платежа, который братья должны были совершить Марии, уменьшалась на сумму перечисленных финансовых инструментов (Архив опеки Пушкина, 1939: 325).

К сожалению, сложная структура сделки, наличие в ней имений, находящихся в двух разных губерниях, а также финансовых инструментов и издательских прав, не позволяет понять, какая цена Михайловского использовалась во взаиморасчетах в 1856 году.

Следующая дата в истории собственности Михайловского — 5 февраля 1870 года. В этот день между сыновьями Александром и Григорием была совершена раздельная запись, по которой единственным владельцем Михайловского стал Григорий. В его собственность отошло «...имение Михайловское, состоящее в Псковской губернии в Опочецком уезде, заключающее одну тысячу пятсот десятин, из коих триста двадцать десятин составляют крестьянский надел» (Зонтова, 2015: 65)⁸. Это событие произошло по-

8. Е. А. Зонтова цитирует архивный документ из «Дела о выкупе временно-обязанными крестьянами земельных наделов у Пушкина Г. А. села Леж-

сле отмены крепостного права, когда система отношений помещиков и крестьян радикально изменилась. Изменилась и площадь Михайловского — во времена Пушкина она составляла 1955 десятин. По-видимому, часть земель была продана.

Еще одно изменение в статусе имения произошло в 1899 году. В связи с празднованием 100-летия со дня рождения Пушкина, встал вопрос о выкупе Михайловского в государственную собственность. В Дворянском земельном банке было заведено дело «О покупке имения Григория Александровича Пушкина (при селе Михайловское Псковской губернии Опочецкого уезда)»⁹. Оценка имения была сделана сотрудником банка Беляевым, его отчет помещен в деле¹⁰. С современной точки зрения, отчет подготовлен весьма профессионально. Площадь имения составляла 1162 десятины 800 саженьей, оценщик выделил три категории земель — пашня, земля с сосновым строевым лесом и земля с лиственными породами. Отдельно оценивались участки пашни, на которых выращивались рожь, овес, лен, учитывался покос трав и цена сена. В итоговой оценке пашни учитывались налоги, плата за оборотный капитал (8%), 3% на непредвиденные расходы. По оценке Беляева, всего пашня давала 2319 руб. дохода в год. Капитализация этого дохода, исходя из 5,5% годовых, дала сумму в 42 100 руб. Доход от участка с хвойным лесом составил 70 400 руб., оценка земли под лиственными породами — 8000 руб. Суммарная оценка имения — 120 500 руб.¹¹ (42 100 + 70 400 + 8 000). В оценку не вошло движимое имущество и инвентарь, которые остались у Г. А. Пушкина.

Получив этот отчет, руководство банка сделало широкий жест и увеличило цену выкупа: «...ввиду присутствия в имении весьма ценного строевого леса Совет Банка полагал возможным повысить эту оценку на 20% и оценить имение в 144 600 руб.»¹². Отметим, что наценка в 20% была применена не к участку с хвойным лесом, а к оценке всего имения.

Г. А. Пушкин получил за имение 144 600 руб., но казне в итоге оно обошлось дороже. В письме министра финансов С. Ю. Витте в Дворянский банк говорилось: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

- 1) Приобрести в казну имение за 151 000 руб. в счет 12 млн руб., непредусмотренных сметами расходов на экстренные надобности.
- 2) Предоставить Псковскому дворянству устроить в усадьбе этого имения, по согласованию с Академией Наук, какое-либо

нева и др. (Псковская губ.) 13 декабря 1877 г. — 2 октября 1879 г.»: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 577.

Оп. 31. Д. 778. Л. 10 об., 11.

9. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386.

10. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 61–69 с об.

11. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 69.

12. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 4.

благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина»¹³. Возможно, что разница в сумме выкупа для казны и суммы, полученной Г. А. Пушкиным, равная 6400 руб., составила комиссию Дворянского банка.

Итак, Михайловское было куплено у сына Пушкина за 144 600 руб. Ценность имения теперь измерялась не числом крестьянских душ, а получаемым доходом. Поэтому сопоставить финансовые параметры 1899 и конца 1830-х годов достаточно сложно. В 1841 году цена имения составила 34 000 руб., при площади в 1965 десятин цена десятины была равна 17 руб. 30 коп. В 1899 году основную долю в цене имения составляла не пашня, а сосновый лес. Единой цены десятины пашни в отчете Беляева не содержится, в основном он использует величину в 100 руб. за десятину, то есть цена земли выросла примерно в шесть раз. Изучение причин такого роста (реформы, экономический подъем страны, деятельность Дворянского и Крестьянского земельных банков) выходит за рамки настоящей статьи.

В октябре 1917 года большевики захватили власть. В числе первых декретов, принятых 26 октября (8 ноября), был декрет о земле. В соответствии с декретом, вся частная собственность на землю отменялась без всякого выкупа, помещичьи имения переходили в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов вплоть до разрешения Учредительным собранием вопроса о земле. Советы крестьянских депутатов должны были принимать все необходимые меры для строжайшей революционной охраны всего переходящего народу хозяйства со всеми постройками¹⁴. Несмотря на эти декларируемые меры, в феврале 1918 года Михайловское было разграблено крестьянами, все усадебные постройки, кроме домика няни, был сожжены.

Заключение

Так сколько же стоило Михайловское? В принципе ответ на этот вопрос прост. В 1841 году, исходя из цены продажи — 425 руб. за душу, при формальном числе — 80 душ мужского пола, цена имения была равна 34 000 руб. Это было реально уплаченной ценой. Если бы опека исключила «мертвых душ» и рассчитывала выплаты по фактической численности крестьян, цена имения была бы меньше — всего 30 600 руб. Но выплаты производились именно исходя из цифры 80. При капитализации по банковской ставке в 5% цена в 34 000 руб. соответствовала бы годовому доходу от имения в размере 1700 руб. Если исходить из обязательства крестьян выплачивать Н. Н. Пушкиной ежегодно 2975 руб., такой доход при капи-

13. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 386. Л. 10.

14. <https://base.garant.ru/70264556/> (дата доступа: 15.04.2024).

тализации по ставке 5% давал бы цену в 59 500 руб. Эта величина близка к той, на которую безуспешно надеялся Павлищев. Однако она была далека от реальной рыночной цены. Даже если цена актива формально определена правильно, его не всегда удается реализовать в соответствии с этим расчетом. В 1899 году цена Михайловского составляла уже 144 600 руб. Строго говоря, эта цена содержала премию к рыночной цене.

Конечно, вопрос о цене Михайловского сам по себе интересен. Но важнее то, что экономические проблемы, связанные с выкупом имения, позволяют лучше понять реальные отношения Пушкина и его родственников, а также причины тех или иных событий, связанных с Михайловским. И, безусловно, Наталья Николаевна была права — Михайловское драгоценно для каждого из нас.

Библиография

- Александр Сергеевич Пушкин (2007): документы к биографии 1799–1829 / Вступ. ст., сост.: В. П. Старк; подгот. текста С. В. Березкиной, И. В. Васильевой и др.; примеч. С. В. Березкиной, В. П. Старк. СПб.: Искусство-СПб.
- Архив опеки Пушкина (1939) // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5 / Ред. и комм. П. С. Попова. М.: Гос. лит. музей.
- Бельх А. А. (2019). Мог ли Пушкин отдать долги? // Экономическая политика. № 3. С. 176–191.
- Бельх А. А. (2021). А. С. Пушкин: доходы и долги // Пушкин и финансы: сборник статей / Сост., науч. ред. А. А. Бельх. М.: Изд. дом «Дело». С. 16–80.
- Зонтова Е. А. (2015). Пушкинские места Псковской земли в 1837–1945 гг.: от дворянской усадьбы к государственному заповеднику. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
- Пушкин А. С. (1949). Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. Т. XVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Чернова М. А. (2024). Дворянская опека: в законодательстве и реальной практике // Культурный ландшафт регионов. Т. 6. № 1. С. 39–50.
- Щеголев П. И. (2021). Пушкин и мужики. По неизданным материалам // Пушкин и финансы: сборник статей / Сост., науч. ред. А. А. Бельх. М.: Изд. дом «Дело». С. 273–472.

What was the price of the Pushkin family estate Mikhailovskoe?

Andrei A. Belykh, DSc (Economics), Deputy Head of the Centre of Applied History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: abelykh@inbox.ru

Abstract. The article considers the history of financial relationships between A. S. Pushkin and his relatives about their family estate Mikhailovskoe, which has not been studied by Pushkinists, historians or economists despite its importance for understanding the economic life of both Pushkin and Russian nobility in the mid and late 19th century. Mikhailovskoe belonged to Pushkin's mother, Nadezhda Osipovna. After her death in 1836, according to the law, Pushkin's father, Sergey Lvovich received its seventh share, Pushkin's sister Olga — its fourteenth share, while the rest was divided equal-

ly between brothers — Alexander and Lev. Pushkin's father refused his share in favor of his daughter. The real division of the estate with 80 male serfs was complicated and economically meaningless, unlike financial settlement. Pushkin suggested to buy out Mikhailovskoe for 40 thousand rubles (500 rubles per serf). N. I. Pavlishchev, Olga's husband, wanted to receive more money, insisting that the estate was twice more expensive. Later he reduced the price, but Pushkin did not have enough money, and it was the second half of 1936, when the events that led to Pushkin's tragic duel were already unfolding. In February 1837, Pushkin's widow, Natalia Nikolaevna, asked the Tsar for permission to buy out Mikhailovskoe for her children. The custody of Pushkin's children was appointed, and, after lengthy negotiations, in 1841 Mikhailovskoe was bought out. The heirs — Lev, Olga and Natalia Nikolaevna — received money for their shares based on the estate's price of 34 thousand rubles. Owners of the estate with equal shares were Pushkin's children — Maria, Alexander, Grigory and Natalia. In 1856, Pushkin's sons bought out their sisters' shares. In 1870, Grigory became the sole owner of Mikhailovskoe. In 1899, the estate was bought out by the Treasury for 144,600 rubles; however, this was mainly the price of forest rather than serfs.

Key words: A. S. Pushkin, Mikhailovskoe estate, Pushkin family, evaluation methods, price of estate, custody of Pushkin's children, G. A. Pushkin, buy out estate

References

- Aleksandr Sergeevich Pushkin (2007): dokumenty k biografii 1799—1829* [Alexander S. Pushkin: Documents for the Biography 1799—1829]. (Ed. by V. P. Stark), Saint Peterburg: Iskusstvo-SPb.
- Arkhiv opeki Pushkina (1939)* [Archive of the Pushkin Trust]. (Ed. by P. S. Popov), Moscow: Izd-vo GLM.
- Belykh A. A. (2019) Mog li Pushkin vernut dolgi? [Did Pushkin have a chance to pay off his debts]. *Ekonomicheskaya Politika*, vol. 14, no 3, pp. 176–191.
- Belykh A. A. (2021) A. S. Pushkin: dokhody i dolgi [A. S. Pushkin: incomes and debts]. *Pushkin i finansy* (Comp. by A. A. Belykh), Moscow: ID “Delo”, pp. 16–80.
- Chernova M. A. (2024) Dvoryanskaya opeka v zakonodatelstve i realnoi praktike [Noble guardianship in legislation and real practice]. *Cultural Landscape of Regions*, vol. 6, no 1, pp. 39–50.
- Pushkin A. S. (1949) *Polnoe sobranie sochinenij v 16 t.* [Complete Works in 16 vols.], Vol. XVI, Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Shchegolev P. E. (2021) Pushkin i muzhiki [Pushkin and peasants]. *Pushkin i finansy*. (Comp. by A. A. Belykh), Moscow: ID “Delo”, pp. 273–472.
- Zontova E. A. (2015) *Pushkinskie mesta Pskovskoi zemli v 1837–1945 gg.: ot dvoryanskoi usadby k gosudarstvennomu zapovedniku* [Pushkin's Memorial Places in the Pskov Region in 1837—1945: From the Noble Estate to the State Reserve]. Diss. k.i.n., Saint Peterburg: SPbGEU.

Реализация крестьянами прав на разрешение питейной торговли в «акцизной» России (1863–1894 гг.)¹

Н. Е. Горюшкина

Наталья Евгеньевна Горюшкина, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, 305040 Курск, ул. 50 лет Октября, 94. E-mail: goro46@yandex.ru

Аннотация. В статье оценивается эффективность реализации крестьянами прав на разрешение или закрытие питейных заведений в период действия акцизной системы в России. Работа важна для понимания общинного правосознания, отношения крестьян к торговле и потреблению спиртных напитков, факторов поведения крестьян на общинных сходках 1860–1880-х годов, а также причин отказа правительства от свободного оборота алкоголя в 1890-е годы. Сельская крестьянская община рассматривалась правительством как оплот социальной стабильности, трезвости и порядка, поэтому ей были делегированы права разрешать или запрещать продажу алкоголя в селениях. Практика показала, что нравственные мотивы не стали ведущими в позиции общины по отношению к винной торговле. Большая часть крестьянских приговоров не имела нравственных основ, разрешение на открытие кабака сопровождалось взяткой от виноторговца. Несмотря на законодательные запреты, сельский сход принимал магарыч в виде спиртного, денег или в комбинации. Количество точек питейной торговли в акцизный период оставалось высоким, имела место тенденция к монополизации розничной торговли, пьянство являлось серьезной социальной проблемой. Автор приходит к выводу, что попытки правительства сделать крестьян блюстителями государственного интереса в отношении питейной торговли оказались неудачными. Легкость, с которой покупались голоса крестьян, всемогущество сельского начальства, зависимость крестьян от виноторговца заставили правительство подключить к общественному контролю над оборотом алкоголя присутствия по питейным делам — губернские и уездные. Но и в этом случае результат разошелся с ожиданиями. Свободный оборот алкоголя был отменен, в России установилась государственная винная монополия.

Ключевые слова: крестьяне, акцизная реформа, свободный оборот алкоголя, питейная торговля, кабак, сельский сход, приговор, питейное присутствие, трезвость

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-39-60

Тема крестьянского самоуправления в пореформенный период относится к числу приоритетных в современной российской историографии (Вронский, 2012; Кравцова, 2012; Прасолов, 2019;

1. Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033).

Старосек, 2019 и др.). Это связано с пристальным вниманием исследователей к историческому опыту модернизации страны, привлечения населения к реализации государственных программ обновления. Однако до последнего времени в научной литературе не раскрыт вопрос о реализации крестьянами права на разрешение питейной торговли, что имело место в России в рамках реализации винной реформы 1863 года. Первые шаги по его изучению были сделаны С. В. Богдановым (Богданов, 2008), Н. Е. Горюшкиной (Горюшкина, 2022), Е. М. Берестовой, А. М. Субботиной (Берестова, Субботина, 2022). Названные авторы сошлись во мнении, что в акцизный период правительство побуждало крестьян выступить «правительственными агентами» в области питей и решить на сходке — быть кабаку на принадлежавшей им земле или не быть. Но объяснений, почему разрешительное право в крупных сельских поселениях было затем изъято из ведения сельских обществ и передано в руки питейных присутствий, а позднее и вовсе свободный оборот алкоголя заменен казенной винной операцией, историки до сих пор не дали.

Представленная статья призвана в некоторой степени восполнить имеющийся в историографии пробел. Ее цель — оценить эффективность использования крестьянами прав на разрешение питейной торговли в акцизный период и объяснить последовавшую в середине 1890-х годов смену питейных режимов.

Основой для статьи стали документы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива Российской Федерации (Москва), Государственного архива Курской области. Для характеристики правового режима, в котором действовали сельские общества, потребовалось внимательное прочтение «Положения о питейном сборе», высочайше утвержденного 4 июля 1861 года, «Правил о раздробительной продаже напитков» от 14 мая 1885 года, других законодательных актов. Поведение крестьян разных российских губерний на сходках о кабаках было изучено по материалам, собранным этнографическим бюро князя В. Н. Тенишева и опубликованным в издании «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы». Взгляд просвещенного общества на реализацию крестьянами права на разрешение питейной торговли нашел свое отражение в периодических изданиях эпохи акциза («Вестник Европы», «Русская старина», «Московские ведомости»), кроме того, в статье использовались очерки публициста-народника А. Н. Энгельгардта и источники личного происхождения — воспоминания предпринимателя Н. М. Чукмалдина, мирового судьи В. Н. Назарьева и др. Важные сведения о питейном деле в Богородском уезде Московской губернии были опубликованы непременно членом уездного по питейным делам присутствия П. А. Роспоповым, они использовались при описании взаимодействия крестьянских обществ и виноторговцев.

«Положение о питейном сборе» 1861 года отменило откупной порядок и объявило «дробную», то есть розничную продажу питей предметом вольного промысла. «Питиями» назывались спиртные напитки, в том числе хлебное вино, водка, наливки, настойки, морсы и т.д. Распределение мест и выбор типа продажи (распивочно, на вынос или в комбинации) зависели теперь исключительно от выгод, которые могли получить виноторговцы.

Открытие питейных заведений в сельской местности акцизное законодательство поставило в зависимость от решения сельских обществ, оформленного в виде мирских приговоров. Селения, расположенные на казенных землях, находившихся в ведении Министерства государственных имуществ, утверждали составленные приговоры в Палате государственных имуществ; удельные селения — в Удельной конторе; селения на землях казачьих войск — на станичных сборах. Примечательно, что питейная продажа на землях, отведенных помещиками в пользование крестьян, разрешалась с согласия сельского схода и с разрешения помещика (ст. 243–244)².

Реформаторы полагали, что имевшие место при откупах ограничения в виноторговле порождали пьянство и монополию, тогда как свободный оборот алкоголя, напротив, обеспечит доступность питейных заведений, побудит конкуренцию, улучшит качество крепких напитков, искоренит сложившуюся при откупах привычку напиваться и в конечном итоге сформирует умеренно-равномерный способ потребления.

Но первые результаты действия акцизной системы продемонстрировали серьезные просчеты в составленных планах. Численность питейных заведений резко устремилась вверх. Управляющий винокурренным заводом П. В. Березин так описывал процесс либерализации питей: «Все селения, не только торговые, но и самые глухие, не проезжие, пестрели кабацкими вывесками, все большие дороги — тоже. Открывались кабаки в самых мизерных деревушках. Открывались на всяких дорожных перекрестках. Открывались на речных перевозах, на лесных пристанях. Открывались на мельницах, на рушках, на маслобойнях. Открывались среди господских усадеб. Открывались в самых господских жилых домах. Открывались на мелких речных перекатах, где застревали плывущие суда. Открывались на землях церковнослужителей. Открывались у волостных правлений, у монастырей, у больниц и у кладбищ» (Березин, 1900: 13).

Если в 1859 году алкоголем торговало 77,4 тыс. заведений, то в 1863 году их количество увеличилось до 239,3 тыс. (Кадер, 1897: 51). С ростом числа питейных заведений выросли объемы по-

Н. Е. Горюшкина
Реализация
крестьянами прав
на разрешение
питейной торговли
в «акцизной»
России (1863–
1894 гг.)

2. Высочайше утвержденное Положение о питейном сборе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). Т. 36. Ч. 2. № 37197. С. 66–67.

ребления спиртного. В 1862 году (в последний год откупов) в России было выпито 7,2 млн ведер безводного спирта, в 1863 году (первый год действия акцизной системы) — 14,7 млн ведер. В некоторых губерниях рост объемов потребления превзошел средние показатели по стране: в Тамбовской — на 215%, в Пензенской — на 281% (Катков, 1897а: 450). Вместе с тем увеличилось число пьянствующих, росла преступность, понизилась производительность крестьянских хозяйств, наблюдался рост числа смертей от опоя. По неофициальным данным (официальные отсутствовали), в 1863 году от пьянства погибло 400 тыс. человек, что было равно людским потерям в нескольких генеральных сражениях (Загоскин, 1893: 56).

Возможности акцизных управлений — губернских и окружных — в контроле над оборотом алкоголя были ограниченными. В 1860–1870-х годах в ведении одного помощника надзирателя состояло 3–5 винокурен, 1–3 водочных завода, 2–3 оптовых склада и около 100 мест розничной торговли. В 1880–1890-е годы численность питейных заведений снизилась, но объектов для ревизий акцизными чиновниками меньше не стало, поскольку увеличились площади ревизуемых участков (Горюшкина, 2009: 160).

Сельская крестьянская община рассматривалась правительством как оплот народного спокойствия, трезвости и порядка. Министерство финансов лишь попыталось отрегулировать акцизное законодательство в части участия сельских общин в составлении приговоров о питейной торговле: Законом 2 мая 1864 года были сделаны уточнения в «Устав о питейном сборе» 1863 года³. Так, срок действия разрешительного приговора на заведение с распивочной продажей был ограничен четырьмя годами, если приговор не устанавливал более короткого периода действия. Помимо этого, отменялось требование об утверждении мирских приговоров казенными и удельными крестьянами в вышестоящих инстанциях, хотя крестьяне, «водворенные на помещичьих землях», т.е. бывшие крепостные, по-прежнему должны были утверждать свое решение о кабаке у помещика (ст. 322)⁴.

Закон 18 июня 1868 года установил новую редакцию статей «Устава о питейном сборе». Разрешения, выданные сельскими обществами без указания срока действия, стали считаться выданными только на 1 год (ст. 310). В примечании к статье указывалось, что разрешения на торговлю, которые были составлены с взиманием платы в пользу обществ или частных лиц, считаются недействительными, патенты по таким приговорам не выдаются. Недействительными признавались и те приговоры, которые предоставляли

3. Устав о питейном сборе // Продолжение Свода законов Российской империи, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 года. Ч. II. СПб., 1863. С. 1–92.

4. О порядке открытия продажи питей в городах и селениях, и о воспрепятствии продажи питей в лавках, торгующих другими товарами // ПСЗ-2. Т. 39. Ч. 1. № 40833. С. 398.

питейную продажу одному или нескольким лицам в виде монополии (прим. 3 ст. 310). К этому времени, надо отметить, правительство сочло бывших крепостных крестьян осмотревшимися и повзрослевшими, потому приговоры временнообязанных крестьян тоже освобождались от «визы» помещика (ст. 314)⁵.

Законом 14 мая 1874 года была сделана еще одна поправка в порядок разрешения питейной торговли в черте усадебной оседлости крестьян. Мирские приговоры стали обязательными для виноторговцев, осуществляющих раздробительную продажу питей и распивочно, как это было установлено прежде, и на вынос. Уточнялось, что если в черту усадебной оседлости входили земли какого-либо ведомства или частного лица, то для открытия на них питейной продажи был обязательным общественный приговор и согласие владельца земли⁶.

Закон 1 января 1876 года разъяснял примечание 3 к статье 310 «Устава о питейном сборе», указав еще раз на недопустимость «платного» составления мирских приговоров на продажу крепких напитков и отдачи прав на питейную торговлю одному или нескольким лицам в виде монополии (ст. 2)⁷.

Правки и дополнения в акцизное законодательство выглядели паллиативами, касались они в основном частных дел. Но осторожность была вполне оправданной. С одной стороны, питейная торговля являлась основным источником пополнения государственного бюджета, и любое вмешательство в алкогольную сферу требовало осмотрительности, с другой — нужно было время, чтобы убедиться, что, как ее называли, «кабацкая конституция» действует, что крестьяне осознают свою миссию и готовы участвовать в установлении питейного порядка⁸.

Сходка о кабаках

Право сельских обществ оказалось серьезным испытанием их зрелости и ответственности за сделанный выбор. Крестьяне приняли это право с готовностью, никто не считал его обременением. На сходку, где решался вопрос о кабаке, крестьяне шли с большей охотой, чем на какую-либо другую, к вопросу — быть или не быть кабаку — подходили серьезно. Вопрос этот для крестьян был значимым.

5. Высочайше утвержденная новая редакция статей Устава о питейном сборе // ПСЗ-2. Т. 43. Ч. 1. № 46003. С. 863–865.

6. О порядке разрешения раздробительной продажи крепких напитков в селениях, в черте усадебной оседлости, об ограничении прав евреев на питейную торговлю и об устройстве постоянных дворов в городах // ПСЗ-2. Т. 49. Ч. 1. № 53524. С. 773.

7. Об изменении примечания 1 и разъяснении примечания 3 к статье 310 Устава о питейном сборе // ПСЗ-2. Т. 51. Ч. 1. № 55438. С. 2.

8. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2079.

Кабак в селе был не только питейным заведением, но и банком, биржей, школой, судом. Всякое сельское событие находило отклик в кабаке — свадьба, похороны, проводы в армию, найм на работу, встреча друзей, примирение врагов. Кабак был «специфическим сельским клубом» (Горская, 2023: 32).

Описание сельского питейного дома оставил А. Н. Энгельгардт: «Кабачок помещался в старой, покачнувшейся на бок, маленькой, полусгнившей избушке <...> Все помещение кабачка восемь аршин в длину и столько же в ширину. Большая часть этого пространства занята печью, конуркой хозяев, стойкой, полками, на которых расставлена посуда, бутылки очищенной, бальзама — напитка приятного и полезного — и всякая дрянь. Для посетителей остается пространство 3 аршина длиной и 4 шириной, в которой скамейки около стен и столик. В кабачке грязно, накурено махоркой, холодно, тесно и всегда полно — по пословице “не красна изба углами, а красна пирогами” — и не пирогами, а приветливостью хозяев» (Энгельгардт, 1999: 208–209).

Кабаки располагались в самых людных местах, чтобы нельзя было его ни обойти, ни объехать. За хорошим местом под кабак виноторговцы охотились. «Известное дело, что каждое мало-мальски людное селение зорко, как хорошая добыча, стережется питейными промышленниками, стремящимися во что бы то ни стало расширить свои владения, отбивая добычу у соперников», — свидетельствовал В. Н. Назарьев (Назарьев, 1872: 133).

Законодатели предполагали, что крестьяне в решениях о кабаках будут исходить из того, чтобы число кабаков не превышало действительной в них потребности, чтобы питейная торговля не несла ущерба интересам нравственности, чтобы кабатчиками не стали лица неблагонадежные, допустившие ранее нарушения питейных узаконений, чтобы в питейной торговле не устанавливалась монополия.

Если претендент на кабак был не один, начиналось отчаянное соперничество. Каждый стремился к тому, чтобы вытеснить конкурента и остаться в селении в одиночку. Споры на сходке становились страстными. Особо ценились здесь ораторы, говоруны, краснобаи, заводилы. Их каждый претендент стремился переманить на свою сторону. Шансы кандидата росли, если за него вступались уважаемые в селе крестьяне или сельское начальство. «Буде, ребята, галдеть-то, — говорил обыкновенно кто-то из толпы, — послушаем, что теперь Кузьма Петрович нам скажет» (Русские крестьяне, 2005: 414).

Крики на сходках были обычным явлением, тем более на сходках о кабаках. «Попав на такой сход, человек, незнакомый с местными условиями жизни, будет ошеломлен бездной крика, шума и сумятицы, видимого по внешности беспорядка. Сторонний наблюдатель будет оглушен общим ревом толпы и резкими выкрикиваниями отдельных голосов при обсуждении, — замечал много раз присутство-

вавший на сходках редактор газеты «Киевское слово» Е. И. Игнатъев. — Кажется минутами, что вот-вот разгорающиеся страсти дойдут до предела и начнется общая свалка. Но нет! Мысль, хотя медленно и кропотливо, но работает в голове каждого крикуна. Шум постепенно стихает. Столкуются, и принимается решение почти всегда разумное и взвешенное — и никогда непрактичное» (Игнатъев, 1907: 39).

Находились крестьяне — поборники трезвости. На сходке они выступали против питейных домов, призывали односельчан к трезвости, но поддержки такие инициативы не имели. Большинству крестьян трезвеннические призывы были чужды. К трезвенникам, как правило, относились с недоверием и подозрением, за их спинами шептались, обзывали «помешанными»⁹.

Как только сход приходил к устраивавшему большинство решению, писался приговор — разрешительный или запретительный. Свою подпись ставили все грамотные участники схода, «знак» на бумаге оставляли неграмотные крестьяне, в конце документа расписывался и прилагал печать староста. Под приговором должны были расписаться не менее 2/3 всех имевших право голоса.

Со временем стало очевидным, что решение сельского схода являлось не результатом нравственных установок крестьян, а следствием магарыча водкой и (или) деньгами, полученного от просителя. Невозможно указать точную сумму или объем спиртного, которые получали сельские общества за разрешительный приговор. Много зависело от выгод местности, от числа конкурентов, от общего настроения крестьян. Плата сельским обществам определялась от 100 руб. до 40 тыс. руб. (Лебедев, 1898: 32).

Откупщики и их подручные, благодаря имевшимся у них капиталам и знанию условий виноторговли, забрали себе самые выгодные в отношении виноторговли районы, расположенные по большей части в тех округах, которыми они владели до акцизной реформы. Питейная торговля во многих губерниях монополизировалась. Монополисты не допускали других лиц до питейной торговли, разоряя их в самом начале путем значительного колебания цен и подкупа крестьян. Целые волости и даже уезды благодаря магарычу попадали в руки состоятельных виноторговцев. Сообщения о подкупе крестьянского населения приходили в Министерство финансов из Владимирской, Нижегородской, Ярославской, Костромской, Курской, Тверской, Новгородской и других губерний Европейской России (Аксаков, 1876: 80).

Размеры отступных с годами росли. В 1884 году в Самарской губернии владельцы питейных заведений уплатили за право торговли около 1 млн руб., в то время как патентный сбор едва превышал 382 тыс. руб. В Пермской губернии, при общей сумме поступлений патентного сбо-

9. Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6504. Л. 7.

ра в размере 325 тыс. руб., сумма, направленная сельским обществам, превысила 1 млн руб. Управляющий акцизными сборами Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей определял годовой доход сельских и станичных обществ в 1 млн руб. Он свидетельствовал, что отдельные питейные дома отдавались обществами буквально с торгов, «по повесткам», рассылаемым сельскими и станичными правлениями известным торговцам с назначением места и времени сбора¹⁰.

Если дело не шло, то виноторговец обыкновенно обещал сверх оговоренной платы в пользу общества произвести пожертвования на церковь или школу, оплатить числящуюся за обществом недоимку, ежемесячно поить народ водкой. На особые подношения рассчитывали сельские должностные лица. Выходец из тобольских крестьян Н. М. Чукмалдин горестно свидетельствовал: «Чуть только появлялся кабатчик с несколькими ведрами¹¹ водки для схода и несколькими отдельными подачками мироедам, как все доброе настроение разрушалось, и появлялись кабаки, разорители крестьян» (Чукмалдин, 1902: 145).

На крестьянской земле нельзя было найти питейного дома, который бы не выкупил свое открытие у сельского схода. Селения сдавались с торгов. В книгу доходов полученные от виноторговцев деньги не заносились, потому контролю не подлежали. Большая часть этих денег пропивалась или растрачивалась сельским начальством, а обход закона хранился в тайне как секрет Полишинеля. Поскольку в приговорах ни о полученных деньгах, ни о предоставлении прав на питейный торг одному лицу не упоминалось, то юридических оснований для отказа в выдаче патента акцизные чиновники не имели. «Крестьянские общества, — доносили в Министерство финансов из Воронежской губернии, — под действием “общественных коноводов” давно злоупотребляют представленным им правом по выдаче разрешений на питейную торговлю». Вести из Саратовской губернии были схожими: «Сельские общества дают разрешения по незаявленным условиям». «В ущерб питейного дохода, — приходили жалобы из Симбирской губернии, — крестьяне объявили устные торги на питейные заведения». «Волостные старшины и писаря взимают с виноторговцев плату за дозволение открыть питейное заведение», — докладывали акцизные чиновники из Пензенской губернии¹².

С годами сходки о кабаках становились формальностью. Подписи за односельчан ставило сельское начальство. Крестьяне перестали стесняться магарычей и искали только выгоду в представленном им праве. «Крестьяне одного села дошли даже до того, что решились было уничтожить училище, выстроенное их бывшим по-

10. Отчет Департамента неокладных сборов за 1884 год. СПб., 1885. С. 61, 243.

11. Ведро — мера жидкостей объемом в 12,229 л, считалась эквивалентом 20 бутылок по 0,5 л.

12. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 574. Оп. 2. Д. 144. Л. 1-2, 262; Д. 145. Л. 105 об.

мещиком, и здание оного отдать под помещение питейного заведения, которое они дозволили открыть в своем селе», — писал курскому губернатору анонимный корреспондент¹³.

Получив магарыч, мир считал свое дело законченным, и в занятия виноторговца не вмешивался. Тот же старался оправдать свои расходы — вино разбавлялось водой, сдабривалось перцем, дурманом, бузиной, табаком, продавалось в долг, под заклад вещей, в счет будущего урожая. Крестьяне ко всем беззакониям относились равнодушно (Горюшкина, 2009: 54).

Разумеется, бывали случаи, когда крестьяне составляли и запрительные приговоры. Но запрет на питейную торговлю «постановлялся» не из-за родившейся потребности в трезвом времяпрепровождении, а под давлением начальства или от обиды на кабатчика.

Так, Министерство финансов зафиксировало, что в Казанской губернии стала уменьшаться численность кабаков, но увеличивалось число погребов виноградных вин (в 1872 году — 3; в 1873 году — 13; в 1874 году — 63). При ревизии оказалось, что под видом русского виноградного вина в погребах продавалась подкрашенная водка, а не виноградное вино (Аксаков, 1876: 76).

В 1875 году в Тобольском округе акцизным чиновником Ковалевским было обнаружено два тайных винокурных завода. На допросе крестьяне показали, что корчемная выкурка у них началась с того времени, как исправник и заседатель уговорили прибывших на сходку крестьян составить приговор против питейных заведений. Крестьяне кабаки закрыли, и в волости, насчитывавшей около 30 населенных пунктов, осталось только одно официальное питейное заведение (Аксаков, 1876: 77).

Поставить свободный оборот алкоголя на нравственную почву не получалось. Всякое правительственное распоряжение относительно участия крестьян в выдаче разрешений на питейную торговлю оказывалось на деле или не работающим, или не достигающим цели.

Общественная оценка

Представители консервативных и либеральных взглядов к праву крестьян разрешать или запрещать кабаки отнеслись с редким единодушием. «Пьянство и кабак с его атмосферой и обстановкой — две вещи нераздельные. Размножение кабаков не может не сопровождаться развитием пьянства. Оно всегда относится к нему как причина к следствию, — указывал в передовой статье «Московских ведомостей» за 1865 год их редактор, консерватор М. Н. Катков, — ближайшими способами против пьянства оказываются: 1) ограничение числа распивочных заведений <...>, 2) усиление надзора за питейными заведениями и допущение к участию в нем лю-

13. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 153.

дей, заинтересованных в борьбе с пьянством» (Катков, 1897б: 344). С ним соглашался известный своими либеральными воззрениями публицист А. Н. Аксаков: «С уничтожением откупов и введением новой акцизной системы <...> законодательство предоставило самому обществу, через посредство общественных учреждений, возможность предохранения себя от чрезмерного развития потребления крепких напитков и контролирования благонадежности виноторговцев, которым общество могло разрешить или не разрешить производство питейной торговли» (Аксаков, 1876: 66).

Со временем позиция в обществе изменилась. Росла критика в адрес правительства, оставившего крестьянство один на один с кабачком. Недовольство вызывали действия крестьян, которые продавали за магарыч свои распорядительные права. Благие мысли, что крестьяне, перебивавшиеся изо дня в день с хлеба на воду, благодаря предоставленному в питейных статьях праву вдруг станут поборниками трезвости, оставляли даже оптимистов. Общественное мнение при всех его различиях и оттенках стало требовать пересмотреть действовавшие правила в смысле более решительной интервенции в жизнь крестьянства, защитить крестьян от кабака.

Опека, просвещенная, благожелательная, сочувственная, виделась острой необходимостью. Профессор В. А. Лебедев так описывал переломный момент: «Все более и более чувствовалась надобность в ограничительных мерах; укоренялось сознание, что нельзя полагаться на благоразумие темной, все еще непросвещенной массы населения, ищущей в вине развлечения, утехи и отрады» (Лебедев, 1898: 34).

В 1876 году верховная власть, избегавшая радикальных шагов в отношении питей, инициировала, наконец, работу Особой комиссии (первой). Примирить фискальный интерес с борьбой против народного пьянства было нелегко: разработанный проект оказался «непроходным». В 1881 году «изыскать меры к урегулированию питейной торговли» взялась вторая Особая комиссия. Выработанные ею заключения были направлены в Совещание сведущих людей, а оттуда — в Государственный совет, который, в свою очередь, счел разумным обсудить питейный вопрос во всех уездах, губерниях и областях России.

Обсуждения на местах оказались жаркими, а представленные в Государственный совет предложения — противоречивыми. Предлагались: казенная продажа питей, неограниченная свобода алкоголя, установление предельного минимума питейных заведений, продажа только на вынос в запечатанной посуде, учреждение мирских питейных заведений и т.д. Последние должны были содержаться крестьянскими обществами на «артельных» началах. Приверженцы этой идеи доказывали, что сельский мир станет следить за трезвостью крестьян, не допустит тайной продажи питей, будет приобретать алкоголь только за наличные деньги, а не в залог, в долг, в счет будущего урожая, платья и других вещей. Доходы же станут поступать в мирской капитал для оплаты недоимок, податей, общественных работ (Катков, 1897а: 437). Были и совсем курь-

езные предложения — произвести книжки в 365 листов (по числу дней в году) и продавать их в казначействах потребителям вина, а виноторговцев обязать отпускать штоф¹⁴ вина в день по предъявлению листка. В год выходило — 36,5 ведер на человека (Лебедев, 1898: 35). Пожелания, чтобы крестьяне в полный голос диктовали условия кабатчикам, не высказывались. Напротив, звучали предложения защитить крестьян от целовальников, «кулаков» и «жидов».

Новый питейный порядок

На основе поступивших предложений был выработан Закон 14 мая 1885 года, представлявший новые правила питейной торговли, которые вступали в силу 1 января 1886 года¹⁵.

Кабак как «сеятель зла» подлежал уничтожению. Распивочно и на вынос отпускать алкоголь могли только постоянные дворы, корчмы, пивные лавки, временные выставки, станционные дома, буфеты и трактиры (ст. 2); только на вынос — винные и ведерные лавки, ренсковые погреба, погреба русских виноградных вин (ст. 3). Открытие заведений для раздробительной торговли «вне городских поселений» было поставлено в зависимость от решения уездных по питейным делам присутствий, сформированных из председателя (или члена земской управы), непрямого члена уездного по крестьянским делам присутствия, мирового судьи (или члена окружного суда), уездного исправника (или его помощника) и акцизного чиновника. Во главе уездного по питейным делам присутствия вставал уездный предводитель дворянства (ст. 4, 5). Рассмотрением заявляемых на постановления уездных присутствий жалоб и утверждением их постановлений предстояло заняться губернским присутствием. Их образовывали вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, прокурор (или его товарищ), управляющий казенной палатой, управляющий акцизными сборами, председатель (или член) губернской земской управы, городской голова (или член городской управы). Руководство губернскими по питейным делам присутствиями было поручено губернаторам (ст. 6, 7).

Новые правила запрещали владельцам земли взимать плату за согласие на питейную торговлю на их землях и разрешать торговлю только одному или нескольким лицам, в виде монополии. Сделки такого рода признавались недействительными (ст. 28).

Разрешения на открытие заведений для раздробительной питейной торговли, полученные от питейных присутствий, стали *бессрочными* (ст. 63). Данный факт подтверждал широту полномочий присутствий по питейным делам в деле открытия питейных заведений. Однако права присутствий по запрету торговли питиями оказались

14. Штоф — емкость, равная по объему 1,23 л.

15. Высочайше утвержденные Правила о раздробительной продаже напитков // ПСЗ-3. Т. 5. № 2946.

весьма ограниченными. Запретительные права были прописаны весьма условно. Получалось, что присутствия не могли запретить продажу питей (распивочно) в селениях базарных, торговых, промышленных и фабричных, а также в селениях, что располагались при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов больших рек, на проезжих трактах и других местах со значительным скоплением людей (ст. 54). В том случае, если сельское общество составило единогласный приговор с ходатайством о запрещении питейного заведения в черте их усадебной оседлости, то уездное присутствие было вправе «не уважить» ходатайство, если в селении числилось более 500 душ обоего пола (ст. 61), и могло отказать в удовлетворении ходатайства, если прошение не вызвано стремлением противодействовать развитию пьянства. Оговорка эта не имела четких границ и открывала широкий простор для произвольных действий. В тех же случаях, когда приговор с ходатайством о запрещении питейного заведения направлялся сельскими обществами крупных селений или селений, где имелись фабрика, базар, железная дорога или где проживало более 5 тыс. душ обоего пола, присутствие вообще, не объясняя причин, были обязаны отказать в просьбе о запрете торговли алкоголем. Общества таких селений были лишены любых прав на запрет питейных заведений.

Типичная ситуация была описана в «Казанском биржевом листке» и перепечатана в «Московских ведомостях», которые жестко критиковали новые правила. В деревне Ныртах, говорилось в статье, действовал металлургический завод, и до вступления в силу Закона 14 мая 1885 года в деревне действовал один кабаk. Теперь же уездное питейное присутствие разрешило открыть в деревне трактир, ренсковый погреб, 2 ведерные лавки и 5 винных лавок, поскольку селение относилось к категории «фабричных».

В законе отсутствовали и действенные рычаги для противодействия монополии. Захват алкогольного рынка крупными торговцами шел повсеместно. «Харьковские ведомости» информировали, а «Московские ведомости» перепечатали сообщение о том, что с будущего (1886) года в Белгородском уезде из 154 питейных заведений в селах и деревнях 56, то есть более трети, сданы водочному заводчику Муромцеву (Катков, 1898в: 600-601).

Обращала на себя внимание та статья новых правил, по которой владельцы усадеб, чьи земли соседствовали с землями сельских обществ, освобождались от обязанности просить дозволения сельских сходов (ст. 27). Таким образом, две статьи (54 и 27) изъяли у крестьян все рычаги для борьбы с питейными заведениями. «Деревня, — негодовал по этому поводу М. Н. Катков, — с ногами и головой отдана на жертву бесконтрольному кабачному произволу». Данные статьи не только не противодействовали пьянству, но и сковывали всякую инициативу «охранительных элементов», стремившихся противодействовать алкогольному злу (Катков, 1897в: 575).

Правительство полагало, что под действием новых правил с 1 января 1886 года закроется более 80 тыс. питейных домов, «служивших

наибольшим соблазном для населения и нередко делавшихся притоном разврата, порока и преступлений». Кабатчики и впрямь впали в уныние. Но горевали они недолго. Организация кухоньки и установка двух-трех стульев превращала кабаки в трактиры и в «личине» трактира кабаки продолжали действовать. Не остались в убытке ведерные и винные лавки, которым полагалось торговать на вынос, но бывало, что они отпускали вино «стаканами», выставив на пороге сто-рожа или переправив бочку в избу поблизости (Лебедев, 1898: 46).

Сельские общества к новым правилам отнеслись негативно, потому что их мнение относительно целесообразности открытия питейных заведений было оставлено без внимания, потому что они лишились магарыча, ставшего для них привычным.

Исправил ситуацию в некоторой мере Закон 9 декабря 1885 года, дополнивший новые правила важным пунктом: селениям, не исключая тех, что были перечислены в ст. 54, где питейная продажа ко времени издания правил не производилась, давалось право просить о безусловном воспрещении продажи питей. Отказаться в удовлетворении таких ходатайств питейные присутствия не имели права¹⁶.

Поправка удовлетворила сельские общества частично, ведь селения, не успевшие избавиться от питейной торговли до 1885 года, по-прежнему были лишены права ходатайствовать об избавлении от мест продажи алкоголя.

Либеральная пресса негодовала, указывая на двойственность правительственных попыток увеличить поступления питей и сдерживать распространение пьянства. Консерваторы обращали внимание на недостаток «экзекуционных прав» у присутствий, которые, по сути, не могли закрыть ни одно питейное заведение без ходатайств сельских обществ. Критику вызывал их состав и регламент работы. Члены присутствий совершенно не располагали временем для занятий питейным вопросом. Уездный предводитель дворянства «председательствовал» в разных уездных учреждениях. Непременный член по крестьянским делам, один на целый уезд, едва справлялся с делами крестьянского самоуправления. Мировой судья завален судебными делами своего участка. Уездного исправника обременяли полицейские дела. Председатель управы с трудом справлялся с прямыми обязанностями (Родионов, 1886: 308). Самым исполнительным членом оказался акцизный чиновник, но он смотрел на питейные заведения как представитель финансового министерства, озабоченный доходами казны, а не как борец за народную нравственность (Бородин, 1910: 74-75).

Министр финансов 28 сентября 1885 года выпустил циркуляр, который позволил присутствиям самостоятельно запрещать питейную продажу в целях борьбы с пьянством. Но и данный циркуляр

16. О предоставлении всем вообще селениям, где не производилось питейной продажи в последнее время, права отказываться от такой продажи и на будущее время // ПСЗ-3. Т. 5. № 3366. С. 499.

был сух в разъяснениях и оставил место для самостоятельности. То, что для одних присутствий считали нормой, для других — поводом к закрытию питейной торговли.

Картина с запрещенными к открытию питейными заведениями в сельской местности на 1886 год выглядела следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Численность запрещенных к открытию питейных заведений в 1886 году, шт.

Губернии	Число селений, где питейные заведения запрещены сельскими обществами и частными лицами	Число селений, где питейные заведения запрещены присутствиями	Число селений, оставшихся без питейной торговли	Число приговоров сельских обществ и частных лиц, которые присутствия не утвердили	Число питейных заведений, разрешенных к содержанию сельскими обществами
Московская	2635	–	2635	382	11
Калужская	223	451	674	53	16
Олонецкая	228	29	257	75	3
Пензенская	144	403	547	102	86
Рязанская	906	713	1617	115	8
Смоленская	1041	34	1075	98	43
Тамбовская	493	950	1443	171	33
Тверская	1030	732	1762	273	10
Тульская	1163	–	1163	326	6
Ярославская	501	102	603	243	10
Вятская	2349	2369	4718	670	7
Курская	380	210	590	247	50
С.-Петербургская	368	57	425	219	10
Нижегородская	791	17	808	128	16
Астраханская	25	–	25	27	39
Владимирская	320	17	337	176	11
Воронежская	119	452	571	383	10
Казанская	929	730	1659	144	10
Костромская	113	–	113	20	11
Орловская	948	120	1068	364	40
Саратовская	721	251	972	207	203
Уфимская	486	68	554	142	42

Как следует из приведенной таблицы, наибольшее число селений, где питейные заведения были запрещены сельскими обществами и частными лицами (2635), располагалось в Московской губернии, по питейным делам присутствия ни одного запрета на питейные заведения в данной губернии не ввели. Схожей была ситуация в Тульской (1163), Астраханской (25), Костромской (113) губерниях. Малое число селений осталось без питейной торговли по решению питейных присутствий в Уфимской (68), Владимирской (17), Санкт-Петербургской (57), Ярославской (102), Смоленской (34), Олонецкой (29) губерниях. В Тамбовской губернии большая часть селений (950) лишилась мест продажи питей по решению питейных присутствий, а меньшая часть (493) — по решению сельских сходов. Выдающейся по числу запретов выглядит ситуация в Калужской, Воронежской, Казанской губерниях, в первой — присутствия закрыли 674, во второй — 452, в третьей — 730 магазинов. Но выделилась на общем фоне Вятская губерния, где 2349 питейных заведений прекратили отпуск питей по решению сельских обществ и частных лиц, а еще 2369 питейных заведений были запрещены присутствиями (Сведения, 1885: 1023).

Тайная продажа питей и питейная монополия

Сокращение числа официальных питейных заведений не привело крестьян к трезвости. Множились места тайной продажи питей — шинки. Шинкари без патента отпускали спиртное не только за деньги, но и в долг, в счет будущего урожая, под заклад платья, посуды, в обмен на хлеб, другие сельские произведения или отработки.

Борьба против шинков представляла проблему. «На большой дороге или посередине села стоит хата, и в ней продается водка, — описывал ее суть помощник надзирателя Витебского акцизного управления С. А. Кадер. — Двери, конечно, затворены <...> Проезжает мимо честный, благонамеренный полицейский чиновник, или же молодой, увлекающийся еще акцизный чиновник, у которого, кстати, имеется досуг и он даже знает, наверно, что в такой-то хате — негласный кабак <...> Его или не впускают, пока не уложен бочонок, или даже впускают немедленно: “Мы, — говорят мужички, — зашли к Мошке погреться, до дому далеко!”» (Кадер, 1897: 56).

Крестьяне охотно посещали места тайной продажи и помощи администрации в их обнаружении не оказывали по причине нелюбви к свидетельству в суде, боязни мести со стороны шинкаря или опасения «красного петуха» от односельчан (Родионов, 1886: 313).

Вместе с тайной продажей питей росла монополия в сфере оборота алкоголя. В качестве примера приведем данные за 1886 год по Вятской губернии, согласно которым у 1174 из 1653 питейных

заведений губернии был только 41 хозяин. На одного виноторговца приходилось в среднем 29 питейных заведений, а известный купец первой гильдии И. В. Александров владел 235 магазинами и 3 винокуренными заводами¹⁷.

Пьяные деньги — на доброе дело

Новые перемены в ход питейных дел внес Закон 5 мая 1892 года¹⁸. Питейная продажа на землях сельских обывателей снова стала осуществляться по мирским приговорам сельских обществ (п. 5). Но не попала под контроль сельских обществ торговля в трактирах, постоянных дворах, корчмах в базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, на станциях, пристанях, проезжих трактах и других местах значительного скопления людей. Приговоры сельских обществ выдавались на 3 года, а согласие, объявленное без обозначения срока, считалось действительным 1 год (ст. 18). Ограничение сроков действия приговоров объяснялось необходимостью учета динамики численности питейных заведений и переменчивостью разрядов питейных заведений, расположенных вне городских поселений в отношении размеров патентного сбора. На уездные питейные присутствия были возложены обязанности по наблюдению, чтобы число питейных заведений не превышало в каждой местности действительной в них потребности; чтобы к питейной торговле не допускались лица неблагонадежные; чтобы стеснения в торговле алкоголем не порождали корчемства, чтобы в раздробительной торговле питьями не устанавливалось монополии (ст. 4). Сельским обществам было разрешено брать деньги за выданное согласие, только полученные от виноторговцев суммы должны были поступить в мирские доходы и тратиться их в уплату недоимок, если таковые были (ст. 24).

Сельский сход стал все больше напоминать рыночный торг. Мир указывал цену — претендент просил скидку. Мир сбавлял — претендент накидывал. Суммы, взимаемые сельскими обществами за разрешительный приговор, выросли. Но сельские власти стали прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы обойти закон и скрыть, сколько было получено денег. Нередко размер «взноса» знали только виноторговец и староста. Большая часть денег по-прежнему пропивалась, меньшая — поступала на приход в мирскую кассу (Роль и значение, 1901: 6).

Число запретительных приговоров после вступления в силу Закона 5 мая 1892 года снизилось. К примеру, в Богородском уез-

17. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 55. Л. 109.

18. О некоторых изменениях в правилах о питейной торговле // ПСЗ-3. Т. 12. № 8576. С. 329–332.

де Московской губернии в первое трехлетие после новых правил (1886–1889) действовали 112 запретительных приговоров, во второе (1889–1892) — 302. Когда вступил в силу указанный закон, было составлено только 84 запрета (Роспопов, 1898: 7).

В руках сельских обществ большинство приговоров служило разным целям, но не нравственным. Доказательством этому было прекращение открытой питейной торговли и развитие корчемства. Нередко действительное желание сельских обществ не принималось в расчет, особенно со вступлением в силу Закона 12 июля 1889 года, поставившего сельские общества под контроль земских начальников¹⁹.

Иначе обстояли дела в местностях, где запретительные приговоры были связаны с религиозными движениями (раскол, молоканство, духоборство, баптизм и др.), а воздержание от алкоголя являлось одним из принципов религиозно-этической морали, составляло часть культа. В подтверждение сказанного приведем данные о запретах, составленных крестьянскими обществами четырех восточных губерний, где казенная винная операция была проведена в первую очередь (табл. 2).

Таблица 2. Численность запретительных приговоров в восточных губерниях России (1891–1894 годы)

Губернии	Приговоры, не утвержденные питейными присутствиями	Приговоры, утвержденные питейными присутствиями	Причины, вызвавшие составление утвержденных питейными присутствиями приговоров
Пермская	Не было		
Самарская			
Уфимская	44	20	Религиозно-нравственные мотивы: большинство крестьян были последователями раскола
Оренбургская	163	252	

Как видим, в Пермской и Самарской губерниях запретительные приговоры, составленные на религиозной основе, не были зафиксированы. В Уфимской и Оренбургской губерниях 44 и 163 приговора соответственно были оставлены питейными присутствиями без утверждения как не имевшие трезвеннических целей. В то же время в Уфимской губернии были поддержаны 20 запретительных приговоров, а в Оренбургской — 252 запрета. В данном случае присутствия посчитали, что приговоры эти не являлись следствием корысти и желания погулять за чужой счет, а выражали дей-

19. Положение о Земских Участковых Начальниках // ПСЗ-3. Т. 9. № 6196. С. 508–536.

ствительное стремление крестьян не употреблять спиртное (Роль и значение, 1901: 9).

Министерство финансов, которое в 1892 году возглавил С. Ю. Витте, признало несовершенство контроля над питейной продажей со стороны сельских обществ и окончательно склонилось к необходимости коренного преобразования в отношении питей. 6 июня 1894 года получило высочайшее утверждение «Положение о казенной продаже питей»²⁰.

Правительственный шаг объяснялся необходимостью защитить крестьян от кабатчика, который в условиях свободного оборота алкоголя безостановочно развращал сельское начальство и народ в целом.

Заключение

Главный документ акцизной реформы — «Положение о питейном сборе» — был высочайше утвержден 4 июля 1861 года. Он поставил открытие питейных заведений на землях, принадлежавших сельским обществам, в зависимость от решения сельского схода. Правительство попыталось опереться на нравственные устои крестьян, которые решали, быть или не быть питейному заведению на их земле. Самым распространенным типом питейного заведения в сельской местности в акцизное время был кабак. Представленное право крестьяне приняли с воодушевлением. Сходка о кабаке была тем редким случаем, когда не крестьяне обращались с просьбой к кабатчику, а он шел к ним с магарычом. Кабатчики, желая получить разрешительный приговор, использовали самые разнообразные способы, чтобы склонить сельское общество на свою сторону. Они договаривались с сельским начальством, предлагали крестьянам алкоголь и деньги, обещали уплатить имевшиеся недоимки, направить средства на строительство школы, церкви, больницы и т.д. При наличии нескольких претендентов на питейное заведение обсуждение затягивалось. Решение считалось принятым, если за претендента голосовало подавляющее большинство крестьян. Однако надежда реформаторов на превращение крестьян в защитников нравственности и блюстителей интересов казны не оправдала себя. Приговоры крестьян в отношении питейной торговли в большинстве случаев не имели трезвеннических основ. Не борьба с пьянством, а размеры магарыча определяли результат схода. Слабые регуляционные возможности сельских обществ, легкость, с которой покупались голова крестьян, всеислие сельского начальства вынудили правительство передать общественный контроль над оборотом алкоголя в крупных селениях присутствиям по питейным делам — губернским и уездным. Сельские общества недружелюбно отнеслись к Закону 14 мая 1885 года, ограничившему их права в отношении питей и лишивше-

20. Положение о казенной продаже питей // ПСЗ-3. Т. 14. № 10766. С. 404–410.

му магарыча. Противодействие ему выразилось в росте числа запретительных приговоров на питейную торговлю и появлении тайных шинков. Законом 5 мая 1892 года сельским обществам было позволено брать деньги за разрешительный приговор и тратить их на нужды сельской общины, но большая часть средств тратилась втемную. Питейные присутствия, ввиду занятости их членов, в деле регулирования оборота алкоголя оказались малоэффективными. Несовершенство питейной продажи, пьянства народа явилось одним из оснований для отказа от акциза в пользу казенной винной монополии.

Библиография

- Аксаков А. Н. (1876). Питейное дело и кабацкий вопрос в России // Вестник Европы. Т. 4. Кн. 7. Июль. Ч. 1. С. 65–94.
- Березин П. В. (1900). На службе злему делу (Хроника из жизни на винокурных заводах). М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и К.
- Берестова Е. М., Субботина А. М. (2022). Российский крестьянин между трактиром и чайной: питейные заведения и борьба с ними в 1880–1900-е гг. // Вопросы истории. № 12-3. С. 60–69.
- Богданов С. В. (2008). Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х — начале 1890-х годов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 2. С. 56–73.
- Бородин Д. Н. (1910). Кабак и его прошлое. СПб.: Санкт-Петербургская коммерческая типография Виленчик.
- Внутреннее обозрение (1886) // Вестник Европы. Т. 2. № 4. Апрель. С. 824–845.
- Вронский О. Г. (2012). Роль схода в системе крестьянского общинного управления пореформенной эпохи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1 (45). С. 58–62.
- Горская Н. И. (2023). Кабак как публичное пространство крестьянского мира в период акцизной торговли в России (1860–1890-е годы) // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 21–35.
- Горюшкина Н. Е. (2009). История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии). Курск: КГТУ.
- Горюшкина Н. Е. (2022). Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Т. 12. № 2. С. 124–134.
- Загоскин Н. П. (1893). Пьянство и борьба с ним в старинной России (Исторические очерки) // Русское богатство. № 4. С. 14–58.
- Игнатьев Е. И. (1907). Похвала пьянству и письма о нем деревенских людей. СПб.: Электротпечатня Я. Левенштейн.
- Кадер С. А. (1897). Винная регалия и монополия система. Историко-экономический очерк. Витебск: Губернская типография.
- Катков М. Н. (1897а). Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1881 год. М.: С. П. Каткова.
- Катков М. Н. (1897б). Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1865 год. М.: С. П. Каткова.
- Катков М. Н. (1897в). Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1885 год. М.: С. П. Каткова.
- Кравцова Е. С. (2012). Роль сельского самоуправления в фискальной сфере в России на рубеже XIX–XX столетий // Экономическая история. № 1 (16). С. 64–70.

- Лебедев В. А.* (1898). Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената.
- Назарьев В. Н.* (1872). Современная глушь: из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. Т. 2. Кн. 3. Март. С. 131–181.
- Прасолов Д. Н.* (2019). Сельские сходы в местном самоуправлении кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX в. // История науки и техники. № 7. С. 47–53.
- Родионов Ю. Д.* (1886). Новые правила о торговле пиятиями и их применение // Русский вестник. Т. 185. № 9. С. 303–323.
- Роль и значение (1901) запретительных мирских приговоров до и после введения казенной продажи питей. [Санкт-Петербург]: Типография Министерства финансов.
- Росполов П. А.* (1898). Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии. М.: Московское губернское земство.
- Русские крестьяне (2005). Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая типография.
- Сведения (1885) о ходе дел, Высочайше утвержденных 14 мая сего года правил о раздротительной продаже напитков // Вестник Финансов, Промышленности и Торговли. № 51. С. 1023–1024.
- Старосек А. К.* (2019). Роль сельских сходов в обеспечении участия местных сообществ в управлении на местах // Вестник Забайкальского государственного университета. Т. 25. № 2. С. 105–113.
- Чукмалдин Н. М.* (1902). Записки о моей жизни. М.: Типолиитография А. В. Васильева и К°.
- Энгельгардт А. Н.* (1999). Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука.

Peasants' exercise of the rights to alcohol trade in excise Russia (1863–1894)

Natalya E. Goryushkina, DSc (History), Head of the Department of History and Social-Cultural Services, Southwestern State University, 50 years of October St., 94, 305040, Kursk, Russia. E-mail: goro46@yandex.ru

Abstract. The author considers the peasants' rights to open or close pubs under the excise system in Russia. Such an analysis is important for understanding the communal legal consciousness, peasant perception of the alcohol trade and consumption, external and internal factors of peasant behavior at communal gatherings, and the government reasons for refusing free alcohol trade in the 1890s. Rural peasant community was considered by the government as a stronghold of national stability, sobriety and order; therefore, it was given the right to authorize or prohibit the sale of alcohol in villages. In fact, moral principles did not prevail in the communal perception of alcohol trade. Most decisions of peasant gatherings had no moral basis, and a permission to open a pub was usually based on the wine merchant's bribe. Despite legislative prohibitions, peasant gatherings accepted backsheesh in alcohol, money or their combination. In the excise period, the number of pubs remained high, there was a monopolization trend, and drunkenness was a serious social problem. The author argues that all attempts to make peasants guardians of the state interest in alcohol trade were unsuccessful. The ease with which peasant votes were bought, omnipotence of rural authorities, and peasant dependence on the wine merchant forced the government to involve provincial and district authorities in the public control of alcohol trade. However, the result did not meet expectations; thereby, the government banned free alcohol trade and introduced wine monopoly.

Key words: peasants, excise reform, (free) alcohol trade, pub, peasant gathering and its decisions, sobriety

- Aksakov A. N. (1876) Piteinoe delo i kabatsky vopros v Rossii [Alcohol trade and the pub question in Russia]. *Vestnik Evropy*, vol. 4, no 7, part 1, pp. 65–94.
- Berestova E. M., Subbotina A. M. (2022) Rossiisky krestiyanin mezhdru traktirom i chainoi: piteinye zavedeniya i borba s nimi v 1880-e — 1900-e gg. [Russian peasant between pub and tea house: Alcohol trade and fight against it the 1880s — 1900s.]. *Voprosy Istorii*, no 12–3, pp. 60–69.
- Berezin P. V. (1900) *Na sluzhbe zlomu delu (Khronika iz zhizni na vinokurenykh zavodakh)* [In the Service of Evil (Chronicle of life at Distilleries)], Moscow: Tipolitografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o.
- Bogdanov S. V. (2008) Gosudarstvo v borbe za trezvoe obshchestvo v nachale 1880-h — nachale 1890-h godov [The state struggle for the sober society in the early 1880s — early 1890s]. *Vestnik TvGU. Seriya: Istoriya*, no 2, pp. 56–73.
- Borodin D. N. (1910) *Kabak i ego proshloe* [Pub and its Past], Saint Petersburg: Sankt-Petersburgskaya kommercheskaya tipolitografiya Vilenchik.
- Chukmaldin N. M. (1902) *Zapiski o moei zhizni* [Notes about My Life], Moscow: Tipolitografiya A. V. Vasilieva i K^o.
- Engelgardt A. N. (1999) *Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887* [From the Village. 12 Letters. 1872–1887], Saint Petersburg: Nauka.
- Gorskaya N. I. (2023) Kabak kak publichnoe prostranstvo krestyanskogo mira v period aktiznoy trgovli v Rossii (1860-e — 1890-e gody) [Pub as a public space of the peasant world under the excise trade in Russia (1860s — 1890s)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 2, pp. 21–35.
- Goryushkina N. E. (2009) *Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya svobodnogo oborota alkogolya v poreformennoj Rossii (po materialam Kurskoj gubernii)* [History of the State Regulation of Free Alcohol Trade in Post-Reform Russia (based on the materials of the Kursk Province)], Kursk: KGTU.
- Goryushkina N. E. (2022) Mesto selskogo skhoda v regulirovanii piteinoi trgovli posle vinnoi reformy 1863 goda [The role of rural gathering in the regulation of alcohol trade after the wine reform of 1863]. *Izvestiya YuZGU. Seriya: Istoriya i Pravo*, vol. 12, no 2, pp. 124–134.
- Ignatiev E. I. (1907) *Pokhvala piyanstvu i pisma o nem derevenskih lyudei* [Praise of Drunkenness and Peasants' Letters about It], Saint Petersburg: Elektropechatnya Ya. Levenshteina.
- Kader S. A. (1897) *Vinnaya regaliya i monopolnaya sistema. Istoriko-ekonomichesky ocherk* [Wine Regalia and Monopoly System. A Historical-Economic Essay], Vitebsk: Gubernskaya tipolitografiya.
- Katkov M. N. (1897a) *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei za 1881 god* [Collection of the Moscow Gazette Editorials for 1865], Moscow: S. P. Katkova.
- Katkov M. N. (1897b) *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei za 1865 god* [Collection of the Moscow Gazette Editorials for 1881], Moscow: S. P. Katkova.
- Katkov M. N. (1897v) *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei za 1885 god* [Collection of the Moscow Gazette Editorials for 1881], Moscow: S. P. Katkova.
- Kravtsova E. S. (2012) Rol selskogo samoupravleniya v fiskalnoi sfere v Rossii na rubezhe XIX — XX stoletiy [The role of rural self-government in Russia's fiscal system at the turn of the 19th — 20th centuries]. *Ekonomicheskaya Istoriya*, no 1, pp. 64–70.
- Lebedev V. A. (1898) *Piteinoe delo* [Alcohol Trade], Saint Petersburg: Tip. Pravitelstvuyushchego Senata.
- Nazariev V. N. (1872) *Sovremennaya glush iz vospominaniy mirovogo sud'i* [Contemporary hinterland in the memoirs of the justice of the peace]. *Vestnik Evropy*, vol. 2, no 3, pp. 131–181.
- Prasolov D. N. (2019) Selskie skhody v mestnom samoupravlenii kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv. [Peasant gatherings in the local self-government

Н. Е. Горюшкина
Реализация
крестьянами прав
на разрешение
питейной торговли
в «акцизной»
России (1863–
1894 гг.)

- of Kabardians and Balkars in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Istoriya Nauki i Tekhniki*, no 7, pp. 47–53.
- Rodionov Yu.D. (1886) Novye pravila o torgovle pitiyami i ih primenenie [New rules of alcohol trade and their application]. *Russky Vestnik*, vol. 185, no 9, pp. 303–323.
- Rol i znachenie zapretitelnykh mirskih prigovorov do i posle vvedeniya kazennoj prodazhi pitej (1901)* [The Role and Meaning of the Peasant Gatherings' Prohibitions Before and After the State Alcohol Monopoly Was Introduced], Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva finansov.
- Rospopov P.A. (1898) *Dannye o polozenii piteinogo dela v Bogorodskom uезде Moskovskoy gubernii* [Data on the Alcohol Trade in the Bogorodsky Uyezd of the Moscow Province], Moscow: Moskovskoe gubernskoe zemstvo.
- Russkie krestiyane* (2005). Zhizn. Byt. Nravyy: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazya V. N. Tenisheva [Russian Peasants. Life. Everyday Practices. Morals: Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 3: Kaluzhskaya guberniya, Saint Petersburg: Delovaya tipografiya.
- Starosek A. K. (2019) Rol selskikh skhodov v obespechenii uchastiya mestnykh soobshchestv v upravlenii na mestah [The role of peasant gatherings in ensuring the participation of local communities in local governance]. *Vestnik ZabGU*, vol. 25, no 2, pp. 105–113.
- Svedeniya o khode del po primeneniyu Vysochaishe utverzhdennykh 14 maya sego goda pravil o razdrobitelnoi prodazhe napitkov (1885) [Data on the application of rules for separate alcohol trade as approved by the Tsar on May 14, this year]. *Vestnik Finansov, Promyshlennosti i Torgovli*, no 51, pp. 1023–1024.
- Vnutrennee obozrenie (1886) [Internal review]. *Vestnik Evropy*, vol. 2, no 4, pp. 824–845.
- Vronsky O. G. (2012) Rol skhoda v sisteme krestiyanskogo obshchinnogo upravleniya poreformennoy epokhi (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [The role of gathering in the peasant communal management of the post-reform era (the second half of the 19th — early 20th centuries)]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki*, no 1, pp. 58–62.
- Zagoskin N. P. (1893) Piyanstvo i borba s nim v starinnoy Rossii (istoricheskie ocherki) [Drunkenness and the fight against it in ancient Russia (historical essays)]. *Russkoe Bogatstvo*, no 4, pp. 14–58.

«Революционный мятеж» черносотенного крестьянства: о волнениях в Подолии в 1914 году¹

А. А. Иванов, А. А. Чемакин

Андрей Александрович Иванов, доктор исторических наук, доцент, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Антон Александрович Чемакин, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена крестьянским волнениям, охватившим несколько сел Подольской губернии весной 1914 года. Особенность сложившейся ситуации заключалась в том, что «смутьянами» оказались крестьяне-монархисты, находившиеся под влиянием черносотенного Почаевского Союза русского народа, во главе которого стоял архимандрит Виталий (Максименко). То обстоятельство, что крестьянская забастовка, выступления против земства и другие «революционные» проявления были результатом агитации правых, а не левых сил, вызвало особое внимание местных и центральных властей к данным эксцессам. На документах российских и украинских архивов, а также материалах дореволюционной периодической печати в статье подробно реконструируются крестьянские волнения в Подолии, их причины и последствия. Показана реакция на эти эксцессы спецслужб, губернской и правительственной власти, их отношение к пробуждению крестьянской политической активности. Доказывается, что данный сюжет, несмотря на частный характер, является яркой иллюстрацией к истории непростых взаимоотношений властей с черносотенцами, а также позволяет раскрыть специфику взглядов и настроений крестьян Правобережной Украины, массово записывавшихся в начале XX века в Союз русского народа. Рассмотренный в статье эпизод из истории крестьянского движения в Подольской губернии также во многом позволяет понять, почему в годы Революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны бывшие крестьяне-черносотенцы стали массово примыкать к леворадикальным политическим движениям и вступать в украинские повстанческие отряды.

Ключевые слова: Российская империя, крестьянские волнения, Правобережная Украина, Подолия, Почаевский Союз русского народа, черносотенцы, Виталий (Максименко)

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-61-78

-
1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00071 «Между национальным и социальным радикализмом: крестьянство Правобережной Украины в 1905–1922 гг.» <https://rscf.ru/project/23-28-00071/>

ИСТОРИЯ

Патриархально настроенное крестьянство составляло в 1905–1917 годах основную массу рядовых членов черносотенных союзов. Наиболее активно оно пополняло ряды правых партий там, где интересы русских (включая белорусских и малороссийских) крестьян вступали в конфликт с польскими помещиками, немецкими колонистами и еврейским населением. В этом плане наиболее показателен пример Правобережной Украины, где при активном участии православного духовенства крестьяне записывались в отделы Союза русского народа (СРН) целыми селами, надеясь получить от монархического союза поддержку в решении наболевших проблем, среди которых особое место занимал аграрный вопрос. Центром черносотенства в этом регионе являлась расположенная на Волыни Почаевская лавра, при активном участии которой в ходе Революции 1905 года возник самый многочисленный в Российской империи отдел СРН, превратившийся в 1909 году в самостоятельную организацию — Почаевский Союз русского народа, количество отделов которого превышало тысячу, а общая численность была более 100 тыс. человек (Омельянчук, 2000: 36–38). Отметим также, что деятельность Почаевского СРН вышла далеко за пределы Волынской губернии. «С 15 августа 1906 г., — отмечало “Новое время”, — образовался здесь отдел Союза русского народа, и дело пошло так быстро, что к 26 мая членов союза (только домохозяев) уже налицо было 127 400 человек, а отделения союза находятся в 1487 селениях, главным образом Волынской, а также Киевской и Подольской губерний»². Активную работу по вовлечению крестьян в ряды СРН проводил талантливый и энергичный проповедник архимандрит Виталий (Максименко), ставший председателем Почаевского СРН. На первых порах (до 1908 года) ему в этом деле помогал скандально известный иеромонах Илиодор (Труфанов). Покровительствовал союзу правящий архиерей Антоний (Храповицкий), что обеспечивало широкое участие местного православного духовенства в организации крестьянских отделов и подотделов на местах. Как отмечал советский историк А. Я. Аврех, архимандрит Виталий стал «кумиром и вождем черносотенцев», занимаясь «одурманиванием» крестьянских масс церковной и монархической пропагандой (Аврех, 1981: 234).

Специальных работ, в которых бы подробно исследовалась история создания и деятельность Почаевского СРН, на данный момент нет, если не считать таковой ангажированную брошюру 1920-х годов (Кандидов, 1928), однако внимание историков эта монархическая организация Правобережной Украины привлекала неоднократно. Исследователи обращались к сюжетам, связанным

2. *Гамаюн*. В Почаевской лавре. (Корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 1907. 3 (16) июня. № 11215. С. 6.

с деятельностью Почаевского СРН и участием в ней крестьян в рамках общих работ по истории черносотенного движения (Омельянчук, 2000; Степанов, 2013); в монографиях, диссертациях и статьях, посвященных «украинскому фактору» в русском черносотенном движении в малороссийских губерниях (Мартинюк, 2016; Обершт, 2017; Федевич, 2017; Чемакин, 2021); в публикациях, раскрывающих различные аспекты деятельности архимандрита Виталия, направленной на работу с крестьянством Правобережной Украины (Ковалева, 2022а, 2022б). Внимание исследователей привлекало и то обстоятельство, что, несмотря на приверженность Почаевского СРН знаменитой триаде «православие, самодержавие, народность», нахождение на крайнем правом фланге политического спектра и явно выраженную контрреволюционную позицию, и его руководитель, и рядовые члены (преимущественно крестьяне) нередко оказывались под подозрением властей в неблагонадежности, а то и вовсе обвинялись в крамоле (Аврех, 1981: 234–238; Суляк, 2018; Иванов, Ковалева, 2023а, 2023б). В этом плане особенно примечательны беспорядки, произошедшие в апреле 1914 года в Ольгопольском уезде Подольской губернии, зачинщиками которых стали крестьяне — активисты Почаевского СРН. Сюжет этот хоть и обращал на себя ранее внимание исследователей (Степанов, 2013: 438–440; Степанов, 2014: 488–489), подробного освещения в историографии не получил. Между тем он представляется достаточно важным как для характеристики специфических настроений крестьян-монархистов Правобережной Украины, так и для понимания, почему спустя 3–4 года вчерашние черносотенцы стремительно стали превращаться в украинских социалистов (Чемакин, 2023). Публикация основана на впервые вводящихся в научный оборот материалах киевского Центрального государственного исторического архива Украины, документах из собрания Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива, материалах дореволюционной периодической печати.

Крестьянские волнения в Ольгопольском уезде Подольской губернии

В апреле 1914 года на страницах леволиберальной газеты «Киевская мысль» появилась заметка, сообщавшая о крестьянских беспорядках в Ольгопольском уезде Подольской губернии³. Из нее следовало, что подольская деревня «переживает тревожное время», сельскохозяйственные рабочие в разгар полевых работ устроили забастовку, требуя в несколько раз поднять им поденную

3. Агитация союзников среди крестьян. (Письмо из Подолии) // Киевская мысль. 1914. № 108. 20 апреля. С. 5.

заработную плату, а руководит этим забастовочным движением монархический СРН, «прочно утвердившийся в Ольгопольском уезде и разбросавший сеть своих отделов по самым глухим селам и деревням»⁴. На следующий день этот сюжет получил развитие в авторском материале «Черный передел», в котором выражалось возмущение агитационной деятельностью СРН среди подольских крестьян и высказывалось опасение, что ее последствия могут быть непредсказуемыми и крайне опасными. «Почаевские и прилегающие к ним союзники ведут очень опасную игру, которая может привести к самым неожиданным результатам. ...Рано или поздно должна на почве этой игры разразиться буря, и что этот порыв будет носить характер беспощадной расправы — сомневаться не приходится. <...> Обманным путем, посулами и обещаниями, а то и всякими вздорными сказками стараются привлечь мужичков в союз и тешатся, что множится стадо. Но не чувствуют, куда это стадо пойдет, когда потребует реализации обещаний. <...> ...Сеют ветер, не думая о том, кому придется пожать страшную бурю. Кого захватит, кого захлестнет этот ураган — кто угадает?»⁵

Публикации «Киевской мысли» вызвали общественный резонанс. Первая из них была перепечатана рядом газет («Одесские новости», «Каменец-Подольск», «Подольские известия», «Петербургский курьер», «Речь»⁶) и привлекла внимание властей, начавших расследование этого происшествия. Подольский губернатор А. Н. Игнатьев 29 апреля в телеграмме начальнику Подольского губернского жандармского управления (ГЖУ) сообщал, что отделы СРН «проявляют противоправительственную деятельность, направленную на неповиновение существующим законам и властям» и требовал принять меры⁷. Начальник Подольского ГЖУ Н. Н. Переверзев в тот же день приказал своему заместителю подполковнику Кравцову срочно выехать на место и «ликвидировать всех зачинщиков этого революционного мятежа»⁸.

В ходе расследования удалось установить, что попавшие под влияние агитации Почаевского СРН крестьяне не только организовались для устройства забастовок, добиваясь повышения заработной платы, но оказались замешанными и в некоторых других

4. Агитация союзников среди крестьян. С. 5.

5. Чаговец В. «Черный передел» // Киевская мысль. 1914. № 109. 21 апреля. С. 2.

6. В деревне // Каменец-Подольск. 1914. № 44. 28 апреля. С. 3; то же // Подольские известия. 1914. № 93. 23 апреля. С. 3; Агитация черносотенцев против помещиков // Петербургский курьер. 1914. № 100. 3 мая. С. 8; Пропаганда союзников среди крестьян... // Речь. 1914. № 118. 3 (16) мая. С. 7.

7. Центральный государственный исторический архив Украины (далее — ЦГИАК). Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 12.

8. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 7.

инцидентах, которые признавались не только нежелательными, но и весьма опасными.

Из донесений Кравцова следовало, что усиленное открытие отделов СРН в Ольгопольском уезде началось в декабре 1913 года и к апрелю 1914 года «достигло широких размеров». Если осенью 1907 года в Ольгопольском уезде действовало всего два отдела СРН, то к 1913 году их было уже 33 и, как отмечал министр внутренних дел Н. А. Маклаков, население уезда «почти сплошь состоит из союзников» (Омельянчук, 2006: 53). «С открытием союзов среди крестьянского населения стали носиться слухи, что с учреждением союзов они будут иметь доступ к Государю Императору и не будут подчиняться местным властям, а также что и налоги будут уменьшены», — доносил жандармский офицер⁹. 21 марта 1914 года председатель отдела СРН в с. Христищах обратился к уездному исправнику с просьбой разрешить ему вынести на обсуждение отдела вопрос об установлении цен на полевые и другие работы, но получил отказ. Однако запрет на обсуждение этого вопроса крестьян не остановил, и они сговорились о том, чтобы не наниматься на полевые работы к помещикам меньше чем за 1 руб. в день. В одном из сел сход постановил штрафовать нарушивших это постановление на 5 руб., а когда сельский староста отказался подписывать это незаконное постановление, то в его адрес посыпались угрозы отобрать должностной знак и избрать нового старосту¹⁰.

«В селе Соколовке, — отмечалось в жандармском донесении, — входящие в состав Союза русского народа крестьяне... ходили по селу в каждый дом и требовали от хозяев 25–50 коп. на союз и в то же время распространяли слухи, что с учреждением союза не надо будет никакого начальства и земства, не нужно платить податей и налогов, а на работы к помещику ходить только следует за плату по рублю в день, и в то же время объясняли, что нарушившие это правило будут выселены из села»¹¹. Зачинщиком оказался сельский десятский Кирилл Бондарь, который «производил давление на крестьян и угрожал им разными бедами»¹². Агитация эта, также проводившаяся членами СРН по другим селам, достигла своей цели. Уезд охватила массовая забастовка крестьян, не желавших, как ранее, работать на помещика за 25–35 коп. в день и требовавших своего «законного» 1 руб. Как отмечала «Киевская мысль», в ряде сел распространился слух, что расценку в 1 руб. установила Государственная дума, а местные власти и помещики якобы скрывают это от крестьян, чтобы платить им как можно

А. А. Иванов,
А. А. Чемакин
«Революционный
мятеж» черносо-
тенного крестьян-
ства: о волнениях
в Подолии
в 1914 году

9. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 10.

10. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 14.

11. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 10.

12. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 10.

меньше¹³. Помещики села Христище, не получив рабочих рук, были вынуждены нанять по привычному тарифу крестьян из других сел, но на следующий день и они оказались разagitированы. Половина прибывших отказалась работать менее чем за рубль, а вторую половину, сбывавшую назначенную союзниками цену, толпа местных крестьян в 40 человек «уговорами, криками и угрозами» заставила разойтись¹⁴. Такое же требование выдвинули крестьяне сел Верба-Чечельницкая, Курневка, Дмитрашковка, Соколовка и др., «упорно утверждая, что на работы в помещичьи экономии они за плату ниже одного рубля не пойдут»¹⁵. Но добиться своего забастовщики так и не смогли — на выручку помещикам пришли женщины и подростки, согласившиеся выполнить необходимые работы по прежним тарифам. Подполковник Кравцов, подводя итог этой истории, отмечал, что, вопреки слухам о «мятежах», «агитация среди крестьян о требовании рублевой поденной оплаты далее разговоров и словесных суждений не пошла»¹⁶.

Однако претензии к местным активистам СРН этой историей не ограничились. Следствие также установило, что вступившие в СРН крестьяне негативно относятся к недавно введенному в крае земству и ведут против него агитацию. 31 мая 1914 года помощник начальника Подольского ГЖУ сообщал: «Весной настоящего года среди крестьянского населения стало проявляться недовольство на почве нового земства, с введением которого естественно увеличились налоги»¹⁷. Член Подольского по крестьянским делам присутствия князь В. В. Баратов писал губернатору: «... Крестьянское население уезда крайне возбуждено против земства, которое обвиняется ими в повышенных, непосильных налогах и большой расточительности народных денег, примером чему приводится: покупка дорогого автомобиля, постройка для него гаража, непомерно высокая плата жалования земским служащим, большое их количество, а также переплата за сооружение моста в с. Вербке. В этом же селении при проезде земского автомобиля 20 апреля крестьяне говорили уездному исправнику: “Колеса наши, а лубок панский”, а в с. Стратиевке, при проезде того же автомобиля с членом управы и служащими барышнями в качестве пассажиров, крестьяне с ненавистью говорили: “Добрі шляпки у баришень, але-ж куплині за наши гроші”. Среди крестьян существует уверенность, что земство крайне недружелюбно относится к Союзу русского народа...»¹⁸. В. В. Баратов также сообщал властям, что один

13. Агитация союзников среди крестьян. (Письмо из Подолии) // Киевская мысль. 1914. № 108. 20 апреля. С. 5.

14. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 14, 22–22 об.

15. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 11.

16. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 14 об.

17. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 95.

18. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 209.

из крестьян-агитаторов Афанасий Блигадир, выступая против уплаты взносов на земство, говорил: «Двум богам не служат», и что нужно держаться либо земства, либо СРН. При этом, как отмечал князь, «явного подстрекательства к беспорядкам в моем присутствии Блигадир, как человек неглупый, не проявлял, но его влияние на сход было очевидно и после его реплики и поднятия им руки сход дружно поддерживал его криками: “не нужно земства”, “не допустить агента”»¹⁹. Агентом, которого постановили не пускать в село, являлся представитель Подольского губернского земства Саченко, с которым у крестьян незадолго до этого произошел конфликт. 16 апреля 1914 года страховой агент Саченко явился в село Куреневка, чтобы провести переоценку крестьянских строений, но собравшаяся толпа крестьян не допустила его до работы. Точно такая же история повторилась на следующий день, когда страховой агент прибыл в село Вербка-Чечельницкая. Особое возмущение крестьян вызвало то, что Саченко негативно отзывался о СРН, называл крестьян дураками за то, что они в этот союз записались, и «ругал дураком того, кто этот союз выдумал»²⁰. По мнению записавшихся в СРН крестьян, учредил союз лично царь, а потому слова земского деятеля они расценили как оскорбление монарха²¹. Прогоняя земского агента, крестьяне кричали ему вслед: «Убирайся куда хочешь, нам не нужно земства»²².

19 апреля в с. Вербка-Чечельницкая для урегулирования ситуации прибыли представители местной власти — исправник, мировой посредник и судебный следователь. Но как только они приблизились к первому двору, раздался колокольный звон, по призыву которого собралось около тысячи крестьян, которые, по сообщению губернатора, «держали себя крайне вызывающе». Заявив приехавшим должностным лицам, что никакого земства им не нужно, крестьяне объясняли это тем, что, в отличие от СРН, от земства они «никакой пользы не имеют»²³. Во время переговоров с властями крестьяне твердо стояли на своем: никакого земства им не надо, а все земские сборы с крестьян нужно передать «Русскому союзу»²⁴. Провести переоценку удалось лишь тогда, когда в село прибыл отряд стражников и арестовал агитаторов. Но крестьяне, так и не поверив «господам», отправили ходоков в Почаев к архимандриту Виталию, чтобы выяснить у него, «что такое земство, и обязательно ли подчиняться ему». «Выборным от крестьян, — докладывал жандармский офицер, — наказано идти до Государя Императора и доложить, по воле Его Величества

19. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 183 об.

20. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 11, 183 об.

21. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 209.

22. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 95 об.

23. ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 2–2 об.

24. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 10 об.

введено ли земство, и обязательно ли крестьяне должны платить земские налоги»²⁵.

Среди других проявлений крестьянского «экстремизма» Подольское ГЖУ отмечало желание крестьян-союзников выселить из сел евреев, которых обвиняли в нелегальной продаже водки и в скупке сельскохозяйственной продукции по заниженным ценам²⁶. В частности, следствие выяснило, что в с. Христищах на собрании отдела СРН был поднят вопрос о воспреещении крестьянке Марии Мурзак сдавать дом под наем квартиры еврею. Когда же присутствовавший на собрании полицейский урядник заметил, что незаконно запрещать кому-либо распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению, то крестьянин Яков Скрыпник возмущенно сказал: «От бачты, люды, чего мы не можем ничего зробыты, начальство дало волю жидам и панам, напустыло их на нас, и воны повзаяются по нашим шиям»²⁷. Причем весьма вероятно, что жандармов смутил не столько антисемитский настрой селян, сколько прозвучавшее недовольство начальством и «панам». Члены правления Дмитрашковского отдела СРН заявили в свою очередь инструктору по кооперации Ольгопольского земства, что существующее в селе Общество потребителей их не удовлетворяет, «потому что принимает в члены лиц различного вероисповедания и национальностей». «Мы, — заявили крестьяне-союзники, — хотим создать свое общество, в которое будут вступать лишь члены СРН и прибыли от оборотов которого будут расходоваться по усмотрению отдела на благотворительные и другие цели. С той же целью мы желаем открыть и Кредитное товарищество. Всеми законными мерами мы готовы бороться с тайной продажей водки в селе»²⁸.

Влияние Почаевского Союза русского народа на подольских крестьян

Выявленные следствием факты, свидетельствовавшие о явном недовольстве крестьян властями, помещиками и земством, заставили обратить самое пристальное внимание на деятельность в губернии Почаевского СРН. В ходе «негласной разработки» и допросов выяснилось, что крестьяне рассматривают СРН не только как монархическую партию, призванную защищать царское самодержавие, православную веру и русскую народность, но и как союз, созданный государем для решения насущных крестьянских проблем. Ольгопольский уездный исправник сообщал о слухах,

25. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 14 об.

26. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 10 об.; Д. 1663. Л. 4.

27. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 95 об.

28. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1663. Л. 4.

ходивших в крестьянской среде, что с учреждением СРН «они будут иметь непосредственный доступ к Государю Императору и не будут подчиняться местным властям»²⁹. Также выяснилось, что членские взносы крестьяне платят в союз очень охотно, поскольку нередко полагают, что «каждый внесший 50 коп. в будущем получит землю, а в настоящем деньги будто бы идут в счет земских сборов»³⁰. Один из агитаторов, призывая односельчан вступать в ряды СРН, «просвещал» их: «В книгах СРН написано, что Царь давно желает крестьянам землю отдать, но помещики не позволяют, а вот когда крестьяне соединятся в СРН, окажут Царю помощь, то и земля будет наша»³¹. Другие агитаторы-крестьяне распространяли слухи, что «с учреждением союза не надо будет никакого начальства и земства, не будут платить налогов, а сами во всем распоряжаться»³². Анализируя выявленные среди крестьян-союзников настроения, подполковник Кравцов заключал: «...Крестьянское население в некоторых селах, например, в Вербе-Чечельницкой, Куреневке, Дмитрашковке, Соколовке и многих других настроено против помещиков и властей враждебно и говорят, что начальства и земства им не нужно, что у них есть свое начальство — Союз русского народа»³³. Но поскольку СРН являлся организацией монархической, церковно-патриотической и абсолютно легальной, неоднократно удостоивавшейся слов поддержки от императора и пользовавшейся в ряде губерний покровительством со стороны православного духовенства, Кравцов объяснял такое поведение ольгопольских союзников их темнотой и невежеством, ставших причинами превратного толкования задач СРН³⁴. На это же указывал и другой жандармский офицер, отмечавший, что «большинство членов союза — крестьян, понимают, что союз имеет задачу сплотить русских людей в одно — для борьбы с врагами, посягающими на цельность отечества», добавляя, что грамотные крестьяне-союзники против властей и земства не выступают, а лишь выражают недовольство увеличением земских сборов³⁵. В связи с этим показательно, что, когда подольский губернатор узнал об арестах «смутьянов» в порядке 29 статьи Положения о государственной охране³⁶ «за то, что понуждали крестьян

29. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1663. Л. 1.

30. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 208 об.

31. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 95 об.

32. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 6.

33. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 11.

34. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 22–22 об.

35. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1663. Л. 360–360 об.

36. Статья предоставляла начальникам полиции и жандармских управлений на местах арестовывать лиц, подозреваемых в принадлежности к противозаконным сообществам, на срок не более семи дней, а также производить у них обыски и выемки (Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. Т. 1. № 350).

записываться в Союз русского народа», он поспешил указать начальнику Подольского ГЖУ на оплошность его подчиненных. «Ввиду того, что за подговор записываться в Союз русского народа нельзя арестовывать, просил бы Ваше высокоблагородие лично проверить обстоятельства настоящего дела, так как очевидно... Кравцов неправильно арестовал крестьян за вполне легальные действия...»³⁷. Позже, сообщая в Петербург о волнениях во вверенной ему губернии, Игнатев так характеризовал ситуацию: «...Беспорядки... возникли исключительно под влиянием образовавшегося... Почаевского отдела Союза русского народа. Не понимая цели и задач, положенных в основу партии... крестьяне, под влиянием широковещательных брошюр, присылаемых им из Почаева, приписывают этой организации какие-то особые права и доходят в своих заблуждениях до полного отрицания авторитета правительственной власти и неподчинения законным распоряжениям»³⁸.

Для ареста смутьянов из нескольких уездов были присланы отряды полицейской стражи. С. А. Степанов, затрагивая эту историю в качестве примера наиболее острого столкновения крестьян-черносотенцев с помещиками и властями, пишет: «Пророчество либеральной печати исполнилось очень быстро. Уже через несколько дней дело дошло до вооруженных столкновений <...> Вооружившись палками, крестьяне пытались отбить арестованных, но были рассеяны конным отрядом» (Степанов, 2014: 488–489). Как следует из материалов дела, отбить своих мужиков пытались преимущественно женщины и молодежь, не скупившиеся на брань по адресу полиции и пытавшиеся наносить удары палками³⁹. Более того, бывший солдат-сапер крестьянин Федор Трачук призывал односельчан «перебить из ружей всех стражников и таким путем избавиться от ответственности»⁴⁰.

Всего было арестовано 15 человек, двое «главных агитаторов и зачинщиков» скрылись⁴¹. Обвинения в подстрекательстве арестованные отвергали. На вопрос о причинах записи в СРН крестьяне отвечали, что сделали это, «потому что друзья в селах записывались», а также в связи с тем, что «священники, к которым они обращались за советом, говорили им, что СРН дело хорошее»⁴². У арестованных агитаторов были проведены обыски, в ходе которых никакой нелегальной литературы и компрометирующей переписки, которая указывала бы на связь с революционными элементами,

37. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 84–84 об.

38. ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 3–3 об.

39. ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 9.

40. ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 9.

41. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 81 об. — 82; ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 1.

42. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 81 об. — 82, 96 об.

обнаружить не удалось — найдены были лишь черносотенные брошюры и газеты из Почаевской лавры. Среди них были изъяты несколько номеров «Почаевского листка», брошюры «Катехизис Союза русского народа», «Рассказы из русской истории», «Союзная наука» и «Казацкие могилы»⁴³. Следствие выяснило, что «крестьяне получали печатные издания из Почаева целыми тюками» и, что не могло не насторожить жандармов, «получение это [крестьяне] почему-то стараются скрыть»⁴⁴.

Здесь следует отметить, что широкая издательская и пропагандистская деятельность Почаевского СРН неоднократно привлекала внимание властей, причем не только местных, вызывая неоднозначные оценки. Если по мнению консервативно настроенных представителей высшей бюрократии, черносотенный союз распространял среди крестьянского населения Правобережной Украины «здоровые взгляды и понятия» (Омельянчук, 2006: 52), то по мнению других (П. А. Столыпина, обер-прокуроров Св. Синода П. П. Извольского и В. К. Саблера), в деятельности Почаевского СРН, помимо антиреволюционной составляющей, также проявлялся социальный и национальный радикализм, а местное духовенство прилагало недостаточно сил для того, чтобы сдерживать эти настроения, а иногда и само подпитывало их публикациями, размещаемыми на страницах «Почаевских известий», «Почаевского листка» и «Волынской земли» (Иванов, Ковалева, 2023б). В результате почаевские издания неоднократно подвергались штрафам, а то и вовсе прекращали свой выход в свет по решению властей, как это произошло с «Почаевскими известиями».

Взявшись за изучение почаевской литературы, жандармы пришли к заключению, что, несмотря на легальность подобных изданий, они содержат «такие места, которые, несомненно, могут толковаться крестьянами превратно и способны порождать ложные слухи»⁴⁵. Особенно много нареканий вызвала брошюра «Союзная наука», составителем которой был архимандрит Виталий (Максименко). В ней внимание проверяющих привлекли некоторые предложения и речевые обороты, которые могли вызвать у малограмотных крестьян ложные представления о задачах СРН и подтолкнуть к противозаконным действиям. В частности, жандармам показались подозрительными призывы к объединению в «дружину Христову на брань за веру православную, за Помазанника Божия, за Русь Святую». Насторожили их наставление уподобляться как пчелы в рой для отпора врагу, а также, что «довольство и сила» русского мужика в СРН (Виталий, 1909: 7, 10–11). Крамольным показалось утверждение, что паны «завели конституцию», чтобы

43. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 81 об.

44. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 208 об.

45. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 82.

«своевольничать и народ порабощать», а потому «народ заводит свой русский союз, чтобы от беды избавиться и лучшей доли добиться» (Там же: 15). К сомнительным суждениям были отнесены и такие строки: «Царь задумал такое дело, чтобы жить с народом дружно, советоваться с уполномоченными народа и своею самодержавною властью запомогать всякой беде народной. Он и зовет на это свой народ, он и просит его объединиться вокруг царского престола. Тогда скоро народ от беды и тесности избавится» (Там же: 19). Не понравилось жандармам высказывание: «Враги России боятся, как бы народ русский не объединился, — ведь тогда на нем нельзя будет ездить, как теперь, тогда нельзя будет его угнетать, тогда он со своим царем скоро выйдет из теперешней беды-неволи» (Там же: 20). Осуждение вызвало и то, что почаевский архимандрит поставил в своей брошюре в один ряд «революционеров, начальство, жидов и поляков» (в контексте, что все они обещают крестьянам помочь в их бедах); крамольным показалось обещание, что, объединившись, крестьяне добьются того, что будет всего у них «в два раза больше», и им не придется «гинуть тогда за кусок хлеба на каторжной работе» (Там же: 30). Также указывалось, что, хотя прямой агитации в почаевских изданиях найдено не было, их антисемитская направленность могла привести к нежелательным последствиям, а антипанская риторика, нацеленная на поляков, вызвать недоверие к господскому классу в целом, поскольку «под словом “паны” крестьяне подразумевают не только поляков, но и всех помещиков и чиновников»⁴⁶.

Список претензий к брошюре был достаточно большим, однако нарочито патриотический, церковный и монархический характер издания не давал никаких оснований считать ее крамольной. Напротив, общее направление брошюры было контрреволюционным и нацеленным на отвращение крестьян от социалистической пропаганды. Сам же архимандрит Виталий искренне считал, что созданный им союз «есть практическое решение крестьянского земельного вопроса по-христиански, в противовес “черному переделу”, проведенному потом революционерами» (Виталий, 1955: 180). В связи с этим составителю издания в упрек ставилось лишь то, что некоторые места его наставлений крестьянам-союзникам последними могут быть превратно истолкованы. Призывы Почаевского СРН характеризовались как «горячие, настойчивые и туманные». «Очевидно, брошюры оказывают большое влияние на крестьян, не всегда понимающими их точный смысл, в особенности если явятся толкователями этого... смысла те из недовольных элементов крестьянства, что встречаются в деревнях в виде отставных фельдфебелей, солдат, сидельцев винных лавок, пивных и т.п.»⁴⁷. «Принимая во внимание неясное

46. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1663. Л. 360 об.

47. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 208 об.

изложение брошюр, невежество и темноту крестьянства, а также огромное количество литературы, изданной и распространяемой в селах Почаевской лаврой, нужно признать, что явление это может быть чревато нежелательными последствиями. Указаний на подпольную революционную деятельность не имеется, но, несомненно, революционный элемент не замедлит использовать при случае создавшееся положение в своих видах», — таков был вердикт Подольского ГЖУ⁴⁸. Но как противодействовать этому, жандармы не знали. Подполковник Кравцов отмечал, что «в Почаев началось настоящее паломничество», «крестьяне массами записывались в СРН», а оказать воздействие на простонародье через духовенство не представляется возможным, поскольку «в Подольской епархии имеется секретное распоряжение архиепископа Серафима об учреждении в приходах СРН»⁴⁹.

Дело это закончилось для «смутьянов» следующим образом: отсидев около месяца под арестом, крестьянин Афанасий Блигодир, признанный главным зачинщиком, подлежал выселению в отдаленные местности Европейской России, остальных же посчитали достаточным наказать установлением гласного надзора полиции по месту жительства⁵⁰. Желая успокоить вышестоящее начальство, подполковник Кравцов докладывал: «Произведенные аресты охладили крестьян к записи в СРН»⁵¹. Начальник Подольского ГЖУ, подводя итог этой истории в июне 1914 года, заключал: «В настоящее время деятельность Союза русского народа крайне слабая. Крестьяне выражаются так: “Мы и без союза преданы царю, а значок хлеба не даст”»⁵².

Из-за резонанса дело о крестьянских волнениях в Подольской губернии было передано в Департамент полиции и дошло до министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Последний, обращаясь 23 мая 1914 года к Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову, давал свою оценку этому происшествию. Отмечая, что Почаевский отдел СРН первоначально «сыграл немалую роль в борьбе с революционным элементом», Маклаков приходил к заключению, что с годами эта монархическая организация стала создавать для власти серьезные проблемы. «...С 1908 года, — писал министр, — они начали предлагать сельским сходам высказываться в форме приговоров по вопросам общегосударственного порядка, внушая крестьянам несбыточные надежды на участие в делах правления и подчеркивая их значение в жизни государства. В то же время орган почаевских союзников “Почаевские известия” стал открыто призывать народ не только к борьбе с интеллигенцией,

48. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 96 об.

49. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 96 об.

50. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 28, 384.

51. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1664. Л. 96 об.

52. ЦГИАК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1663. Л. 364 об.

но и с самим правительством, якобы изменившим Царю. Хотя упомянутый орган был закрыт Святейшим Синодом, деятельность Почаевского союза продолжалась в указанном извращенном виде, приняв характер и направление крестьянских союзов и поставив главной своей задачей сплочение крестьян. <...> В результате этой пропаганды крестьяне составили себе неправильное представление о Союзе русского народа, как о движении исключительно крестьянском, враждебном помещикам и местным органам власти. Плоды такого убеждения малокультурной массы не замедлили сказаться в целом ряде крестьянских выступлений, правда, неорганизованных и случайных, но тем не менее ясно обрисовавших настроения простого народа»⁵³. Приводя в качестве примера ряд случаев, когда крестьяне — члены Почаевского СРН устраивали беспорядки в Киевской, Волынской и Бессарабской губерниях, министр внутренних дел заключал: «...Все растущее вредное влияние на народ почаевских союзнических организаций не подлежит никакому сомнению»⁵⁴. В связи с этим Маклаков подписывал Трепову принять самые решительные меры к недопущению подобной деятельности местных отделов СРН, «явно уклонившихся от первоначальной цели организации союза», не останавливаясь в качестве крайней меры и перед закрытием этих отделов⁵⁵.

Заключение

Рассмотренный в статье сюжет хоть и носит частный характер, представляет собой яркую иллюстрацию к истории непростых взаимоотношений губернских властей с черносотенцами, но, что более важно, позволяет увидеть специфику взглядов и настроений крестьян Правобережной Украины, массово записывавшихся в начале XX века в СРН. Резонансный случай, произошедший весной 1914 года в Подольской губернии, подтвердил общую тенденцию, характерную для всего Юго-Западного края. За год до событий в Ольгопольском уезде один из волыньских мировых посредников сетовал на то, что развернутая Почаевским СРН политическая пропаганда, пусть даже и монархического содержания, взбудоражила крестьянское население, которое увидело в этом черносотенном союзе инструмент для разрешения накопившихся проблем и давления на местную власть. «Крестьянин не дорос до политической жизни, — писал он. — ...Полудикого и до крайности не развитого крестьянина толкают в круговорот этой сложной жизни, сулят ему какие-то блага, приглашают его

53. ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 11–11 об.

54. ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 12.

55. ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1914. Д. 136. Л. 12.

к борьбе с капиталом, разжигают его страсти, распространяют среди него какой-то катехизис, который скорее есть катехизис крайне левых партий, так как проповедует сплоченность крестьянских масс для борьбы с помещиками и мимоходом с евреями»⁵⁶. Волынский чиновник справедливо отмечал, что крестьянин, записываясь в СРН и отдавая свой кровный полтинник, ждет от союза реальной награды. «Но какую он может получить награду? ...Единственную награду, которую он хочет получить и о которой он мечтает даже во сне, это землю, в крайнем случае, увеличение задельной платы за свой труд до таких размеров, чтобы помещик со временем ушел бы со своей земли и отдал бы ее ему за бесценок», — заключал мировой посредник, предупреждая власти, что под монархическими и патриотическими лозунгами вызревает «смута»⁵⁷. Волнения в Ольгопольском уезде это подтвердили. Но еще более наглядным подтверждением этой тенденции стали события, развернувшиеся на Правобережной Украине в годы революции и Гражданской войны, когда вчерашние крестьяне-черносотенцы стали стремительно превращаться в украинских националистов, социалистов-революционеров, большевиков и становиться активными участниками повстанческих отрядов. На их политический выбор в первую очередь влияли не убеждения, которые еще толком не сформировались, а поиск конкретной выгоды: крестьяне были готовы пойти за кем угодно, кто обещал дать им землю и «поприжать» главных экономических конкурентов — помещиков, поляков, евреев, немецких колонистов. Как справедливо замечала волынская помещица и жена известного правого политика Е. Г. Шульгина, «крестьянство смотрело на свое вступление в Союз русского народа больше всего с той точки зрения, что это какие-то учреждения, через которые можно добраться до царя и от него получить землю. Интересно, что когда я в 1917 году приехала на Волынь, то крестьяне говорили мне, что “Украина” — “це така наша спілка”, в которую если запишешься, то получишь землю здесь, а если не запишешься, то земли здесь не дадут, а нужно куда-то выселяться. Так что “Украина” и Союз русского народа воспринимались ими в одной плоскости» (Шульгина, 2019: 63). И в этом отношении история с крестьянскими волнениями в Подолии наглядно показывает, почему стремительная трансформация крестьян этого края из сторонников русской самодержавной монархии в левых радикалов и «убежденных» украинцев оказалась не только возможной, но и в значительной мере органичной.

56. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА).
 Ф. 391. Оп. 4. Д. 1411. Л. 42.

57. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1411. Л. 42–46.

- Аврех А. Я. (1981). Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М.: Наука.
- Виталий [Максименко] (1955). Мотивы моей жизни. Изд. 2-е доп. Jordanville, N. Y.
- Виталий [Максименко] (1909). Союзная наука. Почаев.
- Иванов А. А., Ковалева Е. О. (2023а). Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волыни: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». № 2 (50). С. 46–64.
- Иванов А. А., Ковалева Е. О. (2023б). «Поставить... под особо бдительный контроль»: переписка высших правительственных и церковных лиц о газете «Почаевские известия» (1908–1909 гг.) // Новейшая история России. Т. 13. № 4. С. 1022–1037.
- Кандидов Б. (1928). Крестом и нагайкой. Почаевская лавра и черносотенное движение. М.: Безбожник.
- Ковалева Е. О. (2022а). «Надвигается страшная опасность...»: архиепископ Виталий (Максименко) и социализм // Тетради по консерватизму. № 4. С. 93–100.
- Ковалева Е. О. (2022б). Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка // Русин. № 67. С. 206–225.
- Омельяничук И. В. (2000). Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев: Академпресс.
- Омельяничук И. В. (2006). Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП.
- Степанов С. А. (2013). Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Язуа-пресс.
- Степанов С. А. (2014). «Истинно русские» на Украине. 1905–1917 годы // Государственное управление. Электронный вестник. № 47. С. 488–489.
- Суляк С. Г. (2018). За веру, царя, Отечество и землю крестьянам. О деятельности отделов Союза русского народа в Хотинском уезде Бессарабской губернии // Русин. Т. 54. № 4. С. 169–188.
- Чемакин А. А. (2021). Украинская «Черная сотня»? Концепция К. К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа // Русин. № 63. С. 218–219.
- Чемакин А. А. (2023). Куда исчезли черносотенцы? Электоральная статистика как источник для исследования национальной идентичности украинского крестьянства в начале XX в. // Новейшая история России. Т. 13. № 3. С. 592–605.
- Шульгина Е. Г. (2019). Конспект моих политических переживаний (1903–1922) / Подг. текста, предисл., коммент. А. А. Чемакина. М.
- Мартинюк О. В. (2016). Російський націоналізм як соціально-політичний феномен у виборчому процесі Правобережної України (1906–1912 рр.). Дисс. ... канд. іст. наук. Київ: Київський політехнічний інститут ім. Ігоря Сікорського.
- Обершт О. М. (2017). Російський націоналістичний рух на Надніпрянській Україні на початку XX ст.: ідеологія та практика. Дисс. ... канд. іст. наук. Чернівці: Чернівецький національний університет ім. Юрія Федьковича.
- Федевич К. К., Федевич К. І. (2017). За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ: Критика.

“Revolutionary revolt” of the Black-Hundred peasantry: The 1914 unrest in Podolia

Andrey A. Ivanov, DSc (History), Professor, Institute of History, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Anton A. Chemakin, PhD (History), Senior Lecturer, Institute of History, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia. E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract. The article considers the peasant riot that spread to several villages of the Podolsk Province in the spring of 1914. Those events were special, because the “troublemakers” were monarchist peasants influenced by the Black-Hundred Pochaev Union of the Russian People led by the Archimandrite Vitaly (Maksimenko). The fact that the peasant strike, protests against the zemstvo and other “revolutionary” manifestations were the result of the right-wing political agitation attracted special attention of local and central authorities. Based on the documents of Russian and Ukrainian archives and pre-revolutionary periodicals, the authors reconstruct in detail the peasant unrest in Podolia, its causes and consequences, focusing on the reaction of the provincial authorities, government bodies and special services, their attitude to the awakening peasant political activity. The authors argue that these issues, despite being particular cases, are vivid illustrations of complex relationship between the authorities and the Black Hundreds and allow to understand representations and moods of the peasantry in Right-Bank Ukraine, which joined en masse the Union of the Russian People in the early 20th century. This episode from the history of the peasant movement in the Podolsk Province explains why the former Black-Hundred peasants began to join the left-wing radical political movements and Ukrainian rebel groups during the 1917 Revolution and civil war.

Key words: Russian Empire, peasant unrest, Right-Bank Ukraine, Podolia, Pochaev Union of the Russian People, Black Hundreds, Vitaly (Maksimenko)

References

- Avrekh A.Ya. (1981) *Tsarizm i IV Duma. 1912—1914 gg.* [Tsarism and the IV Duma. 1912—1914], Moscow: Nauka.
- Chemakin A. A. (2021) Ukrainskaya “Chernaja sotnja”? Kontseptsiya K. K. Fedevicha kak popytka “ukrainizatsii” Sojuza russkogo naroda [Ukrainian Black Hundreds? K. K. Fedevich’s concept as an attempt to “Ukrainize” the Union of the Russian People]. *Rusin*, no 63, pp. 218—219.
- Chemakin A. A. (2023) Kuda ischezli chernosotentsy? Elektoralnaya statistika kak istochnik dlya issledovaniya natsionalnoj identichnosti ukrainского krest’yanstva v nachale XX v. [Where did the Black Hundreds disappear? Electoral statistics as a source for the study of the Ukrainian peasantry’s national identity in the early 20th century]. *Contemporary History of Russia*, vol. 13, no 3, pp. 592—605.
- Fedevich K. K., Fedevich K. I. (2017) *Za Veru, Tsarya i Kobzarya. Malorosijskie monarhisti i ukrainy natsionalny ruh (1905—1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. Ruthenian Monarchists and Ukrainian National Movement (1905—1917)], Kyiv: Kritika.
- Ivanov A. A., Kovaleva E. O. (2023) Deyatel’nost arkhimandrita Vitaliya (Maksimenko) na Volyni: politichesky ekstremizm ili protivodejstvie stikhijnomu radikalizmu? [Activities of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volyn: Political extremism or counteraction to spontaneous radicalism?]. *MSU Journal of Historical Studies*, no 2, pp. 46—64.
- Ivanov A. A., Kovaleva E. O. (2023) “Postavit... pod osobo bditelny kontrol”: perepiska vysshih pravitelstvennyh i tserkovnyh lits o gazete “Pochaevskie izvestiya” (1908—1909 gg.) [“Bring... under especially vigilant control”: Correspondence of senior government and church officials about the newspaper Pochaevskie Izvestia (1908—1909)]. *Contemporary History of Russia*, vol. 13, no 4, pp. 1022—1037.
- Kandidov B. (1928) *Krestom i nagajkoj. Pochaevskaya lavra i chernosotennoe dvizhenie* [Cross and Whip. Pochaev Lavra and the Black-Hundred Movement], Moscow: Bezbozhnik.
- Kovaleva E. O. (2022) “Nadvigaetsya strashnaya opasnost’...”: arkhiepiskop Vitaly (Maksimenko) i sotsializm [“A terrible danger is approaching...”: Archbishop Vitaly Maksimenko and socialism]. *Essays on Conservatism*, no 4, pp. 93—100.

- Kovaleva E. O. (2022) Vitaly (Maksimenko) i ego deyatelnost po sozdaniyu Pochaevskogo banka [Vitaly (Maksimenko) and his efforts to establish the Pochaev bank]. *Rusin*, no 67, pp. 206—225.
- Martyniuk O. V. (2016) *Rosijsky natsionalizm jak sotsialno-politichny fenomen u viborchoomu protsesi Pravoberezhnoi Ukraini (1906—1912 rr.)* [Russian Nationalism as a Social-Political Phenomenon in the Electoral Process of Right-Bank Ukraine (1906—1912)], Kyiv: National Technical University of Ukraine.
- Obersht O. M. (2017). *Rosijsky natsionalistichny ruh na Nadnipyrianskij Ukraini na pochatku XX st.: ideologiya ta praktika* [Russian Nationalist Movement in Dnieper Ukraine in the Early 20th Century: Ideology and Practice], Chernivtsi: Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University.
- Omelyanchuk I. V. (2000) *Chernosotenne dvizhenie na territorii Ukrainy (1904—1914 gg.)* [Black-Hundred Movement in Ukraine (1904—1914)], Kyiv: Akadempress.
- Omelyanchuk I. V. (2006) *Chernosotenne dvizhenie v Rossijskoj imperii (1901—1914)* [Black-Hundred Movement in the Russian Empire (1901—1914)], Kyiv: MAUP.
- Shulgina E. G. (2019) *Konspekt moih politicheskikh perezhivaniij (1903—1922)* [Summary of My Political Experience (1903—1922)]. (Ed. by A. A. Chemakin), Moscow.
- Stepanov S. A. (2013) *Chernaya sotnya. Chto oni sdelali dlya velichiya Rossii?* [The Black Hundred. What Did They Do for Russia's Greatness?], Moscow: Yauza-Press.
- Stepanov S. A. (2014) "Istinno russkie" na Ukraine. 1905—1917 gody ["Truly Russians" in Ukraine. 1905—1917]. *Public Administration*, no 47, pp. 488—489.
- Sulyak S. G. (2018) Za veru, tsarya, Otechestvo i zemlyu krest'yanam. O deyatelnosti otdelov Soyuza russkogo naroda v Khotinskom uezde Bessarabskoj gubernii [For faith, tsar, fatherland and land to peasants. On the activities of the branches of the Union of the Russian People in the Khotinsky uyezd of the Bessarabian Province]. *Rusin*, vol. 54, no 4, pp. 169—188.
- Vitaly [Maksimenko] (1955) *Motivy moej zhizni* [Motives of My life], Jordanville—New York.
- Vitaly [Maksimenko] (1909) *Soyuznaya nauka* [Allied Science], Pochaev.

«Затомилась деревня невесточкой...»: судьба женщины в лирике С. А. Есенина периода Первой мировой войны¹

А. А. Николаева

Алла Александровна Николаева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Есенинской группы, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. 121069 Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1. E-mail: allanikolaeva27@mail.ru

Аннотация. С. А. Есенин — свидетель и участник Первой мировой войны — откликнулся на нее целым рядом произведений, написанных в течение 1914–1915 годов. Будучи «певцом деревни», «крестьянским Лелем», поэт искренне переживал за родных и близких ему крестьян, отправившихся на фронт. Большая часть произведений Есенина, являющихся откликами на события Первой мировой войны, отражает жизнь деревни и изменение привычного крестьянского уклада. Особое значение для поэта приобретает тема несчастной судьбы женщины-крестьянки. Ей посвящены стихотворения «Узоры» и «Молитва матери». Есенин показывает горе невесты, которая вышивает согласно крестьянской традиции узор, изобилующий траурными символами. С болью повествует об одинокой матери, живущей на краю деревни и поминающей сына-кормильца. В других произведениях, навеянных событиями идущей войны, также присутствуют женские образы. В маленькой поэме «Русь» Есенин описывает ополчение, проводы мужчин, ожидание и получение вестей с фронта, веру в победу как моменты частной жизни крестьянок, неотделимые от реалий сельской жизни. Неоднократно обращаясь к описанию проводов мужчин из сел и деревень, поэт не всегда подчеркивает плач женщин, предчувствующих беду, он также представляет гуляние рекрутов с «девчоночками лукавыми» в праздничном ключе, обращаясь к личному опыту («По селу тропинкой кривенькой...»). Тем не менее главным результатом войны для Есенина становится смерть воинов, поэтому с образами крестьянок периода Первой мировой войны преимущественно связаны мотивы слез, страданий и поминовения.

Ключевые слова: С. А. Есенин, Первая мировая война, деревня, мотивы, «Русь», «Молитва матери», «Узоры», «По селу тропинкой кривенькой...»

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-79-88

Большая часть произведений С. А. Есенина, созданных в 1914–1915 годах и являющихся откликами на события Первой мировой войны, отражает жизнь деревни и изменение привычного крестьянского уклада. Поэт подчеркивал особый характер освещения военной темы в своем творчестве: «Резкое различие со многими петербургскими поэтами в ту

1. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта РФФИ № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А. Н. Толстого, Н. С. Гумилева, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, И. Э. Бабея.

эпоху сказалося в том, что они поддались воинствующему патриотизму, а я, при всей своей любви к рязанским полям и к своим соотечественникам, всегда резко относился к империалистической войне и к воинствующему патриотизму. Этот патриотизм мне органически совершенно чужд. У меня даже были неприятности из-за того, что я не пишу патриотических стихов на тему “гром победы раздавайся”, но поэт может писать только о том, с чем он органически связан» (Розанов, 1986: 443). В произведениях Есенина осмыслены различные аспекты войны. Важное значение для поэта приобретает тема несчастной судьбы женщины-крестьянки. Полностью данной теме посвящены два стихотворения — «Молитва матери» и «Узоры», где подчеркивается трагедия матери и невесты, потерявших на войне близкого человека. В большинстве произведений, затрагивая тему войны, Есенин пишет о том, как ее воспринимают женщины — матери, тетки, невесты, девки, бабы.

Актуальным для творчества поэта становится мотив проводов мужчин на войну. Во всех произведениях, где он заявлен, присутствует описание поведения женщин. В маленькой поэме «Русь» (1914) Есенин воспекает крестьянскую Россию: указание на конкретное место действия в произведении отсутствует, поэт создает обобщенный образ русской деревни, в которой сохранился патриархальный уклад жизни. Отмечая противоестественность войны для крестьянства — «мирных пахарей», Есенин описывает ополчение, проводы мужчин, ожидание и получение вестей с фронта как моменты частной жизни. В третьей и четвертой главах поэмы показано изменение жизни деревни в связи с призывом крестьян на военную службу. Антитезой идет мысль, что до начала войны сельская жизнь была наполнена радостью, проявлявшейся не только во время отдыха (песня на лугу, пляска у костра), но и в работе («веселый покос»). Начало войны объясняется не политическими причинами, а суеверием русского народа: «Понакаркали черные вороны / Грозным бедам широкий простор / <...> / Машет саваном пена с озер» (Есенин, 1997: 18).

Типичное мировосприятие крестьян отметила сестра поэта А. А. Есенина: «Жили мы <...> с чертями, колдуньями, с приметами, поверьями» (Есенина, 1986: 92). О чтении поэтом в начале 1915 года данного произведения вспоминал С. Д. Фомин: «Читал Сережа с душой и с детски чистым и непосредственным проникновением в те события, какие надвигались на любимую им, мужичью, в берестяных лапотках, Русь» (Фомин, 1926: 130).

В произведениях после известия о необходимости ополчения Есенин повествует о женской реакции на данную новость: «Загыгыкали бабы слободские» (Есенин, 1997: 19). Поэт использует диалектный глагол со значением «издавать звуки, похожие на птичий гомон. Ср.: гыкать — о звуке лебедей» (Никольский, 2019: 42), указывая на активное обсуждение вестей, значимых для жизни деревни. И сразу же у всех женщин возникает предчувствие беды, поэтому их горе приобретает масштабный характер: «Плач прорезал кругом тишину» (Есенин, 1997: 19). Мотив плача при прощании с мужчинами, которые собираются на войну, традиционен для лирики военных лет — например,

стихотворение И. Гриневской «Последнее прощанье матери» написано от лица матери, провожающей сына и безутешно рыдающей:

Мой сын, прости за эти слезы!
 Прости, что плачу я теперь! <...>
 Ступай с врагом в смертельный бой...
 Ступай!.. ты жизни мне дороже!
 Ступай, прощай, Господь с тобой (Гриневская, 1915: 129).

Вместе с тем редко встречается и другая позиция — героиня стихотворения «Ушли...» М. Веселковой-Кильштет осознает особую миссию русской женщины, поэтому заставляет себя не плакать при прощании:

О, сердце женское. Ты снова,
 Как и сто долгих лет назад,
 На подвиг скорбный свой готово:
 «Иди, мой муж!.. Мой сын!.. Мой брат!..

Идите все!..» Ни слез, ни стона... (Веселкова-Кильштет, 1915: 58).

В произведении Есенина противоположностью подобному поведению баб становятся спокойные сборы на войну мужчин:

Собиралися мирные пахари
 Без печали, без жалоб и слез,
 Клади в сумочки пышки на сахаре
 И пихали на кряжистый воз (Есенин, 1997: 19).

Подчеркивая основное занятие крестьян, Есенин неслучайно дает им характеристику «пахари», и усиливает данную мысль интересной деталью: главное, что берут с собой из дома мужчины — хлеб, но особый. «Пышки на сахаре», очевидно, приготовленные женщинами в дорогу, «главный знаковый элемент окказионального ритуала», обряда проводов; их «надо понимать как созданные с применением дорогостоящего продукта — покупного сахара, что допускалось исключительно по торжественным и серьезным случаям» (Самоделова, 2012: 53).

В ином, праздничном и радостном ключе представлен обряд проводов мужчин в армию в стихотворении о рекрутах «По селу тропинкой кривенькой...» (1914): Есенин, основываясь на личных впечатлениях, описывает песни под ливенку, веселый пляс. Когда поэт призвали на военную службу, по свидетельству односельчанина, «в деревне устроили <...> провода. Гульнули мы тогда напоследок крепко. Понятно, не с радости, а с большого горя. Война к этому времени унесла из константиновских семей уже не одного кормильца. Был вместе с нами и Есенин. Он хорошо передал наше настроение в стихотворении “По селу тропинкой кривенькой...”» (Калинкин, 1975: 98–99). Благодаря образам крестьянских девушек и деталям их портретной характеристики (бусы, платки) в произведение вводится мотив игры и праздника:

А. А. Николаева
 «Затомилась деревня невесточкой...»: судьба женщины в лирике С. А. Есенина периода Первой мировой войны

Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.
Выходили парни бравые
За гуменные плетни.
А девчоночки лукавые
Убегали, — догони!

Над зелеными пригорками
Развевались платки (Есенин, 1996: 48–49).

Предчувствие трагического конца появляется лишь в финальных строках, где употреблен эпитет «остальные деньки».

В стихотворении «Удалец» <1914–1915> представлены оба аспекта женского восприятия проводов, здесь сопряжены мотивы плача и любви при прощании. В отличие от рекрутов герой сам изъявляет желание отправиться на войну. Написанное от лица новобранца произведение пронизано молодецкой удалью, задором и желанием проявить себя в бою с врагом. О том, что участие героя в войне представляет горе для семьи, читатель узнает из обращения удальца к близким: «Не ревите, мать и тетка» (Есенин, 1996: 85). По предположению И. Ф. Герасимовой, героем стихотворения является казак (Герасимова, 2013: 162). Стихотворение перекликается с «Казачьей песней» Н. Агнивцева (1915), в том числе мотивом удали, верой в скорую победу над врагом и схожей просьбой к женщинам:

Мать, не хмурь седую бровь,
Провожая сына;
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина! (Агнивцев, 1915: 108).

Попутно отметим, что в созданных в это же время маленьких поэмах «Ус» (1914) и «Марфа Посадница» (1914), где Есенин обращается к военному опыту русской истории, также присутствует мотив плача во время проводов: Ус при прощании обращается к матери со схожей просьбой: «Ты не стой, не плачь на дорогу» (Есенин, 1997: 22); бабы, провожая стрельцов, «подолами слезы утирали» (Есенин, 1997: 9). Вместе с тем в стихотворении Есенина «Удалец» есть и другая женская позиция — о печали невесты умалчивается, «красотка» дарит удальцу два серебряных кольца. В ответ на такой подарок у героя возникает желание: «Эх, достану я ей пикой / Душегрейку на меху» (Есенин, 1996: 85).

Таким образом, Есенин показывает различное восприятие женщинами проводов. Плачут при прощании замужние женщины: матери, тетки («Удалец», поэма «Ус»), «бабы» (поэма «Русь»). О печали незамужних женщин ничего не сказано — «девчоночки» заигрывают с рекрутами («По селу тропинкой кривенькой...»), невеста дарит возлюбленному кольца в знак любви и верности («Удалец»).

С женскими образами в лирике Есенина периода Первой мировой войны связан также мотив ожидания воинов. В поэме «Русь» Есенин

описывает тревогу за ушедших на войну родных, вновь связанную с народными приметам и поверьями: «В роще чудились запахи ладана, / В ветре бластились стуки костей» (Есенин, 1997: 19). Надежда на скорый благополучный итог войны появляется в деревне после получения писем от родных. Есенин обращает внимание на восприятие мужчин как героев, обладающих недюжинной силой, бабы радуются «на успехи родных силачей» (Есенин, 1997: 20). Радость после получения письма с фронта и вера в скорую победу описаны в стихотворении А. Журина «Из писем на войну» (1915), однако в нем представлен типичный образ женщины, ожидающей с фронта мужа:

Воин мой, как я тобой горжусь!
 Твой портрет, ложась, целую нежно...
 О победе я уж не молюсь:
 Там, где ты, — победа неизбежна! (Журин, 1915: 123)

Есенин говорит именно о крестьянском восприятии событий, подчеркивает неграмотность сельских женщин: «груды вестей» всем читает четница Луша. Важность хороших новостей сопоставлена в произведении с реалиями крестьянской жизни:

Они верили в эти каракули,
 Выводимые с тяжким трудом,
 И от счастья и радости плакали,
 Как в засуху над первым дождем (Есенин, 1997: 20).

Мечты о будущем мирном и счастливом времени также неотделимы от крестьянского труда: «А за думой разлуки с родимыми / <...> / Им мерещился в даях за дымами / Над лугами веселый покос» (Есенин, 1997: 20–21). Отметим, что в стихотворении «Край ты мой заброшенный...» (1914) Есенин опишет запустение родных мест в связи с отсутствием мужской силы в деревне: «Сенокос некошенный / <...> / Избы забоченились» (Есенин, 1995: 60).

Чаще всего Есенин акцентирует ожидание матерями ушедших на войну сыновей. С мотивом ожидания в этих случаях связан мотив молитвы: материнская молитва издревле считается одной из сильнейших защит человека; согласно русской пословице, включенной в книгу В. И. Даля, «Материнская молитва со дна моря вынимает (достает)» (Даль, 1989: 338). В лирике периода Первой мировой войны актуализируется мотив женской молитвы за воинов. Так, стихотворение С. М. Городецко-го «У Казанской» (1914) посвящено соборной молитве русских женщин:

У Казанской Божьей Матери
 Тихо теплятся огни.
 Жены, дочери и матери
 К Ней приходят в эти дни.
 И цветы к Ее подножию

Ставят с жаркою мольбой:
 — Матерь-Дева, силой Божьею
 Охрани ушедших в бой (Городецкий, 1915: 27).

Стихотворение З. Н. Гиппиус «Ему» (1915) написано в форме молитвы от женского лица: «Ближих наших, Господи, близких сохрани!» (Гиппиус, 1922: 51); материнская молитва звучит в стихотворении А. Дрождинина «Орина, мать солдатская» (1915): «И рыдает мать несчастная / До утра перед иконою / <...> / Охрани его, Заступница, / Защити Своею силою!» (Дрождинин, 1915: 134–135). В то же время в произведениях о войне описаны моменты, когда женская молитва доходит до солдата, служит ему защитой, находит отклик в его сердце. В стихотворении С. Михеева «Молитва» (1914) вечером среди солдат появляется «светлый призрак», ангел:

Светлый призрак пришел невидимкою
 И ласкает усталых солдат...
 Кто он?.. Матери дума глубокая,
 Иль молитва тревожной жены? (Михеев, 1914: 22)

В песне «Сын» из сборника «Военные песни» (1914) молодой крестьянин ночью не спит, вспоминает родной край и мать:

Он вперил взор в далекий край,
 Туда, где низенькие хатки
 В раздумье смотрят в темный гай. <...>
 Грустит о нем там мать родная,
 За сына молится она...
 Слеза невольная блеснула
 У молодого храбреца —
 То мать родная ль вспомнула
 В своих молитвах молодца? (Военные песни, 1914: VI)

В творчестве Есенина периода Первой мировой войны Ус, герой одноименной поэмы, обращается к матери с просьбой: «Зажигай свечу, молись Богу» (Есенин, 1997: 22). В конце поэмы автор повествует: «Заждалася сына дряхлая вдовица, / День и ночь горяя, сидя под божницей» (Есенин, 1997: 23). Лирический герой «Руси» также отмечает: «Я люблю эти хижины хилые / С поджиданьем седых матерей»; «Я хочу верить в лучшее с бабами, / Тепля свечку вечерней звезды» (Есенин, 1997: 20). В стихотворении «Молитва матери» (<1914>) в первых строках возникает схожий образ: «...Там перед иконою молится старушка. / Молится старушка, сына поминает, / Сын в краю далеком родину спасает» (Есенин, 1996: 71). Уже в заглавии заявлен ведущий для произведения мотив, однако здесь мать молится за убитого сына, поэтому ее молитва поминальная. Схожая поминальная молитва за сына описана в стихотворении П. Орешникова «Мать» (1914),

героиня которого живет в городе, ходит в собор. Как и в произведении Есенина, мотив молитвы здесь сопряжен с мотивом плача: «На паперть у креста склониться дремно ниц / Влекут ее привычно дряхлые колени / И слезы — жемчуг рос на бархате ресниц» (Орешников, 1914: 18). В другом стихотворении Есенина, «Занеслися залетною пташкой...» (<1915>), в образе матери, служащей панихиду по убитым сынам, предстает родина: «Родина, черная монашка, / Читает псалмы по сынам» (Есенин, 1996: 116).

Главный итог Первой мировой войны, описанный в лирике Есенина данного периода, — смерть воинов. Поэт неоднократно затрагивает тему горя, которое вошло в жизнь и конкретных людей, и деревни в целом. О личной трагедии женщин Есенин пишет в стихотворениях «Молитва матери» и «Узоры» (<1914>). В первом случае описано горе крестьянки, чьи надежды на хорошую жизнь, очевидно, были связаны с убитым сыном: детали образа (седая голова, усталые глаза) и обстановки (старая избушка находится на краю деревни) подчеркивают старость и одиночество героини. В «Узорах» поэт повествует о несчастной судьбе невесты, оригинально представляя данную тему — он описывает подготовку девушки к замужеству и традиционное для крестьян вышивание узора, который из-за смерти жениха наполнен мрачными символами. Образ невесты, ожидающей с войны жениха, возникает и в маленькой поэме «Русь», однако будущее героини неизвестно: «Я гадаю по взорам невестиным / На войне о судьбе жениха» (Есенин, 1997: 20). Стихотворения «Молитва матери» и «Узоры» обладают сходством на сюжетном, стилистическом, композиционном уровнях; в них доминируют мотивы гибели близкого человека, страдания и грусти. И мать, и невеста «совершают мысленное паломничество на поле боя» (Герасимова, 2008: 342). Мысли героини о том, что происходит на фронте с родными, нередко описаны в лирике Первой мировой войны: «Словно вижу воспаленным взглядом, / Как ты скачешь на лихом коне / Со своим отчаянным отрядом» (Журин, 1915: 123); «Мой печальный взор / Видит дальний путь... / Видит гром и кровь / Средь чужих равнин» (Вадимова, 1915: 131); «Сны приходят невеселые / Про кипучие сражения. / Вот — лежит сынок в полянушке / Пораскинув руки в стороны / <...> / Очи выклевали вороны» (Дрождинин, 1915: 134). Есенин же показывает ситуацию, не связанную с ожиданием женщинами известий с фронта и волнением за судьбу близких. Его героини уже знают о гибели дорогих людей и представляют погибших воинов героями, павшими смертью храбрых, поэтому состояние матери особое — «счастье с горем». В финале обоих произведений возникает мотив плача: у матери «из глаз, как бисер, сыплются слезинки» (Есенин, 1996: 71); «девушка, как призрак, плачет у окна» (Есенин, 1996: 81). Плач женщин по убитым во время войны был описан Есениным уже в первом произведении, посвященном событиям Первой мировой войны. Это поэма «Галки» (<1914>), текст которой не сохранился, а о содержании сказано в воспоминаниях Г. Д. Деева-Хомяковского: «В августе <1914> <...> Есенин написал небольшую поэму “Галки”, в которой отобразил ярко поражение наших войск, бе-

гущих из Пруссии, и плач жен по убитым» (Деев-Хомяковский, 1986: 149). Стихотворение «Поминки» (<1915>) посвящено отпеванию сразу нескольких покойников, очевидно погибших на фронте, которое сопровождает плач женщин по молодым людям: «Причитают матери и крёстные, / Голосят невесты и золовки» (Есенин, 1996: 118). В 1925 году поэт вновь обратится к теме войны в поэме «Анна Снегина» и с помощью мотива плача опишет горе в доме помещицы, мужа которой убили на войне. Есенин, таким образом, покажет сходство женских судеб разных сословий в военное время.

В произведениях, посвященных Первой мировой войне, Есенин неоднократно затрагивает тему женского восприятия событий: описывает слезы при прощании, ожидание вестей с фронта, молитвы за ушедших на войну и погибших. Особо поэт говорит о трагической судьбе в связи с потерей сына или жениха. В отличие от современников, описывающих схожие переживания и горе женщин, поэт обращает внимание на восприятие войны крестьянами. Поэтому мотив проводов в лирике Есенина не связан исключительно с мотивом плача, он также сопряжен с праздничным, связанным с прощальным гулянием рекрутов в селе («По селу тропинкой кривенькой...»). Вера в скорую победу неотделима от реалий крестьянского быта и мечтах о «веселом покосе» («Русь»). Несчастливая судьба невесты оригинально передана через вышивание узора при подготовке к замужеству, который приобретает траурный характер («Узоры»). И тем не менее наиболее часто Есенин пишет о смерти воинов, поэтому с образами крестьянок периода Первой мировой войны преимущественно связаны мотивы слез, страданий и поминовения.

Библиография

- Агнивцев Н. (1915). Казачья песня // Современная война в русской поэзии. Вып. 1 / Сост. Б. Б. Глинский. Пг: Тип. т-ва А. С. Суворина. С. 108.
- Вадимова В. (1915). Мать // Современная война в русской поэзии. Вып. 1 / Сост. Б. Б. Глинский. Пг: Тип. т-ва А. С. Суворина. С. 131.
- Веселкова-Кильштет М. (1915). Ушли... // Современная война в русской поэзии. Вып. 1 / Сост. Б. Б. Глинский. Пг: Тип. т-ва А. С. Суворина. С. 58.
- Военные песни (1914). М.: Тип. С. Алянчикова.
- Герасимова И. Ф. (2008). Мифопоэтическая символика в произведениях Есенина и К. Симонова, связанных с военной тематикой // Есенин и мировая культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. — Константиново — Рязань: Пресса. С. 341–349.
- Герасимова И. Ф. (2013). Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914–1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи. Рязань: РИД.
- Гиппиус З. Н. (1922). Стихи. Дневник 1911–1921. Берлин: Слово.
- Городецкий С. М. (1915). Четырнадцатый год. Пг: Лукоморье.
- Гринеvская И. (1915). Последнее прощание матери // Современная война в русской поэзии. Вып. 1 / Сост. Б. Б. Глинский. Пг: Тип. т-ва А. С. Суворина.
- Даль В. И. (1989). Пословицы русского народа. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Деев-Хомяковский Г. Д. (1986). Правда о Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М.: Художественная литература. С. 147–150.

- Дрождинин А.* (1915). Орна, мать солдатская // Современная война в русской поэзии. Вып. 1 / Сост. Б. Б. Глинский. Пг: Тип. т-ва А. С. Суворина.
- Есенин С. А.* (1995). Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1 / Подгот. текстов и коммент. А. А. Козловского. М.: Наука; Голос.
- Есенин С. А.* (1996). Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 4 / Подгот. текстов и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова. М.: Наука; Голос.
- Есенин С. А.* (1997). Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 2 / Подгот. текстов и коммент. С. И. Субботина. М.: Наука; Голос.
- Есенина А. А.* (1986). Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М.: Художественная литература. С. 55–125.
- Журин А.* (1915). Из писем на войну // В эти дни: литературно-художественный альманах. М.: Наши дни.
- Калинкин Н. П.* (1975). В одном классе // Воспоминания о Сергее Есенине / Под ред. Ю. Л. Прокушева. М.: Московский рабочий. С. 97–99.
- Михеев С.* (1914). Молитва // Нива. № 50. С. 22.
- Никольский А. А.* (2019). Словарь диалектной лексики в поэзии С. А. Есенина (продолжение) // Современное есениноведение. № 2 (49). С. 40–46.
- Орешников П.* (1914). Мать // Нива. № 47. С. 18.
- Розанов И. Н.* (1986). Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М.: Художественная литература. С. 428–444.
- Самоделова Е. А.* (2012). Гастрономическая поэтика С. А. Есенина и народная пищевая культура. Рязань: РИНФО.
- Фомин С. Д.* (1926). Из воспоминаний // Памяти Есенина. М.: Издательство Всесоюзного союза поэтов. С. 126–135.

А. А. Николаева
«Затомилась деревня невесточкой...»: судьба женщины в лирике С. А. Есенина периода Первой мировой войны

“Village Languishing in Ignorance...”: Woman’s fate in the lyrics of S. A. Esenin during the World War I

Alla A. Nikolaeva, PhD (Philology), Senior Researcher, Scientific Secretary of the Esenin Group, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Povarskaya St., 25a, bldg. 1, Moscow, 121069, Russia. E-mail: allanikolaeva27@mail.ru

Abstract. As its witness and participant, S. A. Esenin responded to the World War I with works written in 1914–1915. As the “singer of the village”, the poet sincerely worried about peasants who were close to him and went to the front. Most of Esenin’s works about the World War I reflect the village life and changes in the usual peasant way of life, especially the unfortunate fate of the peasant woman, to whom the poems “The Patterns” (<1914>) and “The Mother’s Prayer” (<1914>) are dedicated. Esenin shows the bride’s grief and tells the story of the lonely mother commemorating her breadwinner son. Other works inspired by war events also present female images: in the little poem “Rus” (1914), Esenin describes militia, departure of men, women waiting for and receiving news from the front and faith in victory as moments in the life of peasant women inseparable from village realities. When repeatedly describing the sendoff of men from villages, Esenin not only emphasizes the crying of women anticipating troubles but also mentions outdoor festivities of recruits with playful girls, referring to his personal experience (“Through the Village by the Crooked Path...”, 1914). However, the main result of war for the poet is the death of soldiers; therefore, the images of peasant women in his works of the World War I are associated mainly with tears, suffering and commemoration.

Key words: S. A. Esenin, World War I, village, motives, “Rus”, “The Mother’s Prayer”, “The Patterns”, “Through the Village by the Curved Road...”

- ИСТОРИЯ Agniltsev N. (1915) Kazachiya pesnya [Cossack Song]. *Sovremennaia voina v russkoi poezii*, vyp. 1. (Comp. by B. B. Glinsky), Petrograd: Tipografiia tovarishchestva A. S. Suvorina, p. 108.
- Dal V. I. (1989) *Poslovitsy khuzhskogo naroda v 2 t.* [Proverbs of the Russian People in 2 vols.], vol. 1, Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Deev-Khomyakovskiy G. D. (1986) Pravda o Esenine [The Truth about Esenin]. S. A. *Esenin v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t.* (Ed. by A. A. Kozlovskiy), vol. 1, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 147–150.
- Drozhdinin A. (1915) Orina, mat soldatskaia [Orina, Soldier's Mother]. *Sovremennaia voina v russkoi poezii*, vyp. 1. (Comp. by B. B. Glinsky), Petrograd: Tipografiia tovarishchestva A. S. Suvorina, pp. 134–135.
- Esenin S. A. (1995) *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t.* [Complete Works in 7 vols.]. (Comp. by A. A. Kozlovskiy), vol. 1, Moscow: Nauka; Golos.
- Esenin S. A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.* [Complete Works in 7 vols.]. (Comp. by S. I. Subbotin), vol. 2, Moscow: Nauka; Golos.
- Esenin S. A. (1996) *Polnoe sobranie sochineniy v 7 t.* [Complete Works in 7 vols.]. (Comp. by S. P. Koshechkin, N. G. Yusov), vol. 4, Moscow: Nauka; Golos.
- Esenina A. A. (1986) Rodnoe i blizkoe [Dear and Close]. S. A. *Esenin v vospominaniyah sovremennikov v 2 t.* (Ed. by A. A. Kozlovskiy), vol. 1, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 55–125.
- Fomin S. D. (1926) Iz vospominaniy [From memories]. *Pamyati Esenina*, Moscow: Izd-vo Vserossijskogo soiuzha poetov, pp. 126–135.
- Gerasimova I. F. (2008) Mifopoeticheskaya simbolika v proizvedeniyah S. Esenina i K. Simonova, svyazannyh s voennoi tematikoi [Mythopoeic Symbolism in the Works of S. Esenin and K. Simonov Related to Military Themes]. *Esenin i mirovaya kultura*. (Ed. by O. E. Voronova, N. I. Shubnikova-Guseva), Moscow–Konstantinovo–Ryazan: Pressa, pp. 341–349.
- Gerasimova I. F. (2013) *Khudozhestvenno-filosofskoe osmyslenie Pervoy mirovoy voyny v russkoy poezii 1914–1918 gg. v istoriko-kulturnom kontekste epokhi* [Artistic-Philosophical Understanding of the World War I in the Russian Poetry of 1914–1918 in the Historical-Cultural Context of the Epoch], Ryazan: RID.
- Gippius Z. N. (1922) Emu [To Him]. *Stikhi. Dnevnik 1911–1921*, Berlin: Slovo, p. 51.
- Gorodetsky S. M. (1915) U Kazanskoi [At the Kazanskaya]. *Chetyrnadtsaty god*, Petrograd: Lukomorie, p. 27.
- Grinevskaya I. (1915) Poslednee proshchanie materi [Mother's Last Farewell]. *Sovremennaia voina v russkoi poezii*, vyp. 1. (Comp. by B. B. Glinsky), Petrograd: Tipografiia tovarishchestva A. S. Suvorina, p. 129.
- Kalinkin N. P. (1975) V odnom klasse [In a Class]. *Vospominaniya o Sergee Esenine*. (Ed. by Yu. L. Prokushev), Moscow: Moskovskiy rabochy, pp. 97–99.
- Mikheev S. (1914) Molitva [Prayer]. *Niva*, no 50, p. 22.
- Nikolsky A. A. (2019) Slovar dialektnoi leksiki v poezii S. A. Esenina [Dialect Vocabulary in S. A. Esenin's Poetry]. *Sovremennoe Eseninovedenie*, no 2, pp. 40–46.
- Oreshnikov P. (1914) Mat [Mother]. *Niva*, no 47, p. 18.
- Rozanov I. N. (1986) Vospominaniya o Sergee Esenine [Memories about Sergey Esenin]. S. A. *Esenin v vospominaniyah sovremennikov v 2 t.* (Ed. by A. A. Kozlovskiy), vol. 1, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 428–444.
- Samodelova E. A. (2012) *Gastronomicheskaya poetika S. A. Esenina i narodnaya pishchevaya kultura* [S. A. Esenin's Gastronomic Poetics and the Folk Food Culture], Ryazan: RINFO.
- Vadimova V. (1915) Mat [Mother]. *Sovremennaia voina v russkoi poezii*, vyp. 1. (Comp. by B. B. Glinsky), Petrograd: Tipografiia tovarishchestva A. S. Suvorina, p. 131.
- Veselkova-Kilishtet M. (1915) Ushli... [They're Gone...]. *Sovremennaia voina v russkoi poezii*, vyp. 1. (Comp. by B. B. Glinsky), Petrograd: Tipografiia tovarishchestva A. S. Suvorina, p. 58.
- Voennye pesni* (1914) [War Songs], Moscow: Tipografiia S. Alianchikova.
- Zhurin A. (1915) Iz pisem na voynu [From Letters to the War]. *V eti dni: literaturno-khudozhestvennyy almanakh*, Moscow: Nashi dni, p. 123.

«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

Ю. Н. Тимкин

Юрий Николаевич Тимкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Вятский государственный университет. 610000, Киров, ул. Московская, 36. E-mail: timkin43@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мероприятия курса «лицом к деревне», проводившиеся коммунистической партией в 1924–1926 годах, на примере Вятской губернии. Работа основывается на архивном материале Центрального государственного архива Кировской области. Рассмотрена деятельность комиссии по работе в деревне при Вятском губкоме партии; практические меры губкома по созданию беспартийного актива, привлечению крестьян в партию, укреплению низового советского звена. Обследование жизни и быта крестьян одной из волостей губернии, в частности хозяйств крестьян-коммунистов, позволяет заключить, что многие члены сельских и волостных партийных организаций мало чем отличались от так называемой «зажиточной верхушки деревни», были тесно связаны с ней. У молодых активных крестьян возникала хорошая перспектива, вступив в правящую партию, улучшить свой социальный статус, сделать карьеру. Практические мероприятия губкома были направлены на то, чтобы стимулировать вступление в партию бедняков и батраков, крестьян, прошедших службу в Красной армии, комсомольцев, активистов делегатских женских собраний, продвигая их на различные оплачиваемые должности в советском и партийном аппарате, кооперации. Автор пришел к выводу, что мероприятия курса позволили партийной элите начать организацию деревенской бедноты и батрачества, по сути, сконструировав «сельский пролетариат», расколоть деревню, приступить к «созданию» «класса» кулаков, превратив его в своего главного врага в деревне.

Ключевые слова: Вятская губерния, губком, комиссия, волостные организации РКП(б), коммунисты, крестьяне, бедняки, кулаки

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-89-108

Несмотря на то что изучению политики коммунистической партии и государства по отношению к крестьянству в годы НЭПа посвящено большое количество научных работ, тема продолжает вызывать устойчивый интерес российских исследователей, что обусловлено, помимо прочего, множеством региональных особенностей в развитии нэповской деревни. Наша работа относится к истории Вятской губернии и охватывает лишь период 1924–1926 годов, когда политика по отношению к крестьянству осуществлялась под лозунгом «лицом к деревне».

В исследовании Ю. А. Яхутль курс «лицом к деревне» рассматривается как проявление компромисса власти и крестьян-

ства (Яхутль, 2023). В. Н. Бровкин, анализируя политику в годы НЭПа, оценивает курс «лицом к деревне» как «лицом к поражению», подчеркивая неприятие его деревней (Бровкин, 2002). В ряде работ различные аспекты политики по отношению к крестьянству анализируются на материалах регионов России. Так, в диссертационном исследовании И. В. Гончаровой речь идет о политике на материалах Центрально-Черноземной области (Гончарова, 2009). Г. Ф. Доброноженко детально изучила феномен кулака в социальной политике советского государства в годы НЭПа и первой половине 1930-х на материалах Северного края (Доброноженко, 2010). Л. Н. Лютов тщательно исследовал деятельность партийных организаций среднего Поволжья по организации групп бедноты в годы НЭПа (Лютов, 2013). С. А. Головин описал механизм восходящей социальной мобильности, когда многие молодые и энергичные рабочие и крестьяне, вступившие в партию, смогли занять ту или иную руководящую должность (Головин, 2008).

По Вятскому региону можно отметить лишь статью О. Н. Леконцева и монографию И. В. Чемоданова (Леконцев, 2015; Чемоданов, 2005). Наиболее основательно тему нэповской деревни рассмотрел Чемоданов, который, вслед за советскими историками, утверждает, что «зажиточная верхушка деревни» негативно влияла «на деятельность местных партийных, советских, кооперативных и общественных организаций», искажая финансово-кредитную политику советской власти. В результате «значительная часть средств, направляемых на укрепление бедняцко-средняцких хозяйств, концентрировалась в руках зажиточных слоев крестьянства» (Чемоданов, 2011: 116). Иначе говоря, виной всему являлась «зажиточная верхушка деревни», которая «срачивалась» с коррумпированными местными партийными и советскими руководителями (Чемоданов, 2011: 141). Работ, посвященных изучению мероприятий партии в рамках курса «лицом к деревне», в историографии Вятского края нет.

Мероприятия курса «лицом к деревне»

Вятская деревня в 1923–1924 годах с трудом начала выходить из тяжелейшего кризиса, в котором она оказалась во время Гражданской войны, политики «военного коммунизма», голода и засухи начала 1920-х. «Лицо» деревенских коммунистов и сельских ячеек накануне объявления курса выглядело совсем непривлекательно. В докладе губернского комитета инструктору ЦК РКП(б) Дмитрию Шорохову в 1923 году отмечалось, что среди крестьян «сильна тяга к восстановлению своего хозяйства»: крестьяне «бросают общественную работу, уходят в свое хозяйство и всеми мерами его под-

правляют»¹. Хозяйственное положение большинства деревенских коммунистов «тяжелое, хозяйства развалены, нет скота. Состав организаций — поголовно крестьянский, хотя изредка попадают и кулаки»². Работа сельских ячеек «в большинстве (65%) неудовлетворительна, что обусловлено их малочисленностью, а также графической и политической неграмотностью членов». Секретарский состав ячеек «не выдерживает никакой критики»³.

Восстановление сельского хозяйства сопровождалось имущественным расслоением, появлением зажиточных и бедноты, а также ростом активности крестьянства, в особенности подрастающего поколения. Для большевистской элиты этот процесс таил чрезвычайную опасность — возрождение буржуазии, так что малейшие признаки имущественного расслоения крестьянства в партии рассматривались, прежде всего, через эту призму. Поэтому возросшую активность крестьянства решено было направить на укрепление позиций партии в деревне. И. В. Сталин в речи на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) 22 октября 1924 года выдвинул основную задачу: «...Создать многочисленный беспартийный актив из крестьян..., могущий соединить партию с десятками миллионов трудящихся крестьян» (Сталин, 1947: 305–306).

XIII съезд РКП(б) в мае 1924 года наметил целый ряд задач в области улучшения партийной работы в деревне. Особое внимание обращалось на «реорганизацию и улучшение советского низового аппарата», «улучшение работы сельсоветов и волисполкомов на основе вводимого волостного бюджета»⁴. Съезд признал наличие расслоения в деревне, отметив, что в сельском хозяйстве намечаются две тенденции: капиталистическая, когда «на одном полюсе накапливается капитал, а на другом — наемный труд, нищета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации — к социализму»⁵.

Летом 1924 года при ЦК РКП(б) была образована комиссия, на которой обсуждались вопросы развития деревни, классового расслоения, разрабатывались меры по усилению партийной работы среди крестьян, развитию кооперации. Октябрьский пленум ЦК 1924 года принял резолюцию, в которой были определены формы и методы партийной работы в деревне, получившие наименование «лицом к деревне». Губернскому комитету пришлось приложить немало усилий, чтобы разъяснить партийцам установки пленума и потребовать выполнения его решений. В секретном циркуляре губкома 26 ноября 1925 года отмечалось, что в губком начинают по-

1. Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГАКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 2 об., 3.
2. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 3.
3. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 3.
4. Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 641, 643.
5. Там же. С. 634.

ступать сведения о невыполнении директив пленума. В особенности это заметно в работе по перевыборам Советов, когда «некоторые уисполкомы предварительно определяют персональный состав председателей волисполкомов. Причем выдвигаемые кандидатуры не согласуются с партячейками и волкомпартами, а беспартийной части в составе председателей волисполкомов не отводится ни одного места»⁶. Губком категорически потребовал от укомов не допустить «никакого административного давления со стороны партии на выборщиков»⁷.

Для выяснения состояния партийной работы в деревне губком организовал в декабре 1924 года проведение I губернского совещания, на котором обсуждался большой круг вопросов: от очередных задач партии, состояния низового советского аппарата и докладов с мест до состояния работы с различными группами сельского населения. Во главу угла был поставлен вопрос о расслоении в деревне⁸, на которое правящая партия в середине 1920-х годов обратила самое пристальное внимание. Согласно марксистской теории, крестьянство в условиях рыночной экономики расслаивается на буржуазию и пролетариат. Это положение обусловило стремление теоретиков партии к конструированию, по выражению П. Бурдые, «класса на бумаге», или «возможного класса» (Бурдые, 1993: 59–60). Речь шла о конструировании класса сельской буржуазии, что предполагало внимательное ознакомление с процессами расслоения, идущими в деревне и их тщательный партийный анализ. Ведь нужно было выделить те признаки хозяйства крестьян, которые позволят вычлениить из крестьянства сельских кулаков-мироедов, эксплуататоров труда бедноты и батрачества. Как показала И. В. Гончарова, если «в середине 20-х гг. при определении признаков кулака определяющими были социально-экономические критерии, то в конце 20-х — социально-политические» (Гончарова, 2009: 362). Проблема выделения «кулаков» была «составной частью политики социального раскола деревни и фаворизации бедноты, проводимой властью в конце 1920-х гг. Она готовила почву для раскулачивания и коллективизации» (Там же). В партии не было единого понимания категории кулака, не было и единых указаний на сей счет. По выражению Г. Ф. Доброноженко, партийные работники при определении той или иной социальной группы крестьян полагались на интуицию (Доброноженко, 2010: 28).

6. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 82. Уисполкомы — уездные исполнительные комитеты Советов, уики; волкомпарты — волостные комитеты партии, волкомы.

7. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 83.

8. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 4.

До середины 1920-х годов партию мало интересовали процессы, которые происходили в деревне. Ситуация изменилась после объявления курса «лицом к деревне» и местным партийным органам пришлось заняться этой темой. Несмотря на то что губерния являлась крестьянской, руководящие органы партии состояли преимущественно из рабочих, поэтому они практически не представляли жизнь деревни. 8 октября 1924 года губком постановил создать «Комиссию по обследованию настроения и быта деревни» (далее — комиссия по обследованию) в составе представителей губисполкома, губкома партии, губернского земельного управления, с участием специалистов статистического бюро, управления финансов, народного образования и кооперации⁹. Руководитель комиссии Василий Попцов в качестве объекта обследования выбрал Кикнурскую волость Яранского уезда, обосновывая свой выбор «целесообразностью»¹⁰. Комиссия работала в волости с 9 декабря 1924 по 28 января 1925 года и обследовала 881 крестьянский двор, что составило 9% всех дворов волости¹¹.

Один из главных вопросов, на который комиссия должна была найти ответ, — расслоение деревни и его природа. Для выявления кулака комиссия руководствовалась критериями, предложенными ЦК партии: «Внешние признаки зажиточности крестьянского двора: посевность, скотность и сельхозинвентарь ни в коем случае не могут являться исчерпывающими признаками для определения кулацкой группы деревни. Но если накопление происходило за счет нетрудовых доходов хозяйства, как то: торговля, наем рабочих, сдача в аренду средств производства и т.д., то это будет верным показателем определения кулака»¹².

Изучая расслоение в деревне, член комиссии Сидоров сообщал 16 января 1925 года в письме членам губкома: «В деревне расслоение есть: видно по имущественному неравенству, роли и влиянию в ней более зажиточных крестьян...»; при этом основная масса деревни — крестьяне-середняки¹³. О расслоении в деревне сообщалось и в сводке крестьянских писем, присланных в редакцию «Вятской деревни», составленной в конце января 1926 года¹⁴. Однако материалы обследования сельских ячеек не позволяли создать однозначную картину. В Уржумском уезде, по данным укома партии, «ярко выраженного расслоения в деревне еще нет»¹⁵. В Ко-

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

9. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 762. Л. 20.

10. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 38.

11. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 134.

12. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 71.

13. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 148.

14. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 51.

15. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 165.

тельничском уезде «расслоение в деревне есть, его начали изучать, но к созданию групп бедноты пока не приступили»¹⁶. В Вятском уезде «вопросами изучения расслоения деревни пока не занимались»¹⁷. В конце 1924 года в письме в комиссию по обследованию секретарям сельских ячеек предлагалось присылать сведения о расслоении деревни, так как этот вопрос в рамках губернии остается «не выявленным»¹⁸.

На II губернском совещании партработников по работе в деревне, состоявшемся 10–16 октября 1925 года, руководство губкома пыталось привлечь внимание участников к вопросу о расслоении в деревне. Ответственный секретарь губкома Дмитрий Булатов был вынужден заявить, что выступающие в прениях по докладу Григория Кровицкого о работе в деревне «меньше всего» уделяли внимания расслоению в деревне. И нашел этому объяснение в том, что «нет еще определенных форм расслоения», и беднота «часто идет вместе с кулаками — почему, надо изучать»¹⁹. Его поддержал заведующий орготделом Котельничского уезда Семен Шабалин: «Расслоение в деревне есть, но оно нам, деревенским работникам на местах, не так заметно. В деревне бедноту и безлошадных крестьян называют лодырями»²⁰. Кровицкий в заключительном слове заявил, что «процесс проявления классовой обостренности в Вятской губернии незначителен», поэтому «организация групп бедноты... пока преждевременна»²¹. Совещание рекомендовало партработникам повсеместно заняться изучением расслоения деревни.

Комиссия по обследованию деревни сыграла важную роль в изучении крестьянства, его быта и повседневности. Председатель комиссии Василий Попцов в письме председателю губисполкома Василию Панфилову 20 декабря 1924 года писал: «Мы все в Вятке очень плохо знаем жизнь в деревне, то же можно сказать об уездных товарищах, даже наших волостных работниках. Партия в толщу крестьян не проникла, а погрузилась в бумагу»²².

В то же время комиссия была вынуждена отвлекаться на агитационно-пропагандистскую работу, так как крестьяне часто мало что знали о политике, проводимой большевиками. Кроме того, членам комиссии приходилось тратить много времени и сил на рассмотрение конкретных вопросов, нужд, волновавших крестьян. Отсюда был сделан вывод о том, что волостная ячейка со своими обязанностями не справляется. Так, беседа с секретарем волостной ячейки, народным судьей Бахмутовым показала, что «партийная работа

16. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 167.

17. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 13.

18. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 766. Л. 4.

19. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 13.

20. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 15.

21. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 20.

22. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 11.

не ведется нигде»²³. Волостная организация «видит деревню только официально при исполнении служебных обязанностей»²⁴. Показательна в этой связи реакция сотрудников Кикнурского волысполкома, на собрании которых 13 декабря 1924 года выступили члены комиссии. Члены волысполкома «не проронили ни звука — ответственный секретарь ячейки партии, налоговый инспектор, секретарь и члены волысполкома»²⁵. Они со всем соглашались и ждали указаний. Здесь перед нами предстает образ коммуниста, руководителя низового советского звена, который «ценит лояльность, послушание, строгий порядок и простые решения, которые можно увидеть и потрогать» (Шанин, 1995: 96).

Работа комиссии по обследованию собрала гигантский статистический материал, который везли на многих подводах. Однако изучить его и использовать в партийной работе так и не смогли. Анализ докладов, которые были представлены на рассмотрение губкома, свидетельствует, что они не приблизили руководство к пониманию расслоения в деревне. Материал, собранный комиссией, мог вызвать у думающего партийца и тревожный вопрос: если следовать логике определения кулака, то в эту категорию могли попасть не только крестьяне-середняки и бедняки, но и крестьяне-коммунисты.

Обследование жизни деревенских коммунистов

В рамках деятельности комиссии по обследованию проводилась работа и по изучению жизни деревенских коммунистов. В ее основу была положена «Рабочая программа», рекомендованная ЦКК партии под грифом «секретно». Актуальность обследования обосновывалась тем, что некоторыми парторганизациями страны «экономически-окрепшие хозяйства деревенских коммунистов стали рассматриваться как хозяйственно-обросший элемент, приравнивая его к кулакам, что явно нарушало линию партии в деревне»²⁶. ЦКК поставила задачу «серьезного и детального изучения вопроса о социальном составе деревенских ячеек...»²⁷.

Весной 1925 года губкомом было организовано выборочное обследование хозяйств деревенских коммунистов. В «каждом уезде было взято в среднем по 30 хозяйств коммунистов, всего — 251 хозяйство, что составляло 16,6% всех крестьян-коммунистов губернии»²⁸. Укомы командировали в типичные районы уезда ответственных работников, которые выявляли хозяйства коммуни-

23. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 5.

24. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 6.

25. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 142.

26. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 32.

27. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 32.

28. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 1.

стов, обследовали и заполняли подробную анкету. Далее анкета шла на рассмотрение и утверждение секретаря волостного комитета, который «на основе лично приобретенных сведений давал подробную характеристику опрашиваемого»²⁹.

Состав обследованных крестьян-коммунистов характеризуется следующими данными. Это была преимущественно молодежь до 25 лет — 76,8%, участвовавшая в общественной работе — 81,3%, служившая в армии — 64,5%, имеющая небольшой партийный стаж. Из них членов партии — 30,1%, кандидатов — 69,9%. Коммунисты — главы семейств, как правило, были грамотными, чего нельзя было сказать о членах их семей. В целом же преобладали малограмотные крестьяне, получившие лишь низшее образование — 97%. Для «многих партийцев чтение газет и книг являлось весьма обременительным». Так, на вопрос, какую несете партийную нагрузку, некоторые отвечали: никакой, кроме «задания читать газеты»³⁰. До 60% обследованных коммунистов имели «разного рода партийную нагрузку, причем у 50%, по их заявлениям, она негативно отражается на ведении хозяйства»³¹. 65,3% опрошенных проявили инициативу в организации какого-либо общественно-полезного дела³².

Материальное положение деревенских коммунистов

Инициаторы обследования разделили хозяйства коммунистов на три группы: беднота, середняки и зажиточные (экономически окрепшие). К первой группе отнесли тех, у кого не было ни лошади, ни коров, а земли было до 2 десятин, ко второй — 1 лошадь, 1–2 коровы и земли от 2 до 8 дес., к третьей — с более высокими показателями³³. Обследование показало, что семьи коммунистов более многочисленны, чем остальных крестьян, что являлось серьезным стимулом для них более активно искать средства к пропитанию семьи. Домохозяева расширяли свое хозяйство, в нем становилось больше домашних животных и инвентаря. Обследование установило, что хозяйство коммунистов «более сильное, чем у других крестьян», в нем больше и лошадей, и коров³⁴.

29. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 1.

30. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 4.

31. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 10.

32. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 11–12.

33. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 12–14.

34. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 168.

Анализ обеспеченности хозяйств коммунистов показал, что «главную массу составляют середняки, имеющие от 2 до 8 десятин земли (60%), 1 лошадь (72,5%) и 1–2 коровы (76,5%)»³⁵. Доля бедноты среди коммунистов меньше, чем в среднем среди крестьян. В то же время доля экономически окрепших хозяйств (зажиточных) — выше, чем в основной массе крестьянства. Заведующий орготделом губкома партии Григорий Кровицкий, проанализировавший эти факты, предлагал при приеме в партию проводить «более тщательный отбор... и принимать, прежде всего, беднейших крестьян»³⁶. Вместе с тем он отмечал, что опасную для партийцев тенденцию увеличения в партии доли материально более обеспеченных крестьян не следует преувеличивать.

При вступлении в партию материальное положение 27 коммунистов улучшилось³⁷. Данный факт ускользнул от внимания автора доклада, а ведь он как раз и свидетельствует о проявлении вертикальной мобильности: вступил в партию — назначили или выбрали на оплачиваемую должность! По заключению Кровицкого, накопление материальных ценностей в хозяйствах членов партии происходит «как за счет реализации сельскохозяйственной продукции, так и путем побочных заработков, общественной работы, кустарных отхожих промыслов»³⁸.

Связь материального роста с видами деятельности крестьян-коммунистов показана в таблице 1.

Таблица 1. Группы крестьянского населения и способы получения доходов, %

Группы по лошадности	Имеют излишки с/х продукции	Имеют побочный заработок	Занимают выборные должности
Безлошадные	20,4	70,4	70,4
1 лошадь	37,3	29,1	88,4
2 лошади	47,8	73,9	69,5
4 лошади	100,0	2,0	50,0

Источник: ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 18.

Анализ позволяет заключить, что в «окрепших» хозяйствах накопление шло за счет реализации продуктов своего хозяйства, поэтому главы таких хозяйств меньше занимают выборных должностей и имеют меньше источников заработка. «Окрепшим» коммунистам некогда заниматься не только выборной советской, но и внутрипартийной работой: они заняты хозяйственной дея-

35. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 13–14.

36. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 14.

37. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 18.

38. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 18.

тельностью, их хозяйство приобретает черты фермерского типа. Ответы некоторых крестьян-коммунистов вполне соответствовали ментальности участников рыночных отношений: «...сбываю тогда, когда выгодно и где больше дают денег»³⁹. В таких хозяйствах появляется наемный труд, правда, главным образом во время полевых работ.

Совершенно иная ситуация в бедняцких хозяйствах, в которых «приток ценностей шел главным образом в виде заработков от выборных должностей». Примечательно, что из 149 чел., имеющих побочные заработки, 79 занимали различные выборные оплачиваемые должности. Из них 25 чел. зарабатывали в год от 100 до 200 руб., 22 — от 200–300 руб. и 24 — по 300 руб. и выше⁴⁰. Для сравнения, заработная плата сельского учителя в начале 1926 года равнялась 30 руб. в месяц⁴¹. По словам С. А. Головина, такой доход «радикально менял всю экономическую структуру хозяйства коммуниста», так как это равнозначно наличию дополнительно 6–7 десятин земли (Головин, 2008: 40). На стремление сельских крестьян-коммунистов использовать административные должности для получения дополнительного заработка указала и И. В. Гончарова (Гончарова, 2009: 356–357).

Большинство хозяйств коммунистов имели «весьма ничтожные достижения по сравнению со средним крестьянским хозяйством, причем у беднейшей части членов партии дело обстоит даже хуже. Лишь у более зажиточных коммунистов обработка земли велась лучше, чем в других крестьянских хозяйствах»⁴². В целом некоторый подъем хозяйств крестьян-коммунистов «не может серьезно влиять на окружающее крестьянство и быть примером для всей деревни»⁴³.

Особо было обращено внимание на отношение коммунистов к коллективным формам ведения хозяйства. 45,4% хозяйств-коммунистов «делали попытки перехода к улучшенным формам землепользования», в «большинстве же случаев такие попытки закончились безрезультатно ввиду нежелания крестьянского населения»⁴⁴. Об отношении крестьян-коммунистов к формам землепользования свидетельствуют данные таблицы 2.

39. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 19.

40. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 19.

41. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 60.

42. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 21.

43. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 22.

44. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 22.

	Наиболее желательная форма землепользования				Доля коммунистов, которые делали попытки перехода к улучшенным формам
	общинная	хуторская	отрубная	коллективная	
Безлошадные, %	22,7	4,5	-	63,5	31,7
1 лошадь, %	21,4	6,0	4,3	58,2	47,2
2 лошади, %	21,3	8,7	16,3	52,1	13,0
Суммарно, человек	54	15	12	143	
Суммарно, %	23,6	6,6	5,2	64,6	45,4

Источник: ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 22.

Из таблицы также следует, что для 35,4% крестьян-коммунистов желательными были формы землепользования, которые партия не приветствовала. В частности, 11,8% коммунистов мечтали о хуторах и отрубях, что явно противоречило аграрной программе большевиков. Примечателен ответ котельничского крестьянина-коммуниста З.: «...наиболее желательная форма — хуторская, позволяющая проводить такие улучшения в своем хозяйстве, какие захотел. Удобство этой формы видел в Германии» (когда, вероятно, был в плену)⁴⁵. При обследовании это хозяйство было отнесено к разряду выше среднего. Подобные настроения характерны для крестьян, имевших двух и более лошадей. В то же время свыше 80% крестьян-коммунистов вполне разделяли коммунистический идеал, что говорит не столько об эффективности идеологической работы партии, сколько о народном утопическом представлении о «совершенном общественном устройстве», включавшем «идеалы свободы, братства, равенства, коллективизма, справедливости и создававшим почву для взаимной интеграции народных наивно-социалистических воззрений и социалистической идеологии» (Шагинян, 2006: 14).

Анализ отношения крестьян-коммунистов к коллективным формам хозяйства возмутил Кровицкого, который призвал губком принять меры «к устранению подобных некоммунистических стремлений», «всякие “хуторские” настроения отдельных коммунистов должны быть изжиты»; члены партии, имеющие свое хозяйство, должны вести работу по вовлечению бедняцких хозяйств в коллективные формы хозяйствования⁴⁶. Был ли подкреплён призыв кон-

45. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 23.

46. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 24.

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

кретными мероприятиями — сказать трудно, однако настроения мало изменились и в 1926 году. Так, в информационном отчете губернского Дома крестьянина за январь отмечалось, что со стороны «передовых крестьян замечается стремление выхода на отруба...»⁴⁷.

Между тем Кровицкий не мог не знать о состоянии коллективных хозяйств губернии, возникших в 1918–1920 годах. В октябре-декабре 1925 года губком инициировал обследование коллективных хозяйств, и 12 февраля 1926 года комиссия по работе в деревне⁴⁸ при губкоме заслушала доклад Даниловича, в котором сообщалось о его результатах. Общий итог: «Народившиеся с 1918 г. коллективные хозяйства оказались нежизнеспособными и распались». Из 452 коллективов выжил только 51, или 11,3%: артелей — 39, коммун — 11⁴⁹. В докладе подробно анализировались «живые» коллективы, и автор пытался выяснить причины их жизнеспособности. Примечательно, что «в большинстве коллективных хозяйств процветала бесхозяйственность», «обобществление земли даже в артелях полностью не было проведено»⁵⁰. Да это и не удивительно, так как коллективы действовали на основе уставов 1919 года, в которых распределение осуществлялось по принципу: «от каждого — по способности, каждому — по потребности». Но больше всего Кровицкого возмутило в организации коллективов то, что они активно прибегали к наемному труду⁵¹. Члены артелей и коммун, будучи часто коммунистами, комсомольцами, беспартийным активом, значительную часть времени уделяли общественной работе. Времени же на хозяйственную деятельность не оставалось, да и она, вероятно, тяготила их, поэтому приходилось прибегать к найму рабочей силы. К найму прибегали и бедняки-коммунисты, особенно те, кто привлекался к общественной работе.

В выводах Комиссии по работе в деревне подчеркивалось «огромное хозяйственное и культурное значение» коллективных хозяйств, но ничего не было сказано о том, как ликвидировать те недостатки, о которых шла речь. Не было ответа и на вопрос: почему одни коллективы выжили, а другие нет. Отметим тот факт, что среди сохранившихся коллективов было немало хозяйств семейного типа, однако и на это не было обращено внимания (Донченко, 2007: 15–19). Обследование хозяйства и деятельности сельских коммунистов порождало много вопросов. Так, не понятно, как отличить в конкретных условиях той или иной деревни экономически-окрепшие и хозяйственно-обросшие хозяйства деревенских коммунистов? Если хозяйство окрепло за счет своего труда, членов

47. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 49 об.

48. Комиссию по работе в деревне при губкоме, созданную в начале 1924 года, не следует путать с комиссией по обследованию.

49. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 63.

50. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 64–65.

51. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 64.

своей семьи и получением зарплаты от советской, партийной и общественной работы, то для члена партии это было, вероятно, вполне приемлемо. Не ясно, что делать с тягой крестьян-коммунистов на хутора и отруба? Ведь коллективные хозяйства, существовавшие в то время, явно крестьян не привлекали. Хозяйства коммунистов были в целом более развиты, но они не являлись для остальных образцом для подражания.

Мероприятия губкома по работе в деревне: политическое просвещение, «оживление» Советов, организация бедноты

Некоторые итоги выполнения курса «лицом к деревне» были подведены на II губернском совещании партработников по работе в деревне, состоявшемся 10–16 октября 1925 года. С 1 января по 1 сентября 1925 года сеть сельских парторганизаций расширилась: волкомов — с 29 до 50, сельских ячеек — со 115 до 181, создано 30 кандидатских групп. В итоге доля сельских организаций по отношению к числу сельских советов возросла до 23%. Численность деревенских коммунистов составила 2,414 тыс. чел., или 37,7% от общего числа коммунистов губернии⁵². Изменилось и качество руководителей сельских ячеек. 46% секретарей — работники уездного масштаба, 35% — волостного и лишь 10% — рядовые. Всего в деревню было командировано 568 работников⁵³. Через различные курсы подготовки прошло 532 чел., из них 296 партийцев и 127 комсомольцев. Комсомольские организации на селе насчитывали 8991 чел., или 64,5% всей организации. Число женщин-коммунисток на селе увеличилось с 49 до 207 чел.⁵⁴.

В 1926 году был взят курс на создание волостных комитетов партии в каждой волости. Причем при рассмотрении сметы на год губком на заседании 28 января 1926 года просил увеличить ставку секретарей волкомов до 60 руб.⁵⁵. Основными формами партийной работы были признаны обследование, вызовы для отчета, проверки. Ячейки в «целом здоровы, но в их работе есть ряд недочетов». Главная проблема — «понимание новой политики партии в деревне далось нашим ячейкам с большим трудом», у них отсутствует «умение практически воплощать в жизнь» новые формы и методы, «слабая связь с беспартийными массами: некоторые ячейки не проводят открытых собраний, не выезжают в деревню. Повестка дня часто страдает отвлеченностью, мало прорабатывается свой, местный материал»⁵⁶. Секретарей волкомов «уравнивали в окладах с председате-

52. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 3–4.

53. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 4.

54. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 5.

55. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 34. Л. 29.

56. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 6.

лями волисполкомов», выделив им в помощь платных технических работников. Секретарям же сельских ячеек «мы сможем оказывать лишь некоторое пособие, без постоянного оклада. Наша цель — иметь секретаря ячейки, связанного со своим хозяйством и постоянно работающего в нем»⁵⁷.

На II губернском совещании партработников по работе в деревне было рекомендовано повсеместно «закрепить на работе на более продолжительный срок» секретарей волкомов и сельских ячеек⁵⁸. Прием в партию проводить, прежде всего, «крестьян-бедняков, батраков, представителей национальных меньшинств, активных комсомольцев и крестьянок». Содержалось также предписание, что крестьяне-выдвиженцы «не должны отрываться от сохи»⁵⁹. В резолюции предлагалось «созвать при волкомах и ячейках специальные совещания крестьян-коммунистов, на которых обсуждать доклады об их работе и постановке агрономических вопросов».

Необходимым условием расширения влияния партии в деревне и формирования актива становилось политическое просвещение крестьянства. На I губернском совещании по работе в деревне было принято решение о реорганизации всей системы политико-просветительной работы. В центре ее должен стать волостной организатор, член ячейки партии. Он руководил двумя избами-читальнями и одной библиотекой, которые финансировались из государственного бюджета. Волостному организатору выплачивалась зарплата в сумме 120 руб. в год и дополнительно 10 руб. в месяц «за совмещение должности избача»⁶⁰. Секретарю волостной ячейки в качестве исключения разрешалось совмещать свою должность с избачом.

Еще в 1924 году в губернии было создано 15 школ-передвижек для ведения просветительной работы в деревне. По решению ЦК партии в 1925 году в школах-передвижках должно быть «втянуто не менее 50% партийцев и от 25 до 30% комсомольцев». Осенью 1925 года в губернии насчитывалось 45 передвижек, на содержание которых губком выделил 64 тыс. руб.⁶¹. Активизации работы изб-читален губком уделял повышенное внимание. 12 февраля 1926 года на заседании комиссии по работе в деревне был заслушан доклад Пестова о политико-просветительной работе в деревне, в том числе и о деятельности изб-читален. Рекомендовалось осуществить качественный подбор избачей, полагая, что зарплата избача — 30 рублей в месяц — вполне приличная в деревне и может заинтересовать сельских активистов-бедняков⁶². Уже осенью 1925 года в губернии

57. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 7.

58. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 77.

59. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 78.

60. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 23.

61. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 63.

62. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 60–62.

насчитывалась 71 изба-читальня, а бюджет каждой из них составлял 700 руб. в год⁶³.

Политическое просвещение носило идеологический характер, лекторы имели довольно низкий уровень не только общей грамотности, но и знания марксизма. К тому же основы марксизма усваивались малограмотными беспартийными активистами некритически, на веру. Деление крестьянства на кулаков, середняков и бедняков воспринималось как не подлежащая сомнению догма.

Одной из действенных форм работы по выявлению и формированию лояльной власти беспартийного актива стало вовлечение крестьянства в работу советских учреждений. Для этого нужно было «оживить советский аппарат», расширить полномочия местных Советов, обеспечить большую свободу волеизъявления на выборах. В свою очередь, выборная кампания, проведенная без административного нажима, привела к подъему активности крестьянского населения. При сельсоветах предполагалось создать ревизионные комиссии, избрав в них «честных крестьян». Комиссии призваны проверять работу Советов. В члены волисполкомов и уисполкомов «нужно проводить беспартийных крестьян, которые лучше сойдутся с мужиками. Мужик поймет и увидит, что власть защищает трудовое крестьянство»⁶⁴. В 1925 году волисполкомы получили свой бюджет. Отныне от эффективности их работы зависело решение многих насущных задач в деревне. Волисполком призван стать «хозяином волости, знать экономическое состояние», «хозяйство каждой деревни и села должно быть на учете»⁶⁵. Чтобы председатель и секретарь волисполкома не попали под влияние кулачества, постановлением губисполкома с 1 января 1925 года было улучшено их материальное положение⁶⁶. Социальный состав низового уровня власти характеризовался, по наблюдению С. А. Ефимовой, «преобладанием середняков среди председателей сельсоветов, где они составляли 82,9%. Источники отмечают, что до 1925 года эту должность распределяли по дворам в качестве круговой поруки вследствие мизерности заработной платы» (Ефимова, 2007: 19).

Начало проведения политики «фаворизации бедноты» (выражение И. В. Гончаровой) восходит к 1924–1926 годам. При ее реализации возникла серьезная проблема: организация деревенской бедноты и батрачества, сплочение их вокруг сельских парторганизаций шли медленно. На I совещании по работе в деревне отмечалось, что, по словам секретаря ячейки Михайлова, «бедняки халатно относятся ко всем общественным собраниям. Трудно раскочать бедноту...»⁶⁷.

63. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 64.

64. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 55.

65. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 86.

66. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 87.

67. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 55.

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 года дал директиву о необходимости создания в деревне специальных групп бедноты. Губком в циркуляре в октябре 1926 года и XVII губернская партконференция (декабрь 1926 года) конкретизировали задачи по организации бедноты. На II Пленуме губкома в марте 1926 года секретарь губкома Дмитрий Булатов подчеркивал: «в работе по организации бедноты уездные парторганизации не справились, некоторые к этой работе еще не приступали»⁶⁸. В секретном циркуляре губкома (осень 1926 года) отмечалось, что «за единичными исключениями по волостям губернии группы бедноты совершенно не созданы»⁶⁹.

Летом–осенью 1926 года ситуация с организацией бедноты несколько улучшилась. На XVII губернской партконференции констатировалось, что в губернии создано 122 группы бедноты, правда, «нельзя уверенно сказать, что они существуют и работают»⁷⁰. Беднота рассчитывала на помощь со стороны партии и государства. Примечательно в этой связи одно из писем крестьянина Вятской волости редактору «Вятской деревни»: «Батюшка, идейный комиссар! Расследуй дело кулаков и помоги нам. Не выдавайте бедноту, ведь мы завоевали революцию своей кровью, а теперь опять попадаем в кабалу к кулакам. Давите кулаков-леших, а то революция погибнет!»⁷¹ Как выяснила Т. П. Миронова, проанализировавшая 400 писем крестьян в высшие органы власти, во второй половине 1920-х годов «среди основной массы бедноты, не желавшей больше ждать улучшения», было широко распространено желание установления «скорейшего социализма любыми путями и средствами, лишь бы изменить опостылевшую жизнь» (Миронова, 1998: 18).

Сплочению бедноты служила и идеологическая работа партии по созданию образа врага — кулака-мироода, от которого исходили все беды крестьян деревни. Здесь использовался и образный ряд острой политической сатиры, публицистические статьи и публикации авторитетных политиков. Именно И. В. Сталин стал сознательно использовать понятие «кулак» в качестве идеологемы для обозначения сельской буржуазии (Жорнев, 2006: 17), что стало активно применяться правящей партией в идеологической работе.

Итоги

Мероприятия курса «лицом к деревне» были направлены на привлечение активной середнячко-бедняцкой части крестьянства

68. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 7. Л. 4.

69. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 1. Л. 13.

70. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 3. Л. 14.

71. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 51.

на сторону правящей партии, создание на их основе беспартийного актива и вовлечение его в партию. Молодых беспартийных активистов и партийцев проводили на различные должности в сельском и волостном советском и партийном аппарате, кооперации, должностные оклады которых постепенно возрастали. У молодых активных крестьян возникла хорошая перспектива, вступив в правящую партию, улучшить свой социальный статус, сделать карьеру. В этой связи вполне можно согласиться с выводом С. А. Головина, что «вступление крестьян в партию обуславливалось не партийно-идеологическими мотивами, а социально-экономическими стимулами» (Головин, 2008: 40). В партии понимали, что крестьянам были чужды идеологические построения марксизма, поэтому стимулировали вступление в партию бедняков и батраков, крестьян, прошедших службу в Красной армии, комсомольцев, активисток делегатских женских собраний, продвигая на различные оплачиваемые должности, убеждая, что их беды — от происков кулаков-мироедов, опутавших деревню паутиной своих «козней».

Проведенный анализ положения хозяйства сельских коммунистов позволяет заключить, что многие члены сельских и волостных партийных организаций, включавшие как середняков, так и бедняков, мало чем отличались от так называемой «зажиточной верхушки деревни», были тесно связаны с ней. В этой связи вывод И. В. Чемоданова о том, что «часто коррумпированные представители партийных и советских органов действовали заодно с кулачеством, ущемляя интересы основной бедняцко-средняцкой массы крестьянства» и тем самым способствовали «нейтрализации антикулацкой политики советского государства» (Чемоданов, 2011: 178), выглядит неубедительно. Автор сводит взаимодействие сельских советских и партийных работников и «кулаков» к коррупции, затушевывая тот факт, что руководители низового партийно-советского звена часто не считали их таковыми, не видели в них классового врага. Коррупция в данном случае была не причиной, а следствием политики большевиков, проводимой в деревне, в особенности налоговой, от которой страдали все крестьяне. Можно вполне согласиться с выводом В. Н. Бровкина, что крестьяне «старались не попасть в категорию кулаков... пытались избегать приобретать такие атрибуты, которые позволили бы большевикам заклеить их как кулаков» (Бровкин, 2002: 73). Крестьяне также стремились, используя неформальные связи с представителями власти, уменьшить налоговое бремя, что встречало понимание и в среде сельских коммунистов.

Мероприятия курса позволили партийной элите нащупать опору в деревне в лице бедноты и батрачества, по сути, сконструировав «сельский пролетариат», расколоть деревню, «создать» «класс» кулаков, превратив его в своего главного врага в деревне. И здесь большевики вполне удачно использовали архаиче-

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

ский культурный код, в основе которого лежало противопоставление «своих» и «чужих» (Яковенко, Музыкантский, 2011: 52–54). Неопределенность и размытость понятия «кулак» позволяли манипулировать общественным сознанием, причислять к этой категории всех противников своей политики в деревне. Последнее обстоятельство очень поможет большевикам во время проведения коллективизации и раскулачивания в 1930-е годы. Таким образом, если экономическая составляющая курса «лицом к деревне» оказалась кратковременной, не доведена до конца и вскоре пересмотрена, то политическая — позволила партии приступить к выработке того радикального курса, который стал проводиться в деревне в 1930-е годы.

Библиография

- Бровкин В. Н. (2002). Большевики и крестьянство России в 1921–1925 гг.: лицом к деревне, лицом к поражению // Россия в XX в.: история и историография: сборник научных статей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 57–76.
- Бурдые П. (1993). Социология политики. М.
- Венер М. (1993). Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. № 5. С. 86–107.
- Гончарова И. В. (2009). В поисках «образа кулака»: проблема изучения социальной структуры крестьянства в конце 1920-х гг. в Центральном Черноземье // Экономическая история. Ежегодник. 2009. М.: РОССПЭН. С. 347–373.
- Головин С. А. (2008). Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. № 3. С. 33–43.
- Доброноженко Г. Ф. (2010). «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. (на материалах Северного края). Автореф. диссертации... док. ист. наук (07.00.02). Архангельск: Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
- Донченко О. Н. (2007). Сибирское крестьянское семейное хозяйство: социально-экономическая эволюция в 1920–1930-х гг. // Омский научный вестник. № 3 (55). С. 15–19.
- Ефимова С. А. (2007). Владимирская деревня в 1920-е годы. Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). Владимир: Владимирский государственный педагогический университет.
- Корнев М. С. (2006). Идеологема «кулак» в советской пропаганде (на материалах газет «Правда» и «Известия»). Автореф. диссертации... канд. филол. наук (10.01.10). М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Леконцев О. Н. (2015). Численность кулачества во второй половине 1920-х годов: теория и практика (на материалах Вятской губернии и Вотской области) // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 65–71.
- Лютюв Л. Н. (2013). Средневолжская деревня на пути к «великому перелому» // Вопросы истории. № 3. С. 39–52.
- Миронова Т. П. (1998). Общественное сознание российского крестьянства в 20-е гг. XX века (по материалам европейской части России). Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). М.: Московский городской педагогический университет.
- Сталин И. В. (1947). Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ — Государственное издательство политической литературы.
- Чемоданов И. В. (2005). Вятское крестьянство в период нэпа (1921–1929 гг.). Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). Киров: Вятский государственный университет.

- Чемоданов И. В. (2011). Вятское крестьянство в период нэпа (1921–1929 гг.). Киров.
- Шагинян В. В. (2006). Политическая идеология партии большевиков в массовом сознании населения европейской части России в 1921–1929 гг. Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). М.: Московский педагогический государственный университет.
- Шанин Т. (1995). Три смерти Александра Чаянова. Московский опыт: сентябрь 1987 // Социологический журнал. № 1. С. 92–109.
- Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. (2011). Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь.
- Яхутль Ю. А. (2023). Курс «Лицом к деревне» — компромисс власти и доколхозного крестьянства // Современная научная мысль. № 3. С. 89–95.

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

“Face of the village”: Activities of the Vyatka Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to revitalize rural and volost organizations in 1924–1926

Yuri N. Timkin, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University. Moskovskaya St., 36, Kirov, 610000, Russia. E-mail: timkin43@mail.ru

Abstract. The author considers the *litsom k derevne* ('turning to the village') policy implemented by the ruling party in 1924–1926. The article is based on the materials of the Central State Archive of the Kirov Region and on the principles of historicism, objectivity and historical institutionalism. The author focuses on the activities of the commission for work in the village of the Vyatka Provincial Committee and its practical measures to create a non-party activist group, attract peasants and strengthen the lower Soviet level. The study of the peasant everyday life in one *volost* of the province, in particular of the communist peasants' farms, showed that many members of rural and *volost* party organizations were not much different from the so-called “well-off village elite” and were closely connected with it. By joining the ruling party, young active peasants got a good chance to improve their social status and make a career. The provincial committee aimed at encouraging poor peasants, hired farm workers, peasants who served in the Red Army, Komsomol members and activists of delegate women's meetings to join the party by promoting them to various paid positions in the Soviet and party apparatus and cooperation. The author argues that the *litsom k derevne* policy allowed the party elite to organize the rural poor and farm workers, thus, creating “rural proletariat”, splitting the village, and “making” a “class” of kulaks as its main enemy in the village.

Key words: Vyatka Province, provincial committee, commission, *volost* organizations of the RCP(B), communists, peasants, poor people, kulaks

References

- Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow.
- Brovkin V. N. (2002) *Bolsheviki i krest'yanstvo Rossii v 1921–1925 gg.: litsom k derevne, litsom k porazheniyu* [Bolsheviks and Russian peasantry in 1921–1925: turning to the village to face defeat]. *Rossiia v XX v.: istoriya i istoriografiya*, Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, pp. 57–76.
- Chemodanov I. V. (2005) *Vyatskoe krest'yanstvo v period nepa (1921–1929 gg.)* [Vyatka Peasantry in the NEP Period (1921–1929)], Kirov: VyatGU.

- Dobronozhenko G. F. (2010) "Kulaki" v sotsialnoy politike gosudarstva v kontse 1920-h — pervoy polovine 1930-h gg. (na materialah Severnogo kraya) ["Kulaks" in the State Social Policy in the Late 1920s — the First Half of the 1930s (based on the materials from the Northern region)], Arkhangelsk: Pomor State University named after M. V. Lomonosov.
- Donchenko O. N. (2007) Sibirskoe krest'yanskoe semeynoe khozyaystvo: sotsialno-ekonomicheskaya evolyutsiya v 1920–1930 gg. [Siberian peasant family economy: Social-economic evolution in 1920–1930]. *Omsk Scientific Bulletin*, no 3, pp. 15–19.
- Efimova S. A. (2007) *Vladimirskaya derevnya v 1920-e gody* [Vladimir Village in the 1920s], Vladimir: VGPU.
- Golovin S. A. (2008) Chlenstvo v RKP (b) — VKP (b) kak osnovnoy put povysheniya sotsialno-go statusa (1920–1930-e gg.) [Membership in the RCP(b) — the All-Union Communist Party (Bolsheviks) as the main way to improve one's social status (1920–1930s)]. *Issues of History*, no 3, pp. 33–43.
- Goncharova I. V. (2009) V poiskah "obraza kulaka": problema izucheniya sotsialnoy struktury krest'yanstva v kontse 1920-h gg. v Tsentralnom Chernozemii [In search of the "image of the kulak": The study of the peasantry's social structure in the Central Black Earth Region in the late 1920s]. *Economic History*, Moscow: ROSSPEN, pp. 347–373.
- Kornev M. S. (2006) *Ideologema "kulak" v sovetskoj propagande (na materialah gazet "Pravda" i "Izvestiya")* ["Kulak" ideologeme in Soviet propaganda (based on materials of the newspapers Pravda and Izvestia)], Moscow: RGGU.
- Lekontsev O. N. (2015) Chislennost kulachestva vo vtoroy polovine 1920-h godov: teoriya i praktika (na materialah Vyatskoy gubernii i Votskoy oblasti) [The number of kulaks in the second half of the 1920s: Theory and practice (based on materials of the Vyatka Province and Votsk Region)]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: History*, vol. 63, no 6, pp. 65–71.
- Lyutov L. N. (2013) Srednevolzhskaya derevnya na puti k "velikomu perelomu" [Middle Volga village on the way to the "great turn"]. *Issues of History*, no 3, pp. 39–52.
- Mironova T. P. (1998) *Obshchestvennoe soznanie rossiyskogo krest'yanstva v 20-e gg. XX veka (po materialam evropeyskoy chasti Rossii)* [Social Consciousness of the Russian Peasantry in the 1920s (based on materials from the European part of Russia)], Moscow: MGPU.
- Shaginyan V. V. (2006) *Politicheskaya ideologiya partii bolshevikov v massovom soznanii naseleeniya evropeyskoy chasti Rossii v 1921–1929 gg.* [Political Ideology of the Bolshevik Party in the Mass Consciousness in the European Part of Russia in 1921–1929], Moscow: MPGU.
- Shanin T. (1995) Tri smerti Aleksandra Chayanova. Moskovsky opyt: sentyabr 1987 [Three deaths of Alexander Chayanov. Moscow case in September 1987]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 92–109.
- Stalin I. V. (1947) *Sochineniya* [Works], vol. 6, Moscow: OGIZ.
- Wehner M. (1993) Litsom k derevne: sovetskaya vlast i krest'yansky vopros (1924–1925 gg.) [Turning to the village: Soviet power and the peasant question (1924–1925)]. *Russian History*, no 5, pp. 86–107.
- Yakhuti Yu. A. (2023) Kurs "Litsom k derevne" — kompromiss vlasti i dokolkhozno go krest'yanstva [The "turning to the village" policy as a compromise between the authorities and the pre-collective-farm peasantry]. *Contemporary Scientific Thought*, no 3, pp. 89–95.
- Yakovenko I. G., Muzykantsky A. I. (2011) *Manikheystvo i gnostitsizm: kulturnye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: Cultural Codes of the Russian Civilization], Moscow: Russky put.

Lost Paradise: The phenomenon of ‘Soviet Korean Advanced Kolkhozes’ in Central Asia¹

(Part 1)

Kim Chang Jin

Kim Chang Jin, Dsc (Political Science), Professor, SungKongHoe University, 320 Yeon Dongro, Guro Gu, Seoul, Korea; Visiting Researcher, Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: koruskim@gmail.com

Abstract. In the history of Soviet kolkhoz (collective-farm) research, the ‘advanced kolkhoz (millionaire) phenomenon’ remains almost unexplored, although it was a notable social-economic phenomenon. Members of the Korean advanced kolkhozes in Central Asia, which operated from the late 1930s to the 1980s, at first adapted to the kolkhoz system through hard work, but later became very active in creating social-cultural institutions within the kolkhoz system for common benefit (not only ethnic Koreans but also natives). Regionally, the overwhelming majority of Korean advanced kolkhozes, including the legendary ‘Polar Star’ and ‘Politotdel’, were active in Uzbekistan, followed by Kazakhstan. Perhaps, Korean advanced kolkhozes in Central Asia reached the peak of the Soviet-style socialist agricultural development in the 1960s — 1970s. These well-to-do Korean kolkhozes in Central Asia developed a strong social infrastructure in their community as a basis for the contemporary living culture. Local common assets were formed from their own abundant undivided funds, consumption and cultural funds. However, what is more important is that Korean kolkhozes-millionaires not only built an excellent material and technical foundation in the village based on their high economic performance, but also created harmonious multiethnic communities while enjoying various social benefits similar to city life.

Key words: Soviet Korean advanced kolkhoz, Central Asia, community-wealth building, competent dedicated leader, efficient labor organization, kolkhoz garden city, multiethnic community

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-109-138

*“At the entrance to the kolkhoz village,
a red flag flutters above the memorial gate filled with trees.*

This is a civilized socialist town”

1949, Tashkent Province, Uzbekistan, ‘Polar Star’ kolkhoz village scene²

-
1. This paper was written with the support of the research fund of the SungKongHoe University.
 2. Newspaper “Lenin’s Banner”, 18.06.1949

“Dimitrov” kolkhoz in Akkurgan district is a paradise on Earth...

1965, “Dimitrov” kolkhoz’s village scene³

“If all agricultural enterprises in the Soviet Union were like Politotdel, we would have definitely had to introduce your management system”

Norwegian Prime Minister T. Bratelli in Politotdel kolkhos, Tashkent Province, Uzbekistan, 1974⁴

“What we saw today is like a fairy tale...

If I were an Uzbek, I would live right here, in paradise, not in Tashkent”

N. Mordukova, honored Soviet actress who visited kolkhoz ‘Politotdel’⁵

Unexplored phenomenon of advanced kolkhozes

The post-war period in the Soviet Union, especially from the 1950s and 1970s, provide a lot of data on advanced kolkhozes. The materials were truly diverse, ranging from articles in periodicals (newspapers and magazines) describing specific kolkhozes to documentaries, pamphlets written by chairs of the kolkhoz management committee or journalists, and academic research⁶. In addition, academic studies addressed the nature, operation, and problems of the kolkhoz system to present some advanced kolkhozes, conditions and farming styles that would allow underdeveloped kolkhozes to catch up the advanced ones⁷. Although such materials were not free from ideology imposed by the state socialist system at the time, they provide useful information on the history, experience, analysis and statistics of the initial kolkhozes organization in various parts of the Soviet Union, their subsequent operation, and the causes of their success and failure.

However, since the 1990s, the history of the Russian advanced-kolkhoz research remains almost empty. Most researchers seem to ignore this issue as an episode or do not fully recognize its importance. Therefore, it is not surprising that no serious academic works focusing on the advanced kolkhoz have been published (Beznin, Dimoni,

3. Newspaper “Lenin’s Banner”, 17.09.1965

4. Kim Brutt (2019) *Hwang Man Geum: Through Olympus and Golgotha*, Tashkent: Baktria Press, p. 56.

5. Kim Brutt (2019) *Hwang Man Geum: Through Olympus and Golgotha*, Tashkent: Baktria Press, p. 105.

6. Most of these materials can be found in the national libraries of Russia and other former Soviet republics, local libraries, archives and web-sites, and some are held by individuals.

7. See, e.g.: Estonian advanced kolkhoz ‘Eduard Vilde’ presented in Venzher V. G. (1965). *Collective-Farm System at the Present Stage*, pp. 293–294.

2014; Koznova, 2016; Kondrashin, 1997). One might say that advanced kolkhoz as a specific research topic is nothing more than propaganda to hide the failure of the Soviet authorities' agricultural and rural policies or that the number of advanced kolkhozes was so small that it can be ignored academically. Thus, T. Zaslavskaya's memories of the miserable state of the Soviet countryside in the 1950s vividly testify how poor and desolate the lives of "rural residents who had fallen into the abyss" were after the World War II compared with "the city which was considered a paradise" (Zaslavskaya, 2000). It is difficult to estimate the share of advanced kolkhozes in the total number of kolkhozes in the Soviet Union, since the criteria for being 'advanced' or 'underdeveloped' were practical (technical) and relative: there were a few cases, when the same kolkhoz was once 'advanced' and later turned into 'underdeveloped', or vice versa.

According to the report in the newspaper "Lenin's Banner"⁸ (in Korean, published in Kazakhstan in the Soviet era), there were 13 kolkhozes-millionaires in the Republic of Kazakhstan in 1940 and 285 in 1954⁹, and in the early 1960s, the number of advanced kolkhozes reached approximately 3,000 in the Soviet Union¹⁰. These numbers may be somewhat exaggerated; however, there always were advanced kolkhozes in the agricultural belt of the Soviet Union, including Russia, Ukraine, Belarus, and Central Asia. Based on the periodicals, pamphlets, documentaries and testimonies of people who lived at that time, it is clear that advanced kolkhozes were a notable socio-economic phenomenon.

On the other hand, in the peasant-studies perspective, the ignorance of the advanced-kolkhoz phenomenon is determined by the fact that most studies describe Soviet peasants as too passive, i.e., as victims of the wrong land system and agricultural policy. However, as was historically proven by the peasantry worldwide, peasants passively adapt to the policies and influence of those in power, while constantly using "weapons of the weak" for their survival and moral economy and fight in various ways (Scott, 1971; 1985). The same was true for members of the Soviet advanced kolkhoz.

In the late 1920s — early 1930s, after the craze for full-scale collectivization, as time passed, many kolkhoz members self-organized to transform the kolkhoz into an organization advantageous to them. It was an attempt to create a system in which people could enjoy ad-

8. This newspaper was founded in Vladivostok in 1923 and entitled "Avant-garde", after 1938 it was published in Kazakhstan. Its status changed from the organ of the Kyzyl-Orda-Region Syr-Darya District Party to the organ of the Kyzyl-Orda State Party Committee, then to the organ of the Central Committee of the Communist Party of the Republic of Kazakhstan, and finally, in 1960, it became an inter-republic newspaper of the Soviet Union.

9. Newspaper "Lenin's Banner", 10.07.1954.

10. Newspaper "Lenin's Banner", 20.02.1962.

vantages of the community life without a huge gap between the rich and the poor. In particular, members of the advanced kolkhoz among the Central-Asian Koreans (from the late 1930s to the 1980s) first adapted to the kolkhoz system through hard labor, and then actively engaged in creating institutions (large-scale accumulation of common assets for the common good), following new ideas about common benefit. Therefore, the advanced kolkhoz phenomenon can be a very interesting research subject to understand how the peasant passivity and activity were dynamically combined within the Soviet system.

Another reason for the scientific ignorance of the advanced kolkhoz phenomenon is the duality of kolkhoz, which may be due to the lack of comprehensive recognition of the fact that it was not only a basic agricultural production unit, but also a social and cultural community that served as the heart of rural society. Commercial farms pursuit profit is their top priority, agricultural systems pursue both self-consumption and commercial profit, i.e., there is no inseparable or close relationship between production units and local communities. However, in countries of the socialist camp, including the Soviet Union and Eastern Europe, collective and cooperative farms were unique as collective production units that functioned as farmer-centered village communities. The fact that production and living culture, in which local community members participated, was a key component of the rural system is a very important historical aspect for understanding the nature of the Soviet socialist civilization in the 20th century.

On the other hand, there are several works and biographies on the Central-Asian Korean advanced kolkhoz written after the collapse of the Soviet Union, for instance, the work of several researchers (Seong, 2006; Lim, 2007; Hwang, 2007) in Korean and of Soviet Koreans (Vanin, 2006; Ten, 2005; Kim, 2021), descendants of more than 170,000 immigrants who were forced to move from the Far Eastern Region to Central Asia in 1937. These works describe the first struggles and organization of the advanced Korean kolkhozes, focusing on the “Polar Star”, “Politotdel”, “Pravda” and “Nothern Lighthouse” which were legendary kolkhozes-millionaires in Central Asia. These works highlight the remarkable achievements of these kolkhozes in agricultural production and in the development of social and cultural infrastructure, mentioning achievements of their leaders granted the title of the Socialist Labour Hero by the Soviet government. Such a focus on the famous kolkhozes’ committee chairs indicates a personality-centered, nationalist approach determined by the fact that Koreans were oppressed under the Stalinist regime and were suddenly relocated to an unfamiliar area thousands of kilometers away from their historical homeland. Nevertheless, their descendants overcame numerous difficulties and achieved a great victory in their “new homeland”: their advanced kolkhozes were based on hard work and creativity recognized as the national features of the Korean people in Central Asia.

When considering the advanced-kolkhoz phenomenon, a specific leader-centered approach and a national perspective have limitations. It is clear that leaders with excellent organizational capabilities played a decisive role in the success of advanced Korean kolkhozes. However, it is recognized that their capabilities were basically developed in the structural environment of the Soviet land system and agricultural policy, with the help of organizational factors such as efficient labor organization and strengthened labor discipline, and in the favorable social and cultural conditions of ‘socialist internationalism’ in Central Asia. Therefore, the study of the Central-Asian Korean advanced kolkhozes should reveal both their specific features and general characteristics shared with other Soviet advanced kolkhozes.

Perspectives and concepts: kolkhoz system, commons and community-wealth building

The Soviet kolkhoz was economically an agricultural production unit, but socially it was also the central institution of the rural community. Therefore, to explain the nature of the kolkhoz system, first, we should reveal the connection between these two aspects, applying relevant conceptual tools. I suggest to use the terms ‘commons’ (Standing, 2019; Ostrom, 1990; Bollier, 2014), ‘community-wealth building’ (Guinan, O’Neill, 2019); Brown, Jones, 2021)¹¹, and ‘common spaces’ (The Care Collective, 2020) to comprehensively understand the economic nature and social aspects of the kolkhoz system, and also the concept of ‘recognition struggle’¹² to reveal the mentality and attitude of Korean immigrants who had unique political tasks different from Russians and native peoples of Central Asia.

Commons are not commodities to be bought or sold but the basis for collective life, a common resource that community members can use according to mutually agreed rules, and a set of norms and practices to manage these resources. Therefore, commons can play a positive role in social relationships — strengthen the bonds of community members, moral norms that prevent deviation, and cultural exchange and diversity that allow to be open to other groups while maintaining one’s group identity. Almost all commons are to some degree connected to the state and markets. For creating and

11. This term was introduced in the United States in 2005 to define a community responding to the crises of chronic poverty, unemployment and austerity in urban areas. Mondragon in Spain, Cleveland in the United States, and Preston in the United Kingdom are important examples. The concept of ‘building community assets’ can be traced back to the Paris Commune of 1871, and Kropotkin (1902) who recognized the importance of this issue among the first.

12. This concept was introduced by G. Hegel in the *Phenomenology of Spirit* and later developed by A. Honneth.

maintaining large-scale common resources, the group needs support and protection from the public sector, such as national or local governments. If the community appropriately uses market mechanisms (rather than capitalism)¹³, it can significantly help to develop commons with its own funds.

The Korean advanced kolkhozes' workers in Central Asia adapted to the national system of the Soviet kolkhoz, but at the same time created their own social-cultural system by using the institutional advantages and opportunities within the Soviet economy. For the researchers of advanced Soviet kolkhozes, commons are (1) joint efforts of villagers to create a 'commonwealth' in rural areas, (2) and common assets and resource management such as the collective production facilities, village infrastructure, social-cultural institutions, (3) and also a practical paradigm for the village community autonomy that result in a multi-ethnic friendly community. In other words, numerous advanced or millionaire kolkhozes¹⁴ established by Koreans in Central Asia from the late 1940s to the 1980s, their social infrastructure, their public spaces and networks of relationships can be interpreted as a kind of 'commons'.

In addition, various projects and efforts of Korean advanced kolkhozes in Central Asia can be also considered in the perspective of creating community assets and expanding common space. The community-wealth building is a new economic-social development tool that emerged under the decline of local communities and deepening inequality. It is not an accumulation of wealth through private ownership but a regional strategy based on the formation and maintenance of community assets¹⁵, which emphasizes the leading role not of the large-scale external capital but of the local community, its internal resources, partnership of its various organizations and mutually beneficial cooperation methods. For villagers, common space is an essential physical element and medium for a healthy local community and accumulation of social capital. Individuals who frequently use common

13. Most scholars still confuse capitalism and market economy. Unlike capitalism, market economy is a mechanism of exchange essential for society. In most cases, capitalism develops from the market economy, distorting or suppressing the normal market economic system (see, e.g.: Braudel, 1979; Zamagni, Zamagni, 2010).

14. 'Advanced kolkhoz' was an official name, and 'kolkhoz-millionaire' — rather an everyday name. Such kolkhozes were especially numerous in Central Asia, where the Korean people lived collectively, but some operated in other republics of the Soviet Union, including Russia.

15. When community assets are owned by a private company or sold as commodities for profit, residents lose the ability to control real estate prices and gentrification. As a result, the community is atomized, and there is a high risk that it would turn into a number of helpless consumers rather than active citizens, or that its members would lose their homes and be driven out of the area.

spaces and participate in common programs are more likely to develop friendly relationships. Common spaces become a place for daily communication and constitute a culture of consultation and cooperation¹⁶. But to function in such a way for a long time, common spaces need institutional support and partnership.

Central-Asian advanced Korean kolkhozes

When Koreans were deported from the Far East to Central Asia in the fall of 1937, they immediately started to reorganize kolkhozes. With a few exceptions, Korean kolkhozes in Central Asia kept their names and members (as before deportation)¹⁷. In 1937, there were 138 Korean kolkhozes operating in the Far East, mainly in the Ussuri Region (53) and the Primorsky Region (50), while the rest developed in the Khabarovsk Region (21), Jewish Autonomous Region (8), and Amur Region (4) (Lee Jaehoon, 2015: 173–177). In the Primorsky Region, despite the opposition of some rich peasants, Koreans supported the 'comprehensive collectivization' policy that began in the late 1920s. The collectivization rate of Korean peasants in the Far East increased rapidly from 6.9% in 1929 to 25.2% in 1930, 37.8% in 1931, and 82% in 1932, which was far ahead of the general collectivization rate of 62% in the Far East (Shim Youngseop, Kim German, 1999; Lee Chae-moon, 2007: 265–266). For instance, in the Posiet district of the Primorsky krai, where Koreans accounted for about 90% of population, the collectivization rate reached 95% in 1933 (Haruki, 1987: 44–45). The main reasons were as follows: (1) most of them came from poor peasants in the northern part of the Korean peninsula and voluntarily moved to the Primorsky Region in the late 19th — early 20th centuries; (2) they supported the Russian Revolution in the Far East and Siberia, fought against Japanese imperialists, and chose a 'socialist homeland'.

In the late 1930s, 66 kolkhozes were reported to have been reorganized by Korean immigrants in Kazakhstan (Kim, 2005: 212–214); many were organized in Uzbekistan, some in Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan. This number decreased significantly due to the

16. Common space is jointly owned by the community members, maintained as a public good and not exploited for personal benefit (privatization, modification or other purposes). Under the neoliberal regime all around the world (since the 1980s), the destruction of common spaces has had a negative impact and has destroyed communal traditions of mutual aid and care, communities' ability to foster a culture of everyday consultation and cooperation (The Care Collective, 2020).

17. Some kolkhoz leaders were Koreans executed or imprisoned by the Stalinist regime in the Primorsky Region just before the forced displacement in 1937. It was a considerable loss for the early Korean settlements and the development of kolkhozes in Central Asia.

policy of consolidating kolkhozes carried out in the 1950s — 1960s and the policy of turning some collective farms into soviet farms after the 1960s¹⁸.

The Koreans' movement to a completely unfamiliar region and settlement in their 'new hometown' were accompanied by hard labor and unbearable sufferings as they had to adapt to completely new geographical, climatic, ethnic and cultural environments. Many of the lands allocated to them were wastelands. Korean peasants in the Tashkent Region of Uzbekistan had only primitive tools to cultivate reed grasslands and swamps on the left bank of the Chirchik River, infested with mosquitoes and howling wild cats. The construction of irrigation canals also required hard labor to grow rice and cotton in Central Asia, where annual rainfall is much less than on the Korean Peninsula or in the Primorsky Region. Lots of immigrants had to sleep in yurts (tents), clubs, barns, animal nurseries, stables, and warehouses due to the lack of residential facilities. They suffered from various infectious diseases, including scurvy, typhoid fever, diphtheria, dysentery, brucellosis, measles, and malaria. However, Korean immigrants not only survived with their tireless efforts and with the help of natives, but also created many successful kolkhozes in a short period of time. The economic success of advanced Korean kolkhozes in Central Asia was determined by the record yields of such crops as rice, cotton, kenaf and corn and the profitability of raising livestock. Later these kolkhozes served as a base for the development of the Korean diaspora in each republic of Central Asia and the Soviet Union (Kim, 1954).

The first Korean kolkhozes-millionaires appeared in Kazakhstan in the late 1940s — late 1950s, just 3-4 years after the end of the World War II and 10 years after Koreans settled in Central Asia. The rich Korean kolkhozes — Kazakhstan's "Avant-garde", "Gigant", "3rd International", Uzbekistan's "Polar Star", "Northern Lighthouse", "Dimitrov", "Politotdel", "Pravda", and "Sverdlov" etc. — built a strong social infrastructure and established a base for living culture. Kolkhoz families equipped each house with electricity, gas, refrigerators, radios, televisions, bought motorcycles and even some own cars, asphalted roads connecting the kolkhoz central village with its branches; decent houses, schools, kindergartens, palaces of culture, power plants, hotels, hospitals, department stores, restaurants, social-welfare complexes, large stadiums, youth camps, resorts, and health centers with modern facilities were built one after another¹⁹.

18. According to the article in the newspaper "Lenin's Banner" about the changes in the number of kolkhozes in the Soviet Union in the early 1950s, 254,000 small kolkhozes as of January 1, 1950, turned into 97,000 large kolkhozes as of June 1953 (12.06.1953). The names of some Korean kolkhozes changed over time, but some kept their names even in other regions of Central Asia.

19. Newspaper "Lenin's Banner". 17.06.1960.

The leaders of advanced Korean kolkhozes paid special attention to schools for the younger generation: in addition to the Korean historical tradition of respect to education, such a tendency was also the main means of the struggle for recognition of ‘subversive’ as legitimate citizens in the new homeland. It is no coincidence that by the late 1970s, Koreans were among the most educated peoples in Central Asia.

These ‘homogeneous’ Korean kolkhozes integrated several nearby underdeveloped kolkhozes according to the Soviet state policy of consolidating kolkhozes in the early 1950s — 1960s. As a result, one kolkhoz became a combination of more than 10 different ethnic groups, turning into a multi-ethnic kolkhoz in a multi-ethnic country. Nevertheless, as the majority of managers (including committee chairmen) and members of such kolkhozes were Koreans, they were usually called ‘Korean kolkhozes’ (until the mid-1980s)²⁰. In Central Asia, in a very short period of time, Koreans got a reputation of the excellent people — diligent, sincere and good at farming and education. What is more important, is that advanced Korean kolkhozes not only ensured an excellent material and technical foundation of the village based on high economic performance, but also a harmonious multi-ethnic community enjoying various social benefits at the city level. However, in the mid-1980s — early 1990s, under the perestroika, subsequent collapse of the Soviet Union and privatization of national assets, this unique “paradise in the desert” was lost.

According to various materials, including the newspaper “Lenin’s Banner” (1946–1990) as the main source of this research, pamphlets written by Korean heads of the advanced kolkhozes’ management committees (Kim Byug Hwa, Hwang Man Geum), documentaries, and testimonies of that era, many Central-Asian Korean kolkhozes were once or for decades called advanced or millionaires, mainly in Uzbekistan, followed by Kazakhstan. There are about 50 advanced Korean kolkhozes identified so far. The question is how poor Korean peasants, who were only yesterday growing rice in Primorsky Region, and today started to grow cotton and kenaf, crops unfamiliar to them, and raise dairy cows also unfamiliar to them in unfamiliar Central Asian, by maximizing the advantages of social labor, managed to create an “oasis in the desert” — agricultural socialist civilization — and eventually become the embodiment of the Soviet internationalism.

20. However, as Korean people gradually migrated to regional centers and cities in the 1960s and 1970s, their share in some villages fell below 40% in the 1980s.

Institutional context: opportunities and limitations of the kolkhoz system

The Soviet kolkhoz rapidly organized since the late 1920s under the policy of “comprehensive collectivization” was primarily driven by an ambitious state initiative. In general, peasants were mobilized by the Stalinist regime and forced to make considerable sacrifices. Certainly, there were poor peasants motivated to meet their desperate economic needs through the collective production method called kolkhoz. One might go further and argue that the kolkhoz form as a production unit is more in line with Russia’s natural conditions and peasant collectivist traditions than commercial farms or peasant cooperatives based on private ownership (Bashkin, 2011; 2015).

The operation of the Soviet kolkhoz was overwhelmingly influenced by the state policy (from above), but at the same time it could not help but meet certain requirements of its peasants (from below). During the Soviet period, “national goals that must be achieved” were set ‘vertically’ — from Moscow’s Kremlin through rural district parties to kolkhozes. However, the entity that achieved or failed to achieve the planned national goals was the kolkhoz made up of peasants with their own wants and needs. Therefore, it can be said that the kolkhoz was a hybrid system combining both the state demands with the peasant needs and their tense relationship. It was neither a pure state institution or a pure agricultural cooperative. The Soviet leadership defined the ideal feature of the kolkhoz as its ability to properly combine individual and social interests, and the challenge was to ensure their balance. Advanced (millionaire) kolkhozes of the Soviet period were those kolkhozes that succeeded to a large extent in achieving this balance.

The Soviet kolkhoz was formally a peasant organization, but in practice it could not be free from the state control. On the one hand, the state guardianship implied the requirement to achieve national plans and the control over the composition of kolkhoz leadership, including the chairman of the management committee; on the other hand, the state provided institutional and agricultural policy support through its various agencies. Kolkhoz leaders were often dissatisfied with the Soviet centralized planned economic system as applied to kolkhozes at the district level — ‘from above’. In the early 1960s, Hwang Man Geum, the chairman of the management committee of the “Politotdel”, said that the national plan and the plan developed by the kolkhoz should be properly combined, and insisted that production goals should be set per hectare, not per kolkhoz, because the soil quality dif-

ferred²¹. His statement follows the arguments of the organization-production school (Chayanov school) (Nikulin, 2017; Chayanov, 1927; Chelintsev, 1962; Makarov, 966). A. Chayanov, A. Chelintsev, N. Makarov and other representatives of this school argued that the entire Soviet Union should be organized not as a homogeneous unit but as a unit focusing on the most profitable production based on the quality of land. On the other hand, within the institutional and agricultural policy support, what had a decisive meaning for the peasants was the allocation of land, credits for building agricultural infrastructure, tax benefits, and the supply of inputs, such as various agricultural machines and fertilizers. For the Central-Asian Korean kolkhoz, the state institutional support was essential due to the resettlement to an unfamiliar area far away from the Primorsky Region and the need to start from scratch.

Since the kolkhoz was not directly managed by the state like the sovkhoz, it had to form and expand its own assets, except for the land provided for permanent lease. The indicator of the expansion of the kolkhoz assets was indivisible capital (funds) accumulated at the end of each fiscal year. According to the Article 12 of the 1935 Kolkhoz Standards Regulations, the kolkhoz had to allocate 15% of its annual financial income as indivisible capital (Decisions of the Party and Government on Economic Issues (1917–1967)). This indivisible fund was used for the construction of agricultural and livestock buildings, houses and power plants, major repairs, purchase of agricultural machinery and transport, expansion of irrigation networks, and purchase of other production inputs²². Central-Asian Korean millionaire kolkhozes constantly attempted to take full advantage of such institutional opportunities, minimizing their restrictions. As a result, since the late 1940s, the record agricultural production levels were achieved, which determined abundant indivisible funds, consumption, cultural and social welfare funds, i.e., “desert oases — beautiful garden cities” in Uzbekistan and Kazakhstan.

Competent and dedicated leader

In general, among the key factors that influenced the success or failure of the kolkhoz, the most significant were as follows: who was appointed or elected as the chairman and what kind of leader he was. The ideal type of the kolkhoz management committee chairman as prescribed by the Soviet leadership was “a commander of kolkhoz production, an introducer of advanced experience, a propagator of agricultural knowledge, a practitioner of the Communist Party’s agricultural policy, an educator of peasants, and a disseminator of new cultural customs, a standard bearer of socialist competition, a pio-

21. Newspaper “Lenin’s Banner”, 15.12.1964.

22. Newspaper “Lenin’s Banner”, 26.12.1954.

neer of communist morality, and an indomitable fighter for the new”²³. These features are also very important for considering the phenomenon of advanced Korean kolkhozes in Central Asia²⁴. In fact, in many cases the leader’s role was crucial both when the kolkhoz was initially underdeveloped and made a leap forward to become advanced kolkhoz, and when the advanced kolkhoz turned into underdeveloped kolkhoz at some point²⁵. For instance, in the case of the “Lenin” kolkhoz (Kazakhstan, Kyzyl-Orda Region), the basic causes of backwardness were the low level of production control, lack of improvement in selection, placement, and training of managers, and their low responsibility for work²⁶.

Russian researcher Yu. Kostyashov in his book *Everyday Life of the Post-War Village: From the History of the Resettled Kolkhoz in the Kaliningrad Region (1946–1953)* analyzed 230 biographies of chairmen of the kolkhoz management committees (1946–1953) and identified 7 basic types of them (Kostyashov, 2015: 167–178):

1. drunkard — the most common leader type in the kolkhoz, who is always drunk, does not appear at general meetings, and mainly lies on the chair in the rural soviet;
2. accidental type: one who happens to get that position; even if one appeals to quit at each general meeting, one is re-appointed against one’s will;
3. desk-bound type: sits in the office and ‘leads’, never interacting with people or visiting the production site.

23. Newspaper “Lenin’s Banner”, 24.02.1967.

24. An article in the newspaper “Lenin’s Banner” (in the late 1960s) provides the following explanation of the success or failure of the kolkhoz project: “We have unwritten rules and customs. People evaluate the work of each kolkhoz by looking at its management committee chairman. In fact, that assessment is probably correct in nine out of ten cases. When kolkhozniki affectionately refer to “our chairman”, the kolkhoz is going well”. Newspaper “Lenin’s Banner”, 24.02.1967.

25. Most Korean advanced kolkhozes were underdeveloped at first and then turned into advanced in a relatively short period of time, but there were cases when the initially advanced kolkhoz later became underdeveloped. Representative examples of the latter are the “Avant-garde” in the Chili district and “Guangdong Commune” in the Keren-Ushak district (Kyzyl-Orda Region, Kazakhstan). The “Guangdong Commune” was previously an advanced kolkhoz but turned into underdeveloped after it was integrated with four neighboring kolkhozes in 1955 and Alexei Kim sent by the State Party Committee took office as chairman. Serious problems occurred, such as sharp decline in harvest, lack of discipline, poor accounting, non-payment of salaries, and financial losses. The “Lenin Banner” accused the district party and state party committees, saying that they selected and assigned management committee chairs based solely on their resumes. The members of the “Guangdong Commune” appointed Heo Semyeon, a livestock industry expert, the new chairman instead of Kim Alexei. Newspaper “Lenin’s Banner”, 26.02.1960.

26. Newspaper “Lenin’s Banner”, 18.04.1974.

4. self-provision type: blatant greedy individuals preoccupied with personal enrichment by stealing and expropriating the kolkhoz property;
5. organized-crime type: a gang of thieves, a variety of type (d); they appoint relatives and friends to key positions and work together to plunder the kolkhoz;
6. parachute type: leader who does not know much about agriculture but has connections with district or higher authorities and is often dispatched to cover up their misdeeds;
7. authoritarian leader: usually a former soldier or the World War II veteran, who exercises coercive power over collective farmers in an administrative-command rather than economic manner.

None of the seven types is ‘positive’ as a kolkhoz leader, all of them are negative. M. Beznin and T. Dimoni added the type “reproduction of kolkhoz dynasties’ in the book *Agrarian System of Russia*: the Dubrov family of Donbas and the Linkov family of the Vologda Region each served as chairmen of the kolkhoz management committee for three generations in a row (Beznin, Dimoni, 2014: 222), which can be called “privatization of kolkhoz”. Such these negative types of leaders are often mentioned in works on the history of the Russian peasants’ mentality under the Soviet kolkhoz system. Obviously, with such leaders, collective farmers would not show a positive attitude toward the kolkhoz labour, and it would not achieve good economic performance. Furthermore, it would be difficult to expect moral behavior from kolkhozniki in their daily life. The fact that there was a significant number of these negative types of kolkhoz leaders throughout the Soviet history — the 1930s to the 1980s — is repeatedly confirmed by various materials and the testimonies of contemporaries. Even in the newspaper “Lenin’s Banner”, one can find articles exposing and warning about the behavior of these negative types of leaders.

However, it would be misleading to generalize all Soviet kolkhoz leaders as negative types. In fact, in many rural areas of the Soviet Union, there were quite a few “honest and descent leaders”, “dedicated and leading by example”, “competent organizers” or “agricultural experts”. They showed record-breaking achievements in farming and animal husbandry by overcoming or bypassing various natural, institutional or human factors unfavorable for normal agricultural activities. Together with their foremen and assistants, they led the development and modernization of productive capacity in underdeveloped Soviet rural areas by awakening collective farmers’ enthusiasm and creativity. It can be said that they were innovators who strived to maximize advantages of the Soviet agricultural system and rural policy and to minimize their limitations and problems. Nevertheless, the Soviet regime did not succeed in the systematic national dissemination of good leaders’ experience, knowledge, enthusiasm and capabilities.

Unlike the kolkhoz leaders of the Kaliningrad Region after the war, leaders of the Central-Asian advanced Korean (millionaire) kolkhozes were not alcoholics — they were honest and did not steal communal property, they knew how to run an organization efficiently, had extensive experience and specialized knowledge in farming, they led informally, by example and in harmony with kolkhoz members, they were sincere in their kolkhoz and village community projects, they were overwhelmingly altruistic and devoted to villagers (Kim, 2011: 11). Above all, they knew how to solve the most vulnerable problem in the kolkhoz system — of motivating kolkhozniki to work²⁷. Furthermore, they practiced socialist internationalism in rural areas in the multi-ethnic country.

In this research, these leaders are divided into four basic types as follows.

*Oriental virtuous leader with principles: “Polar Star” leader
Kim Byung Hwa²⁸*

Kim Byung Hwa was a former Red Army officer and Communist Party member, a Socialist Labor Hero (twice — in 1948 and 1951). He was elected as a deputy to the Supreme Council of the Uzbek Republic (1961). His leadership style was not authoritarian, he seemed to embody the Eastern proverb “Humble your body but raise your mind”. Although he had a peasant background, he seemed to have the dignity of a nobleman. He was culturally sophisticated, behaved humbly, was benevolent and frugal in private life. People who visited his home were amazed at his asceticism when they saw its simple furnishing (Vanin, 2006: 261). He was respected by all kolkhoz members by living a life of an ordinary kolkhoznik and by taking the same care of all kolkhoz members as of his own family²⁹.

After Kim Byung Hwa took office as chairman of the management committee in 1940, he held a daily work meeting at 5 am to strengthen poor work discipline, which was one of the main reasons for the kolkhoz backwardness in social production. Instead of sitting in the office, he was in the fields with kolkhoz workers from sunrise to sunset, being engaged in farming all day long. As a leader, he worked with agricultural experts to identify the causes of low productivity and ensured that kolkhozniki’s working hours were accurately recorded for salary calculations. Kim Byung Hwa even distributed surplus production that exceeded the national payment plan equally among kolkhoz members. He refused any special treatment other than the chairman salary. Anyone could express their opinion on kolkhoz management

27. A. Chayanov believed that the success or failure of the kolkhoz depended on how leaders would motivate collective farmers to work.

28. See: Newspaper “Lenin’s Banner”, 04.12.1964; Iskhakov, 1972.

29. Newspaper “Lenin’s Banner”, 24.02.1967.

to the chairman, and if a proposal was reasonable and constructive, there was no hesitation in accepting it at the executive committee, but he severely reprimanded kolkhoz members for lies or laziness.

Moreover, Kim Byung Hwa, who served as the kolkhoz leader for 34 years (1940–1974), did not appoint any family members or relatives to key positions. In selecting foremen (*brigadirs*) and assistants (*zvenievyyh*), on whose work the kolkhoz productivity directly depended, he followed the principle of meritocracy: “honest and sincere communist” was the main criteria. Even in his daily life, he did not allow himself or his family members to enjoy any preferential treatment. There is a famous anecdote that he forbade his wife to use kolkhoz vehicles when she went to the market. Therefore, it was no coincidence that he earned the trust of kolkhoz workers in a short period of time. Kim Byung Hwa was the first ideal leader of the advanced Korean kolkhoz in Central Asia.

Entrepreneurial leader who looks ahead: Hwang Man Geum, leader of the “Politotdel”

Hwang Man Geum, who served as the chairman of the management committee of “Politotdel” kolkhoz for more than 30 years (1954–1985), was famous not only in Uzbekistan but in the Soviet Union. Although he was a district agricultural manager, he wanted to become a leader of an underdeveloped kolkhoz. Before he became the chairman of the management committee, the “Politotdel” kolkhoz was among the poorest but not due to barren land, lack of agricultural machinery or workers. Despite snowy winters, rice and kenaf were still in the fields, and villagers held a drinking party. 30%–40% of kolkhoz members did not participate in collective labor even though they had the ability to work.

When Hwang Man Geum was elected the new chairman of the management committee in January 1954, the urgent task was to ensure work discipline. From his first day in office, he toured all kolkhoz plots and workshops one by one, holding meetings with enthusiasts. And early the next morning, he put on his work clothes and boots and headed to the rice threshing floor. In this way, he led by example and taught his workers, and they never left the work site. As a result, cotton harvest that previously had taken five months was completed in a month. Hwang Man Geum appointed capable and experienced people, including several socialist labor heroes, as work team leaders. Moreover, he took steps to reduce the overextended private gardens, and some workers dissatisfied with this step left the kolkhoz. In 1955, “Politotdel” was already among the advanced kolkhozes of the region.

Hwang Man Geum energetically aimed at rationalizing work organization on the principle of hiring for talent and ability, applying new farming technologies, introducing mechanization, and satisfying material needs of kolkhoz workers. As a result, the kolkhoz record-

ed the national highest yields in kenaf, cotton, and corn, and got additional profit in husbandry, greenhouses, and raising quails. Hwang Man Geum was a leader with an outstanding entrepreneurial temperament. He also deeply understood the interconnection of the improved productivity, high standard of living, social welfare, developed cultural and sports activities. His enthusiastic interest and support of the amateur art troupe of the “Politotdel” and sports activities, including the soccer team, made the kolkhoz reach the highest level in the Republic of Uzbekistan. He knew exactly what a kolkhoz near the capital city Tashkent needed to attract young people dreaming of a big city life. He also had excellent skills in establishing personal relationships, which helped him to get support of the high-ranking party and government leaders. As a socialist labour hero (1958), he was appointed a deputy of the Supreme Soviet of the Uzbek Republic and a member of the Central Committee of the Uzbek Communist Party, and also attended the General Assembly of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union held in Moscow as an Uzbek representative³⁰.

Excellent organizer with a high level of education: Choi Ivan, leader of the “Pravda”

Among the kolkhoz leaders of his time, not only in Central Asia but also in the Soviet Union, Choi Ivan was one of the very few who got the best education and had already had a career before taking office as a chairman of the management committee³¹. It was due to the socialist education system that he was able to get higher education. He was born in 1901 in the Primorsky Region and as a child of a poor farmer had to work as a hired hand for a wealthy farmer from the age of 14. In 1917, his family moved to Petrograd, the capital of the Russian Empire, in search of work, and the boy Ivan joined the Russian Revolution with a group of Koreans. Under the Soviet system in the 1920s, he graduated from the Plekhanov University of People’s Economics in Moscow. Until 1937, he continued his career in Sakhalin as a district party secretary and as the director of the large state company (Kim, 2021: 9–10). In 1937–1940, when the Stalinist regime’s oppressions was at its peak, Choi Ivan was imprisoned like other Korean leaders, but released as there was no evidence of a crime. After moving to Uzbekistan, Choi Ivan, who regained membership in the Communist Party, worked as the deputy manager of the “Pravda” kolkhoz and as a foreman of the animal breeding farm for eight years (from 1942). During his leadership as the chairman of the management committee (1950–1972), “Pravda” turned into one of the lead-

30. Newspaper “Lenin’s Banner”, 24.02.1967, 18.01.1973, 30.05.1975.

31. He was one of the very few Koreans in the early 20th century who spoke Russian fluently and without accent.

ing kolkhozes not only in the Tashkent Region but also in the Republic of Uzbekistan.

Choi Ivan led “Pravda” to the top-level kolkhozes with his economic education, agricultural knowledge, leadership experience and extraordinary organizing skills. He began his service by visiting each worker’s house to learn about their personal circumstances, including careers, financial situation, relationships and major interests. After a few months, he learned the names of all workers. He had an amazing memory and often hung out with kolkhoz workers to listen to their life stories. He was always ready to listen to various requests of workers, not promising to solve any problem on the spot, but later he did his best to fulfill all requests, which was to prevent the negative experience of excessive expectations that would not come true.

As the kolkhoz leader, Choi Ivan was to ensure conditions that would allow the “Pravda” members to fully feel the advantages of social production rather than individual farms. This was determined by the fact that the productivity of the kolkhoz was low, and many kolkhoz workers were cultivating relatively large private gardens of 0.25 to 0.3 hectares. They took great care of their gardens, sometimes earning more from them than their official kolkhoz wages. Many workers were passive, saying that they had no choice but to work in kolkhoz not to lose their gardens (would be taken after leaving the kolkhoz). Therefore, in order for the kolkhoz to fulfill its social role, it was inevitable to reduce the size of gardens. Such a measure would certainly be unpopular, but after three months as the leader Choi Ivan suggested to the kolkhoz general meeting to reduce the size of gardens by half (0.12 ha for irrigation and 0.01 ha for construction = 0.13 ha) (Kim, 2021: 92–95)

It was not the coercive administrative-command control that allowed Choi Ivan to change the mentality and attitude of workers toward social production from his first year in the office. He chose a method of persuading, encouraging and inspiring workers with rational explanations based on scientific evidence. “Choi Ivan even knew how to accurately measure the depth of tillage in farmland plowed with a tractor. If the tillage work was not satisfactory, chairman Choi had the tractor driver do the tillage work again”. In that way, he taught people to work honestly and conscientiously.

Choi Ivan believed that changes in the workers’ attitudes should be achieved through voluntary participation rather than coercion, which would result in the strengthening work labor discipline. The management committee used the method of satisfying material needs of workers — rewarding for high achievements. In 1951, radios, gramophones, wristwatches and rubber boots were given as prizes, in 1956 — televisions worth 2,136 rubles, which had just begun to be distributed in rural areas and were considered luxury goods at the time (Kim, 2021: 100, 137).

Kim Chang Jin
Lost Paradise:
The phenomenon
of ‘Soviet Korean
Advanced
Kolkhozes’
in Central Asia
(Part 1)

Choi Ivan promoted modernization of the village, forecasting the kolkhoz future. Before taking office as a chairman, he had already predicted an increase in electricity demand for production and everyday practices and raised a question of building a power plant. By the end of the 1950s, the village of “Pravda” had been transformed into a garden city with a developed system providing all material goods and social benefits. Certainly, it was not an isolated village for Koreans, but like other Korean advanced kolkhozes, it was a multi-ethnic friendly community.

*Communist-pragmatist agricultural expert: “Lenin’s Road” leader
Um Terenty*

“Lenin’s Road” kolkhoz, located in the Upper-Chirchik district, Tashkent Region, Uzbekistan, was an example of a leap from an underdeveloped to an advanced kolkhoz in just 10 years since the early 1960s. Until 1962, it was very underdeveloped, which is why many kolkhoz members left it with their families. At that time, Um Terenty, who had been the secretary of the primary Party Committee and vice-chairman of the management committee in the neighboring “Sverdlov” kolkhoz for about eight years, was elected chairman of the management committee of the “Lenin’s Road” kolkhoz on the recommendation of the Tashkent Party Committee. The new chairman understood that the kolkhoz would not be run properly without strengthening its material and technical foundation and improving welfare and cultural conditions of kolkhoz members. First, he equipped the kolkhoz with advanced agricultural machinery, while mobilizing funds to construct public buildings and housing. He devoted himself to appointing executives to the right positions and improving the culture and welfare of kolkhoz members. As a result, this kolkhoz, having been stagnant for a long time, began to develop. Based on the farming results of 1962, when the new chairman was elected, kolkhoz was already strengthened economically, and its members began to improve their lives³².

Um Terenty clearly recognized that the improvement of farming technologies was a decisive factor in the kolkhoz economic growth. Thereby, he started land improvement and crop rotation, organized crop crews to ensure the rational use of precious irrigated lands, and carried out regular inspections. As a result, in 1969, the kolkhoz showed high yield rates — 150 centners of kenaf, 28 centners of cotton, and 50 centners of rice per hectare. In addition, the “Lenin’s Road” kolkhoz built a fish farm to supply its workers and earned an additional income of 20,000 rubles per year³³.

There were many other great leaders who turned ordinary or underdeveloped kolkhozes into advanced ones. Park Jong Heup

32. Newspaper “Lenin’s Banner”, 17.05.1973.

33. Newspaper “Lenin’s Banner”, 14.12.1968.

from Uzbekistan, Choi Sergei and Um Timofei from the “Northern Lighthouse”, Shin Jong Jik from “Dimitrov”, Kim Vladimir from the “Lenin”, Kim Dmitry from the “Sverdlov”, Kim Ha-Un³⁴ from the “Pravda” in the Namangan district, Kim Alexei from the “Communism” in the Gurlen district of the Khorezm Province, Kim Viktor from the “Akkul” in the Jambul Region, and Chae Jeong Hak from “The 3rd International” in the Karmakchi district in the Kyzyl-Orda Region of Kazakhstan, etc. These leaders of the advanced Korean kolkhozes developed agriculture based on technologies: irrigation, land improvement, correct crop rotation, intensification of agriculture, introduction of scientific achievements and advanced experiences, comprehensive mechanization and chemicalization. However leaders also relied on interested peasants and organizational aspects: strengthening work discipline through improved labor organization, providing material and other preferential treatment for kolkhoz workers, improvement of kolkhoz management and productivity for profitability. All successful leaders combined personal and social interests successfully³⁵. Therefore, kolkhoz members usually called their kolkhoz “our kolkhoz” and its leader — “our chairman”. Such leaders of the advanced Korean kolkhozes in Central Asia had been in power for at least 10 to 30 years, ensuring the political and administrative support from regional parties and local governments in addition to the support of their kolkhozniki.

Homogeneous workforce, efficient labor organization, and rational farming

The success of the advanced Korean kolkhozes in Central Asia was determined by the labor of dedicated workers. The majority of Koreans, famous as “hard-working”, did not know how to lounge in the field. They devoted their body and soul to work in the fields and barns from sunrise to sunset for their survival and for prosperity of their children. The outstanding diligence of Koreans was explained primarily by their attachment to land — the majority of them were from the northern mountainous region of the Korean Peninsula with small farmland. Before moving to Central Asia, they shared the experience of suffering from the exploitation of the landlord class and from the tyranny of rich farmers as tenants or landless peasants. Thereby,

34. Kim Ha Un served as the “Pravda” management committee chairman for 10 years (from 1960) and turned an underdeveloped farm to an advanced one. He was called “a man who does not know how to sleep at night”. An article in the newspaper “Lenin’s Banner” described “the village of kolkhoz, surrounded by street and fruit trees, as resembling a resort”. “Lenin’s Banner”, 08.10.1969.

35. Newspaper “Lenin’s Banner”, 28.05.1955; 09.09.1955; 24.02.1964.

they were a very homogeneous workforce, accustomed to agriculture, with poor peasant background or with a background as revolutionary partisans, which Chayanov mentioned as one of the factors for the kolkhoz success (Chayanov, 1972). After the integration of small kolkhozes, other ethnic groups in Central Asia (Uzbeks, Kazakhs, Russians, Tatars, etc.) were relatively smoothly included into the homogeneous Korean workforce.

Certainly, the expansion of farmland through the integration of small farms in the 1950s — 1960s and the transfer of MTS agricultural machinery to kolkhozes in 1958 was a great opportunity for development of advanced Korean kolkhozes³⁶, but such an expansion was typical for the whole Soviet Union, and what is important is how advanced Korean kolkhozes took advantage of the benefits of such policies and managed to minimize their problems. In general, the most basic factors that determined the success or failure of the Soviet kolkhoz were the management committee chairman's abilities as an organizer and his dedication to the community. However, especially after the consolidation measures of the 1950s, it was virtually impossible for the chairman to effectively manage large multi-sectoral farms and villages on his own. Although the kolkhoz management committee and party organizations assisted him, the specific mechanism that ensured his leadership was the labor organization at the production site. "Properly organized work was the foundation of success" (Iskhakov, 1972: 44) Therefore, an efficient labor organization needed a competent and conscientious foremen (*brigadir*) and assistant (*zvenievoy*) to improve work discipline and economic productivity through introduction of advanced experience, scientific technologies, and mechanization to achieve high results in all agricultural and construction sectors.

Another necessary factor was the relatively equal distribution of the kolkhoz income. To overcome workers' indifference and encourage their enthusiasm, it was first necessary to show that the fruits of labor would be distributed fairly: for kolkhoz members, satisfying their material needs would be the most persuasive motive for participating in kolkhoz production activities. Mechanical equalization was avoided in the kolkhoz workers' payment, but extreme disparities (such as the difference between top executives and ordinary employees in capitalist enterprises) were also unacceptable.

In terms of organization, kolkhoz's production unit consisted of branch/work groups/teams. After the consolidation in the 1950s — 1960s, small farms were reorganized into branches of integrated large

36. Hwang Man Geum, the chairman of the management committee of the advanced Korean kolkhoz "Politotdel", summarized the factors of its success as follows: dedicated work, thoughtful labor organization, mechanization, scientific farming, selection of highly profitable crops, and international cooperation.

farms. Representatives of small farms were appointed branch heads, or new people became work-group leaders. Therefore, an appointing of a conscientious, competent and experienced foreman could in fact determine the final yield and total income of the farm. As the leader of the production unit, the foreman was to be an excellent organizer and to have extensive agricultural knowledge (about soil, fertilizers, agricultural machinery and livestock)³⁷. The management committee chairs of the Korean advanced kolkhozes adopted the common principle of selecting talents when appointing work leaders (Iskhakov, 1972: 46–47). On the contrary, the problem of underdeveloped kolkhozes was that incompetent people were usually appointed foremen or assistants due to their connections with the chairman. In the selection, placement and training of mid-level executives, the “Politotdel” used a procedure in which the management and party committees reconsidered executives and comprehensively evaluated and approved all new candidates³⁸. Therefore, mid-level executives at advanced Korean kolkhozes had a high level of education and regularly took advanced training courses.

Many kolkhoz workers with record harvests in rice, cotton, kenaf, corn and livestock sectors (many were awarded the title of the Socialist Labor Hero) were foremen or assistants like Kim Man Sam and Kim Seung Hak³⁹, heads of the rice cultivation work group of the “Avant-garde” in Kazakhstan, Lee Lyubov, head of the corn cultivation work group of the “Politotdel” in Uzbekistan, and its branch manager Jeong Valery, Kang Oh Nam⁴⁰, head of the cotton cultivation work group of the “Engels” — they all were work group leaders, became socialist labor heroes and received the Order of the Labor Red Flag, which made them as famous as their management committee chairmen. Among them, the corn work group headed by Lee Lyubov of the “Politotdel” achieved the best results in the Soviet Union in 1961 by harvesting 1,967 centners of corn (stalks and fruits) per hectare (the average was 1,850), which was higher than of agricultural enterprises in capitalist countries. The high yield of corn increased the quantity and quality of livestock feed, so the “Politotdel” was able to overcome the backwardness of its livestock sector in a short period of time and produce a lot of milk and meat. Lee Lyubov summarized 9 secrets to get the highest corn yield (Hwang, 1962: 3–5, 57). As the head of the “Politotdel” branch, Jeong Valery took measures to improve labor organization and work discipline, providing material and other preferential treatment to the kolkhoz workers. He turned an un-

37. Newspaper “Lenin’s Banner”, 31.01.1970.

38. Newspaper “Lenin’s Banner”, 31.03.1979.

39. Newspaper “Lenin’s Banner”, 31.01.1970; 10.02.1970.

40. Kang Oh Nam, who was born in 1926 in a poor family in the Far East, received the title of the Socialist Labor Hero in 1976 for the record cotton yield of 57.4 centners per hectare.

derdeveloped branch into an advanced one in a relatively short period of time, and earned 3 million rubles for his branch alone⁴¹.

In terms of farming technology, irrigation, land improvement and intensive agriculture methods had fundamental importance for productivity of the advanced Korean kolkhozes (Khvan, 1962: 13). From the very beginning, it was extremely important to dry out swamps and improve wastelands to make land suitable for farming, providing an adequate supply of water in dry areas of Central Asia, where rainfall is much less than on the Korean Peninsula or in the Primorsky krai, as kolkhozes cultivated not only rice but also cotton, corn, alfalfa and vegetables. In addition, the Soviet kolkhoz was a large farm of thousands of hectares, and Koreans cultivated rice, so irrigation experts were considered a very important profession in agriculture. For example, in the early 1960s, in the “Polar Star”, each work group had a permanent group 8-10 irrigation experts⁴².

On the other hand, the “Politotdel” introduced a crop rotation system in 1954. The main crops were cotton, kenaf, corn and rice; alfalfa as forage was cultivated in some areas. After several years of experiments, kolkhoz leaders concluded that “the unscientific pasture rotation system had been ineffective for a long time”. Advocates of pasture rotation argued that land could only be improved by growing perennial grasses on at least one third of farmland, but alfalfa required 1.5 to 2 times more moisture than cotton. Therefore, the “Politotdel” achieved much higher yields with a “centralized agricultural system” without growing grass in cotton, kenaf and corn fields (Hwang, 1962: 18–19, 26). Moreover, extensive mechanization of production and scientific farming have become the main methods for increasing productivity since the 1950s. The expansion of the cultivated area promoted mechanization and facilitated it. For example, the farm size of the “Polar Star” in 1938 was 128 hectares, but in 1954 it increased to 3,235 hectares, of which the sowing area accounted for 2,454 hectares (Iskhakov, 1972: 22). The “Polar Star”, whose main crop was the most labor intensive cotton, mechanized almost all production except weeding in the late 1960s. As a result, an average annual labor productivity increase was almost 20% for three years. In his book, Hwang Man Geum, the chairman of the management committee, evaluates very positively the integration of small farms from 1951 and 1963 and the transfer of agricultural machinery from MTS⁴³ to kolkhozes in 1958. With such measures, the more rational use of land, water and machinery became possible: labor costs per land area and production costs decreased, while the yield of crops and livestock increased. In other words, the expansion of pastures and increased

41. Newspaper “Lenin’s Banner”, 06.09.1979.

42. Newspaper “Lenin’s Banner”, 01.10.1963.

43. See positive assessments of the initial role of the MTS in: Kondrashin, Mozokhin, 2017.

feed allowed small livestock farms to develop into large ones and them into huge livestock complexes (Hwang, 1977: 18–19).

In the 1960s, under the widespread mechanization, a new form of labor organization called mechanized sub-teams developed. The “3rd International” kolkhoz in the Karmakchi district of the Kyzyl-Orda Region in Kazakhstan was the first to start mechanization of rice cultivation: 30% of machine harvesting in 1959, 70% in 1960, and from 1962 — 100%. The “3rd International” first introduced the mechanized rice-cultivation sub-teams in 1964, following the experience of the Krasnodar Region rice growers. The sub-team consisted of 5 (tractor/combine/car drivers and irrigation experts) to 7–9 people (4–5 mechanics). In 1965, the number of mechanized sub-teams increased to 9, and they were allocated 1,300 hectares, with each sub-team receiving 120–180 hectares. Sub-teams were equipped with 4–5 tractors, mineral fertilizer spreaders, seed drills, rolling machines, rice harvesting machines, combines and other machines, and carried out all types of work — plowing, sowing, watering and harvesting. The wages of sub-team members depended on the area of rice field, the amount of grain produced, etc., and additional money were paid for the produce above the planned indicators⁴⁴. In 1980, the 4th working group of the “3rd International” (leader Kim Ryon Gun) achieved the high average harvest of 64 centners per hectare from 500 hectares of rice fields. The factors that led to such a result were as follows: allocation of agricultural machinery and fertilizers to the work group, use of chemical fertilizers and herbicides, and activities of conscientious irrigation experts (one was able to accurately manage 2–3 hectares of cultivated land), etc. In addition, the shift from the daily work system to the monthly wage system (later was changed back to the piece-work wage system), also played an important stimulating role⁴⁵.

Advanced Korean kolkhozes, especially in Uzbekistan, gradually reduced the share of traditional rice farming on their arable land and intensively cultivated more profitable cotton and kenaf. As rice was a traditional staple food for East Asians, there were limits to the expansion of its demand in Central Asia and the Soviet Union, in which wheat and meat were staple foods. Cotton and kenaf were in high demand as industrial crops, and their selling prices were high, making them profitable crops for kolkhoz peasants. Since the 1960s, double cropping also contributed significantly to the increased grain production. By growing corn in the fields where wheat was harvested, it was possible to produce additional corn for the livestock industry⁴⁶.

In the late 1950s — early 1960s, advanced Korean kolkhozes introduced a separate accounting system⁴⁷ which implied a specific ar-

Kim Chang Jin
Lost Paradise:
The phenomenon
of ‘Soviet Korean
Advanced
Kolkhozes’
in Central Asia
(Part 1)

44. Newspaper “Lenin’s Banner”, 17.02.1965.

45. Newspaper “Lenin’s Banner”, 31.10.1980.

46. Newspaper “Lenin’s Banner”, 08.05.1964.

47. Newspaper “Lenin’s Banner”, 01.01.1960.

rangement of means of production and labor for each unit (work units, livestock sheds, auto repair shops and construction sites) with guidance and support from the management committee to help the production units to use them (means of production and labor) freely or rationally. In the “Polar Star” led by Kim Byung Hwa, the population of five branches in the early 1970s was about 6,000 and the number of workers — about 1,700. These five branches were organized as independent production sectors with separate accounting systems, fields (divided farmland), agricultural machinery, livestock, buildings, etc. In addition, a council (soviet) was organized for each branch’s working group, and councils resolved all problems in production and social life. Thus, it was easier for the kolkhoz management committee to operate production and improve productivity, i.e., there was no need to repeat the inefficient practice of gathering production leaders at the kolkhoz central village management committee office every day for assigning work tasks⁴⁸.

The struggle for recognition of a “legitimate Soviet citizen”

In his book *Phänomenologie des Geistes* (1807), G. W.F. Hegel defined the theory of recognition as an important part in the development of the human spirit: all conflicts between humans stem from the desire to be recognized, and self-identity is a result of the satisfied desire for recognition. According to A. Honneth, who developed Hegel’s theory, recognition is a social condition that allows us to successfully realize our lives and a psychological condition that allows to find positive self-consciousness; recognition struggle is a moral affair that continues until mutual recognition is reached (Honneth, 2011).

Koreans who immigrated to Central Asia desperately needed to be recognized politically as legitimate citizens of their new homeland — the Soviet Union, because just before the forced relocation from the Primorsky Region in 1937, numerous Korean leaders were arrested or executed on charges of being nationalists or “spies of the Japanese Empire”. Among them were quite a few partisans who fought for the Soviet power against the White Army and Japanese imperialists in the Far East. The charges of the Stalinist regime were not applicable to most Koreans, but they still had to prove that they were “loyal Soviet people”. At that time, the only way for Koreans to avoid the status of “subversive minority” was non-political — in economy, education, culture, sports or army. From the late 1930s to the 1950s, Koreans achieved record agricultural and livestock produce by combining superhuman labor, efficient labor organization and creative farming technologies, since they aimed at and responded to the national economic policy and improved their standard of living. Howev-

48. Newspaper “Lenin’s Banner”, 02.03.1971.

er, they also had a strong psychological desire to be recognized politically by the Soviet authorities and socially by natives by achieving higher economic performance than any other ethnic group.

The amazing agricultural achievements of Koreans were recognized by the Soviet authorities with various awards and plaques, including the title of the Socialist Labor Hero⁴⁹, the Order of Lenin and the Stalin Prize. Several chairs of the advanced kolkhoz management committees or work group leaders were elected delegates to the Supreme Council of People’s Deputies of republics or the Soviet Union, which provided them with political honor and social influence. The first Korean to be awarded for his record-breaking harvest was Kim Man Sam, head of the rice cultivation sub-team of the “Avant-garde” kolkhoz: he broke the record of 150 centners per hectare of rice in 1942 and 160 centners in 1943 and received the Stalin Prize in 1946⁴⁹. Kim Man Sam’s record rice yield of 15,000-16,000 kg per hectare was a new world record.⁵⁰ In 1968, the total number of the Socialist Labour Heroes in Kazakhstan was 1,347, of which 66 were Koreans. All of them were recognized for their outstanding agricultural achievements: 10 management committee chairs, 12 work group leaders, 23 sub-team leaders, 15 team members, and the rest were combiners, chief agricultural engineers, a senior horse breeder, a sovkhos director, and a chief agricultural engineer at the MTS, etc.⁵¹ In September 1970, 33 Koreans working in the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan were awarded the title of the Socialist Labour Hero⁵².

In Uzbekistan, an agricultural country, many more Koreans received national awards, including the title of the Socialist Labor Hero. In the “Polar Star” kolkhoz, 9 people, including its leader Kim Byung Hwa, were awarded the title of the Socialist Labor Hero in 1948⁵³. In this kolkhoz, the number of the Socialist Labor Heroes in 1950 reached 16, and about 270 people received various awards and plaques, including the Lenin Medal⁵⁴. In 1960, 25 members of the “Polar Star” received the title of the Socialist Labour Hero, 75 — the Order of

49. Kim Man Sam received the Stalin Prize together with his student Ibrai Sahayeb. The highest yield recorded by Sahayeb in 1945 was 156.5 centners per hectare: “Lenin’s Banner”, 03.07.1946. The newspaper “Lenin’s Banner” published 10 articles about Kim Man Sam and the “Avant-garde” kolkhoz from 1946 to 1948.

50. Korea’s rice harvest from 1953 to 1955 was only 1,800 kg (1.8 tons) per hectare. In 1970, only 3,980 kg (3.98 tons) of regular rice (Japonica) and 5,130 kg (5.13 tons) of Tongil, high-yielding rice were produced. Surprisingly, according to the statistical data of Korea’s Ministry of Agriculture and Forestry in November 2005, 80 years after Kim Man Sam’s record, Korea’s rice production was 6,627 kg per hectare, and the world’s highest rice yield was 10,071 kg per hectare (in Australia): “JoongAng Ilbo”, 27.11.2005.

51. Newspaper “Lenin’s Banner”, 26.03.1968.

52. Newspaper “Lenin’s Banner”, 06.10.1970.

53. Newspaper “Lenin’s Banner”, 30.04.1948; 18.06.1949.

54. Newspaper “Lenin’s Banner”, 27.09.1950.

Lenin, 105 — the Red Flag Medal for Labor, and 400 people in total received various awards. Kim Byung Hwa, who served as the chairman of the “Polar Star” management committee for 20 years, was awarded the Socialist Labour Hero twice and received three Orders of Lenin, one Red Flag Medal for Labor, one Order of Honor and a medal. He was elected a deputy to the Supreme Soviet of the Uzbek Republic, and his kolkhoz’s name was changed from the “Polar Star” to “Kim Byung Hwa”. Thousands of people gathered at the unveiling ceremony of the statue of Kim Byung Hwa, which was erected to commemorate the 20th anniversary of the start of his work as the kolkhoz leader⁵⁵.

In 1949, just two years after the organization of the “Mikoyan” kolkhoz in the Lower-Chirchik district of the Tashkent Region, four kolkhoz members were awarded the title of the Socialist Labour Hero, and 29 members — medals and plaques for great achievements in kenaf cultivation⁵⁶. In 1950, the first year that Choi Ivan took office as the chairman of the management committee of the “Pravda” kolkhoz, 8 out of its 197 workers were awarded the title of the Socialist Labour Hero, and three years later, in 1957, also Choi Ivan and 12 other workers (Kim, 2021: 100–101, 108). Hwang Man Geum from the “Politotdel” kolkhoz also received the title of the Socialist Labour Hero in 1957, just three years after taking office as the chairman. The “Politotdel” which enjoyed its heyday in the 1960s–1970s was visited by Khrushchev (1961), Brezhnev (1970) and foreign dignitaries visiting the Soviet Union. From 1948 to 1957, 130 Koreans who worked in agriculture in Uzbekistan were awarded the title of the Socialist Labour Hero, and 70 were from three kolkhozes in the Tashkent Region — “Polar Star”, “Sverdlov” and “Dimitrov”. From 1948 to 1976, the number of the Socialist Labor Heroes in the Central Asian Korean community reached 206 (Kim, 2021: 5–6; Shin, 2021: 523).

The Great Patriotic War was a time of severe trials for Korean peasants in Central Asia. Young men, the mainstay of the kolkhoz workforce, went to the front; vehicles (trucks), horses and metal for making weapons were requisitioned; the food provision for the front was added. Kolkhoz struggled to survive under the total absence of everything. On the other hand, the war was considered a good opportunity for Koreans to prove that they were “loyal Soviet people”. Young men volunteered to the Red Army, but Koreans had not yet got rid of the stigma of being “subversive” and could not officially join the Red Army, except for a very few who changed their last name in documents as if they were of a different ethnicity, while the remaining Korean men joined the Labor Army. The only way left for Koreans was to voluntarily provide large quantities of military supplies. Kim Man Sam, the head of the sub-team in the “Avant-garde” kolk-

55. Newspaper “Lenin’s Banner”, 04.01.1961.

56. Newspaper “Lenin’s Banner”, 08.12.1950.

hoz in Kazakhstan, donated 105,000 rubles to the Red Army’s tank production fund in 1941⁵⁷. He was awarded the Order of Merit for Effort (1945), the Stalin Prize (1946) and the title of the Socialist Labour Hero (1949) for the world record in rice yield. In 1943, all members of the “Polar Star” raised over 2.2 million rubles for the production of airplanes for the Red Army. Kim Byung Hwa, the chairman of the management committee, also donated 100,000 rubles. In the first year of the war, 75 men from the “Politotdel” donated more than 500,000 rubles to produce airplanes and 350,000 rubles to make a tank unit (Hwang, 1977: 16–17). In 1943, five Korean kolkhozes in the Tashkent Region, including “Polar Star”, “Lenin”, “Pravda”, “Sverdlov”, and “Northern Lighthouse”, donated 6 million rubles and 695 gift packages to the Soviet Army. As in 1945 the average salary of the worker was about 500 rubles, the bomber cost 265,000 rubles and the tank — 142,000 rubles, 6 million rubles were enough to make two T-34 tank regiments (Kim, 2021: 88).

On the other hand, being immigrants, in addition to solving the problem of physical survival, one of the first tasks undertaken was to build a school building for the children’s generation. Koreans have traditionally attached great importance to education in terms of individual development, family legacy and social enlightenment. Education was Koreans’ second weapon after agriculture in their recognition struggle. All advanced Korean kolkhozes had decent school buildings and excellent teachers. In Central Asia, where nomadic traditions were strong and modern educational institutions were not widespread, Koreans were known as “the people of farming and education”. It is no coincidence that by the late 1970s, Koreans were one of the most educated peoples in the Central-Asian republics.

The first generation of Korean immigrants desperately hoped that education would help their children succeed in every profession and live proudly as recognized citizens of their socialist homeland. Thereby, the advanced Korean kolkhozes opened a 7-year or 10-year schools with their own funds and did not spare any support — from educational equipment for students to the facilities of youth camps. According to the article in the “Lenin’s Banner”, in the late 1940s (ten years after Koreans had settled in Uzbekistan and begun farming), the 7-year compulsory education became a reality in the kolkhoz village of the “Polar Star”. Teachers of this kolkhoz school were intellectuals who got professional education at universities in Moscow, Leningrad, Kyzyl-Orda and Tashkent. Fifty graduates of the school got higher education in cities of Central Asia, Russia and Ukraine⁵⁸. Some of them returned to their villages and worked as agricultural instructors, engineers, teachers, doctors, etc. Graduates who stayed

57. Newspaper “Lenin’s Banner”, 01.01.1947; 20.01.1953.

58. Newspaper “Lenin’s Banner”, 18.06.1949.

in the city remembered and thanked their kolkhoz for giving them the opportunity to get higher education.

The “Mikoyan” kolkhoz organized in 1947 opened a 7-year school in September 1950⁵⁹. In the 1960s — 1970s, among the graduates of the school No. 16 in the “Pravda” kolkhoz, 80% entered universities (Kim, 2021: 6), like in other advanced Korean kolkhozes. The “Sverdlov” kolkhoz secondary school No. 33 turned into a prestigious school, and students from nearby kolkhozes came to study here, and at its peak, the number of students reached 1,500. In 1970, there were about 4,000 students at schools affiliated with the “Politotdel”. Moreover, 200 rubles were paid annually to 13 kindergartens for each child attending from morning to evening, which completely solved the problem of pre-school child care and school education⁶⁰.

Finally, an interesting fact is that the leadership of the Central-Asian Korean advanced kolkhozes realized early in that the expansion of daycare centers and kindergartens was necessary to increase the female workforce, and began their construction, since many young women could not participate in production due to taking care of their children. Therefore, it was considered the kolkhoz responsibility to provide daycare centers with decent building, toys, food and qualified caregivers. In the summer of 1954, in the new two-story kindergarten of the “Polar Star”, 150 children stayed from 7 am to 9 pm⁶¹, and in 1964, about 600 women were engaged in various work activities⁶².

References

- Babashkin V.V. (2011) *Russia in 1902–1935 as an Agrarian Society*, Saarbrücken. (In Russian)
- Babashkin V.V. (2015) *Contemporary Peasant Studies: Agrarian History of Russia in the 20th Century*, Moscow. (In Russian)
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2014) *Agrarian System of Russia in the 1930s–1980s*, Moscow: Lenand. (In Russian)
- Bollier D. (2014) *Think Like a Commoner: A Short Introduction to the Life of the Commons*, New Society Publishers.
- Braudel F. (1995/1996) *Civilisation matérielle, économie et capitalisme*, Paris: Armand Colin. (In French)
- Brown M., Jones R. E. (2021) *Paint Your Town Red*, Watkins Media Limited.
- Chayanov A.V. (1927) Organization of the collective economy. *Agronomist's Reference Book*, vol. I, Moscow. (In Russian)
- Chelintsev A.N. (1962) Agricultural regions of the USSR. *Issues of the National Economy of the USSR*, Moscow. (In Russian)
- Guinan J., O'Neill M. (2019) *The Case for Community Wealth-Building*, Polity Press.

59. Newspaper “Lenin’s Banner”, 08.12.1950.

60. Newspaper “Lenin’s Banner”, 30.06.1970.

61. Newspaper “Lenin’s Banner”, 01.06.1954.

62. Newspaper “Lenin’s Banner”, 03.06.1964.

- Haruki Wada (1987) *Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937. Koreans in the Soviet Union*. Ed. by Dae-Sook Suh, Honolulu: Center for Korean Studies.
- Hong Woong Ho (2019) Korean theater and culture of the Korean people before 1954 as presented in the newspaper “Lenin’s Banner”. *Study on Overseas Koreans in Russia III*, Seoul: Seonin. (In Korean)
- Honneth A. (2011) *The Struggle for Recognition. The Moral Grammar Of Social Conflicts*. Internet Archive. (In Korean)
- Hwang Man Geum (1961) *Collective Farm Turns to Communism*, Tashkent: State Publishing House. (In Russian)
- Hwang Man Geum (1962) *I Work and Only Work*, Moscow: Publishing House of Agricultural Literature. (In Russian)
- Hwang Man Geum (1977) *The Kolkhoz was a Polity*, Moscow: Kolos. (In Russian)
- Hwang Man Geum (1981) *Bounty of the Land*, Tashkent: Uzbekistan. (In Russian)
- Hwang Young-sam (2007) A review of the formation and development of the Korean economic community in Uzbekistan. *Historical and Cultural Studies*, vol. 26. (In Korean)
- Iskhakov F. B., Kim M. V. (1972) *Happy People*, Tashkent: Uzbekistan. (In Russian)
- Kim Brutt (2019) *Hwang Man Geum: Through Olympus and Golgotha*, Tashkent: Baktria Press. (In Russian)
- Kim Brutt (2021) *Equal among the First*, Tashkent: Baktria Press. (In Russian)
- Kim German (2005) *History of Korean Migration*, Seoul: Parkyoungsa. (In Korean)
- Kim Byung Hwa (1954) *On the Path to Abundance*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russian)
- Kondrashin V. (1997) History of the village Lokh. *Peasant Studies. Theory. History. The Present Time*, Moscow, pp. 176–216. (In Russian)
- Kondrashin V., Mozokhin O. (2017) *Political Departments of MTS in 1933–1934*, Moscow: Russian Book. (In Russian)
- Kostyashov Yu. (2015) *Everyday Life of the Post-War Village: From the History of the Resettled Kolkhoz in the Kaliningrad Region (1946–1953)*, Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian)
- Koznova I. (2016) *Stalin Era in the Memory of the Russian peasantry*, Moscow: Rosspen. (In Russian)
- Kropotkin P. (1902) *Mutual Aid. A Factor of Evolution*, London: Heinemann.
- Lee Chae-moon (2007) *Diaspora on the Frozen Land*, Daegu: Kyungbuk National University Press. (In Korean)
- Lim Young-sang (2007) Korean kolkhoz in the Tashkent Province, Uzbekistan. *Historical and Cultural Studies*, vol. 26. (In Korean)
- Makarov N. P. (1966) *Economic Principles of Organizing Production on Collective and State Farms*, Moscow. (In Russian)
- Nikulin A. M. (2017) An omitted intellectual tradition: The Chaianov school on collective farming. Reconciling failure and success: Soviet elites and the collectivized village. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 65, no 3, pp. 423–444.
- Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Scott J. C. (1971) *The Moral Economy of the Peasant Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.
- Seong Dong-gi (2006) *Kim Byeong-hwa: Immortal Korean Hero of Uzbekistan*, Seoul: Overseas Koreans Foundation. (In Korean)
- Shim Youngseop, Kim German (1999) Korean history in Kazakhstan. *Ancient Documents*, vol. 2, Alma-Ata: Korean Education Center.
- Shin D. (2021) *Soviet Koreans: Heroes of Socialist Labor*, Moscow: Slavic-Korean Orthodox Society. (In Russian)
- Standing G. (2019) *Plunder of the Commons*, London: Penguin Books.

- Ten E. (2005) *The Legend of Kim Peng Hwa*, Istiklol. (In Russian)
- The Care Collective (2020) *The Care Manifesto: The Politics of Interdependence*, Verso.
- Vanin Yu.V. (Ed.) (2006) *Kim Peng Hwa and the Polar Star Collective Farm*, Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian)
- Venzher V.G. (1965) *The Collective Farm System at the Present Stage*, Moscow: Economics. (In Russian)
- Zamagni S., Zamagni B. (2010) *Cooperative Enterprise: Facing the Challenge of Globalization*, Edward Elgar Publishing. (In Korean)
- Zaslavskaya T.I. (2000) Pages of creative biography. *Theoretical Heritage of Agricultural Economists of the 1950s — 1980s and the Contemporary Agricultural Reform. People, Ideas, Facts*, Moscow. (In Russian)
- Decisions of the Party and Government on Economic Issues (1917–1967), vol. 2 (In Russian)

Потерянный рай: феномен «советско-корейских передовых колхозов» в Средней Азии

Ким Чан Чжин, доктор политических наук, профессор Университета Сунгконгэ. Ён Донгро, 320, Гуро Гу, Сеул, Корея; приглашенный научный сотрудник, Институт азиатских исследований, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, просп. Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан. E-mail: koruskim@gmail.com

Аннотация. В истории советских колхозных исследований «феномен передового колхоза (колхоза-миллионера)» остается почти неисследованным, хотя это был заметный социально-экономический феноменом. Члены корейских передовых колхозов Средней Азии, существовавших с конца 1930-х по 1980-е годы, сначала адаптировались к колхозной системе посредством самоотверженного труда, а затем активно создавали социально-культурные институты внутри колхозной системы для общего блага не только этнических корейцев, но и коренного населения. В региональном масштабе подавляющее большинство «корейских передовых колхозов», в том числе легендарные «Полярная звезда» и «Политотель», действовали в Узбекистане, реже в Казахстане. Видимо, корейские передовые колхозы Средней Азии достигли пика сельскохозяйственного социалистического развития советского типа в 1960-е — 1970-е годы. Эти богатые корейские колхозы создали сильную социальную инфраструктуру и заложили основу современной живой культуры. Местные общие ресурсы были созданы ими за счет своих богатых неделимых фондов, потребительских и культурных фондов. Корейские колхозы-миллионеры не только обеспечили деревне прекрасную материально-техническую базу типа города-сад, основанную на высоких экономических показателях, но и жили в гармоничной многонациональной общине, пользуясь различными социальными благами городского типа.

Ключевые слова: советско-корейские передовые колхозы в Средней Азии, компетентный и самоотверженный руководитель, эффективная организация труда, колхозный город-сад, многонациональная дружественная община

Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture?

N. I. Shagaida

Natalia I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp, 82, Moscow, 119571. E-mail: nshagaida@mail.ru

Abstract. In November 2023, the First Deputy Minister of Agriculture Oksana Lut estimated the shortage of workers in agriculture at 200,000¹, obviously implying agricultural organizations. According to Lut, one of the reasons for such a shortage is low salaries: the limited effective demand for products does not allow agricultural organizations to increase the selling price of produce, which limits the wages of agricultural workers. However, the number of people employed in agriculture declines almost everywhere — this is a common situation in many countries. On the one hand, this decline is determined by an increase in labor productivity, i.e., a reduction in the number of workers is the desired result; on the other hand, many agricultural enterprises suffer from the lack of needed workers. Therefore, it is necessary to understand why there is a shortage of agricultural workers in Russia, focusing on the details of this situation. Based on the Federal State Statistics Service's data, the author considers this situation, in particular the number of employed in agriculture, main reasons for such a labor shortage in agriculture and national economy in general, possibilities and limitations of the reliance/dependence on labor migrants (especially from the post-Soviet countries) and on unemployed in the Russian labor market, regional differences in the available workforce, finally providing some recommendations to change the current situation.

Key words: labor shortage, agriculture, agricultural organizations, wages, unemployment, labor migrants, regional differences

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-139-152

How many people are employed in Russian agriculture, and where does the current labor shortage come from?

In 2022, 4.5 million people were employed in Russian agriculture (average annual number), or 6.3% of the total number of people employed in the national economy², while the average number of workers in agricultural organizations was 1.3 million³. The rate of decline

1. The Ministry of Agriculture estimated labor shortage in agriculture at 200,000. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19227395>.
2. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/05-05_2017-2022.xls.
3. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58699>. In addition to hired workers, there are also self-employed, including hundreds of thousands of farmers

in the number of people employed in agriculture has slowed since the start of the pandemic (Results..., 2017–2022): in 2017–2020, the number of people employed in agriculture decreased by 138–227 thousand annually, and in 2021–2022 — by 63–25 thousand. There may be doubts about the number of people employed outside agricultural organizations given the low observability of households and farms, but the number of workers in agricultural organizations should be quite accurate due to statistical records and the state monitoring of wages, payroll taxes and pension savings. Thereby, it is not clear where the shortage of 200 thousand people came from in 2023 as since 2020, according to the official data, the number of workers in agricultural organizations has been only 88 thousand⁴.

Perhaps, in agriculture, typical practices implied hiring workers not through agricultural organizations or farms but through outstaffing and outsourcing or some shadow ways (bypassing the official rules). Thus, agricultural workers fell into an invisible zone for the Ministry of Agriculture which analyzes farms' reports, focusing on the indicated number of workers. In 2020–2023, the extremely negative events and the depreciation of the ruble determined a decrease in the number of migrants, and suddenly it became clear that, despite a relatively small reduction in the number of workers according to the official records, there is a large labor shortage in agriculture. One might assume that this shortage is the result of a sharp increase in agricultural production, but this is wrong as in 2023 the number of needed workers exceeded an increase in agricultural production: an increase in production in agricultural organizations (in 2022 compared to 2021) was 11.4%⁵; if we compare the 200-thousand shortage of workers with the average number of employees in agricultural organizations, this number will be 15%.

Thus, it can be assumed that the labor shortage in agriculture is the result of the underestimated need in foreign labor migrants. Obviously, there were many such workers in agriculture before the pandemic, but they were not included in farms' reports or the Federal State Statistics Service' surveys, because its "sample consists of households... Those living in boarding schools, nursing homes and other institutions, dormitories, monasteries and other collective living quarters are not taken into account"⁶. Thereby, the number of workers living in dormitories and employed in agricultural organizations, including their processing departments, cannot be estimated. Perhaps, the 200-thousand shortage mentioned by the Ministry of Agriculture shows the number

and millions of landowners who produce food primarily for their families.
URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

4. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

5. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/data.do?format=excel>.

6. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zQ9UqVuf/bd_ors-metod_318737.pdf.

of workers who did not come/return to Russia or left the country due to the ruble depreciation and other threats of the labor-migrant life.

The spread of outstaffing and outsourcing has an economic explanation. First, the development of large-scale agricultural production, mainly in animal husbandry and processing, determines the need for migrants worldwide as production volumes become disproportionate to the available labor resources. There are no cases in Russia when the decisions on the location of production and its size were based on the ability of local communities to meet the needs of these large industries for workers. This situation was facilitated by the state support for large projects as ensuring an immediate effect in production and improving regional indicators of economic development.

Second, a contract with an external company for providing workers or services (milking, cleaning, etc.) frees agricultural companies from responsibility to the employee and from obligations to the state to legalize foreign workers, pay minimum salaries, taxes and deductions; legislation was changed to make the working migrant increasingly equal to the ordinary worker. Today, staff rental is prohibited, but there are exceptions⁷: workers officially registered in one way or another (outstaffing, outsourcing) do not belong to the agricultural organization staff and receive little money, agricultural organizations do not make social payments for them, which explains why Russian agricultural products are relatively cheap. As some advertisements say, “outstaffing is a high management technology and a special form of labor relations, i.e., this is an official re-registration of workers as staff of another company with which an agreement for outstaffing services was concluded”⁸. It was a convenient mechanism that became unreliable in the contemporary world.

Another prerequisite for attracting migrants is the seasonal nature of agricultural work. If farms specialize in crop production, local population needs paid work in the winter as high seasonal earnings are followed by low incomes in the off-season period, which makes people look for other jobs to ensure a year-round income. If the Federal State Statistics Ser-

N. I. Shagaida

Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture?

7. URL: <https://300.pravo.ru/opinion/212316/#:~:text=%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%2C%20%D1%87%D1%82%D0%BE%20%D0%B0%D1%83%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%84%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B3%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%20%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F,%D0%B2%D1%8B%D1%88%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8E%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0>
8. URL: <https://sales-generator.ru/blog/autstaffing-personala>.

vice had developed an adequate statistical monitoring of migrant labor at farms, we would have understood at least the risks of unfavorable conditions, including changes in the ruble exchange rate. The need (vacancies) for foreign labor migrants surprisingly correlates with the ruble exchange rate curve: the stronger the ruble the fewer vacancies, the weaker the ruble the more vacancies, while internal migrants and local workers do not react to the ruble exchange rate. Moreover, an indirect evidence of a reduction in the number of labor migrants in agriculture is the increasing number of foreigners looking for a job: in 2022, this increase was far from pre-pandemic 2019 (Population and Migration..., 2022).

It is difficult to find in publications or statistical collections any data on the number of migrant workers in agriculture (Potapova, 2021). Some authors mention 5.5% of those employed in agriculture but without references (Sergienko, Goncharova, 2015), others prefer value judgments without statistical evidence (Kisly, Isaeva, 2023). According to the official statistical data, in 2019, in the structure of employment of foreign labor migrants by industry, the share of those employed in agriculture was 7% (the total number of foreign labor migrants was estimated at 0,5 million (Results..., 2019), and even this small figure seems to be an underestimate). There are different estimates of the need for foreign workers (from tens to hundreds of thousands) again without statistical evidence (Maksimova, Kulistikova, 2020; Batyrov, 2021). The widespread employment of labor migrants is indirectly confirmed by the fact that in 2021 the Russian government adopted a decree to limit the share of foreign workers; however, among all branches of agriculture only vegetable production was mentioned in this decree. According to this decree, the share of foreign workers in vegetable production cannot exceed 50% of personnel. The Astrakhan Region is excluded from the scope of this decree, but it produces about 11% of Russian vegetables as the largest national vegetable producers (the second one is Dagestan). It is unlikely that foreign labor migrants work in Dagestan: the main production is concentrated in family farms, and the region is labor-surplus. Thus, the decree demonstrates both the state concern about the number of migrants and the objective impossibility of doing without them.

In other words, only the Ministry of Agriculture can estimate the number of foreign labor migrants by requesting information from the regions that, in turn, would request it from agricultural organizations and farms. However, even in this case the data would not be accurate due to the agricultural producers' reluctance to provide such sensitive information. At the same time, some indirect indicators show that the import substitution of workforce is extremely relevant for Russian agriculture, given the ruble exchange rate and other risks. If the situation returns to normal, the shortage of 200 thousand people will be eliminated relatively quickly, since some post-Soviet countries still have a surplus of labor. However, it should be kept in mind that there is a growing competition for labor migrants between countries,

including the non-CIS ones (the decreasing influx of migrants to Russia means finding new channels for labor migration to other countries). It is important for Russia to maintain ties with the post-Soviet labor-surplus countries: on the one hand, there is a need for foreign migrants in Russian agriculture; on the other hand, people in Russia and in these countries still seem to understand each other.

Unemployed as the potential of the Russian labor market

Despite the declared high need for workforce, many workers leave Russian agriculture by choice or at their managers' request. According to the labor force sample survey in 2022 (Results..., 2017–2022), there are 166 thousand unemployed with experience in agriculture; most of them are of working age and became unemployed by choice or for personal reasons (110 thousand). Since these people were not fired but quit, we need to assess chances of their return, provided that the authorities are ready for non-trivial and region-specific solutions. For instance, if young women quit their jobs to care for children, every village with children should have a home kindergarten/kids club. To stimulate such regional and municipal activities, the government should simplify requirements for such premises and provide subsidies to pay the person who looks after the children (for training and/or a part of the monthly salary).

Among the unemployed with experience in agriculture, there are 56 thousand people who lost their job due to the closure of production or at the employer's initiative. In the first case, there may be objective reasons for losing business: for example, in Dagestan, between the All-Russian Agricultural Census (ARAC) of 2006 and the Agricultural Micro-Census (AMC) of 2021, there was a catastrophic reduction in the number of small peasant farms — from 36.2 to 0.6 thousand⁹ (Table 1), which is easy to explain: their products were not included (vegetables) or were excluded (grapes) from food chains; grain production in this territory is not profitable as the income would be “eat-up” by the fixed payment to social funds (about 46 thousand rubles in 2023)¹⁰. Thus, we need to include smallholders in food chains, for instance, by stimulating cooperation between wine/cognac factories and small vegetable processing farms.

9. URL: <https://05.rosstat.gov.ru/folder/200667>.

10. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10975816#:~:text=%D0%94%D0%BB%D1%8F%20%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8B%20%D1%84%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%B2%D0%B7%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2,02%2003000%2001%201000%20160>.

Groups	ARAC 2006	ARAC 2016	ARAC 2021	2021 to 2006, in %
<=4	36203	5604	620	2
4.1-10	3374	1136	248	7
11-20	287	294	107	37
21-50	168	325	202	120
51-100	67	230	174	260
Other	555	1111	1002	181
Total	40654	8700	2353	6

In the second case, workers were fired/quit but production continued to operate. One of the reasons is the lack of necessary qualifications: by 2022, the share of imported equipment in Russian agriculture was about 50% (German, 2023), and workers need special qualifications to work on it. Only 36% of unemployed (previously employed in agriculture) have secondary vocational education, 8% — higher education (Results., 2017–2022); every third rural unemployed (previously employed in agriculture) is a low-skilled worker (in the city — 28%), i.e., every third unemployed cannot be considered a potential personnel reserve due to low qualifications.

According to the Federal State Statistics Service's sample survey, the number of unskilled workers in agriculture decreases faster than the number of skilled workers (Table 2), especially of unskilled female workers. Thus, only a part of low-skilled workers can be returned to work if they agree to undergo training. Villagers with low incomes should be given an opportunity to get the simplest qualification — retraining/training facilities should be located near places of mass settlement, and training should be inexpensive or free, which would allow the retrained to work in the village. This idea fits into the program for the integrated development of Russian rural territories.

Table 2. Changes in the number of workers in agriculture, forestry and fishing depending on qualifications, 2017–2022

Qualification	Employed (over 15 years of age, thousand people)			2021 to 2017, in %		
	Total	Men	Women	Total	Men	Women
Qualified	1559	801	758	-14.1	-16.5	-11.3
Unqualified	360	254	106	-16.6	-13.6	-23.1

Russian territories with the largest number of unemployed with experience in agriculture are Bashkortostan and Kabardino-Balkaria, and these are clearly excess labor resources. In Bashkortostan, from 2017 to 2022, the number of people employed in agriculture decreased by 50%, while the regional share in the national agricultural production — by 0.1%. Given a steady increase in the Russian agricultural production, this means that production in Bashkortostan also grows due to an increase in labor productivity. In Kabardino-Balkaria, a decrease in employment (15%) was accompanied by an increase in production (and in the share of the Russian agricultural production — 0.1%), i.e., formerly employed people are unlikely to find work in agriculture in their region.

Table 3 shows that most regions with the maximum reduction in the number of workers are insignificant in terms of agricultural production volumes, with the exception of Bashkortostan, Orenburg and Penza Regions. In the last two regions, the situation is similar — the reduction in the number of workers in agricultural organizations did not lead to a decrease in production, i.e., these workers stayed in the village without work, which did not affect production. Moreover, the number of vacancies in the Penza Region shows a great need for workers but, apparently, with other qualifications.

Table 3. Regional contributions to the agricultural production and the reduction in the average number of workers (2017–2022, in %; regions with the reduction of 40% are compared to 2017)¹¹

Regions	Share of regions in the national gross agricultural output, %		Change in the number of workers, 2022–2017/2017, in %
	2017	2022	
Russian Federation	100	100	-22
Jewish Autonomous Region	0.1	0.1	-64
Magadan Region	0	0	-63
Khakassia	0.3	0.2	-52
Novgorod Region	0.5	0.4	-52
Khanty-Mansi Autonomous Okrug	0.2	0.1	-51
Bashkortostan	3.1	3	-50
Transbaikal Region	0.4	0.3	-48
Penza Region	1.4	1.9	-43

11. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58699>, <https://fedstat.ru/indicator/43337>.

Orenburg Region	2.2	2.2	-43
Khabarovsk Region	0.3	0.2	-41
Kalmykia	0.2	0.3	-40
Murmansk Region	0	0	-40

Territories with the greatest demand for labor have the most developed agriculture: Moscow (10% of jobs in the country), Krasnodar Region (7.6%), Voronezh Region (6.7%), Moscow Region (5.7%), Rostov Region (5%), Belgorod Region (4.7%), and also Stavropol, Lipetsk, Penza and Kursk Regions (according to the Headhunter website). All these regions are so-called 'agroholding territories', with the exception of Moscow, but even here the head offices of agroholdings hire specialists for their regional subsidiaries.

Decreasing attractiveness of agriculture for employment

Russian agriculture has systematically lost its attractiveness for employment: in 2000, 50% of the working-age rural population were employed in agriculture, in 2017 — 19.9%, in 2022 — 18.7%. Moreover, the average annual rate of reduction in the number of employed in agriculture among rural population (1.3%) is higher than the average annual rate of reduction in the rural labor force (0.8%); and a decrease in employment in agriculture is accompanied by an increase in employment in businesses that are located outside the rural settlement (mining, construction, trade, restaurants, finance, etc.): 38% of employed villagers in 2017, 43% — in 2022, i.e., rural residents of working age increasingly prefer non-agricultural employment.

The widely accepted idea that Russians are not inclined to migrate is only partly true as they are not inclined to a radical change of place of residence due to high relocation costs but are quite mobile in case of short-term trips. The migration of rural population is quite widespread (Table 4): villagers are less likely than city dwellers to work in their locality; more than 32% of the employed rural population left their village; 9.3% work far from home.

The situation varies by region: for instance, in Kabardino-Balkaria, 18% of the employed rural population work in other regions, in Bashkortostan — 32%, in Mordovia (with fewer unemployed people with experience in agriculture compared to Bashkortostan) — 39%, not to mention that we do not know how many villagers working for months in other regions participated in the All-Russian Population Census (under the pandemic), i.e., the scale of rural migration is most likely underestimated. The number of internal migrants who leave not only their village but also their region exceeds 200-thousand labor shortage, and this is mostly labor migration and mostly men, even though more unskilled female workers leave agriculture.

Table 4. Employed population (households, 2020)¹²

Population	Employed (over 15 years of age)	%
Urban and rural population	60,777,212	
Urban population, including those working	46,051,903	100
in their region	43,266,287	94
in their locality	42,365,753	92
other territories (another region, state, etc.)	2,785,616	6
Rural population, including those working	14,725,309	100
in their region	13,351,609	90.7
in their locality	10,005,119	67.9
other territories (another region, state, etc.)	1,373,700	9.3

N. I. Shagaida
Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture?

According to the official discourse and public discussions, the main goal of the state rural policies should be the same average wage in agriculture as the regional average wage. There are territories that have already reached this goal and even exceeded it, but the average wage in such regions often remains low compared to the national average wage (Table 5). In other regions, the situation is even more complicated (Fig. 1).

Table 5. Regions with wages in agriculture equal or higher than the average regional wage

Regions	In relation to the regional average wage	In relation to the national average wage in agriculture	In relation to the national average wage
Tambov Region	125.2	117.1	75.1
City of Sevastopol	119.7	123	78.9
Orel Region	114	112	71.8
Republic of Mordovia	109.9	105.5	67.7
Belgorod Region	108.5	125.2	80.3
Penza Region	108.2	108.6	69.6
Kursk Region	107.3	119.9	76.9
Lipetsk Region	104.3	117.5	75.3

12. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila.

Bryansk Region	103.1	101.9	65.4
Stavropol Region	102.2	102.7	65.9
Republic of Adygea	101.1	98.4	63.1

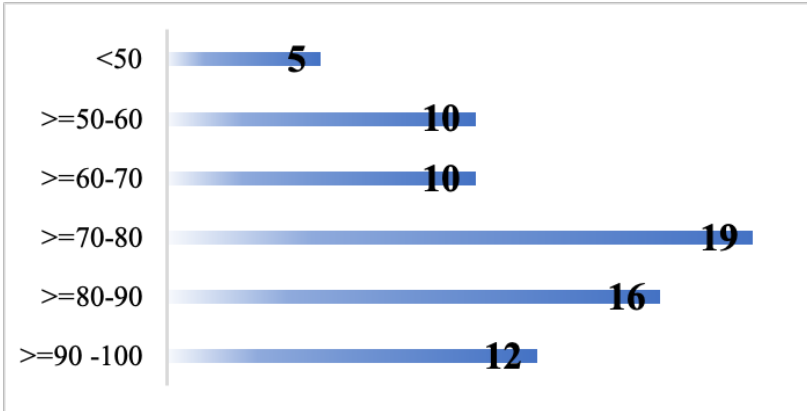

Fig. 1. Number of regions by the ratio of wages in agricultural organizations to wages in the regional economy (in %, intervals)

Thus, excess workers are unlikely to migrate from their regions to work in agriculture and prefer other industries. In agriculture, the output growth exceeded the wage growth only in 2020–2021, while in other years farms had fewer opportunities to increase wages due to the level of productivity (Fig. 2).

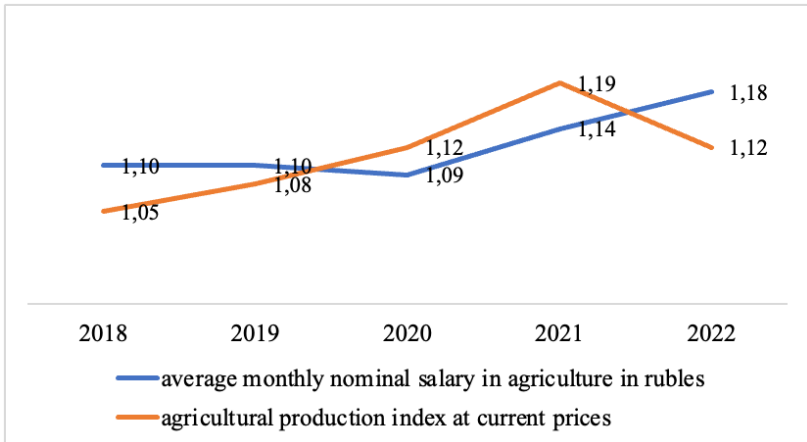

Fig. 2. Output growth and wages in agriculture (in %, compared to the previous year)

The general “framework” of the above-considered problems is the general reduction in workforce (Fig. 3).

N. I. Shagaida
Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture?

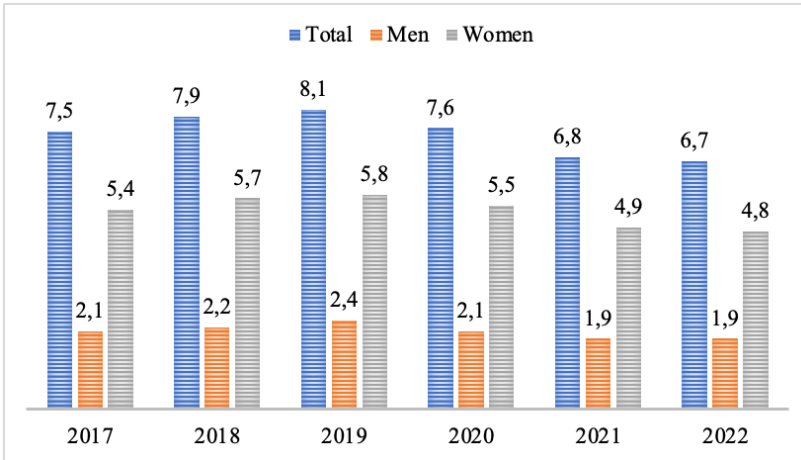

Fig. 3. Workforce (employed + unemployed), in millions

The effect of the 2018 pension reform, which raised the retirement age, disappeared already in 2020, when the labor force began to decline again. Since 2015, fewer children have been born per 1000 rural residents¹³, which means the reduction in rural labor force. When labor supply for the national economy declines, agriculture is at a disadvantage as its labor shortage can be only partially eliminated by increasing the attractiveness of rural life or introducing apprenticeship contracts and agrarian classes. Given the current level and distribution of productive forces in agriculture, there are no internal reserves to eliminate labor shortage, i.e., it will continue to grow, which will negatively affect agricultural production and its diversity. Increasing labor productivity remains the main way for reducing labor shortage for the long term; therefore, measures that limit application of the scientific-technical achievements in agriculture cannot be promising.

To produce cheap products, large agroholdings need cheap workers for seasonal and labor-intensive works in crop production, and such labor migrants will come if the ruble exchange rate rises. The government can compensate for the weakening ruble exchange rate by reducing transaction costs of foreign labor migrants and providing acceptable and safe living conditions if they work in the initial-

13. Calculated according to the Federal State Statistics Service’s data “Fertility, mortality and natural population growth” (2019). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

ly chosen agricultural organizations. Russian authorities could take on the costs for identifying locations in need for labor migrants, targeted recruitment with clear wages and normal working and living conditions, protecting migrants from any violence, i.e., would take on that part of costs which migrants previously repaid from their income, which would increase the attractiveness of employment in agriculture with its low salaries. This is the task not only of the Ministry of Agriculture but of many institutions responsible for the state policy and its implementation. And the first necessary step is to assess the extent to which migrants are needed (especially from the post-Soviet space), although the Russian official and media rhetoric emphasizes that the country has necessary resources and can mobilize them.

Thus, there is an obvious need for an adequate monitoring of labor resources. The Federal State Statistics Service should introduce a form for agricultural organizations to record the number of workers hired through outstaffing (in some cases outsourcing) so that the (annual) average can be calculated to make it clear how many foreign labor migrants are needed. To attract seasonal Russian workers, there should be specific job offers with understandable wages and acceptable living conditions even in labor-surplus regions (there are some in Russia) and affordable training in simple specialties, which agroholdings can organize in their regional educational facilities.

Some other recommendations are as follows:

- to locate large livestock complexes according to the rural settlement system; the state should support only those projects that take into account the features of local labor markets;
- to provide state support for small business in organizing all-season activities in order to mitigate seasonal fluctuations in earnings in crop production;
- to reform the secondary vocational education (a network of colleges with a wide range of simple professions, located near rural settlements with high population density; scholarships for students who will work in the village; scholarships for visiting teachers; modern programs and campuses; high-tech equipment) in order to improve the quality of workforce in rural areas and small towns;
- to implement measures for preserving rural self-employment: differentiated fixed payments to social funds for individual entrepreneurs; state support for factories cooperating with (peasant) farms rather than for wine/cognac factories organizing vineyards; simplified requirements and subsidies for entrepreneurs with children if there are no kindergartens (a subsidy of 30–50 thousand rubles per month is a more effective and less expensive measure than transporting children to villages with kindergartens, building and staffing kindergartens);
- to redistribute budget funds in favor of grants for the study of reasons and ways for overcoming the above-mentioned restrictions,

so that researchers would make recommendations focused on local problems, including in employment;

- to reconsider priorities in the development of industries to ensure both national food security and rural development (for instance, abandon the state support for the export of relatively cheap products and introduce a minimum hourly wage, which would have little impact on food prices but big impact on the attractiveness of agricultural labor, thus, stimulating the use of technologies with increased productivity, which would decrease the unit price of agricultural products).

N. I. Shagaida
Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture?

References

- Batyrov T. (2021) Ministry of Agriculture proposed to bring foreign workers by charter trains. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/432539-minselhoz-predlozhit-zavozit-inostrannyh-rabochih-na-charternyh-poezdah>. (In Russian)
- Decree of the Government of the Russian Federation of October 7, 2021, No. 1706 "On the Permitted Share of Foreign Workers Employed by Business Entities Conducting Certain Types of Economic Activities in the Russian Federation for 2022". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397463. (In Russian)
- Fertility, Mortality and Natural Population Growth (2019). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. (In Russian)
- German A. (2023) Collective farmers in IT: Why there is a stable labor shortage in agriculture. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/486847-kolhozniki-v-it-pocemu-v-sel-skom-hozajstve-stabil-nyj-deficit-kadrov>. (In Russian)
- Kisly O. A., Isaeva M. A. (2023) The situation of labor migrants in Russian agriculture under the pandemic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-trudovyh-migrantov-v-period-pandemii-v-selskom-hozyaystve-rossii/viewer>. (In Russian)
- Maksimova E., Kulistikova T. (2020) Agricultural sector lacks migrants. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/33497-agrosektoru-ne-khvataet-migrantov>. (In Russian)
- Population and Migration in the Russian Federation (2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>. (In Russian)
- Potapova A.A. (2021). Approaches to meeting the need for seasonal agricultural workers with labor migrants under the covid-19 pandemic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-obespecheniyu-potrebnosti-v-sezonnyh-rabotnikah-selskogo-hozyaystva-za-schet-trudovyh-migrantov-v-usloviyah-covid-19?ysclid=luiwuavzc2371549101>. (In Russian)
- Results of the labor force sample survey (2017–2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>. (In Russian)
- Results of the sample survey of the use of migrant labor (2019). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59541>. (In Russian)
- Sergienko A. M., Goncharova N. R. (2015) Migrant workers in agriculture: Practices of interaction with local rural residents in the border agricultural region. *News of Altai State University*, no 3/1. (In Russian)

Можно ли быстро ликвидировать дефицит рабочей силы в российском сельском хозяйстве?

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: nshagaida@mail.ru

Аннотация. В ноябре 2023 года на пленарном заседании Новосибирского агропродовольственного форума первый заместитель российского министра сельского хозяйства Оксана Лут оценила нехватку работников в данной отрасли в 200 тысяч человек¹⁴, очевидно, подразумевая, прежде всего, крупные сельскохозяйственные организации. По ее мнению, одна из причин такого кадрового дефицита — низкие заработные платы в отрасли: ограниченный платежеспособный спрос на продукцию не позволяет сельскохозяйственным организациям повышать отпускные цены, что и сдерживает рост заработной платы занятых в агропромышленном секторе. Однако численность работников в сельском хозяйстве снижается почти повсеместно — это типичное явление для многих стран. С одной стороны, такое снижение обусловлено ростом производительности труда, и тогда сокращение числа рабочих в агропромышленном комплексе — ожидаемый и даже желательный результат технологических нововведений; с другой стороны, многие сельскохозяйственные предприятия страдают от нехватки работников. Соответственно, возникает вопрос: почему в России наблюдается дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве. На основе данных Росстата автор обозначает причины сложившейся ситуации, акцентируя внимание на численности занятых в российском сельском хозяйстве, основных факторах дефицита рабочей силы в агропромышленном секторе и народном хозяйстве в целом, возможностях и ограничениях решения этой проблемы за счет трудовой миграции (особенно из постсоветских стран) и безработных на российском рынке труда, региональных различиях по перечисленным показателям и т.д., завершая статью рядом рекомендаций по изменению нынешней ситуации.

Ключевые слова: дефицит рабочей силы, сельское хозяйство, сельскохозяйственные организации, заработная плата, безработица, трудовые мигранты, региональные различия.

14. В Минсельхозе оценили дефицит кадров в сельскохозяйственной отрасли в 200 тысяч человек: из-за низкой оплаты труда нехватка работников наиболее критична, считает первый замминистра сельского хозяйства Оксана Лут. 08.11.2023 // URL: <https://tass.ru/ekonomika/19227395>.

Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа¹

М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская

Марина Анатольевна Карцева, кандидат экономических наук, заместитель директора по науке, Центр «ИНСАП» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: kartseva-ma@ranepa.ru

Никита Владимирович Мкртчян, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Центр «ИНСАП» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: nmkrтчян@hse.ru

Юлия Фридриховна Флоринская, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «ИНСАП» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 119571 Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: florinskaya-yf@ranepa.ru

Аннотация. В статье анализируется миграция между сельской местностью и городами в России, при этом особое внимание уделяется современному периоду развития процесса. Миграционная убыль сельского населения несколько сократилась. Однако отток населения из сельской местности в значительной степени сглаживается за счет разнонаправленных процессов в пригородах и периферийных селах. Как показывают данные Росстата, сельская глубинка продолжает испытывать сильную миграционную убыль, в то время как пригородное село интенсивно прирастает за счет миграции. На основе микроданных социологического обследования «Человек, семья, общество», проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2020 году, выполнен эконометрический анализ связи сельско-городской миграции с положением людей на рынке труда и их доходами. Он показал, что индивидуальные решения о переезде из сельской местности в город являются рациональными и экономически обоснованными. Миграция из села в город улучшает положение людей на рынке труда, дает выигрыш в заработной плате, ведет к росту душевых доходов. Мотивы миграции из села в город, социально-экономические предпосылки этого процесса подтверждены результатами серии глубинных интервью, проведенных летом 2023 года.

Ключевые слова: сельская местность, сельское население, города, сельско-городская миграция, занятость, зарплаты, доходы

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Несмотря на то что сельско-городская миграция в России является «традиционным» направлением отечественных исследований (Миграция сельского населения, 1970; Зайончковская, 1991), современные исследователи уделяют ей мало внимания. Пропорции городского и сельского населения в стране в настоящее время не демонстрируют резких изменений, в отличие от бурного века ускоренной урбанизации. Одновременно, несмотря на определенный прогресс со статистическими данными и появление новых методов анализа сельского населения и составляющих его динамики, доступной информации не так много, а в той, что есть, не просто разобраться. На этом фоне периодически возникают дискуссии среди лиц, принимающих решения, например, о миллионах «лишних» сельских жителей в трудоспособном возрасте, которых надо ускоренно включать в рынки труда крупнейших городских агломераций², или, наоборот, о возможности массового обратного переселения из городов в села³, или даже о значительном числе россиян, готовых это сделать в ближайшее время⁴. Тема миграции из города в село поднимается и в ряде научных работ, однако там речь не идет о массовых процессах (Овчинцева, 2022; Покровский, Никулин, 2023).

В данной статье оцениваются масштабы миграции между сельской местностью и городами России за постсоветский период с использованием данных официальной статистики и всероссийских переписей населения. Другим важным фокусом работы является исследование обоснованности выбора миграционной стратегии жителями сельской местности. Для этого на основе данных национально репрезентативного выборочного обследования проводится эконометрическая оценка связи миграции с положением индивидов на рынке труда и их доходами.

Для углубления понимания мотивов миграции из сельской местности в города результаты проведенного статистического и эконометрического анализа сопоставляются с материалами экспертных интервью, взятых авторами в ходе качественного социологического исследования у специалистов органов местного самоуправления (муниципального уровня) двух регионов — Тамбовской и Нижегородской областей, а также глубинных интервью с молодыми мигрантами, переехавшими из сельской местности в города в последние пять лет с целью получения образования. Всего было взято

2. Собянин рассказал о 15 млн «лишних» россиян. РБК. 25.11.2017. <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a1983c9a7947c5662c64fe?from=copy>
3. Валентина Матвиенко рассказала об интересе россиян к переезду за город. Российская газета, 22.05.2022. <https://rg.ru/2022/05/22/valentina-matvienko-rasskazala-ob-interese-rossiian-k-pereezdu-za-gorod.html>;
Матвиенко призвала популяризировать сельскую жизнь и поддерживать сельских блогеров. ТАСС. 16.05.2023. <https://tass.ru/obschestvo/17759377>
4. Названа доля желающих покинуть города россиян. Lenta.ru. 14.09.2023. https://lenta.ru/news/2023/09/14/pereezd_zagorod/

16 экспертных интервью с руководителями муниципальных районов (округов), отделов экономики, сельских администраций (территориальных отделов) и сельхозпредприятий, а также 10 глубинных интервью с «образовательными» мигрантами (информанты были найдены методом «снежного кома»).

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Сельско-городская миграция в количественном измерении

На протяжении многих десятилетий сельское население России сокращалось в результате миграции. На ранних этапах урбанизации именно это обеспечивало быстрый, а в отдельные годы (индустриализация, 1930-е) — взрывной рост городского населения страны (Рыбаковский и др., 1988; Зайончковская, 1999). Одновременно эта миграция вела к депопуляции прежде заселенных сельских территорий (Иоффе, Нефедова, 2004). Однако за последние три десятилетия роль миграции в динамике численности сельского населения России менялась.

Сразу после распада СССР миграционный потенциал населения России резко вырос, в отдельные годы он достигал 1 млн человек и был представлен в основном «репатриацией русских» из бывших республик СССР в Россию. Этот миграционный приток подпитывал не только городское, но и сельское население, в результате чего оно за несколько лет практически компенсировало потери последнего советского десятилетия. Однако основная часть миграционного прироста пришлась на первую половину 1990-х годов, тогда как во второй половине его показатели снижались как по стране в целом, так и в сельской местности. Более того, далеко не все переселившиеся в село, в большинстве — в прошлом жители крупных городов бывших советских республик, остались в нем надолго. За 1991–1995 годы миграционный прирост сельского населения составил 975 тыс. человек, за 1996–2000 годы, на фоне снижения волны репатриации и вынужденной миграции из бывших республик, — 135 тыс. человек. После этого сельское население в результате миграции, согласно данным текущего учета, почти всегда сокращалось (табл. 1).

Всероссийские переписи населения (ВПН) 2002, 2010 и проведенная в 2021 году перепись 2020 года, в результате которых численность населения России оказывалась выше оценок Росстата на основе данных текущего учета населения на 1,7, 0,9 и 1,4 млн человек, соответственно, корректировали и миграционный прирост сельского населения (табл. 1). За первый межпереписной период миграционный прирост был скорректирован всего на -16,4 тыс. человек. В этот период нерегистрируемая международная миграция в Россию, в том числе в сельскую местность, позволяла корректировать миграционный прирост вверх, а недоучитываемый отток из села в город — усиливал миграционную убыль. Наложение этих двух

тенденций привело к тому, что отток сельского населения был скорректирован в малой степени. В следующий межпереписной период (2003–2010) миграционный прирост сельского населения был скорректирован на -570 тыс. человек, что могло быть следствием меньшего неучтенного притока в сельскую местность международных мигрантов и возросшего недоучета переезда сельских жителей в города. В последний межпереписной период (2011–2021) миграционный прирост сельского населения был впервые существенно скорректирован Росстатом в сторону увеличения, во второй половине 2010-х годов он сменил знак с отрицательного на положительный. Очень большое отклонение «вверх» по итогам переписи показало сельское население Московской области — более чем на 400 тыс. человек, или на 28,6%.

Мы не можем не признать, что данные российских переписей вызывают много вопросов, особенно это касается регионов Северного Кавказа и крупнейших агломераций (Андреев, 2012; Мкртчян, 2011). Тем не менее данные, полученные в ходе переписей, нельзя не принимать во внимание, на них базируются оценки численности населения как России в целом, так и отдельных ее регионов и населенных пунктов.

Таблица 1. Миграционный прирост (убыль) сельского населения России в 1989–2021 гг. с учетом и без учета корректировок от итогов ВПН-2002, 2010 и 2020 гг., тыс. человек

	До корректировок переписей	После корректировки в 2002 и 2010 гг.	Корректировка
1989	-272,9
1990	-72,6	-74,2	-1,6
1991	57,4	62,0	4,6
1992	289,5	308,5	19,0
1993	264,0	265,9	1,9
1994	272,4	291,1	18,7
1995	96,2	47,6	-48,6
1996	34,2	23,7	-10,5
1997	56,4	32,8	-23,6
1998	44,5	31,0	-13,5
1999	60,6	49,9	-10,7
2000	4,8	-2,6	-7,4
2001	-86,7	-51,9	34,8
2002	-47,2	-26,7	20,5
2003	-34,7	-90,5	-55,8

2004	-28,6	-108,8	-80,2
2005	-22,6	-117,4	-94,8
2006	-28,1	-109,0	-80,9
2007	-9,1	-50,9	-41,8
2008	-22,1	-60,6	-38,5
2009	-2,6	-47,8	-45,2
2010	-96,0	-228,8	-132,8
2011	-149,9	-91,4	58,5
2012	-166,6	-74,2	92,4
2013	-176,8	-153,5	23,3
2014	-137,8
2015	-46,8	5,4	52,2
2016	-36,4	10,4	46,8
2017	-46,5	-7,9	38,6
2018	-69,4	-43,3	26,1
2019	10,1	3,1	-7,0
2020	-7,7	30,6	38,3
2021	34,7	54,5	19,8
2022	-19,1

Источники: Демографические ежегодники России 2002, 2005, 2009, 2021, 2023 гг.; Статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации в 1993–2022 гг.»

В целом за 1989–2021 годы сельское население сократилось более чем на 3,3 млн человек (без учета присоединения Крыма), естественная убыль составила 4,6 млн человек, миграционная убыль, если принять во внимание корректировки после трех переписей, — 0,5 млн. При этом за счет административно-территориальных и муниципально-территориальных преобразований (АТП и МТП) — перевода городских населенных пунктов в сельские (и обратно) — сельское население увеличилось на 2,8 млн человек (табл. 2), т.е. около 2% жителей России из горожан стали сельчанами, не меняя места своего проживания. Преобразование городских населенных пунктов в сельские явно преобладало над преобразованием сельских населенных пунктов в города (как было в советский период). Эти преобразования в основном были оправданы, т.к. качество жизни во многих пгт и малых городах мало отличается от сельского, да и по облику эти поселения скорее напоминают сельские населенные пункты.

Таблица 2. Оценка изменений численности сельского населения России по компонентам, 1989–2021 гг., тыс. человек

	Общий прирост (убыль)	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост (убыль)	АТП и МТП*
1989–2002	-493,9	-2111,5	684,2	933,4
2003–2010	-1198,2	-1489,4	-813,8	1105,0
2011–2021	-667,3	-1029,7	-404,1	766,4
Итого, 1989–2021 гг.	-2359,4	-4630,6	-533,7	2804,8

Источники: Авторская оценка на основе: Демографические ежегодники России 2002, 2005, 2009, 2021 гг., Статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации в 1993–2022 гг.»

* — с учетом присоединения Р. Крым и г. Севастополь; единовременный прирост сельского населения за 2014 г. в связи с этим составил порядка 964 тыс. человек. Также с учетом единовременного «признания» 220,8 тыс. сельского населения г. Москвы городским после ВПН-2020.

В результате, без учета АТП, почти 90% сокращения численности сельского населения в 1989–2021 годах обеспечила естественная убыль, около 10% — миграционный отток. При этом в 1989–2002 годах миграционный прирост компенсировал почти треть естественной убыли сельского населения, в 2003–2010 на него пришлось 35% общей убыли сельского населения, в 2011–2021 — 28% (без учета АТП). Мы полагали, что роль миграционной убыли в сокращении численности сельского населения в 2010-е годы возрастет, однако корректировки от итогов ВПН-2020 убыль, напротив, сократили.

С одной стороны, изменение методики учета миграции в России с 2011 года резко сократили недоучет миграции, включив в разработку данные о зарегистрированных не только по месту жительства, но и по месту пребывания. Тем самым Росстат привел учет миграции в России в соответствие с Рекомендациями ООН в области международной миграции (Чудиновских, 2019), сделал видимыми для статистики до того латентные потоки учебной миграции, и в целом увеличил учитываемую внутрirosсийскую миграцию с 2 млн в год в 2000-е годы до 4 млн в год в 2010-е годы, а потоки учитываемой международной миграции — в несколько раз.

С другой стороны, новая методика учета породила так называемый «автовозврат», в результате которого лица, у которых закончилась регистрация по месту пребывания, автоматически «выбывают» в населенные пункты регистрации по месту жительства. В местах устойчивого оттока населения, прежде всего — молодежи, это ведет к завышению зарегистрированного населения и снижению фиксируемого статистикой миграционного оттока (Мкртчян,

2023) и перетока населения между сельской местностью и городами (Мкртчян, Гильманов, 2023).

При этом интервью подтверждают малый процент реального возврата молодежи.

— Я брала... десять лет последних выпусков 11-х классов, выпускников, и тех, которые отучились, но вернулись. Я могу только вот такое вам сказать: 4% возвращаются (Большеболдинский ТО).

— Нас 14 человек было к окончанию 11-го класса, и у нас двое в Москве, один в Питере, четверо во Владимире, и все остальные в Нижнем Новгороде (А., Муром).

В 2011–2021 годах сельское население участвовало в 22,9 млн, или 53,4% всех внутристрановых переселений в России (табл. 3), — либо в качестве выбывшего в города (колонка 3), либо принимающего бывших жителей города (колонка 4), либо перемещающегося между отдельными сельскими населенными пунктами. Из всего объема внутристрановых переселений (столбец 1 табл. 3) 18,8 млн, или 43,9%, совершались между городскими поселениями и сельской местностью, 20 млн, или 46,6%, — только между городскими населенными пунктами, и лишь 9,5% — между сельскими населенными пунктами, т.е. в пределах сельской местности.

Таблица 3. Миграция по видам населенных пунктов, 2011–2021 гг., тыс. человек и в %

	Вся миграция в пределах России	Из нее:			
		Из городских в городские	Из сельских в городские	Из городских в сельские	Из сельских в сельские
		1	2	3	4
2011	3058,5	1300,0	821,7	590,7	346,1
2012	3778,5	1677,1	967,5	732,5	401,4
2013	4014,6	1819,8	1013,2	768,5	413,2
2014	4046,4	1860,2	999,8	795,2	391,2
2015	4135,9	1932,9	967,8	848,3	386,9
2016	4131,3	1942,1	955,6	857,9	375,7
2017	4184,5	2011,1	952,8	855,0	365,6
2018	4345,9	2083,4	994,7	893,4	374,4
2019	4048,5	1933,5	908,0	844,4	362,7
2020	3526,6	1708,9	770,9	730,2	316,6
2021	3609,5	1708,6	811,0	754,9	335,0
ИТОГО	42 880,1	19 977,6	10 163,0	8670,9	4068,6
В процентах					

М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская
Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа

2011	100,0	42,5	26,9	19,3	11,3
2012	100,0	44,4	25,6	19,4	10,6
2013	100,0	45,3	25,2	19,1	10,3
2014	100,0	46,0	24,7	19,7	9,7
2015	100,0	46,7	23,4	20,5	9,4
2016	100,0	47,0	23,1	20,8	9,1
2017	100,0	48,1	22,8	20,4	8,7
2018	100,0	47,9	22,9	20,6	8,6
2019	100,0	47,8	22,4	20,9	9,0
2020	100,0	48,5	21,9	20,7	9,0
2021	100,0	47,3	22,5	20,9	9,3
ИТОГО	100,0	46,6	23,7	20,2	9,5

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу

При этом в таблице видно, что абсолютные показатели миграции (и доля в общем миграционном обороте⁵), в которой участвовало сельское население, в период с 2011 по 2021 год постепенно сокращались. Уменьшалась и доля переселений между сельскими населенными пунктами. Полагаем, что основная причина этого — сокращение численности сельского населения.

Несмотря на всю огромность страны, различия природных условий и форм сельского расселения, миграция сельского населения зависит прежде всего от положения сельских населенных пунктов (СНП) по отношению к городам, возможностей участия сельских жителей в рынке труда крупных городов, использования ими социальной и иной городской инфраструктуры. Известно, что и сельское хозяйство в пригородах развивается более эффективно, чем на периферии (Иоффе, Нефедова, 2001; Нефедова, 2008; Шелудков, Рассказов, 2017), т.к. для него важны рынки сбыта продукции, которые есть в крупных городах. Различия условий жизни в пригородной и периферийной сельской местности очень существенны, что обуславливает сильные различия их миграционной привлекательности.

Анализ динамики численности населения и миграции в пригородах и на периферии показал, что пригороды растут за счет миграции темпами, превосходящими сами крупные города, вблизи которых они формируются. При этом именно сельские населенные пункты, расположенные на ближайших к крупным городам территориях, зачастую характеризуются «взрывным» ростом за счет миграции, в результате того, что их население базово невелико.

5. Миграционный оборот — показатель, характеризующий масштабы миграции, рассчитывается как сумма прибытий и убытий за временной интервал (обычно год).

Если сельские пригороды застраиваются многоквартирным жильем, то миграционный прирост за межпереписной период может увеличивать население таких населенных пунктов во много раз. В сельской глубинке такая ситуация невозможна, обычно периферийное сельское население сокращается за счет внутри- и межрегиональной миграции примерно на 1% в год.

В сельской периферии миграция зависит от размера населенного пункта. Школы, амбулатории, социальные и бюджетные учреждения, магазины доступны в крупных сельских населенных пунктах, что делает жизнь проживающего в них населения сравнительно более комфортной, чем в мелких СНП. Мелкие СНП к тому же зачастую имеют низкую транспортную доступность. Особенно это может быть важно для пожилого населения и для семей, имеющих детей школьного возраста. Кроме того, крупные сельские населенные пункты чаще всего могут быть центрами сельских поселений или даже райцентрами, что хоть немного диверсифицирует их рынки труда.

Влияние доступности базовой социальной инфраструктуры на отток сельского населения (Чучкалов, Алексеев, 2020), в частности — школ (Егоров, 2022), весьма велико. Оптимизация социальной инфраструктуры в сельской местности, активно проводившаяся в 2000-е гг. (Зубаревич, 2013) и менее активно в 2010-е годы, могла привести к дополнительному оттоку населения из малых сельских населенных пунктов. Реорганизация сети сельских школ имела региональную специфику, наиболее сильными темпами она шла в сильно депопулирующих мельчайше- и малонаселенных регионах Европейской части России (Егоров, Николаев, 2022). В свою очередь, люди пожилого возраста вследствие «обеднения сельского социального пространства» оказывались без доступа к социальным услугам и услугам здравоохранения (Фомкина, 2017), что также вынуждало их уезжать из села. При этом сельское население продолжает стареть, стареют и сельские специалисты.

— *Смотрите, я уже предпенсионного возраста, все специалисты — все пенсионного, врачи — тоже такого же примерно возраста, учителя — то же самое. ...Нет учителей, нет врачей, нет нашего класса работников* (Дегтянский ТО).

— И.: Учителя давно работают, или есть молодежь? — *Давно работают.* — И.: То есть молодежь не приезжает работать? — *Нет. ...Врачи тоже все давно. Врач у нас пожилой, ему уже около 80, 76, по-моему. И новых нет* (Отъяский ТО).

В результате разнонаправленной динамики численности пригородного и периферийного сельского населения за 2011–2021 годы, по нашей оценке, без учета АТП и МТП, численность сельских жителей пригородов крупных (с числом жителей более 100 тыс. человек) городов увеличилась с 9,4 до 12 млн человек, а численность жителей сельской периферии сократилась с 29,2 млн до 25,9 млн человек. Таким образом, пропорции сельских жителей, прожива-

ющих в пригородах и на периферии, быстро меняются не в пользу последней.

Международная миграция обеспечивает прирост сельского населения, как пригородного, так и периферийного. Тогда как в результате внутренней миграции пригородное сельское население растет, а периферийное сокращается. Расчеты показали, что за счет внутренней миграции сельское население сократилось за 2011–2020 годы на 1358,3 тыс. человек, при этом СНП, расположенные в пригородах крупных городов, увеличили население за счет миграции на 939 тыс. человек, а сельская глубинка потеряла за эти годы 2298 тыс. человек (рис. 1). Пригородная сельская местность прирастала за счет миграции из крупных городов (условно это можно назвать субурбанизацией) и за счет притока из периферии. Периферийное село теряло население не только в обмене с крупногородскими агломерациями, но и в результате оттока в периферийные средние и малые города. Без учета автовозврата приток в сельские пригороды и отток из глубинки достигают больших значений.

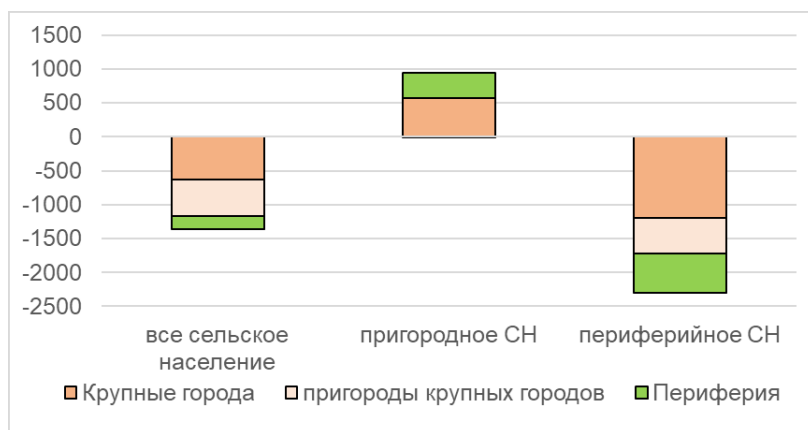

Рис. 1. Составляющие миграционного прироста (убыли) пригородного и периферийного сельского населения, миграция в пределах России, 2011–2020 гг., тыс. человек

Источник: расчет авторов на основе неопубликованных данных Росстата

Как видим, положение СНП в пригородах или во внутрирегиональной периферии оказывает ключевое влияние на их миграционную динамику. В то же время влияние зональности на миграцию сельского населения, как показали предыдущие работы (Mkrtchyan, 2019), невелико, периферийные сельские территории даже благоприятных в природно-климатическом плане регионов России также теряют население в результате миграции, но лишь немного меньшими темпами, чем село других частей страны.

На периферии способность удержать население зависит от размера СНП. Согласно нашим расчетам, в 2011–2020 годы интен-

сивность убыли населения во внутрirosсийской миграции в СНП с числом жителей свыше 3 тыс. человек составляла 3,2‰ в год, а СНП с числом жителей менее 500 человек — 11,6‰ в год. На локальном уровне миграция способствует концентрации населения в крупных и крупнейших сельских населенных пунктах.

— *Но именно выпуски уезжают, а приезжают ребята из меньших населенных пунктов, все равно как-то подрастают и дети. Все же я бы не сказала, что молодежи прям не осталось* (А., Иркутск).

Продолжается поляризация освоенных пространств (Нефедова, Трейвиш, 2020). Идут взаимосвязанные процессы — депопуляция ведет к деградации сети СНП и базовых функций по обслуживанию населения, которые, в свою очередь, ведут к дальнейшему оттоку населения из села (Ткаченко и др., 2019).

— *Сельское население, сейчас уже чувствуется, что они в основном перебираются в Сосновку, потому что, конечно, в основном здесь все — музыкальная школа, дом культуры, спорткомплекс, школы. Потому что у нас две базовых школы, они в Сосновке, остальные филиалы. ...У нас везде подвоз осуществляется, но все равно удобнее...* (экономика, Сосновский МО).

— *Особо нет большого смысла развивать наш поселок, молодые люди отсюда уезжают, остаются только старшее поколение, пьяницы и безработные. Население поселка будет постепенно уменьшаться, это неизбежно* (Е., Иркутск).

Сокращение сельского населения почти полностью представлено молодыми людьми, основной механизм оттока — переезд на учебу в города с последующим закреплением в них. При этом небольшой приток, напротив, обеспечивают люди в старших трудоспособных и пенсионных возрастах. Это усиливает старение сельского населения, но обеспечивает снижение темпов старения в городах.

— *Учиться уезжают, в принципе так они и остаются в Тамбове, или кто в Воронеже, кто в Саратове, кто в Москве* (Дегтянский ТО).

— *...Сейчас есть программы по жилью, но все равно молодежь не держится, нет у них стремления на селе жить* (с/х предприятие «Сергеевка»).

Отметим, что выявленный в ходе анализа интервью набор факторов, способствующих миграции сельской молодежи для получения образования и в дальнейшем для выстраивания будущей успешной карьеры в городе, обеспечивающем в том числе гораздо лучшие уровень и качество жизни, во многом совпадает с мотивами, описанными ранее при изучении аналогичной миграции молодежи из малых и средних городов в крупные города и столицы (Florinskaya, 2017; Карачурина, Флоринская, 2019).

— *Если сравнивать с моим селом, то это более развитая инфраструктура, конечно, больше интересных мест, где можно развиваться, больше возможностей, мне кажется, для реализа-*

ции, больше мест досуга. Колоссальная разница... Если передо мной станет дальнейший выбор — остаться здесь или уехать обратно, то скорее выберу остаться (А., Иркутск).

Экономическая обоснованность миграции: эконометрический анализ

Для того чтобы выяснить, насколько рационально решение индивидов о миграции из сельской местности в городскую, насколько оно экономически обоснованно, в работе проводится эконометрический анализ связи миграции с положением людей на рынке труда и их доходами. В частности, рассматривается связь миграции с вероятностью занятости, индивидуальными трудовыми доходами и подушевыми доходами домохозяйства, в котором проживает человек.

Данные. Построение переменных. Описательные статистики

Эмпирической основой количественного анализа связи миграционной истории и характеристик занятости и доходов индивидов являются микроданные социологического обследования «Человек, семья, общество», проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2020 году (ЧСО-2020). ЧСО-2020 представляет собой телефонный опрос граждан РФ в возрасте от 18 до 72 лет. Общий охват обследования — 9500 респондентов. Данные ЧСО-2020 репрезентируют население РФ по полу, возрасту и типу местности проживания. Важной особенностью ЧСО-2020 является наличие информации о месте проживания респондента в разные периоды его жизни — при рождении, в момент окончания школы и в настоящее время. Сочетание информации о миграционной истории респондента и широкого спектра его социально-демографических и экономических характеристик дает возможность проведения количественного анализа связи миграционного опыта и различных аспектов жизни респондента.

В фокусе нашего исследования респонденты в возрасте от 25 до 60 лет. Мы не рассматриваем молодежь младше 25 лет, так как они достаточно часто находятся в процессе получения образования, что может оказывать существенное влияние на их поведение на рынке труда. Люди старших возрастов (старше 60 лет) также вне нашего анализа, так как подавляющее большинство из них получают пенсию и в целом уже на финише трудовой карьеры, что может исказить их стимулы к поиску работы и выбору рабочего места. Поскольку целью исследования является изучение внутренней миграции, то мы удалили из выборки респондентов, родившихся не в России (до 1992 года — не на территории РСФСР), а также людей, окончивших школу не в России (до 1992 года — не на территории РСФСР). Таким образом, общий объем выборки составил

5325 человек. Средний возраст респондента в выборке — 42 года, 44% имеют высшее образование, 80% проживают в городской местности. Подробнее социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице П1 в Приложении.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа

Показатель миграции

Основной показатель миграции, использующийся в работе, построен на базе сопоставления информации о типе местности рождения и текущего проживания респондента (городская/сельская местность). 17% респондентов родились и в настоящее время проживают в сельской местности (табл. 4). 9% опрошенных родились в сельской местности, а проживают в городской. 70% респондентов родились и проживают в настоящее время в городской местности. Только 4% опрошенных сообщили, что родились в городе, а проживают в сельской местности.

Таким образом, среди тех, кто родился в сельской местности, 64% живут в сельской местности, а 36% — в городах. Подавляющее большинство (95%) тех, кто родился в городе, на момент опроса жили в городе. Только 5% респондентов, родившихся в городах, живут в сельской местности.

Социально-демографическая структура респондентов несколько различается в разрезе типов миграции/проживания. Люди, рожденные и проживающие в городе, в среднем моложе других групп респондентов и более образованны. Люди, которые родились и проживают в селе, реже других имеют высшее образование. Среди тех, кто родился в городе, но проживает в сельской местности, отмечается самая высокая доля людей с детьми. Подробно социально-демографические характеристики респондентов в зависимости от их места рождения/проживания показана в таблице П2 Приложения.

Таблица 4. Показатель миграции/проживания, распределение респондентов, %

Место рождения → место проживания	Доля респондентов, %
Село → Село	17,0%
Село → Город	9,4%
Город → Город	70,0%
Город → Село	3,6%
Всего	100%

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

Положение на рынке труда

В качестве показателей, характеризующих положение индивида на рынке труда, в работе используются вероятность занятости

и размер заработной платы. Стоит отметить, что именно эти показатели часто рассматриваются как важнейшие индикаторы адаптации мигрантов (например: Pichler, 2011).

Индикатор наличия занятости принимает значение 1, если у человека есть оплачиваемая занятость на рынке труда, и 0 в противном случае. Согласно проведенным расчетам, три четверти респондентов (73%) в выборке имеют оплачиваемую работу. Минимальный уровень занятости отмечается для тех людей, которые родились и проживают в сельской местности — среди них оплачиваемую занятость имеют только 63% (табл. 5). Сходный уровень занятости отмечается в группе родившихся в городе, но проживающих в сельской местности (64%). Доля занятых на рынке труда среди уроженцев села, проживающих в городе, существенно выше — 72%. Самый высокий уровень занятости отмечается среди тех, кто родился и живет в городе — 76%.

Размер заработной платы для работающих определялся на основе информации о среднемесячном заработке за последние 12 месяцев. Для обеспечения межрегиональной сопоставимости номинальная величина заработной платы была скорректирована с учетом величины регионального прожиточного минимума (ПМ) за второй квартал 2020 года:

$$\text{wage} = (\text{wage_nom})/(\text{subs_reg}), (1)$$

где *wage* — показатель среднемесячной заработной платы, использующийся в работе, (*wage_nom*) — номинальная величина заработной платы (руб.), (*subs_reg*) — величина регионального прожиточного минимума за второй квартал 2020 года (руб.). Подчеркнем, что построенный показатель заработной платы измеряется в долях ПМ.

В среднем респонденты зарабатывали 3,1 ПМ в месяц (табл. 5). Работники, родившиеся и проживающие в сельской местности, получают 2,2 ПМ в месяц. Заработная плата работников, родившихся в селе, но проживающих в городе, несколько выше — 2,8 ПМ в месяц. Больше других зарабатывают родившиеся и проживающие в городе. Их среднемесячный заработок оценивается в 3,3 ПМ. Люди, родившиеся в городе, но проживающие в сельской местности, в среднем зарабатывают 2,6 ПМ (больше, чем зарабатывают в сельской местности уроженцы села, но меньше, чем уроженцы городов зарабатывают в городах).

Доходы

Показатель среднемесячного подушевого дохода домохозяйства в работе был построен на базе информации о совокупном доходе всех членов домохозяйства за месяц.

Формально показатель подушевого дохода в работе определялся как:

$$\text{incpr} = (\text{inc_nom})/(\text{num}*\text{subs_reg}), (2)$$

где incpr — показатель среднемесячного подушевого дохода домохозяйства, (inc_nom) — номинальная величина совокупного дохода домохозяйства (руб.), num — количество членов домохозяйства, subs_reg — величина регионального прожиточного минимума за второй квартал 2020 года (руб.). Как и заработная плата, построенный показатель подушевого дохода измеряется в долях ПМ.

Средние доходы людей, родившихся и живущих в сельской местности, существенно ниже среднего показателя, рассчитанного для всего населения (1,3 ПМ против 1,9 ПМ) (табл. 5). Доходы родившихся в селе, но проживающих в городе, несколько выше — 1,7 ПМ в месяц. Максимальные доходы наблюдаются для уроженцев городов, проживающих в городах, для этой группы оценка среднедушевых доходов составляет 2,1 ПМ. Как и в случае заработной платы, среднедушевые доходы домохозяйства для уроженцев городов, проживающих в сельской местности (1,5 ПМ), выше, чем у родившихся и проживающих в селе, но ниже, чем у тех, кто родился и живет в городе.

Таблица 5. Характеристики занятости респондентов в разрезе основных типов миграции/проживания, 2020 г.

Занятость и доходы Показатель миграции	Доля занятых, %	Среднемесячная заработная плата, ПМ ⁶	Среднедушевые доходы, месяц, ПМ ₁
Село → Село	62,6%	2,20	1,34
Село → Город	72,0%	2,83	1,73
Город → Город	75,9%	3,28	2,07
Город → Село	64,2%	2,62	1,54
Все население	72,9%	3,06	1,91

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

Методология исследования

Проведенное сопоставление средних показателей занятости и доходов респондентов в разрезе места их рождения/проживания имеет описательный характер и формирует общую картину. Однако

6. Заработная плата и среднедушевые доходы в работе измеряются в долях прожиточного минимума в регионе.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

в контексте различий социально-демографических характеристик рассматриваемых групп населения простое сравнение средних показателей может приводить к некорректным результатам. Для того чтобы получить оценки связи характеристик доходов и занятости и миграции «при прочих равных», в работе был проведен регрессионный анализ.

Для того чтобы получить оценки связи миграции и вероятности занятости при прочих равных, в работе проводится оценка следующей логит-модели⁷ (модель М1):

$$P(\text{empl} = 1) = \Lambda(\alpha * \text{migr} + x\beta), \text{ (M1)}$$

где empl — индикатор занятости индивида на рынке труда (1 — работает за плату; 0 — иначе), migr — набор основных индикаторов места рождения/проживания, x — вектор социально-демографических характеристик, которые могут оказывать влияние на положение индивида на рынке труда (возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, регион проживания).

Для оценки связи типа миграции и заработной платы нами было использовано регрессионное уравнение минсеровского типа (Mincer, 1974). Оценка уравнения проводилась с помощью процедуры Хекмана, которая позволяет учесть смещение оценок, возникающее в результате селективности выборок (Heckman, 1979). Процедура Хекмана предполагает оценку уравнения заработной платы и оценку уравнения участия (вероятности иметь работу). В работе было оценено следующее уравнение зарплат (модель М2):

$$\ln \text{wage} = \text{migr}'\alpha + x_1'\beta_1 \text{ (M2)}$$

где $\ln \text{wage}$ — логарифм величины заработной платы, migr — набор основных индикаторов типа миграции, x_1 — вектор социально-демографических характеристик работника, потенциально оказывающих влияние на размер его заработной платы (возраст, квадрат возраста, пол, образование, регион проживания). В уравнении участия предполагается, что вероятность наличия оплачиваемой занятости зависит от факторов, определяющих как потенциальную, так и резервную заработную плату, а именно от таких факторов, как индикаторы миграции, возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, регион проживания.

Эконометрический анализ связи подушевого дохода домохозяйства и места рождения/проживания осуществляется с помощью ли-

7. Здесь и далее логистическая модель является методом выбора, так как зависимая переменная бинарная.

нейной регрессионной модели, оцениваемой с помощью метода наименьших квадратов (модель М3):

$$\ln c_{pp} = \text{migr}'\alpha + x_2'\beta_2, \text{ (M3)}$$

где $\ln c_{pp}$ — логарифм подушевого дохода домохозяйства, migr — набор основных индикаторов типа миграции, x_2 — вектор социально-демографических характеристик, потенциально влияющих на доходы домохозяйства респондента (возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, наличие пенсионеров в домохозяйстве, регион проживания).

Все модели оцениваются отдельно для мужчин и женщин, поскольку связь миграции и характеристик доходов и занятости может иметь гендерную специфику.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Результаты

Положение на рынке труда

В таблице 6 представлены результаты регрессионного анализа связи места рождения/проживания и вероятности занятости (модель М1). Результаты работы свидетельствуют о том, что переезд из села в город положительно связан с вероятностью занятости как для мужчин, так и для женщин. Однако для мужчин связь уровня занятости с миграцией выражена в значительно большей степени: в среднем при прочих равных переезд из села в город увеличивает вероятность занятости для мужчин на 10 п.п., а для женщин — на 5 п.п.

С точки зрения вероятности занятости городской рынок труда не различает работников, родившихся в селе и родившихся в городе. В городах вероятность занятости статистически не зависит от места рождения индивида.

Таблица 6. Результаты эконометрического анализа факторов вероятности занятости населения в возрасте 25–60 лет (модель М1), оценки коэффициентов

Фактор	Мужчины	Женщины
Миграция (базовая категория — Село → Село)		
Село → Город	0,646*** [0,231]	0,252* [0,148]
Город → Город	0,659*** [0,140]	0,235* [0,137]

Город → Село	0,447 [0,370]	0,017 [0,238]
Количество наблюдений	1579	1874

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г. *, **, *** — значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки. Для краткости изложения в таблице не приводятся оценки коэффициентов при контрольных переменных (возраст, квадрат возраста, образование, регион проживания). Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Переезд из села в город не только увеличивает вероятность занятости на рынке труда, но и дает существенный выигрыш в заработной плате как для мужчин, так и для женщин. В таблице 7 представлены результаты регрессионного анализа связи миграции и заработной платы работников (модель M2)⁸. Результаты расчетов показывают, что мужчины, родившиеся в селе и проживающие в городе, в среднем зарабатывают на 21% больше, чем мужчины, родившиеся и живущие в селе. Зарплата женщин, родившихся в селе и проживающих в городе, в среднем на 25% больше, чем зарплата женщин, родившихся и живущих в сельской местности.

Однако, в отличие от вероятности занятости, городской рынок труда не уравнивает полностью уроженцев городов и сел. Городской рынок труда «штрафует» мужчин-уроженцев села — их заработная плата на 8% меньше, чем заработная плата уроженцев городов. В то же время заработная плата женщин, проживающих в городах, не зависит от их места рождения. Отчасти существование подобной гендерной вариации может быть объяснено особенностями структуры занятости — женщины чаще мужчин работают в бюджетном секторе, в котором различия в оплате труда в сельской и городской местности не так значительны, как в коммерческом секторе (например, Мальцева, Рошин, 2007; Лукьянова, 2022).

Таблица 7. Результаты эконометрического анализа факторов величины заработной платы (логарифм) работников 25–60 лет (модель M2), оценки коэффициентов

Фактор	Мужчины	Женщины
Миграция (базовая категория — Село → Село)		
Село → Город	0,193** [0,081]	0,222*** [0,069]

8. Для краткости в таблице показаны только результаты оценивания основного уравнения (уравнение заработной платы минсеровского типа). Результаты оценивания уравнения отбора в целом сопоставимы с результатами, полученными при оценивании связи вероятности занятости и миграции (модель M1), и могут быть высланы по запросу.

Город → Город	0,257*** [0,066]	0,221*** [0,047]
Город → Село	0,120 [0,098]	0,180* [0,098]
Количество наблюдений	1193	1205

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.
*, **, *** — значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки. Для краткости изложения в таблице не приводятся оценки коэффициентов при контрольных переменных (возраст, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, регион проживания). Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Доходы

В таблице 8 представлены результаты регрессионного анализа связи миграции и места рождения/проживания респондентов. Показано, что, как и в случае заработной платы, подушевые доходы домохозяйства людей, родившихся в сельской местности, но проживающих в городской, значимо превышают доходы людей, родившихся и живущих в селе. Величина эффекта составляет 37% для мужчин и 24% для женщин. Но, несмотря на значимую прибавку, доходы уроженцев села, проживающих в городах, остаются ниже доходов коренных городских жителей (на 18% для мужчин и на 14% для женщин).

Таблица 8. Результаты эконометрического анализа факторов величины подушевого дохода (логарифм) населения 25–60 лет (модель М3), оценки коэффициентов

Фактор	Мужчины	Женщины
Миграция (базовая категория — Село → Село)		
Село → Город	0,317*** [0,091]	0,212*** [0,073]
Город → Город	0,441*** [0,081]	0,325*** [0,051]
Город → Село	0,106 [0,147]	0,230** [0,101]

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.
*, **, *** — значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки. Для краткости изложения в таблице не приводятся оценки коэффициентов при контрольных переменных (возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, наличие пенсионеров в домохозяйстве, регион проживания). Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Для проверки устойчивости полученных результатов анализ всех моделей был повторен с использованием альтернативного показателя миграции, основанного на информации о типе местности окончания школы и типе местности проживания респондента. На качественном уровне полученные в работе выводы при переходе к этому показателю миграции сохраняются. Подробные результаты могут быть высланы по запросу.

Данные опроса не позволяют разделить сельскую местность на пригородную и периферийную. Полагаем, что, если бы это было возможно, результаты для жителей городов и сельской периферии были бы еще более контрастными, т.к. большинство жителей пригородных сел заняты на городских рынках труда.

Заключение

Несмотря на относительную стабилизацию доли сельского населения в России, миграционный отток из села в города продолжается, а обратный поток по-прежнему невелик (скорее — символический). В то же время масштабы оттока уже никогда не достигнут позднесоветских значений, т.к. демографический потенциал сельской местности сильно подорван, а во многих регионах — исчерпан.

При оценке роли миграции в изменении численности сельского населения необходимо учитывать, что приток населения в сельские пригороды камуфлирует убыль сельского населения на периферии. Только за 2011–2020 годы сельское население на периферии сократилось на 2,3 млн человек в результате внутренней миграции, а пригородное село приросло почти на 1 млн человек. Потери сельской периферии в результате миграции остаются на уровне 1% в год, и это — при уже сильно сократившемся миграционном потенциале. И надо понимать, что уезжает молодежь, а приток на периферию если и имеет место, то в основном в старших, предпенсионных и пенсионных возрастах (Mkrtchyan, 2019). Компенсирует потери селян и международная миграция, но — далеко не в полной мере. Одновременно на периферии способность удерживать население в значительной степени зависит от размера СНП. На локальном уровне сельско-городская и сельско-сельская миграция способствует концентрации населения в крупных и крупнейших сельских населенных пунктах.

Результаты эконометрического анализа показывают, что индивидуальные решения о переезде из сельской местности в город являются рациональными, экономически обоснованными. Миграция из села в город улучшает положение людей на рынке труда. Как для мужчин, так и для женщин — уроженцев сельской местности, вероятность занятости в городах значимо выше, чем в селе. Кроме увеличения шансов оплачиваемой занятости, переезд в город дает значимый выигрыш в заработной плате. При прочих равных уро-

вень заработной платы работников, родившихся в сельской местности и проживающих в городах, существенно превышает уровень заработной платы работников, родившихся и проживающих в сельской местности. Переезд в город связан не только с ростом заработной платы, но и с ростом подушевых доходов уроженцев сел.

Хотя переезд из села в город дает существенный экономический выигрыш, но различия уровня материального благосостояния уроженцев села и уроженцев городов не стираются полностью. В городе заработная плата мужчин, родившихся в сельской местности, ниже, чем заработная плата коренных жителей. Как для мужчин, так и для женщин, родившихся в сельской местности и проживающих в городах, уровень подушевых доходов домохозяйства ниже, чем у коренных горожан.

Выводы, сформулированные на основе количественного анализа, подтверждаются и результатами экспертных интервью. Информанты неоднократно отмечали возможности городского рынка труда с точки зрения вероятности занятости и карьерных перспектив как важный мотив миграции из села в город:

— *Мне кажется, что с высшим образованием, когда ты учишься в городе, у тебя больше возможностей для реализации в дальнейшем будущем (А., Иркутск).*

— *Самым первым фактором, естественно, у меня были перспективы работы... Если мы говорим именно про построение карьеры, то, естественно, в городах это сделать проще, потому что в деревне в той же, где я рос, этого сделать практически невозможно (А., Муром).*

— *Там перспективы, там зарплаты. ...Там в случае, даже если это место не понравилось, другое можно найти (экономика, Вадский МО).*

Значительная часть информантов считает, что именно заработная плата является основной причиной переезда из села в город. Данный мотив особенно важен для молодых людей:

— *Самая основная проблема для всей молодежи, которая уезжает, и тех взрослых, которые уезжают, — это только заработная плата. Было бы если б минимум 30 тысяч, и многие из молодежи и мои знакомые даже бы не уезжали (Большеболдинский ТО).*

— *Раньше после армии приходили, раньше у нас молодежь чаще всего устраивалась в СИЗО, молодые люди. И.: — Сейчас не хотят? — Сейчас уже да, у них неконкурентная заработная плата, уезжают чаще в город, устраиваются там в такси, предприятия крупные, там уровень заработных плат выше (экономика, Вадский МО).*

— *50 у нас тут не заработаешь. Ну хотя бы получать 35, вот это хотя бы сейчас было бы неплохо (Петровский ТО).*

Безусловно, факторов миграции из села в город много больше, чем рассмотрены в данной статье. Участники глубинных интер-

вью, например, говорили и о преимуществах городской инфраструктуры, образовательных возможностях городов, о значительно большей свободе жизненного выбора и возможностях поиска «своего» круга общения в городах, в отличие от села, и т.д. Однако именно карьера и зарплаты являются наиболее упоминаемыми в интервью как сельских управленцев, так и «образовательных» мигрантов.

В целом проведенное исследование показывает, что в настоящее время механизмов, которые могли бы переориентировать или остановить отток, особенно молодежи, из сельской местности в города, практически не существует. Переезд в города дает несомненный выигрыш в занятости, зарплате, доходах домохозяйств. Тем не менее мы полагаем, что искусственно ускорять этот процесс также не стоит. Вполне возможно, что вложения в инфраструктуру села позволили бы удержать там часть населения, по крайней мере, в старших возрастах, а также привлечь тех, кто привержен сельскому образу жизни и хотел бы иметь возможность возвратиться на свою малую родину, в том числе имея удаленную работу или свой бизнес.

Библиография

- Андреев Е. М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. № 11. С. 21-35.
- Егоров Д. О. (2022). Трансформация расселения и сети школ в сельской местности Республики Татарстан // Региональные исследования. № 1. С. 42-55.
- Егоров Д. О., Николаев Р. С. (2022). Основные этапы, направления и факторы реформирования школьной сети в сельской местности России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 64-78.
- Зайончковская Ж. А. (1991). Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука.
- Зайончковская Ж. А. (1999). Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. № 4. С. 22-34.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 26-38.
- Иоффе Г. В., Нефедова Т. Г. (2001). Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 100-110.
- Иоффе Г., Нефедова Т. (2004). Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. № 4. С. 69-93.
- Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. С. 82-89.
- Лукьянова, А. Л. (2022) Гендерный разрыв в оплате труда: за рамками декомпозиции Оаксаки-Блайндера [Электронный ресурс]: препринт WP3/2022/08. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Мальцева И. О., Рошин С. Ю. (2007). Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Миграция сельского населения (1970) / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Мысль.
- Мкртчян Н. В. (2011). Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 28-41.

- Мкртчян Н. В. (2023). Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. — макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 21-42.
- Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. (2023). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы // Известия РАН. Серия географическая. Т. 87. № 1. С. 29-41.
- Нефедова Т. Г. (2008). Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. № 5(20). С. 14-30.
- Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 31-53.
- Овчинцева Л. А. (2022). Дезурбанизация: за и против // Крестьяноведение. Т. 7. № 1. С. 239-245.
- Покровский Н. Е., Никулин А. М. (2023). «Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств» // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 140-158.
- Рыбаковский Л. Л., Зайончковская Ж. А., Вишневецкий А. Г., Тольц М. С., Синельников А. Б., Журавлева И. В., Филиппов Ф. Р., Костаков В. Г. (1988). Население СССР за 70 лет. М.
- Ткаченко А. А., Смирнов И. П., Смирнова А. А. (2019). Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 78-85.
- Фомкина А. А. (2017). Трансформация сельских систем расселения в староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 68-75.
- Чудиновских О. С. (2019). О пересмотре Рекомендаций ООН 1998 года по статистике миграции и российском контексте // Вопросы статистики. Т. 26. № 8. С. 61-76.
- Чучкалов А. С., Алексеев А. И. (2020). Эффект колеи в эволюции сельских населенных пунктов Республики Марий Эл // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 53-65.
- Шелудков А. В., Рассказов С. В. (2017). Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области // Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 102-114.
- Florinskaya Y. (2017). School graduates from small towns in Russia: Educational and migration strategies // Studies on Russian Economic Development. Vol. 28. № 1. P. 87-96.
- Heckman J. (1979). Sample selection bias as a specification error // Econometrica. Vol. 47. № 1. P. 153-161.
- Mincer J. (1974). Schooling, Experience and Earnings. New York: Columbia University Press for National Bureau of Economic Research.
- Mkrтчyan N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: Territorial differences // Population and Economics. Vol. 3. № 1. P. 39-51.
- Pichler F. (2011). Success on European labor markets: A cross-national comparison of attainment between immigrant and majority populations // International Migration Review. Vol. 45. № 4. P. 938-978.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis

Marina A. Kartseva, PhD (Economics), Deputy Head of the Institute for Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: kartseva-ma@ranepa.ru.

Nikita V. Mkrтчyan, PhD (Geography), Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics; Institute for Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: nmkrтчyan@hse.ru.

Yulia F. Florinskaya, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute for Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; National Research University Higher School of Economics, Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: florinskaya-yf@ranepa.ru

Abstract. The authors consider the Russian rural-urban migration, focusing on its current trends. The migration loss of rural population has decreased slightly; however, the outflow from rural areas depends on multidirectional processes in suburbs and peripheral villages. According to the Russian Federal State Statistics Service, rural periphery continues to experience a strong migration decline, while the suburban village rapidly grows due to migration. Based on the microdata of the sociological survey "People, family, society" conducted by the INSAP RANEPa in 2023 and econometric techniques, the authors examined rural-urban migration as related to the labor market and income. The article shows that individual decisions to move from rural to urban areas are rational and economically justified, since such a migration improves one's position in the labor market, increases wage and per capita income. The identified motives for migration from rural to urban areas and its social-economic drivers were confirmed by a series of in-depth interviews conducted in the summer of 2023.

Key words: rural area, rural population, cities, rural-urban migration, employment, wage, income

References

- Andreev E. M. (2012) O tochnosti rezultatov rossijskih perepisej naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the accuracy of the results of Russian censuses and trust in different sources of information]. *Voprosy Statistiki*, no 11, pp. 21–35.
- Chuchkalov A. S., Alekseev A. I. (2020) Effekt kolei v evolyutsii selskih naselennykh punktov Respubliki Mari El [The path dependency effect in the evolution of rural settlements in the Republic of Mari El]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 53–65.
- Chudinovskii O. S. (2019) O peresmotre Rekomendatsiy OON 1998 goda po statistike migratsii i rossijskom kontekste [On the revision of the UN Recommendations on the Statistics of Migration (1998) and Russian context]. *Voprosy Statistiki*, vol. 26, no 8, pp. 61–76.
- Egorov D. O. (2022) Transformatsiya rasseleniya i seti shkol v selskoj mestnosti respubliky Tatarstan [Transformation of settlement pattern and school network in rural areas of the Republic of Tatarstan]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 1, pp. 42–55.
- Egorov D. O., Nikolaev R. S. (2022) Osnovnye etapy, napravleniya i faktory reformirovaniya shkol'noj seti v selskoj mestnosti Rossii [Main stages, directions and factors of the school network reform in Russia's rural areas]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 4, pp. 64–78.
- Florinskaya Yu. (2017) School graduates from small towns in Russia: Educational and migration strategies. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, no 1, pp. 87–96.
- Fomkina A. A. (2017) Transformatsiya selskih sistem rasseleniya v starosvoennom Nechernozemie s kontsa XIX do nachala XXI v. [Transformation of rural settlement systems in the old-developed Non-Black Earth area from the end of the 19th to the beginning of the 21st century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 5, pp. 68–75.
- Heckman J. (1979) Sample selection bias as a specification error. *Econometrica*, vol. 47, no 1, pp. 153–161.
- Ioffe G. V., Nefedova T. G. (2001) Tsentri i periferiya v selskom khozyajstve rossijskih regionov [Center and periphery in agriculture of Russian regions]. *Problemy Prognozirovaniya*, no 6, pp. 100–110.

- Ioffe G., Nefedova T. (2004) Fragmentatsiya selskogo prostranstva Rossii [Fragmentation of Russia's rural space]. *Vestnik Evrazii*, no 4, pp. 69–93.
- Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migratsionnye namereniya vypusknikov shkol mal'kh i srednih gorodov Rossii [Migration intentions of school graduates in small and medium-sized towns of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 82–89.
- Lukyanova A. L. (2022) *Genderny razryv v oplate truda: za ramkami dekompozitsii Oaxaca—Blindera* [Gender Pay Gap: Beyond the Oaxaca—Blinder Decomposition]. Preprint WP3/2022/08, Moscow: Izd. dom VShE.
- Maltseva I. O., Roshchin S. Yu. (2007) *Gendernaya segregatsiya i trudovaya mobilnost na rossijskom rynke truda* [Gender Segregation and Mobility in the Russian Labor Market], Moscow: Izd. Dom VShE.
- Migratsiya selskogo naseleniya* [Rural Migration] (1970). (Ed. by T. I. Zaslavskaya), Moscow: Mysl.
- Mincer J. (1974) *Schooling, Experience and Earnings*, New York: Columbia University Press for National Bureau of Economic Research.
- Mkrtchyan N. V. (2011) Dinamika naseleniya regionov Rossii i rol migratsii: kriticheskaya otsenka na osnove perepisej 2002 i 2010 gg. [Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 5, pp. 7–21.
- Mkrtchyan N. V. (2019) Migration in rural areas of Russia: Territorial differences. *Population and Economics*, vol. 3, no 1, pp. 39–51.
- Mkrtchyan N. V. (2023) Vnutrennyaya migratsiya v Rossii v 2010-e gg. — makroregionalnye osobennosti [Internal migration in Russia in the 2010s: Macroregional features]. *Demographic Review*, vol. 10, no 3, pp. 21–42.
- Mkrtchyan N. V., Gilmanov R. I. (2023) Dvizhenie vverh: migratsiya mezhdu urovnymi pose-lencheskoj ierarkhii v Rossii v 2010-e gody [Moving up: Migration between levels of the settlement hierarchy in Russia in the 2010s]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, vol. 87, no 1, pp. 29–41.
- Nefedova T. G. (2008) Rossijskaya periferiya kak sotsialno-ekonomichesky fenomen [Russia's periphery as a social-economic phenomenon]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 5, pp. 14–30.
- Nefedova T. G., Treivish A. I. (2020) Polyarizatsiya i szhatie osvoennykh prostranstv v tsentre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and shrinkage of the developed space in the center of Russia: Trends, problems and possible solutions]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 7, no 2, pp. 31–53.
- Ovchintseva L. A. (2022) Deurbanizatsiya: za i protiv [Deurbanization: pro et contra]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 1, pp. 239–245.
- Pichler F. (2011) Success on European labor markets: A cross-national comparison of attainment between immigrant and majority populations. *International Migration Review*, vol. 45, no 4, pp. 938–978.
- Pokrovsky N. E., Nikulin A. M. (2023) “Proiskhodit i budet proishodit territorialnoe pereformatirovanie selskih prostranstv” [“There is and there will be territorial reformatting of rural spaces”]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 2, pp. 140–158.
- Rybakovsky L. L., Zayonchkovskaya Zh. A., Vishnevsky A. G., Tolk M. S., Sinelnikov A. B., Zhuravleva I. V., Filippov F. R., Kostakov V. G. (1988) *Naselenie SSSR za 70 let* [Population of the USSR for 70 Years], Moscow.
- Sheludkov A. V., Rasskazov S. V. (2017) Karta mnogoukladnosti: prigorodnye i periferijnye zony Tyumenskoj oblasti [Mapping multistructural rural economy: Suburban and peripheral areas of the Tyumen Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1, pp. 102–114.
- Tkachenko A. A., Smirnov I. P., Smirnova A. A. (2019) Transformatsiya seti tsentrov selskogo ras-seleniya v nizovom rajone Tsentralnoj Rossii [Transformation of the rural settlement centers network in the municipal district of Central Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 78–85.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

- Zayonchkovskaya Zh.A. (1991) *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie* [Demographic Situation and Settlement], Moscow: Nauka.
- Zayonchkovskaya Zh.A. (1999) *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsialnoj modernizatsii* [Internal migration in Russia and the USSR in the 20th century as a reflection of social modernization]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 22–34.
- Zubarevich N.V. (2013) *Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoj mestnosti* [Transformation of the rural settlement pattern and service network in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.

Приложение

Таблица П1. Социально-демографические характеристики респондентов в выборке, 2020 г.

Характеристика	Доля в выборке, %
Пол	
Женщина	55,3%
Возраст	
Возраст, лет	41,8 лет
Группы:	
25 — 35 лет	32,8%
36 — 45 лет	30,2%
46 — 60 лет	37,0%
Образование	
Общее среднее	12,4%
Среднее профессиональное	44,1%
Высшее профессиональное	43,5%
Наличие детей	
Есть дети 0 — 7 лет	26,4%
Есть дети 8 — 17 лет	32,5%
Семейное положение	
Состоит в браке	83,1%
Тип местности проживания	
Сельская	20,4%

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

Таблица П2. Социально-демографические характеристики респондентов в разрезе места рождения и места проживания, 2020 г.

Характеристика	Село→Село	Село→Город	Город→Город	Город→Село
Пол				
Женщина	57,2%	59,8%	53,9%	62,1%
Возраст				
Возраст, лет	43,5	43,7	41,1	42,3
Группы:				
25 — 35 лет	29,0%	29,1%	34,6%	27,4%
36 — 45 лет	26,4%	26,4%	31,2%	38,4%
46 — 60 лет	44,6%	44,5%	34,2%	34,2%
Образование				
Общее среднее	19,4%	14,4%	10,1%	21,7%
Среднее профессиональное	55,7%	51,4%	40,5%	46,6%
Высшее профессиональное	29,4%	34,2%	49,5%	31,8%
Наличие детей				
Есть дети 0 — 7 лет	26,7%	27,2%	26,1%	30,0%
Есть дети 8 — 17 лет	37,4%	31,5%	31,3%	37,4%
Семейное положение				
Состоит в браке	83,9%	80,8%	83,6	81,7%

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Сельское население России: субъективное благополучие и практики социально-экономического поведения¹

Д. М. Логинов

Дмитрий Михайлович Логинов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС. 119034 Москва, Пречистенская наб., 11, корп. 1.
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Аннотация. На основе данных репрезентативного социологического опроса, реализованного ИНСАП РАНХиГС в 2023 году, рассмотрены показатели субъективного благополучия и жизненные практики сельского населения России. Актуальность предлагаемого анализа обусловлена как масштабами территориально-поселенческой дифференциации условий жизнедеятельности населения страны, так и особенностями настоящего социально-экономического контекста, формирующими риски снижения благополучия. В фокусе рассмотрения находятся различные аспекты удовлетворенности жизненными условиями и представления о динамике их изменений, практики потребительского и кредитно-сберегательного поведения, а также особенности социальных взаимодействий сельского населения. Результаты исследования иллюстрируют в целом достаточно благополучную ситуацию в отношении удовлетворенности сельских жителей своей жизнью, а в качестве проблемной зоны явным образом выделяется восприятие возможностей получения квалифицированной медицинской помощи. Эмоциональный фон жизни характеризуется тем, что около двух третей селян видят возможности самореализации, при этом регулярное ощущение тревоги и подавленности характеризует более половины опрошенных, однако в сильной степени — лишь каждого десятого. Важной особенностью потребительского поведения является массовая экономия, и около половины сельских жителей вынужденно базируются повседневные покупки на единственном основании — минимальной цене. При этом более половины сельских жителей используют интернет при осуществлении потребительских практик, в том числе каждый пятый — активно. Значительная часть населения поддерживает приемлемый уровень жизни в том числе за счет использования кредитно-сберегательных ресурсов, при этом выделяется значительная группа финансового риска. Субъектными группами, на представителей которых возлагаются наиболее массовые ожидания поддержки, являются представители «ближнего круга», а ожидания от институциональных образований — как государственных, так и общественных — кардинально сужены.

Ключевые слова: сельское население, сельские территории, субъективное благополучие, социальное самочувствие, уровень жизни, качество жизни, социально-экономическое поведение, социально-экономические практики, удовлетворенность жизнью, потребление, социальные взаимодействия

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-180-196

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Россия неоднородна: территориально-поселенческие различия, вследствие неравномерности инфраструктурного развития, традиционно являются крайне значимыми с точки зрения возможностей реализации продуктивных жизненных практик. Первая половина 2020-х годов оказалась периодом многоаспектной нестабильности, последствия которой ощутимы для всех социально-демографических групп населения, но проявляются для каждой из них в разной степени. Особенности жизнедеятельности россиян, проживающих в сельской местности, очевидно, актуализируют рассмотрение этой группы в качестве объекта исследования. Насколько высок уровень субъективного благополучия сельского населения страны? Какие проблемы являются наиболее значимыми и воспринимаются особенно остро? В какой степени потребительские возможности селян ограничены вследствие ресурсного дефицита и, напротив, расширяются в контексте развития цифровых технологий? Как можно оценить параметры кредитно-сберегательного поведения данной группы россиян? Насколько значим потенциал моральной и материальной поддержки сельского населения со стороны социального окружения? Для ответов на эти вопросы мы использовали результаты специального социологического исследования, реализованного в 2023 году по выборке, репрезентирующей взрослое население страны². Структура выборочной совокупности позволяет выделить для отдельного рассмотрения сегмент опрошенных, постоянно проживающих в сельской местности, и считать его представительным для данной территориально-поселенческой группы россиян.

Неравномерность пространственного развития России, в том числе в территориально-поселенческом отношении, является предметом многочисленных исследований (например, Зубаревич, 2009; Мартынов, 2018; Закшевский, Меренкова, 2019; Нефёдова, Стрелецкий, Трейвиш, 2022; Бобков, Долгушкин, Одинцова, 2023; Долгушкин, Одинцова, 2023). Сельские населенные пункты, по сравнению с городскими, под влиянием комплекса экономических и демографических процессов предстают территориями повышенных рисков неблагоприятия и ограниченных перспектив развития (Нефёдова, Трейвиш, 2010; Зубаревич, 2010). Комплексный анализ социально-экономических процессов, актуальных для сельской местности страны, иллюстрируют работы Т. Г. Нефёдовой и В. В. Пациорков-

2. Выборка для опроса, проведенного методом телефонного анкетирования, сформирована на основе случайной систематической стратификации номеров мобильных телефонов, которые сгенерированы по задействованным на территории России DEF-диапазонам. Диапазоны позволили таргетировать телефонные номера до субъектов РФ для создания территориальных страт. Распределение выборки по стратам рассчитано на основе данных Росстата о численности населения, проживающего на территории выделенных страт, на 1 января 2023 года. Объем выборочной совокупности проживающих в сельской местности, составил 480 респондентов, представляющих более 300 населенных пунктов, расположенных во всех Федеральных округах России.

ского. Авторами, в частности, раскрывается значимость проблем территориальной доступности важных элементов жизненной инфраструктуры и динамики социальной среды (Нефёдова, 2003, 2012), а также социальной дифференциации (Пацюрковский, 2003, 2007).

Социально-экономические проблемы сельских территорий, в числе которых выделяются низкие доходы, проблемы трудоустройства и неразвитость образовательной инфраструктуры, затрагиваются в работе Л. В. Бондаренко (Бондаренко, 2016). Важным направлением исследований выступает специфика поведенческих практик селян в контексте социально-экономической турбулентности последних десятилетий, которая требует воспроизводства адаптационных практик, возможности реализации которых зачастую объективно затруднены (Великий, Мореханова, 2004; Нечипоренко, 2009; Шабанов, 2016; Логинов, 2020а). Социологические данные иллюстрируют также очевидные особенности в восприятии сельского населения кризиса, вызванного распространением коронавирусной пандемии (Латова, 2021; Логинов, 2020б).

Настроения и когнитивные оценки удовлетворенности сельского населения жизнью в целом и отдельными составляющими жизнедеятельности, лежащие в основе концепции субъективного благополучия (Diener, 2000; Diener, Biswas-Diener, 2008), также являются предметом исследовательского внимания. Необходимо отметить работу, в которой на обширном эмпирическом материале Российского мониторинга здоровья и экономического положения населения исследуется уровень влияния различных факторов на субъективное благополучие сельского населения России в период 2010-х годов (Сарайкин и др., 2023). Авторами делается вывод о необходимости учитывать мнения и настроения сельских жителей при разработке и анализе результатов управленческих решений, направленных на развитие сельских территорий, а также реализуется сравнительная оценка факторов, влияющих на субъективное благополучие селян, которое отнюдь не линейно связано с показателями материальной обеспеченности. Важной тенденцией, во многом определяющей качество жизни, является трансформация сельского расселения, в виде максимизации числа мельчайших населенных пунктов (Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2015), что определяет рекомпозицию инфраструктурной обеспеченности. При этом что жители сельских поселений могут иметь лучшие возможности жизнедеятельности по некоторым важным параметрам (в частности, связанным с экологической обстановкой и социально-психологической коммуникативной средой) (Шабанов, 2020; Касаткина, 2023), удовлетворенность жизнью селян по сравнению с горожанами сравнительно низка (Ласточкина, 2012).

В контексте отмеченных тенденций выявление особенностей и продуктивности социально-экономических практик, реализуемых сельским населением на современном этапе развития страны, представляется особенно интересным.

Субъективное благополучие населения — многоаспектная категория, и его измерение может быть реализовано на основе широкого комплекса различных индикативных самооценок. Анализ субъективного благополучия сельских жителей проведен нами на двух уровнях: ключевыми индикаторами выступают уровень удовлетворенности жизнью в целом, а также восприятие отдельных аспектов жизнедеятельности.

Результаты исследования иллюстрируют достаточно благополучную ситуацию в отношении обобщенных самооценок сельских жителей своей жизнью. Так, 53% опрошенных заявили о том, что в целом они удовлетворены тем, как они живут, еще четверть отметили, что скорее удовлетворены этим.

При рассмотрении восприятия различных аспектов жизнедеятельности видно, что наполненность группы положительных оценок, за единственным исключением, превышает две трети опрошенных. Наибольший уровень удовлетворенности характеризует сферу внутрисемейных отношений. В число наиболее благополучных сфер также входят уровень безопасности в населенном пункте проживания и уровень имеющихся жилищных условий. Возможность получения квалифицированной медицинской помощи явным образом выделяется в качестве проблемной зоны: лишь менее трети сельских жителей высказывают удовлетворенность имеющимися возможностями в этом отношении, а 37% полагают их очевидно недостаточными (рис. 1).

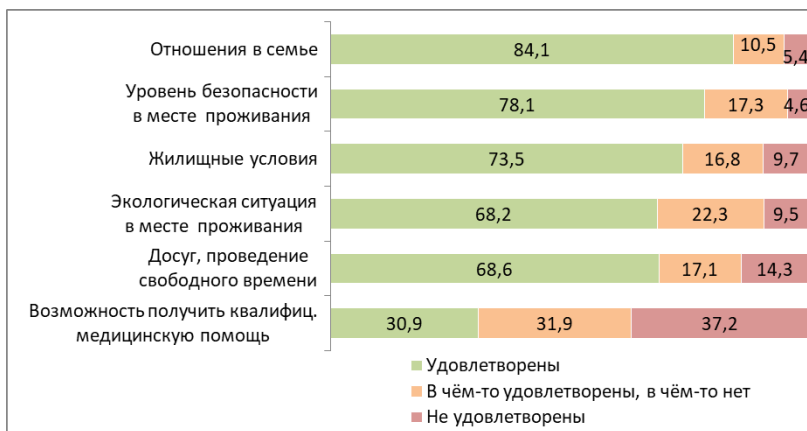

Рисунок 1. Уровень удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности, %

Оценивая ретроспективную динамику качества жизни за прошедший год, 20% опрошенных заявили об ухудшении, но каждый

четвертый отметил позитивные изменения. Оптимистический настрой на то, что жизнь в целом в ближайшей перспективе улучшится, наблюдается у 29% опрошенных, тогда как ухудшение собственного положения предполагают представители вдвое меньшей по численности группы. Притом что около половины сельских жителей надеются на стабильность своего положения, обращает на себя внимание достаточно высокий уровень неопределенности: каждый восьмой из опрошенных затруднился оценить наиболее вероятный вектор предстоящих изменений (рис. 2).

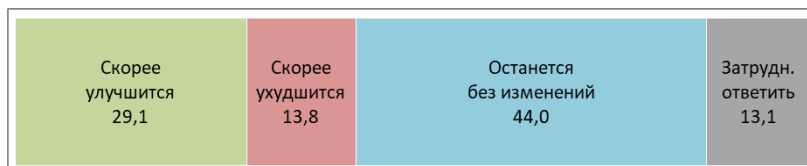

Рисунок 2. Ожидаемая динамика условий и качества жизни на горизонте ближайшего года, %

Важной характеристикой субъективного благополучия является восприятие имеющихся возможностей самореализации. Как можно предполагать, самоощущение в отношении таких возможностей можно считать как индикатором эмоциональной стабильности, так и катализатором реализации населением продуктивных социально-экономических практик, способствующих поддержанию приемлемого уровня благосостояния и его повышению. Полученные данные свидетельствуют, что наличие возможностей реализации собственных способностей и устремлений отмечают 63% опрошенных.

Более половины сельских жителей регулярно испытывают чувство тревоги или подавленности, что свидетельствует о достаточно массовом эмоциональном негативе, явным образом влияющем на субъективное благополучие населения. При этом сильная тревога или подавленность актуальна только для 11% опрошенных, а у 43% данные эмоции присутствуют в достаточно умеренной степени.

Практики потребительского поведения

Реализуемые практики потребительского поведения в значительной степени определяются условиями социально-экономического контекста. В первую очередь необходимо отметить общую ограниченность располагаемых финансовых средств, следствием которой является объективная невозможность для большинства сельского населения распространять потребление за пределы минимально достаточного сегмента продуктов питания, предметов одежды и жилищно-коммунальных услуг. Во-вторых, на протя-

жении длительного времени, начиная с середины 2010-х годов, реализовался ряд макрорисков, объективизирующих сокращение доходов групп населения на фоне снижения их уверенности в будущем благополучии. Третье обстоятельство связано с территориально-поселенческой неоднородностью развития инфраструктуры, традиционно определяющее дисбаланс потребительских возможностей между жителями крупных городов и небольших населенных пунктов.

В сложившихся условиях массовые группы сельского населения актуализировали паттерн потребительской экономии. Более двух третей опрошенных (68%) сообщили, что на протяжении прошедшего года они вынужденно отказывались от приобретения необходимых и ранее покупаемых товаров, либо приобретали их более дешевые аналоги. Очевидно, что наиболее значительным издержкам в потребительской сфере оказались подвержены представители групп, имеющих явные материальные ограничения. При этом важно отметить, что отмеченная вынужденная экономия массово характеризует и тех, чей материальный статус соответствует средним значениям.

Полученные данные позволяют типологизировать сельское население в составе двух групп, имеющих принципиальные различия в практиках обычно воспроизводимого потребительского поведения. Представители первой группы, составляющей немногим более половины опрошенных (55%), при формировании регулярной «потребительской корзины» обладают некоторыми возможностями выбора, основанного на потребительских свойствах приобретаемых товаров и собственных субъективных предпочтений. Сельские жители, включенные во вторую группу (45%), вынужденно базируются на ежедневные покупки на единственном основании, выбирая наиболее дешевые товары из доступного ассортимента с целью максимальной экономии имеющихся средств. Притом что группа предельно экономного потребления составляет относительное меньшинство, масштабность распространения подобных практик представляется существенной проблемой в контексте благополучия сельского населения страны.

Важной характеристикой потребительских практик населения является уровень его включенности в сегменты онлайн-потребления. Воспроизводство подобных поведенческих моделей представляется значимым как с точки зрения широты доступной товарной номенклатуры и, соответственно, повышения качества потребления, так и в контексте эмоционального комфорта, связанного с удобным и постоянно совершенствующимся форматом взаимодействий с продавцами и производителями услуг. Результаты исследования свидетельствуют о том, что более половины сельских жителей используют Интернет при осуществлении потребительских практик, в том числе свыше 20% используют его часто (рис. 3).

Рисунок 3. Использование Интернета при приобретении товаров и получении услуг, %

Рассматривая формы включенности населения в онлайн-потребление, отметим массовую распространенность использования интернет-коммуникаций при приобретении непродовольственных товаров и получении необходимых услуг. Возможности заказа продуктов питания и готовой еды в сельской местности используются существенно реже (рис. 4).

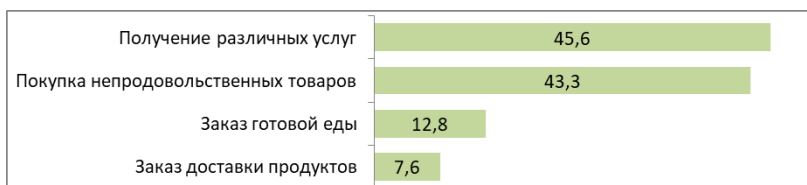

Рисунок 4. Формы использования интернета в потребительских практиках, %, допускалось несколько ответов

Кредитно-сберегательное поведение

Как показывают результаты исследования, значительная часть сельского населения страны поддерживает приемлемый уровень жизни и микширует риски снижения благополучия за счет использования кредитно-сберегательных ресурсов. В актуальный временной период сколь-либо значимые сбережения имеют немногим более трети опрошенных (рис. 5). При этом отмечается однозначно негативная динамика сберегательной обеспеченности: о сокращении объема имевшейся ранее «подушки безопасности» свидетельствуют 26% опрошенных, а о ее увеличении — лишь 11%. При этом оптимистичные ожидания относительно собственных возможностей откладывать часть доходов с целью формирования или пополнения объема сбережений в ближайшем будущем декларируют менее 30% сельского населения.

Теперь рассмотрим показатели кредитного обременения. Около 30% опрошенных рассказали, что на ретроспективном годовом горизонте они обращались к кредитным ресурсам для решения временных финансовых проблем и поддержания приемлемого уровня жизни. О наличии актуальной кредитной нагрузки на бюджет домохозяйства заявили 40% опрошенных.

Рисунок 5. Сберегательные возможности, %

Данные о факте наличия кредитов и самооценке трудностей с их погашением дают возможность классифицировать сельское население страны по уровням кредитного обременения. Об отсутствии кредитной нагрузки заявляют 60% опрошенных. Низкий уровень обременения (наличие кредитов, обслуживание которых практически не вызывает трудностей) соответствует ситуации каждого десятого. Средний уровень, когда обслуживание имеющихся кредитов сопряжено с заметными сложностями, относится к 17% селян. Высокая кредитная нагрузка, при которой необходимые выплаты вызывают критичные проблемы и/или уже присутствуют существенные просрочки погашения, отвечает ситуации 12% опрошенных (рис. 6).

Рисунок 6. Уровень кредитного обременения, %

Исходя из данных по владению сбережениями и наличию актуальных кредитов можно типологизировать население по группам кредитно-сберегательного поведения:

— Группа финансовой активности, для представителей которой характерно одновременное наличие как кредитов, так и сбережений, — 13% сельского населения.

— Финансово-благополучная группа, в которой отмечается наличие хотя бы минимальных сбережений, сопряженное с отсутствием кредитной нагрузки, — 25%.

— Группа финансового риска — часть населения, ориентированная (часто вынужденно) на потребительское поведение, выходящее за рамки собственных финансовых возможностей; для этой группы характерно наличие кредитов при отсутствии сбережений — 27%.

— Финансово-пассивная группа, у представителей которой отсутствуют как сбережения, так и кредиты, — 35%.

Вполне закономерно, что наполненность группы разнонаправленной финансовой активности наиболее высока среди молодежи

и минимальна в группе населения старше 55 лет (соответственно, 25% и 7% опрошенных). Представители когорты старшего возраста при этом несколько чаще прочих демонстрируют финансовую пассивность, не реализуя ни сберегательные, ни кредитные практики. Ситуация финансового риска чаще встречается и численно преобладает над другими типами кредитно-сберегательного поведения среди представителей домохозяйств, в составе которых имеются несовершеннолетние дети (37% опрошенных). Представители домохозяйств, в которых все члены имеют оплачиваемую работу, чаще относятся к финансово благополучному типу кредитно-сберегательного поведения. Очевидно, что уровень материального статуса существенно дифференцирует сельских жителей по типам кредитно-сберегательного поведения. Так, обладающие материальным статусом, не достигающим среднего уровня, сравнительно часто относятся к группе финансового риска и существенно ограничены в возможностях реализации практик, предполагающих наличие сбережений. При этом в составе благополучной в материальном отношении группы разнонаправленная финансовая активность отмечается кратно чаще, а наличие кредитов при отсутствии сбережений характеризует лишь немногим более 15% опрошенных.

Социальные взаимодействия

Эмоциональный и ментальный жизненный комфорт в значительной степени определяется наличием среды доверительного общения, и более 90% россиян, проживающих в сельских населенных пунктах, отметили наличие партнеров по доверительному общению среди близких друзей, родственников, коллег и прочих представителей референтной среды. При этом значительный круг близкого общения, размер которого превышает одного-двух человек, характеризует только 40% опрошенных (рис. 7). Высокий уровень доверительных социальных контактов в наибольшей степени характеризует представителей когорты старше 55-летнего возраста, а также тех, чье материальное положение является достаточно благополучным: в составе данных групп значительный круг доверительного общения представлен, соответственно, 47% и 45% опрошенных.

Рисунок 7. Характеристика круга доверительного общения, %

Подавляющее большинство опрошенных заявили, что их отношения с близкими людьми (родственниками и друзьями) за последний год не претерпели существенных изменений. При этом улучшение отношений отметили 15%, а ухудшение — лишь 4%. Наиболее стабильные межличностные отношения отмечаются у представителей старшей когорты. Позитивная динамика качества коммуникационных взаимодействий в наибольшей степени характеризует представителей молодежной когорты, а также тех сельских жителей, которые имеют сравнительно высокие показатели материальной обеспеченности.

Рассматривая показатели доверия сельского населения в системе персональных и институциональных связей, мы можем отметить его высокий уровень в отношении родственников и друзей. К государственным институтам доверие существенно ниже — так, правоохранительным органам доверяют менее половины опрошенных. Важно отметить также крайне невысокий уровень доверия (лишь немного превышающий треть рассматриваемой группы населения), которым характеризуется информация, представляемая официальными СМИ (рис. 8).

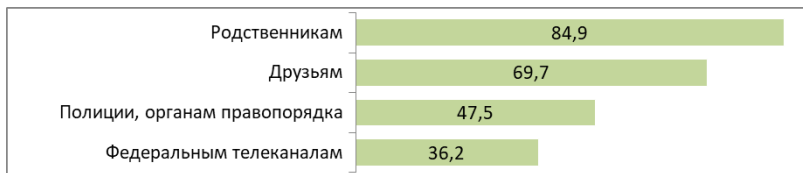

Рисунок 8. Уровень межличностного и институционального доверия, % ответов «скорее доверяю»

Рассмотрим динамику декларируемого доверия за пределами «ближнего круга» родственно-дружеского общения. Результаты исследования свидетельствуют о том, что на годовом ретроспективном горизонте 18% опрошенных стали доверять окружающим меньше, тогда как позитивная динамика доверия характеризует лишь 4% сельских жителей. В наибольшей мере падение доверия произошло среди молодежи (наполненность соответствующей группы среди респондентов до 35 лет составляет 25%), тогда как представители старшей возрастной когорты в наименьшей степени демонстрируют негативную динамику социального доверия. Также заметно чаще отмечают факт снижения доверия людям, не входящим в «ближний круг», сельские жители с низким благосостоянием.

Рассмотрим уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий сельского населения, который показывает, каков и насколько широк набор социальных групп, на помощь которых в трудной ситуации могут рассчитывать россияне. Результаты ис-

следования показывают, что сельские жители в наибольшей степени готовы ожидать помощи от родственников (77%) и друзей (58%). На представителей более дальних «социальных кругов» рассчитывают существенно меньшее число граждан: на коллег, по собственной оценке, могут полагаться 32%, на государственные органы — 31%, а на общественные организации — только 20%. Восприятие представителей сетевых интернет-сообществ в качестве действенного субъекта помощи и поддержки выражено лишь в минимальной степени (рис. 9).

Рисунок 9. Субъектные группы, воспринимаемые потенциальными акторами помощи и поддержки в случае необходимости (допускалось несколько ответов), %

Суммирование количества субъектных групп (из шести выделенных в исследовании и обозначенных выше), воспринимаемых проживающими в сельских населенных пунктах в качестве потенциальных акторов помощи и поддержки, позволяет определить уровень широты ресурсных социальных взаимодействий. Отсутствие субъектов, воспринимаемых потенциальными ресурсными донорами, характеризует 12% опрошенных. Высокий уровень, то есть предполагаемые возможности результативного обращения к представителям четырех и более общественных подсистем, отвечает представлениям 20% опрошенных (рис. 10).

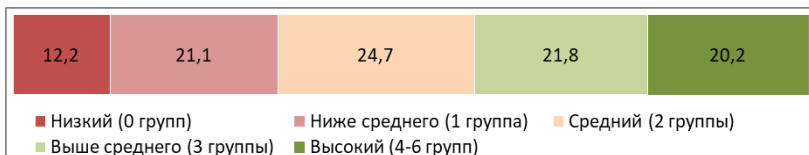

Рисунок 10. Уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий (число социальных групп, воспринимаемых субъектами предоставления помощи и поддержки, в случае необходимости), %

В каждой более старшей когорте уровень потенциально ресурсных социальных взаимодействий заметно снижается, отражая сокращение возможностей получения помощи и поддержки.

Так, в группе молодежи, обладающей максимальным ресурсным потенциалом рассматриваемой категории, превышение среднего значения характеризует 49%, тогда как среди когорты старше 55 лет — только треть опрошенных. Отмечается также влияние фактора занятости: в домохозяйствах, где много неработающих (или вовсе не работает никто из членов семьи), наблюдается пониженный потенциал рассматриваемых ресурсных возможностей. Существенным фактором дифференциации выступает показатель материальной обеспеченности: в группе сравнительно высокого финансового статуса доля обладающих потенциалом социальных взаимодействий, превышающим средний уровень, составляет около 55% опрошенных.

Формы потенциально ожидаемой помощи со стороны социального окружения достаточно разнообразны. Большинство опрошенных (70%) предполагают, что социальное окружение в случае необходимости может предоставить им финансовую помощь, в некоторых случаях — в том числе и на невозвратных основаниях. Несколько реже видом потенциальной поддержки выступает помощь в поиске специалистов, необходимых для решения вопросов, связанных с лечением членов семьи или получением ими образования (отметили 56% респондентов). Около 40% сельских жителей в случае необходимости надеются на помощь от социального окружения при трудоустройстве.

Основные выводы

Проведенное исследование показывает, что субъективное восприятие представителями сельского населения страны большинства аспектов собственной жизни, за пределами прямой оценки уровня располагаемых доходов (внутрисемейных отношений, практик проведения досуга, экологической ситуации и уровня безопасности в населенном пункте проживания, а также жилищных условий) имеет выражено позитивный характер. Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что социальное самочувствие рассматриваемой группы населения, на основе закрепления нормальности имеющихся условий жизнедеятельности по широкому набору параметров, представляется вполне благополучным. Явным исключением выступает восприятие возможностей получения квалифицированной медицинской помощи, которое иллюстрирует существенную проблему — в этом отношении доля негативных оценок превышает треть, и соответствующая группа является среди сельского населения страны наиболее массовой. В контексте социального самочувствия важно также отметить, что более половины сельских жителей регулярно испытывают тревогу и подавленность, однако в большинстве случаев данный негативный эмоциональный фон является достаточно умеренным. На общем фоне стабили-

зационно-позитивных ожиданий жизненной динамики на краткосрочном (годовом) горизонте выделяется достаточно значительная группа (около 15% опрошенных), представители которой предполагают негативные изменения условий жизнедеятельности.

Анализ моделей потребительского поведения иллюстрирует массовую актуализацию паттерна вынужденной экономии. Потребительские возможности сельского населения явным образом ограничены, и эти ограничения массово затрагивают в том числе и тех, чей материальный статус не является минимальным и достигает средних значений. С точки зрения повседневных потребительских практик важно отметить, что немногим менее половины проживающих в сельской местности практически всегда приобретают самые дешевые товары, не рассматривая более привлекательные альтернативы в случае их более высокой стоимости.

Использование интернета и включенность в онлайн-потребление товаров и услуг сохраняет достаточно широкую распространенность в период стабилизации эпидемиологической обстановки и снятия ограничений личных коммуникаций, связанных с пандемией коронавируса. Результаты исследования свидетельствуют о том, что более половины сельских жителей воспроизводят расширенные потребительские практики на основе использования онлайн-технологий, в том числе для 21% подобные практики являются регулярными. Наиболее массовые группы сельского населения (в каждом случае — более 40%) используют интернет при получении необходимых услуг и приобретении непродовольственных товаров.

Выявленные особенности кредитно-сберегательного поведения иллюстрируют негативную динамику сберегательных возможностей, и в актуальный временной период сколь-либо значимой «подушкой финансовой безопасности» обладают немногим более трети опрошенных. Кредитная нагрузка на бюджет домохозяйства характеризует 40% сельских жителей, при этом для трети данная нагрузка является значительной. Типология кредитно-сберегательного поведения демонстрирует, что самая благополучная группа, представители которой обладают сбережениями и не имеют кредитов, составляет четверть опрошенных. Сопоставимая доля сельских жителей включена в сегмент финансового риска, имея актуальные обязательства без даже минимальных сберегательных резервов. Низкие показатели материальной обеспеченности и наличие в домохозяйстве несовершеннолетних детей являются факторами, существенно расширяющими перспективы вхождения в группу кредитно-сберегательного неблагополучия.

Возможности поддержания приемлемого образа жизни и эмоционального фона в сельской местности в значительной степени связаны с социальным окружением. Более 90% опрошенных отмечают наличие партнеров по доверительному общению, с которыми можно поделиться мыслями и переживаниями, получив соучастие и эмоциональную поддержку. При этом самооценка динамики

отношений с близкими людьми имеет выраженно позитивный характер, а декларируемый уровень доверия к ним достаточно высок. На фоне стабильно-благополучной системы межличностных отношений в крайне ограниченном сегменте близких родственно-дружеских контактов, опасения вызывает негативная динамика социального доверия за пределами «ближнего круга». Важно отметить, что большинство сельского населения имеет значимый потенциал социальных взаимодействий, который, согласно ожиданиям, в случае потребности может быть реализован в необходимую помощь. Субъектными группами, на представителей которой возлагаются наиболее массовые надежды в потенциально трудной жизненной ситуации, ожидаемо являются родственники и в несколько меньшей степени — друзья. При этом ожидания от институциональных образований — как государственных, так и общественных — кардинально сужены. Уязвимыми группами с точки зрения потенциала помощи в системе социальных взаимодействий являются представители старшей когорты, а также сельские жители, имеющие низкий уровень материальной обеспеченности.

Библиография

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 66-76.
- Бобков В. Н., Долгушкин Н. К., Одинцова Е. В. (2023). Неравенство человеческого потенциала и условий его реализации в городе и на селе: риски и возможности // Вестник Российской академии наук. Т. 93. № 6. С. 556-565.
- Бондаренко Л. В. (2016). Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. № 3(383). С. 76-82.
- Великий П. П., Мореханова М. Ю. (2004). Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. № 12(248). С. 55-64.
- Долгушкин Н. К., Одинцова Е. В. (2023). Особенности имущественной обеспеченности семей с детьми в городе и на селе // АПК: экономика, управление. № 9. С. 107-116.
- Закшевский В. Г., Меренкова И. Н. (2019). Социально-экономические условия формирования человеческого капитала сельских территорий // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 4(49). С. 2-8.
- Зубаревич Н. В. (2009). Территориальный ракурс модернизации // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. № 10. С. 33-54.
- Зубаревич Н. В. (2010). Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. № 5. С. 5-19.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 26-38.
- Касаткина Н. П. (2023). Удовлетворенность работой и субъективное благополучие жителей села // Социальные нормы и практики. № 3(9). С. 25-35.
- Ласточкина М. А. (2012). Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ // Проблемы прогнозирования. № 5(134). С. 132-141.
- Латова Н. В. (2021). Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // Социологические исследования. № 4. С. 37-49.

- Логинов Д. М. (2020а). Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // Вопросы экономики. № 12. С. 41-61.
- Логинов Д. М. (2020б). Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6(160). С. 470-487.
- Мартынов В. Л. (2018). «Четыре стороны России»: основные тенденции макрорегионально-го развития // Псковский регионологический журнал. № 4(36). С. 3-19.
- Нефёдова Т. Г. (2003). Сельская Россия на перепутье: Географические очерки / Российская академия наук. Институт географии. М.: Новое издательство.
- Нефёдова Т. Г. (2012). Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 5-21.
- Нефёдова Т. Г., Стрелецкий В. Н., Трейвиш А. И. (2022). Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия // Вестник Российской академии наук. Т. 92. № 6. С. 551-563.
- Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. (2010). Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. № 2(28). С. 42-57.
- Нечипоренко О. В. (2009). Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? // Социологические исследования. № 6(302). С. 57-66.
- Пациорковский В. В. (2003). Сельская Россия: 1991–2001 гг. / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М.: Финансы и статистика.
- Пациорковский В. В. (2007). Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социологические исследования. № 1(273). С. 90-99.
- Сарайкин В. А., Никулина Ю. Н., Янбых Р. Г. (2023). Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. Т. 24. № 1. С. 71-105.
- Шабанов В. Л. (2016). Уровень жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: методология исследования и анализ динамики. Саратов: Саратовский источник.
- Шабанов В. Л. (2020). Качество жизни сельского и городского населения России: сравнительный анализ отдельных аспектов // Теория и практика общественного развития. № 10(152). С. 13-17.
- Diener E. (2000). Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index // American Psychologist. № 55(1). P. 34-43.
- Diener E., Biswas-Diener R. (2008). Happiness: unlocking the mysteries of psychological wealth. Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Russia's rural population: Subjective well-being and social-economic practices

Dmitry M. Loginov, PhD (Economics), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prechistenskaya Nab., 11, bldg. 1, Moscow, 119034, Russia.
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Abstract. Based on the data of the representative sociological survey conducted by the Institute of Social Analysis and Forecasting in 2023, the author considers indicators of subjective well-being and life practices of Russia's rural population. The relevance of the suggested analysis is determined by the scale of territorial and settlement differentiation in living standards and by the current social-economic risks of decreasing well-being. The author focuses on various aspects of life satisfaction and on the ideas about

their dynamics, consumer and credit-savings behavior and features of rural social interactions. The survey results show a generally favorable situation regarding the villagers' life satisfaction, but the problem zone is possibilities of getting qualified medical help. In the emotional perspective, two thirds of villagers see opportunities for self-realization, while a half regularly feel anxiety and depression, and every tenth suffers from them the most. The important feature of consumer behavior is that half of rural population is forced to shop at minimum prices. More than half of rural respondents use the Internet for consumer practices, and every fifth does it very actively. Some villagers ensure the acceptable quality of life with credits and savings, and there is a significant group of financial risk. The majority considers as the main source of support their "close social circle" since there are extremely low expectations from institutions — both state and public.

Key words: rural population, rural territories, subjective well-being, social well-being, standard of living, quality of life, social-economic behavior, social-economic practices, life satisfaction, consumption, social interactions

References

- Alekseev A. I., Safronov S. G. (2015) *Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka* [Changes in Russia's rural settlement patterns in the late 20th — early 21st centuries]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 66–76.
- Bobkov V. N., Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. (2023) *Neravenstvo chelovecheskogo potentsiala i usloviya ego realizatsii v gorode i na sele: riski i vozmozhnosti* [Inequality of human potential and conditions for its realization in urban and rural areas: Risks and opportunities]. *Vestnik RAN*, vol. 93, no 6, pp. 556–565.
- Bondarenko L. V. (2016) *Razvitie selskih territoriy Rossii: otsenki, mneniya, ozhidaniya* [Development of Russia's rural territories: Estimates, opinions, expectations]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 3, pp. 76–82.
- Diener E. (2000) Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*, vol. 55, no 1, pp. 34–43.
- Diener E., Biswas-Diener R. (2008) *Happiness: Unlocking the Mysteries of Psychological Wealth*, Malden: Wiley-Blackwell.
- Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. (2023) *Osobennosti imushchestvennoi obespechennosti semei s detmi v gorode i na sele* [Material well-being of families with children in urban and rural areas]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 9, pp. 107–116.
- Kasatkina N. P. (2023) *Udovletvorennost' rabotoi i subektivnoe blagopoluchie zhitel'ei sela* [Job satisfaction and subjective well-being of villagers]. *Sotsialnye Normy i Praktiki*, no 3, pp. 25–35.
- Lastochkina M. A. (2012) *Faktory udovletvorennosti zhizniyu: otsenka i empiricheskiy analiz* [Factors of life satisfaction: Assessment and empirical analysis]. *Problemy Prognozirovaniya*, no 5, pp. 132–141.
- Latova N. V. (2021) *Situatsiya v strane i perspektivy ee razvitiya cherez prizmu obshchestvennogo mneniya v period pandemii* [Situation in the country and its prospects in the public opinion under the pandemic]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 4, pp. 37–49.
- Loginov D. M. (2020a) *Kak rossiiskoe naselenie perezhilo krizis vtoroy poloviny 2010-h godov* [How the Russian population went through the crisis of the second half of the 2010s]. *Voprosy Ekonomiki*, no 12, pp. 41–61.
- Loginov D. M. (2020b) *Sotsial'noe samochuvstvie rossiiskogo naseleniya v period ostroi fazy epidemiologicheskogo krizisa* [Social well-being of the Russian population in the acute stage of the epidemiological crisis]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*, no 6, pp. 470–487.

- Martynov V. L. (2018) "Chetyre storony Rossii": osnovnye tendentsii makroregionalnogo razvitiya ["Four sides of Russia": Main trends of macroregional development]. *Pskovskiy Regionologicheskyy Zhurnal*, no 4, pp. 3–19.
- Nefedova T. G. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputie: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Nefedova T. G. (2012) Osnovnye tendentsii izmeneniya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva selskoi Rossii [Main trends of change in the social-economic space of rural Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 5–21.
- Nefedova T. G., Streletsky V. N., Treivish A. I. (2022) Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva sovremennoj Rossii: prichiny, napravleniya i posledstviya [Polarization of the social-economic space of contemporary Russia: Causes, directions and consequences]. *Vestnik RAN*, vol. 92, no 6, pp. 551–563.
- Nefedova T. G., Treivish A. I. (2010) Goroda i selskaya mestnost: sostoyanie i sootnoshenie v prostranstve Rossii [Cities and countryside: Their state and relationship in Russia's space]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 2, pp. 42–57.
- Nechiporenko O. V. (2009) Selskoe naselenie i reformy agrarnoi sfery: adaptatsiya ili degradatsiya? [Rural population and agrarian reforms: Adaptation or degradation?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 6, pp. 57–66.
- Patsiorkovskiy V. V. (2003) *Selskaya Rossiya: 1991–2001 gg.* [Rural Russia: 1991–2001], Moscow: Izd-vo "Finansy i statistika".
- Patsiorkovskiy V. V. (2007) Selskaya Rossiya: problemy i perspektivy [Rural Russia: Problems and prospects]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 1, pp. 90–99.
- Saraikin V. A., Nikulina Yu. N., Yanbykh R. G. (2023) Sub`ektivnoe blagopoluchie selskikh zhitelei v Rossii: faktory i ih znachimost [Subjective well-being of rural dwellers in Russia: Factors and their significance]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 71–105.
- Shabanov V. L. (2016) *Uroven zhizni selskogo naseleniya Rossii v usloviyah sotsialno-ekonomicheskoy transformatsii sela: metodologiya issledovaniya i analiz dinamiki* [Standard of living of the Russian rural population under the social-economic transformation of rural areas: Research methodology and analysis of dynamics], Saratov: Izd-vo "Saratovskiy istochnik".
- Shabanov V. L. (2020) Kachestvo zhizni selskogo i gorodskogo naseleniya Rossii: sravnitelnyy analiz otdelnykh aspektov [Life quality of the Russian rural and urban population: Comparative analysis of some aspects]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, no 10, pp. 13–17.
- Veliky P. P., Morekhanova M. U. (2004) Adaptivnyy potentsial selskogo sotsiuma [Adaptive potential of rural society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12, pp. 55–64.
- Zakshevskiy V. G., Merenkova I. N. (2019) Sotsialno-ekonomicheskie usloviya formirovaniya chelovecheskogo kapitala selskikh territoriy [Social-economic conditions for the formation of human capital in rural areas]. *Ekonomika, Trud, Upravlenie v Selskom Khozyaistve*, no 4, pp. 2–8.
- Zubarevich N. V. (2009) Territorialnyy rakurs modernizatsii [The regional aspect of modernization]. *SPERO*, no 10, pp. 33–54.
- Zubarevich N. V. (2010) Goroda kak tsentry modernizatsii ekonomiki i chelovecheskogo kapitala [Cities as centers of modernization of economy and human capital]. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*, no 5, pp. 5–19.
- Zubarevich N. V. (2013) Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoi mestnosti [Transformation of the rural settlement pattern and service network in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.

Волонтерство как инструмент продвижения туризма на сельских территориях

Н. И. Горлова, А. П. Ковальчук

Наталья Ивановна Горлова, доктор исторических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 115054, Москва, Стремянный пер., д.36. E-mail: gorlovanat@yandex.ru

Андрей Павлович Ковальчук, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 115054, Москва, Стремянный пер., д.36. E-mail: AndrKow@inbox.ru

Аннотация. Сегодня одна из ключевых тем российского добровольческого движения — создание развивающей среды на малых сельских территориях. В статье охарактеризовано современное состояние отечественного добровольчества в контексте формирования привлекательности сельских территорий и развития местного сообщества, в том числе акцент сделан на деятельности всероссийского общественного движения «Волонтеры культуры». В ходе данного исследования определены функционал и направления приложения добровольческих усилий проактивных граждан. Определена роль практик безвозмездной деятельности в повышении туристической привлекательности региона и развитии гостеприимства местного сообщества. Результаты исследования показали, что в настоящее время сфера туризма рассматривается как одна из приоритетных тем социальной повестки волонтерского движения и аккумуляции добровольческого труда. На примере ряда общественно значимых проектов, реализуемых в российских деревнях и селах, продемонстрированы результаты интеграции волонтерской деятельности в сферу сельского туризма в нашей стране, а также обоснован позитивный эффект для развития местных сообществ на их территориях. Волонтерская деятельность отражает степень общественного участия в решении значимых задач, стоящих перед сельскими территориями. Отдельное внимание уделяется образовательно-просветительским, методическим, мотивационным мерам поддержки и популяризации профильного направления в российском добровольческом движении в области продвижения объектов и маршрутов сельского туризма.

Ключевые слова: волонтерство, добровольческий труд, общественное движение «Волонтеры культуры», местные территории, сельский туризм, событийные мероприятия, туристические маршруты, туристические дестинации, устойчивое развитие

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-197-211

В последние годы в сельской местности России накопилось много социально-экономических проблем. Сегодня мы продолжаем наблюдать определенные негативные тенденции. Так, увеличился отток населения из сел в крупные города, сократилась численность сельских населенных пунктов, изменилось их функциональное назначение (Алексеев, Имангулов, 2022: 109–132).

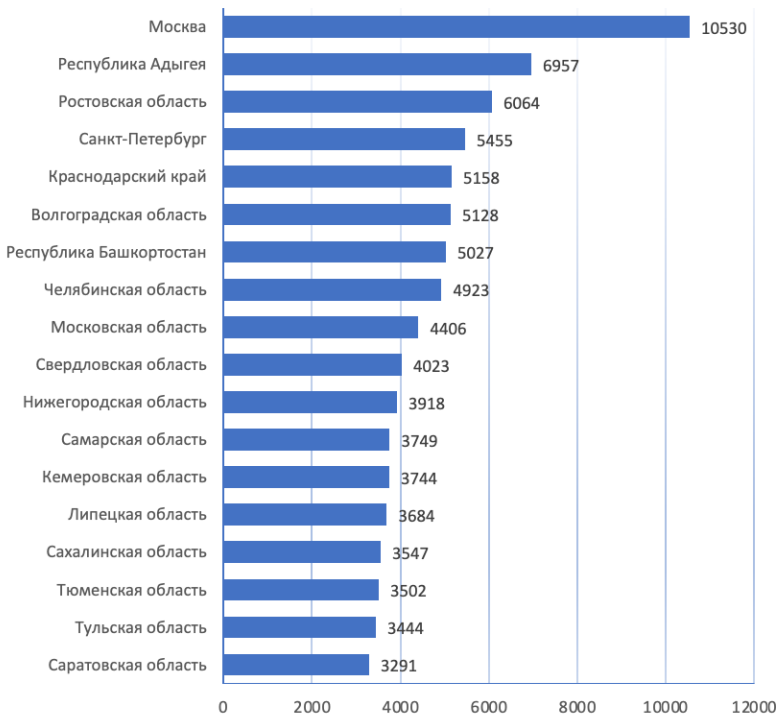
Актуальность темы исследования обусловлена социально-экономическими проблемами сельской местности. В этом контексте развитие туризма могло бы решить часть проблем, обеспечить рабочими местами население и остановить его отток. В России сегодня имеются большие возможности для развития сельского туризма, в качестве объектов можно предложить интересные природные пейзажи и колоритные сельские хозяйства. Однако на селе туризм часто остается недооцененным. Это связано с отсутствием достаточной инфраструктуры, а также необходимого количества туристических маршрутов и развлекательных программ. Именно внедрение несельскохозяйственных видов деятельности за счет использования событийных и фольклорных мероприятий, природных ресурсов и местных ландшафтов, посещения сельских музеев, обращения к традиционным промыслам позволит диверсифицировать сельскую экономику, в том числе и за счет создания новых рабочих мест, обеспечить демографическую и экономическую стабильность. Помимо ярко выраженного экономического эффекта сельский туризм помогает сохранить самобытную культуру, ценности и традиции, аутентичный облик и планировку деревни, ее традиционную застройку. Согласно данным Всемирной торговой организации, в мире туризм на сельских территориях входит в пятерку приоритетных направлений в популяризации туристической деятельности, формируя до 30% общего дохода туристической индустрии. Примечательно, что более чем в 25 субъектах страны на государственном уровне осуществляется планомерная поддержка сельского туризма, в 13 субъектах Российской Федерации термины «аграрный» и «сельский туризм» зафиксированы в законодательных актах регионального уровня.

В Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года в качестве приоритетной задачи ставится необходимость «поддержки общественных инициатив и проектов по развитию социально значимых направлений туризма, расширение участия в них волонтерских организаций». Таким образом, одним из стратегических ресурсов формирования сельских туристических дестинаций выступает отечественное добровольческое движение и социально значимые инициативы.

С 2019 года общественное движение «Волонтеры культуры» активно позиционирует себя, планомерно развивая пять ключевых тематических направлений, в том числе «организацию туристических маршрутов и культурных пространств в российских селах и городах».

За несколько лет сформировалось большое сообщество волонтеров культуры, которое действует в разных сферах общественной жизни: восстановление объектов культурного наследия, помощь людям посредством социокультурных практик, работу учреждений культуры и многое другое. Осенью 2018 года на портале Dobro.ru

было зарегистрировалось всего 4306 волонтеров культуры, а по состоянию на 1 ноября 2021 года их число увеличилось в 37 раз, превысив 179 тыс. человек (рис. 1).

*Н. И. Горлова,
А. П. Ковальчук*
Волонтерство как
инструмент про-
движения туриз-
ма на сельских
территориях

Рисунок 1. Диаграмма регионов России с наибольшим числом зарегистрированных волонтеров культуры на 1 декабря 2021 года

Источник: Годовой отчет о реализации программы «Волонтеры культуры» за 2021 год

По состоянию на 1 декабря 2023 года в рядах движения волонтеров культуры насчитывается более 500 тыс. человек¹. В субъектах Российской Федерации создано 75 региональных отделений, открыто 80 профильных Добро.Центров в сфере культуры. К сожалению, движение не располагает данными о конкретном количестве волонтеров, задействованных в сфере туризма.

Программа «Волонтеры культуры» ежегодно финансируется из средств федерального бюджета в размере 100 млн рублей, из которых 60 млн рублей выделяется на гранты, распределяемые

1. Аналитика волонтерства. URL: <https://dobro.ru/analytics> (дата доступа: 12.10.2023).

на конкурсной основе учрежденной Минкультуры России Общероссийской общественно-государственной организацией «Российский фонд культуры».

В 2023 году Движение обновило и увеличило число актуальных направлений добровольческой деятельности до десяти. Одно из них — «краеведение и туристические маршруты». Волонтерские практики в сфере туризма можно рассматривать, во-первых, как добровольную форму объединения граждан для достижения общественно значимых целей развития туристической индустрии как страны в целом, так и отдельно взятых регионов. Во-вторых, как уникальную возможность для личностного роста, развития навыков социальной активности и формирования гражданской позиции ее участников.

Волонтеры объединены общей идеей развития туристской сферы и создания гостеприимной атмосферы на конкретной территории. В процессе изучения культурных традиций сельских территорий волонтеры знакомят гостей и туристов с их уникальными особенностями в наиболее востребованных интерактивных форматах. Как итог — создается комфортная среда пребывания, предоставляются качественные услуги, предлагаются интересные экскурсионные туры. Можно с полной уверенностью утверждать, что данная профильная сфера безвозмездной и социально значимой деятельности становится уже популярным трендом.

В настоящее время у исследователей устойчиво формируется интерес к проблеме сельского туризма (Оборин, 2020; Романова, Малина, 2020; Тропина, 2022; Ганебных, 2023) и российского добровольческого движения (Антонович, 2014; Горлова, 2019; Певная, 2014; Синецкий, 2006). Это вызвало волну публикаций на тему деятельности общественного движения «Волонтеры культуры» (Васильковская, Пономарев, 2017, 2020; Паклина, 2018) и его флагманских проектов. Отдельное внимание уделяется отраслевым сферам приложения добровольческого труда: музейному волонтерству, событийному, архивному и др. (Зиновьева, 2021; Ратушняк, Касьянов, Ратушняк, 2020; Романова, 2021; Шевлягин, 2020). Однако одно из ключевых направлений движения — волонтерство как эффективный инструмент продвижения туризма на сельских территориях — еще не нашло должного научного осмысления: оно представлено фрагментарными статьями ряда авторов (Офицерова, 2021; Баширова, 2018). Исследователи рассматривают волонтерство в сфере туризма с точки зрения безвозмездных практик добровольцев в социальном партнерстве с местным сообществом и другими заинтересованными лицами (НКО, органы власти и др.), объединенными общей идеей формирования туристической привлекательности и гостеприимной атмосферы на территориях, в том числе и в сельской местности, посредством изучения и популяризации их культурных традиций и уникальных особенностей в наиболее актуальных для гостей и туристов формах. При анализе проблем

существенное значение имеют обобщающие работы общественного движения «Волонтеры культуры», в которых значительное внимание уделяется обзору деятельности волонтеров в организации туристических маршрутов и знаковым социальным проектам (Горлова, Жукова, Нефедова, 2022; Горлова, Маковецкая, 2020). Данные издания нацелены на популяризацию деятельности волонтеров культуры и знакомство широкой общественности с практиками безвозмездной деятельности.

Таким образом, актуальность исследуемой проблемы обусловлена, во-первых, усилением роли волонтерского движения в развитии сельских территорий; во-вторых, потребностью самого местного сообщества в безвозмездных практиках неравнодушных граждан; в-третьих, популярностью данной сферы приложения добровольческих усилий среди широкой общественности; в-четвертых, признанием на государственном уровне социально-экономического вклада добровольных помощников, положительного эффекта от реализации общественных инициатив и проектов в формировании туристической привлекательности сельских территорий.

Цель данной статьи — комплексный обзор общественного волонтерского движения в сфере развития туризма, анализ разноплановой безвозмездной деятельности на примере социокультурных проектов, связанных с формированием сельского туризма, охраной сельской туристической дестинации, созданием привлекательных туристических маршрутов и общественных пространств в сельской местности.

Исследование основано на следующих источниках: официальные статистические данные единой информационной системы в сфере добровольчества — платформы DOBRO.RU, отчетная документация общественного движения «Волонтеры культуры», научные труды ряда российских авторов. Для анализа добровольческого движения изучены также интернет-ресурсы волонтерских организаций, НКО, реализуемых общественных проектов.

В рамках предпринятого исследования использовались стандартные методы системного, структурного, сравнительного анализа. При изучении волонтерских проектов и общественных инициатив применялись методы, связанные со сводкой и группировкой данных, графическим оформлением результатов. Эти методы были применены на этапе систематизации и классификации собранной информации.

Как показал анализ, волонтеры выполняют широкий диапазон задач — от обустройства туристических троп и маршрутов, создания туристических продуктов, проведения экскурсий до организации мастер-классов по народному промыслу. Активные и неравнодушные, добровольцы реализуют новые проекты, разрабатывают интересные форматы экскурсий, выставок, проводят культурные квесты, выпускают подкасты на YouTube и в социальных сетях.

*Н. И. Горлова,
А. П. Ковальчук*
Волонтерство как
инструмент про-
движения туриз-
ма на сельских
территориях

Перечень волонтерских ролей приблизительно одинаков для большей части сфер занятости добровольных помощников профильного направления общественного движения «Волонтеры культуры», он подразделен на несколько функциональных направлений деятельности (см. табл.).

Таблица. Виды деятельности волонтеров в сфере развития и продвижения сельских территорий

Функции волонтеров	Содержание деятельности
Экскурсионная деятельность	Разработка, подготовка и проведение организованных экскурсий
Создание арт-объектов	Создание концепции арт-объектов, развивающих туристический и культурный потенциал территорий. Оформление культурного пространства
Популяризация туристических объектов и территорий	Использование различных инструментов СМИ в целях продвижения туристической привлекательности сельских территорий и туристических маршрутов
Просветительская деятельность и обучение	Помощь в организации образовательных программ. Проведение мастер-классов по различным народным промыслам, театрализованных представлений, флешмобов, квестов и других активных форм приобщения туристов к уникальным особенностям региона
Проведение событийных мероприятий и участие в них	Навигация и управление потоками посетителей. Помощь в проведении творческих номеров мероприятия. Информационное сопровождение (фотосъемка, публикация постов в социальных сетях и на сайтах и др.)
Проведение инвентаризации культурных пространств и разработка концепций их обновления	Сбор и систематизация материалов об объектах культурного наследия, социально значимых объектах сельской и городской инфраструктуры, особо охраняемых природных территориях. Составление схем, реестров, электронных баз объектов на территории культурных пространств. Разработка алгоритмов развития общественных пространств городской и сельской среды и их благоустройства
Создание доступной среды на туристических маршрутах	Формирование доступной и безбарьерной среды на туристических маршрутах, адаптация их для нужд людей с инвалидностью (установка указателей, специальных разметок и др.). Инспектирование туристических маршрутов на предмет наличия безбарьерной архитектурной среды

Исследовательская деятельность	Поиск и сбор различных документов, фото- и видеоматериалов, организация тематических экспедиций с целью восстановления локальной истории сел и деревень, личных историй их жителей, выявление уникального образа территории через фиксацию мест памяти, сельских брендов и смыслов
Благоустройство достопримечательностей, мест отдыха, общественных культурных пространств	Создание безбарьерной среды, размещение системы велодорожек, установка детских площадок, организация рекреационных зон для организации мест отдыха, санитарная очистка и уборка территории

Ежегодно общественное движение «Волонтеры культуры» формирует список флагманских проектов, рекомендованных к масштабированию на всей территории Российской Федерации. Кроме того, многие проекты по поддержке местного сообщества могут быть в дальнейшем коммерциализированы, что рассматривается в качестве одного из индикаторов социально-экономического развития территории, формирования конкурентоспособной туристической дестинации, а также повышения инвестиционной привлекательности.

Волонтеры, учитывая уникальную природу, традиции сельского населения и богатое культурно-материальное наследие, успешно реализуют проекты в области сельского туризма. К таким проектам можно отнести «Событийный туризм на селе» (Бурятия) по организации инклюзивных турмаршрутов на сельских территориях. Благодаря разработке уникальных и качественных туристических продуктов: событий и фестивалей, экскурсий и туров, сувениров — решается проблема занятости населения в отдаленных территориях республики. Так, в 2019 году в селе Чикой Кяхтинского района было проведено масштабное туристическое событийное мероприятие — приграничный «Фестиваль черемухи» с участием туристов из Монголии, Иркутской области и Бурятии. Второй уникальный праздник — фестиваль «Бичуринские дворики» (Чупина, Симачкова, 2023).

Еще один проект — «100 уникальных сел Бурятии» нацелен на достижение условий постоянного экономического роста Бурятии как региона с высокой культурной идентичностью за счет сохранения сакральности самобытной культуры в контексте уникальности каждого поселения, района, республики в целом. За несколько лет реализации проекта были созданы такие познавательные туристические маршруты, как «10 достопримечательностей Оки за 1 день на автомобиле», для любителей размеренного отдыха — «День в стиле хюгге», «Хобби-тур» для желающих обучиться старобурятскому методу валяния тохом, «Пешая обзорная экскурсия по Орлику», «Самый высокогорный буддийский храм в России — “Пунцогнамдоллинг”», «Святые жемчужины Оки» и др.

Значительный интерес представляет проект «Жемчужное ожерелье Олонии» — специальный туристический маршрут, разработанный командой волонтеров Муниципального добровольческого центра Олонецкого района. Он знакомит участников с памятниками деревянного зодчества на территории Республики Карелии, а также рассказывает об особенностях культуры и быте карелов.

Широкую популярность приобрел «Народный музей своими руками» — социокультурный проект по развитию крестьянской усадьбы, общественного пространства, ранее созданного силами волонтеров-пенсионеров для сохранения народных традиций сельских территорий Таштыпского района Республики Хакасия.

Многие волонтерские проекты предусматривают использование современных виртуальных технологий для глобального продвижения локального колорита местных территорий. Так, проект «AR Мурман» предполагает создание маршрутов для пеших прогулок и прогулок на экологичном транспорте (велосипедах, (электро-)самокатах и т.д.) с дополненной реальностью (AR), знакомящих с историческим и современным обликом Мурманской области «на местах». Например, перед одной из достопримечательностей столицы Кольского Заполярья — гостиницей «Арктика» — можно будет увидеть ее прежний облик, узнать из аудиосопровождения ее историю, или же проследовать по маршруту, включающему арт-объекты, и познакомиться с уличным искусством.

В рамках молодежного экскурсионного проекта «Назад в будущее: гороховецкий DeLorean» с помощью QR-кодов туристы и гости города Гороховец изучают в рамках разработанного маршрута локальную историю Владимирской области.

Проект Арт-резиденция «Чур, я волонтер!» реализует инновационный подход к знакомству с культурным наследием Чувашской Республики. Вместо традиционных лекций и тренингов предусмотрена организация иммерсивных игр по станциям, которые расположены в окрестностях памятников культуры, истории и архитектуры. Каждая станция представляет собой интерактивное пространство, погружающее участников в конкретную эпоху или событие с использованием новейших технологий, виртуальной реальности, аудиогидов и других средств.

В целях сохранения нематериального культурного наследия и роста туристического потенциала Волгоградской области команда волонтеров Творческой лаборатории «Арт-Бульвар» создает уникальный видеоконтент о деятелях культуры и искусства, внесших значительный вклад в развитие региона. Уникальность формата — в его прикладном характере и конкретных результатах.

Нередко импульс развитию сельской территории придают волонтерские проекты, связанные с сохранением культурных объектов. К примеру, проект возрождения сельского усадебного парка «Марьяна дубрава моей Малой Родины» Волонтерского центра #ЗаОдно на базе Муниципального учреждения «Дновский районный куль-

турный центр» (деревня Искра Дновского района Псковская область) посвящен возвращению Искровскому парку, памятнику садово-паркового искусства XIX века (основанному помещиком Спиридоновым), пользовательских и рекреационных функций. Силами добровольных помощников территория парка была очищена от зарослей кустарников, старых и больных деревьев, восстановлен сад с плодовыми деревьями, сделаны удобные и безопасные тропинки, установлены урны, лавочки, фонарные столбики, указатели, в том числе рассказывающие о полезных и необычных свойствах деревьев, об истории этого места, реализована очистка и обустройство мини-пруда, из стволов спиленных деревьев оформлен уголок деревянной скульптуры. Кроме того, в будущем планируется проведение на территории парка цикла пленэров с приглашением псковских и новгородских художников-любителей, а также организация бесплатных мастер-классов по живописи.

Еще один пример волонтерского проекта по благоустройству общественных пространств на сельских территориях — «Дом со львом». Команда проекта во главе с искусствоведом Юлией Тереховой проделала длительный путь от покупки разваливающегося крестьянского дома с уникальным расписным интерьером в селе Поповка Хвалынского района Саратовской области в 2010 году до завершения реставрационно-восстановительных работ в 2019 году (см. рис. 2). За эти годы было несколько волонтерских лагерей: добровольные помощники занимались расчисткой территории дома от мусора, укрепляли фундамент и многое другое. По итогу проекта дом был превращен в некоммерческий музей, став точкой притяжения для туристов, появились дополнительные возможности для заработка сельских жителей. Ежегодно музей «Дом со львом» посещают около 3 тыс. туристов.

Рисунок 2. Пример до и после восстановительных работ силами волонтеров крестьянского дома в селе Поповка Хвалынского района Саратовской области

Часть реализуемых волонтерских проектов предусматривает профильные экспедиции в отдаленные села и деревни, в мир традиционной культуры. Так, в рамках проекта «Игры и традиции народов России» команда в составе 140 волонтеров провела 5 экспедиций для сбора информации и общения с носителями традиционных культур Сибири, находящихся на грани исчезновения. В ходе поездок добровольные помощники посетили 15 сел и деревень, опросив более 50 местных жителей. Полученная информация впоследствии была систематизирована в информационно-методическом издании «Игры и традиции народов России, проживающих в Сибири», подготовленном для педагогов и организаторов молодежной деятельности, также были организованы фотовыставка и показ видеофильма об экспедициях.

В последние годы для общественного движения «Волонтеры культуры» приоритетными задачами стали сохранение историко-культурного наследия. Достаточно отметить, что в 2021 году было проведено свыше 100 тыс. мероприятий по всей стране, с помощью волонтеров благоустроено, восстановлено и отреставрировано порядка 2 тыс. объектов историко-культурного наследия. В каждом регионе реализуется множество проектов, например, в молодежном лагере «Самолва» волонтеры оказали большую помощь сельским жителям и учреждениям культуры псковских деревень Самолва и Кобылье Городище. С июня по сентябрь 2021 года на протяжении пяти смен они разрабатывали уникальные программы для решения локальных задач.

Одним из мощнейших стимулов для продвижения сельских территорий служат событийные мероприятия, которые, по мнению отечественных исследователей, можно рассматривать в качестве инструмента развития туристической отрасли и формирования имиджа отдельно взятых территорий (Климова, Вишневецкая, Стенюшкина, 2015). М. Г. Мирзеханова отмечает, что особая роль в продвижении туристического продукта принадлежит традициям и обычаям и сопровождающим их сложившимся обрядам и церемониям, создающим «фундамент» самого событийного мероприятия (Мирзеханова, 2016). К примеру, местная религиозная организация «Православный приход храма Рождества Христова села Ахлыстино Кушнаренковского района Республики Башкортостан Салаватской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат)» в период с мая по июль 2021 года в поселках Башкирии с участием 70 волонтеров провела серию мероприятий, направленных на развитие культурной жизни в сельской местности. Для жителей были организованы мастер-классы по народным промыслам и рукоделию.

В 2021 году в Орле впервые при поддержке волонтерского корпуса был реализован проект «Этно-лето» по популяризации этнокультуры в виде серии культурных мероприятий на открытых площадках города Орла и Орловской области. Всего в проекте участвовали 150 волонтеров, организовано 32 различных мероприятия (мастер-

классы по вокально-хоровому, хореографическому, инструментальному, театральному направлениям).

Подводя итоги, резюмируем, что за несколько лет сформировалось автономное сообщество волонтеров под эгидой общественного движения «Волонтеры культуры», действующее в разных сферах общественной жизни: восстановление объектов культурного наследия, помощь людям посредством социокультурных практик, работа учреждений культуры и многое другое. Значительное внимание уделяется и развитию туристско-рекреационной сферы, в которой отдельное место отводится сельскому туризму. Волонтерство — динамично развивающееся явление, о чем свидетельствует проект «Увлеченные культурой». В 2023 году общественное движение «Волонтеры культуры» пошло по пути увеличения тематических областей приложения добровольческого труда, а также формирования собственной идентичности, инфраструктуры поддержки общественных инициатив, сопровождения волонтерских проектов и распространения лучших практик. К числу таких направлений относятся «краеведение и туристические маршруты», что позволит, на наш взгляд, увеличить количество проектов по формированию привлекательных сельских туристических дестинаций.

Предпринятое исследование показало, что волонтерство в сфере туризма является важной составляющей социально-экономической жизни местного сообщества. Благодаря общественным инициативам и социально значимым проектам формируется туристическая привлекательность местных территорий и придается необходимый импульс развитию сельского туризма. Так, на примере ряда общественно значимых проектов, реализуемых в российских селах и деревнях, автором были продемонстрированы результаты интеграции волонтерской деятельности в сферу сельского туризма.

Волонтеры решают широкий диапазон задач в сфере продвижения туризма на сельских территориях — от благоустройства общественных пространств и территорий до проведения экскурсий, мастер-классов по различным народным промыслам, театрализованных представлений, флешмобов, организации тематических экспедиций.

За последние годы отмечается успешное внедрение добровольческого сообщества страны в реализацию проектов по формированию туристической привлекательности территорий и гостеприимства.

В целом в качестве рекомендаций для развития и поддержки добровольческого движения в сфере продвижения сельского туризма можно предложить следующее:

— осуществление разработки методических продуктов и образовательных программ: стандарта волонтерства в сфере туризма и гостеприимства, методических пособий для организаторов волонтерской деятельности в данной области, базовых и продвинутых онлайн-курсов с привлечением экспертов и практиков с последующим размещением на платформе Добро.университет;

*Н. И. Горлова,
А. П. Ковальчук*
Волонтерство как
инструмент про-
движения туриз-
ма на сельских
территориях

— внедрение мер эффективной мотивации и поощрения волонтеров. Как показал анализ, можно выделить следующие возможные формы поддержки граждан, участвующих в добровольческой деятельности: проведение тренингов и специального обучения по командообразованию, выстраиванию эффективной коммуникации с участниками проекта; размещение информации о наиболее активных (отличившихся) волонтерах в СМИ; предоставление возможности прохождения обучающей стажировки или производственной преддипломной практики; организация туристических поездок и экскурсий для волонтеров; предоставление рекомендательных писем для поступления в вуз (колледж) или трудоустройства на работу;

— создание профильного конкурса волонтерских инициатив в сфере туризма и краеведения (оптимально — грантового конкурса);

— разработка мер информационной поддержки волонтеров, реализующих свои проекты по развитию туризма в сельской местности. К сожалению, о многих проектах в данной сфере наблюдаются явные признаки дефицита информации в связи с неравномерным распределением количества новостных сюжетов в СМИ в пользу повествования о деятельности волонтеров на крупных мероприятиях и акциях, а не о подобных тематических локальных проектах;

— разработка и реализация обучающих программ для организаторов добровольческой деятельности по работе с волонтерами в сфере продвижения сельского туризма.

Библиография

- Алексеев А. И., Имангулов Л. Р. (2022). Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 109–132.
- Антонович И. И., Калинина Ю. А. (2014). Благотворительность и добровольчество в российском обществе: история и современность. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Баширова Ю. В. (2018). Волонтерская деятельность в туризме: методологический аспект // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: материалы Международной электронной научно-практической конференции. Казань, 18 мая 2018 г. / Под ред. П. П. Терехова. Казань: Бриг. С. 312–316.
- Васильковская М. И., Пономарев В. Д. (2017). Социально-культурное творчество участников молодежных объединений в формировании института волонтерства. Кемерово: КемГИК.
- Васильковская М. И., Пономарев В. Д. (2020). «Волонтеры культуры» Российской Федерации как общественное движение и социальный институт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 6 (98). С. 114–120.
- Ганебных Е. В. (2023). Миграция и сельский туризм: взаимное влияние и пути развития // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. № 6. С. 2029–2040.
- Горлова Н. И. (2019). Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. Краснодар: Кубанский государственный университет.

- Горлова Н. И., Жукова Д. Д., Нефедова С. Г. (2022). Сохранение культурного наследия народов России: чем могут помочь волонтеры культуры. М.
- Горлова Н. И., Маковецкая Д. Т. (2020). Сборник волонтерских практик в сфере культуры. М.
- Зиновьева Ю. В. (2021). Музейное волонтерство в структуре добровольчества в сфере культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 4. С. 39–44.
- Климова Т. Б., Вишневская Е. В., Стенюшкина С. Г. (2015). Событие как уникальный инструмент развития туристской отрасли (на примере Белгородской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 9. № 3. С. 105–111.
- Мирзеханова З. Г. (2016). Событийный туризм: содержание и мировой опыт // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. № 6 (86). С. 74–82.
- Оборин М. С. (2020). Системное развитие сельского туризма как фактор социально-экономического развития сельских территорий России // Сервис в России и за рубежом. Т. 14. № 1. С. 117–126.
- Официрова Н. А. (2021). Волонтерская деятельность в туризме: достоинства и проблемы // Вестник университета. № 1. С. 49–52.
- Паклина Е. А. (2018). Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 216. С. 125–134.
- Певная М. В. (2014). Развитие волонтерства в России: проблемы и противоречия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 2. С. 230–237.
- Ратушняк В. Н., Касьянов В. В., Ратушняк О. В. (2020). Роль культурного волонтерства в формировании исторической памяти современной российской молодежи // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4. С. 102–106.
- Романова А. Г. (2021). Сравнительный анализ волонтерских проектов по сохранению исторических знаний и объектов культурного наследия // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 1 (15). С. 117–120.
- Романова Ю. А., Малина В. В. (2020). Современное состояние сельского туризма в Российской Федерации // Актуальные исследования. № 6 (9). С. 25–28.
- Синецкий С. В. (2006). Эволюция добровольчества: история становления новой социальной парадигмы // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. № 17 (62). С. 104–107.
- Тропина Д. В. (2022). Проблемы правового регулирования сельского туризма в контексте устойчивого развития сельских территорий // Сельское хозяйство. № 2. С. 42–51.
- Чупина И. П., Симачкова П. П. и др. (2023). Маркетинг в сельском туризме как один из основных элементов продвижения туристского продукта // International agricultural journal. № 5. С. 1404.
- Шевлягин А. А. (2020). Музейное волонтерство как механизм культурной инклюзии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3. С. 119–124.

*Н. И. Горлова,
А. П. Ковальчук*
Волонтерство как
инструмент про-
движения туриз-
ма на сельских
территориях

Volunteering as a means of promoting tourism in rural areas

Natalya I. Gorlova, DSc (History), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Per., 36, Moscow, 115054, Russia. E-mail: gorlovanat@yandex.ru

Andrey P. Kovalchuk, PhD (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Per., 36, Moscow, 115054, Russia. E-mail: AndrKow@inbox.ru

Abstract. One of the main goals of the Russian volunteer movement to develop environment in small rural areas. The authors assess the current state of the Russian vol-

unteer movement in the context of developing rural areas and local communities, emphasizing the activities of the all-Russian social movement 'Volunteers of Culture'. The authors identify functions and directions of the proactive citizens' volunteer efforts and the role of volunteer practices in increasing regional tourist attractiveness and hospitality of local communities; argue that the tourism sector became a priority on the social agenda of the volunteer movement and work. On the example of socially significant projects implemented in Russian villages, the authors show both the results of the integration of volunteer activities into the rural tourism field and the positive effect of such volunteering for the development of local rural communities. Thus, volunteer activities reflect the degree of public participation in solving significant rural problems, and the authors emphasize educational, methodological and motivational measures to support and popularize the role of the volunteer movement in promoting rural tourist facilities and routes.

Key words: volunteering, volunteer work, social movement 'Volunteers of Culture', local territories, rural tourism, tourist routes, sustainable development.

References

- Alekseev A. I., Imangulov L. R. (2022) Selskaya mestnost Bashkirii: preobladayushchie tipy i osobennosti transformatsii v postsovetsky period [Rural areas of Bashkiria: Predominant types and features of transformation in the post-Soviet period]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 109–132.
- Antonovich I. I., Yu. A. Kalinina (2014) *Blagotvoritelnost i dobrovolchestvo v rossiyskom obshchestve: istoriya i sovremennost* [Charity and Volunteering in the Russian Society: History and the Present], Barnaul: Izd. Dom Alt. Univ.
- Bashirova Yu. V. (2018) Volonterskaya deyatel'nost v turizme: metodologichesky aspekt [Volunteer activity in tourism: A methodological aspect]. *Sotsialno-kulturnaya deyatel'nost: vektory issledovatel'skikh i prakticheskikh perspektiv*. Ed. by P. P. Terekhov, Kazan: Brig, pp. 312–316.
- Chupina I. P., Simachkova P. P. et al. (2023) *Marketing v selskom turizme kak odin iz osnovnykh elementov prodvizheniya turistskogo produkta* [Marketing in rural tourism as one of the main elements of promoting a tourism product]. *International Agricultural Journal*, no 5, pp. 1404.
- Ganebnykh E. V. (2023) Migratsiya i selsky turizm: vzaimnoe vliyaniye i puti razvitiya [Migration and rural tourism: Mutual influence and development paths]. *Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 13, no 6, pp. 2029–2040.
- Gorlova N. I. (2019) *Stanovlenie i razvitie instituta volonterstva v Rossii: istoriya i sovremennost* [Formation and development of institutional volunteering in Russia: History and the Present], Krasnodar: KGU.
- Gorlova N. I., Makovetskaya D. T. (2020) *Sbornik volonterskikh praktik v sfere kultury* [Collection of Volunteer Practices in Culture], Moscow.
- Gorlova N. I., Zhukova D. D., Nefedova S. G. (2022) *Sokhraneniye kulturnogo naslediya narodov Rossii: chem mogut pomoch volontery kultury* [Preservation of the cultural heritage of Russia's peoples: How volunteers of culture can help], Moscow.
- Klimova T. B., Vishnevskaya E. V., Stenyushkina S. G. (2015) Sobytiye kak unikalnyy instrument razvitiya turistskoy otrasli (na primere Belgorodskoy oblasti) [Event as a unique means of the development of the tourism industry (on the example of the Belgorod Region)]. *Contemporary Issues of Service and Tourism*, vol. 9, no 3, pp. 105–111.
- Mirzekhanova Z. G. (2016) Sobytiynyy turizm: sodержaniye i mirovoy opyt [Event tourism: Content and international practices]. *Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law*, no 6, pp. 74–82.

- Oborin M. S. (2020) Sistemnoe razvitiye selskogo turizma kak faktor sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya selskih territoriy Rossii [Systemic development of rural tourism as a factor of the social-economic development of rural territories in Russia]. *Service in Russia and Abroad*, vol. 14, no 1, pp. 117–126.
- Ofitserova N. A. (2021) Volonterskaya deyatel'nost' v turizme: dostoinstva i problemy [Volunteer activity in tourism: Advantages and challenges]. *Bulletin of the University*, no 1, pp. 49–52.
- Paklina E. A. (2018) Kulturnoe volonterstvo kak innovatsionnyy vid deyatel'nosti dobrovol'tsev [Cultural volunteering as an innovative type of volunteer activity]. *Proceedings of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, vol. 216, pp. 125–134.
- Pevnaya M. V. (2014) Razvitiye volonterstva v Rossii: problemy i protivorechiya [Development of volunteering in Russia: Challenges and contradictions]. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, no 2, pp. 230–237.
- Ratushnyak V. N., Kasyanov V. V., Ratushnyak O. V. (2020) Rol kulturnogo volonterstva v formirovaniy istoricheskoy pamyati sovremennoy rossiyskoy molodezhi [The role of cultural volunteering in the formation of the historical memory of the contemporary Russian youth]. *News of the Higher Educational Institutions. North Caucasian Region. Social Sciences*, no 4, pp. 102–106.
- Romanova A. G. (2021) Sravnitel'nyy analiz volonterskih proektov po sokhraneniyu istoricheskikh znaniy i ob'ektov kulturnogo naslediya [Comparative analysis of volunteer projects for the preservation of historical knowledge and objects of cultural heritage]. *Youth Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, no 1, pp. 117–120.
- Romanova Yu. A., Malina V. V. (2020) Sovremennoe sostoyaniye selskogo turizma v Rossiyskoy Federatsii [Current state of rural tourism in the Russian Federation]. *Contemporary Research*, no 6, pp. 25–28.
- Shevlyagin A. A. (2020) Muzeynoe volonterstvo kak mekhanizm kulturnoy inkluzii [Museum volunteering as a mechanism of cultural inclusion]. *Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, no 3, pp. 119–124.
- Sinetsky S. V. (2006) Evolyutsiya dobrovol'chestva: istoriya stanovleniya novoy sotsialnoy paradigmy [Evolution of volunteering: History of the new social paradigm]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, no 17, pp. 104–107.
- Tropina D. V. (2022) Problemy pravovogo regulirovaniya selskogo turizma v kontekste ustoychivogo razvitiya selskih territoriy [Issues of the legal regulation of rural tourism in the context of the sustainable rural development]. *Agriculture*, no 2, pp. 42–51.
- Vasilkovskaya M. I., Ponomarev V. D. (2020) "Volontery kultury" Rossiyskoy Federatsii kak obshchestvennoye dvizheniye i sotsialnyy institut [Russia's Volunteers of Culture as a social movement and a social institution]. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no 6, pp. 114–120.
- Vasilkovskaya M. I., Ponomarev V. D. (2017) Sotsialno-kulturnoye tvorchestvo uchastnikov molodezhnykh ob`edineniy v formirovaniy instituta volonterstva [Social-cultural creativity of the youth associations' participants in the development of institutional volunteering]. Kemerovo: KemGIK.
- Zinovieva Yu. V. (2021) Muzeynoe volonterstvo v strukture dobrovol'chestva v sfere kultury [Museum volunteering in the structure of volunteering in the field of culture]. *Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, no 4, pp. 39–44.

«Наша стратегия строилась по принципу: что выгодно, то и надо делать»¹

Е. К. Михеев, А. М. Никулин, О. П. Фадеева

Евгений Константинович Михеев, доктор экономики и менеджмента, генеральный директор агрохолдинга «Нива-Михеев и Компания». 607451 Нижегородская область, Бутурлинский район, с. Валгусы, ул. Огородная. E-mail: agrokholding@bk.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 119571 Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, заведующая отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. 630090 Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17. E-mail: fadееva_ol@mail.ru

Аннотация. В интервью Е. К. Михеева, доктора экономики и менеджмента, генерального директора агрохолдинга «Нива-Михеев и Компания», заслуженного работника сельского хозяйства Российской Федерации, почетного гражданина Нижегородской области и Бутурлинского района, записанном социологами А. М. Никулиным и О. П. Фадеевой в августе 2023 года, раскрывается жизненный путь выходца из крестьянской колхозной семьи в мир современной аграрной науки, политики и бизнеса. Особое внимание уделяется обсуждению хозяйственной философии агроменеджера Михеева, логике принятия им решений на этапах колхозной жизни СССР, постсоветских времен становления рыночной экономики 1990-х годов, характеристике положения дел в его хозяйстве, аграрной экономике и сельском развитии Нижегородской области и всей сельской России.

В центре интервью находятся вопросы рационального выбора принимаемых и реализуемых экономических решений в специфических условиях трансформации национальной и местной институциональной среды.

Ключевые слова: агрохолдинг, колхоз, перестройка, Россия, США, аграрная стратегия, нижегородские реформы, прибыль

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-212-234

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Евгений Константинович, расскажите, пожалуйста, о себе и о своем хозяйстве.

Е. К. МИХЕЕВ: Скажу коротко: занимаюсь сельским хозяйством давно, у меня только рабочий стаж 55 лет. Я в сельском хо-

1. Материал подготовлен благодаря финансовому участию Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». Проект № 2022 007 «Ветеринарный контроль и безопасность еды в условиях цифровизации».

зьяйстве Бутурлинского района работаю всю жизнь. Отсюда в институт поступил, после армии сюда же пришел. Работал на разных должностях. А с 23 лет — председателем колхоза. Застал время «крепостного права», когда в колхозах не выдавали паспорта.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Давайте все же более подробно поговорим о фактах Вашей биографии, жизненном пути — и начнем с детства.

Е. К. МИХЕЕВ: Мать меня родила дома, на печке, 23 декабря 1948 года. Зарегистрировала 1 января, потому что боялись: в армию заберут на год раньше. Я в семье пятый. Еще было две сестры и два брата, родилось всего семь детей, но двое умерли. Мать меня в сорок один год родила, в Бутурлино. Помню, в детстве, как много дыр было в крыше, в дождь ставили посуду, чтобы собирать воду.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: В общем, мама вас следующим годом специально записала?

Е. К. МИХЕЕВ: Да, тогда все боялись войны, призыва... в семье были погибшие на войне, конечно. Отец был и плотник, и столяр. Когда мне было лет 8–9, построили новый дом 4 на 7 метров. Крыша была уже из шифера. Одна комната — 4х4 — и передняя, и спальня, и все что угодно. Вторая — 3х4, это и кухня, и столовая. Колхозный дом такой. Когда старшие братья и сестры разъехались, родители умудрялись еще и квартирантов пускать.

Помню, что козу держали. Питались ее молоком, кашу варили. Мои обязанности были козе траву косить: косил с неугодиц, в мешках приносил. Наверное, куры были. Помню, что в буфете продавали кусочек хлеба, намазанный повидлом. Без повидла стоил 3 копейки, с повидлом — 5, и иногда денег на повидло не хватало. В общем, досыта не ели.

Учился я до 5-го класса как мог, а потом стал отличником. Не было случая, чтобы я какую задачу не решил. По физике тоже хорошо соображал... Сельхозинститут окончил с отличием.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Какой институт?

Е. К. МИХЕЕВ: Горьковский сельскохозяйственный. Здесь меня судьба столкнула с очень умным и талантливым человеком — Владимиром Ивановичем Широковым. Владимир Иванович ранее шесть лет был ректором Нижегородского (а в то время Горьковского) государственного университета имени Николая Ивановича Лобачевского, работал в группе с Курчатовым, всю войну работал в оборонной промышленности и, выйдя на заслуженный отдых, руководил кафедрой физики в сельхозинституте. Под его началом для кафедры было закуплено современное оборудование: спектрографы, микрофотометры, которые определяли концентрацию микроэлементов. Это было перспективное направление в науке. Был объявлен конкурс среди студентов на должность лаборанта для работы на этом оборудовании: исследовать почвенные вытяжки, изучать образцы биологических тканей. Из десяти человек, за-

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по прин-
ципу: что выгодно,
то и надо делать»

явленных на конкурс, выбрали меня. Я в физике очень хорошо разбирался, до сих пор помню все атомные веса химических элементов. На экзамене я Владимиру Ивановичу сказал, что золото можно очень тонко раскатать, ведь это самый пластичный металл, неслучайно Столетов делал свою решетку из золотой фольги, которая экранизировала. Владимир Иванович отметил мою эрудицию, задал еще вопросы. Так он меня и принял на должность лаборанта. Изучив специальную литературу, я получил допуск к оборудованию, на котором потом много работал.

Общение с Владимиром Ивановичем мне многое дало. Я бы назвал это «путевкой в жизнь». Вспоминаю мою первую поездку на научную конференцию в Кострому. Он меня готовил: предложил выучить доклад наизусть, потом составить план доклада и тоже его выучить, а уже потом доложить своими словами. Так я учился говорить не по написанному. И с тех пор я ни разу не читал с листка ни одного доклада. Когда я выступаю, не пользуюсь шпаргалкой или черновиками. В 1995 году, выступая в Гарварде с докладом, я тоже рассказывал, а не читал. Докторскую защищал — тоже докладывал не по написанному. Только время по часам контролировал.

Институт я окончил с отличием, но из-за бедности в аспирантуру не пошел, надо было работать. На кандидатский минимум было не прожить, а подрабатывать нельзя, пришлось из науки уходить.

Широков, как мой научный руководитель, меня благословил: езжай, поднимай деревню, отметив, что «среди дураков легче быть умным». Он имел в виду, что в деревне работают менее грамотные кадры. Самое сложное в производстве: увидеть руководителя, подобрать управленца, того, кто умеет думать, решать, предвидеть, особенно во времена партийной диктатуры. Вот вам ответ — почему одни колхозы у нас процветают, а другие — нищенствуют.

Первая моя должность на селе — главный зоотехник довольно большого колхоза — 960 коров, 1500 телок и бычков. Работы хватало: 8 дойных табунов летом и 4 табуна телок, 50 доярок и 36 пастухов.

Я успел поработать зоотехником лишь год, и меня избрали депутатом, а затем назначили председателем соседнего колхоза. Мне было всего 23 года. В то время свежими кадрами затыкали все дыры, как на тонущем корабле.

Спустя 20 лет была такая же ситуация: Бориса Ефимовича Немцова назначили на должность губернатора Нижегородской области очень молодым, слабо подготовленным.

Вернемся в 1973 год. Колхоз, который я возглавил, был самый отстающий и бесперспективный. Кадров нет, техника вся изношена, дороги по деревне и до деревни от райцентра — грунтовые. В магазин раз в неделю завозили хлеб, еще в ассортименте: конфеты леденцы, папиросы «Север» и «Прибой», сигареты «Прима», просроченные пряники и сырки, еще была водка.

Специалистов нет, рабочих нет, даже молоко во флягах на машину погрузить некому. Приходилось выкручиваться: приходит электрик мясо выписать, я ему: иди, грузи молоко, тогда мясо выпишу. Посевная настанет: прислали на помощь человек 70 с Горьковского автозавода, у которого наш колхоз был подшефным. Их надо разместить, кормить, а они все выпивают. Кроме человеческого фактора, и «сюрпризы» природы. Нам сеять — а снег пошел. В мае! Вот так и сеяли, и урожай был по 7–8 центнеров с гектара. Дисциплины никакой, пьянство на пьянстве. Тракторист мог на тракторе съездить к кому-то за бутылкой самогонки. Доярки тоже пили. Дорог не было. Из персонального транспорта был ГАЗ-69, который для одной поездки надо было четыре дня в неделю ремонтировать. Так я пешком ходил из этого колхоза километров семь в райцентр, на совещания в Арзамас (центральный город в нашей зоне, в ста километрах) ездил на электричке. Жильё — первобытное. Какой-то щитовой домик, который наполовину врос в землю, три или четыре печки там, надо топить, а дров нет, их надо в лесу заготавливать.

Как питаться? — тоже не поймешь: газа нет, топи печку и на углях готовь. Жена у меня беременная уже была, ее библиотекарем поставили. Она сказала, что уезжает и больше не приедет сюда — библиотека есть, а читателей нет. И еще запомнилось: пришел ко мне пастух с ружьем, я подумал, он меня убить хочет. А он оставляет мне ружье, патронташ и говорит: «Вот, это твое. Дай паспорт». Конечно, отдал ему паспорт.

Вот такие печальные эпизоды. Я в райком за советом, работать невозможно; они мне: «Мы тебя в партию не примем!» Я: «А я и не пойду!» Я тогда видел один-единственный выход: поступить во Всесоюзный заочный юридический институт, уйти в милицию работать, а в колхозе больше не появляться.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Получается, что Вы нашли другой выход из той ситуации?

Е. К. МИХЕЕВ: Я в силу своего характера не мог работать, не видя перспективы, не имея рычагов воздействия на ситуацию. А их не было, дороги нет, машины нет, кадров, специалистов — нет. Я прошу о жилье: «Включите мне в план по жилью хотя бы на четыре квартиры!» А мне: «Нет, сейчас важнее телефонизация! МТС будем у вас строить!» Безнадега какая-то.

Но из этого колхоза я все-таки ушел и возглавил межхозяйственное Племяобъединение. Перспективное по тем временам направление. В нем я начал заниматься племенной работой крупного рогатого скота, и все хозяйства района перевел на искусственное осеменение. Это было революционное по тем временам решение. Была проделана большая работа. Мы применили маршрутно-кольцевой метод — у меня и сейчас с воспроизводством стада проблем нет, все хорошо поставлено. По этому нововведению провели областную семинар, на котором я поделился опытом. Был первый се-

Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева
«Наша стратегия
строилась по прин-
ципу: что выгодно,
то и надо делать»

кретарь и председатель облисполкома, и всем первым секретарям райисполкомов области «сверху» рекомендовали следовать моему примеру, потому что это перспектива улучшения стада и надо делать, как сделано у меня. Но не только в нашей области, меня и в Москве признавали! Я выступал на ВДНХ с докладом «Как организовать межхозяйственное племобъединение».

И вот меня как хорошего организатора в 1985 году назначили директором откормочного совхоза. В те времена это делалось просто: заседание бюро райкома партии — и ты уже на другом месте, в другой должности. Откормсовхоз — это специализированное хозяйство по откорму скота, государственное. Деньги были, но материальных ресурсов не было. Гроб, извините, не из чего было сделать. Из горбыля делали. Ни кирпича, ни куля цемента, ни гвоздя. Все рушилось. Туалета не было! И я начал с укрепления материальной базы. Все, что построено в селе Валгусы: школа, Дом культуры, многоквартирные дома — построено на деньги совхоза. Газифицировали каждый дом, построили газовую котельную с центральным водоснабжением.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Как тогда выделялись на «социалку» средства?

Е. К. МИХЕЕВ: Да кто выделял? Строили за счет предприятия. Не поверите — строительства школы мне удалось добиться через областные структуры. Была такая система «Мясопром», она еще не развалилась. Там толковый руководитель работала Татьяна Егоровна Папанова. Мы добились решения построить эту школу за счет собственных финансов и ресурсов. Мы ее тоже хозспособом построили. И полы красивые, лестницы мраморные. Школу начали строить в 1991-м году, сдали в 1995-м². В кризисные годы строили. Начали при СССР, а закончили уже в России.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А что значит «хозспособом»?

Е. К. МИХЕЕВ: Я сам доставал материалы, нанимал людей, не прибегая к помощи подрядных организаций, которые могли сляпать «из собственных ресурсов», но очень низкого качества.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Как Вы восприняли начало 1990-х?

Е. К. МИХЕЕВ: Так и восприняли: что надо пережить эти жизненные обстоятельства. Были молодые, глядели в будущее с оптимизмом.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: 1993 год, реформа Немцова, в Нижегородскую область и к Вам в хозяйство приезжают американец-консультант Алан Бигман, а также Наталья Шагайда и Василий Узун. Почему Вы настороженно отнеслись к тому, что они предлагали?

Е. К. МИХЕЕВ: Они слишком многие вещи регламентировали, говорили, что «будет так». Я считал, что так неправильно, я так

2. В настоящее время в здании школы располагается детский сад.

делать не буду, это не российский формат. Из-за того, что я имел и отстаивал свою точку зрения, они меня исключили из группы, которая должна была ехать на стажировку в США. Тогда я пошел к министру сельского хозяйства области Борису Васильевичу Сметову. Он сказал: «Тогда вообще никакая группа не поедет! Михеев должен быть!» Меня уважали в области: включили в группу и за день все визы и прочие документы оформили.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Иными словами, у Вас были высокие показатели, совхоз был на хорошем счету? Вот у Вас ведь есть награды и 1990-х годов, и за более позднее время — все говорит о том, что Вы крепкий руководитель. Так Вы в результате поехали в США? Какое впечатление на Вас произвели Соединенные Штаты? Вы были в Гарварде?

Е. К. МИХЕЕВ: Я несколько раз был в США и Канаде, и это все были рабочие поездки. В то время, в 90-е годы, у них производительность труда в сельхозпроизводстве была в 5-7 раз, а иногда в 10 раз выше, чем у нас. И все это благодаря технологиям, технике и частной форме собственности. Все это меня интересовало и удивляло. Ведь у нас кроме огорода шесть соток в собственности ничего не было.

Особенно впечатлило, что везде частная собственность. Оснащенность. Дороги. Обслуживание. Даже автобус нашей делегации: водитель выходит первым, табуреточку такую ставит, чтобы мы не споткнулись. Автобус чистый. Дороги чистые. Он нас возил 18 дней от Миннесоты и до Калифорнии. Открывает моторный отсек — там чисто! Водитель опрятный. Сотовый телефон работает из автобуса. Принесли нам на обед две корзины кур, термосы, хлеб. Прямо на трассе позвонили и нам доставили в определенное место. Даже в сельской гостинице — бассейн, джакузи. В номер можешь войти со двора или через ресепшн. Мы захали, выпили — водки было достаточно — и в джакузи! Песни петь.

И впечатлил технический прогресс. Нет ни одного места, чтобы там чего-то не росло — это в Калифорнии. В Миннесоте — хлеба, урожай, сено... Конечно, климат там другой. Мы были на ранчо у губернатора. Речка там, в речке — раки. Удочку дают — лови. В общем, все организовано. Захотел белого вина, подходишь к официанту — он вынимает бутылку изо льда, наливает. Захотел пива — пожалуйста. Ходили с этими «липучками» (бейджами), чтобы общаться можно было.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: В России уже в 1990-е годы Вы были уважаемым человеком, состояли в клубе элитных аграриев. Расскажите, пожалуйста, о встречах с Немцовым.

Е. К. МИХЕЕВ: Немцов как успешный руководитель региона задумал создать пилотную группу из сельхозтоваропроизводителей для последующей реформы. Начали рассматривать соответствующие колхозы, совхозы. Немцов лично разговаривал с руководителями предприятий, присматривался к ним и их хозяйствам.

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по принципу: что выгодно,
то и надо делать»

По результатам встреч выбор пал на меня и мое хозяйство. Сначала первый аукцион, потом второй. Борис Ефимович почти сразу разглядел во мне лидера: отметил, как я держался, общался с ним и его окружением. Как говорил мой отец: «Сову видно по полету, добра молодца — по соплям». Уже потом ко мне приезжали два министра, в том числе министр сельского хозяйства России Хлыстун, была делегация из Московской области — директора совхозов. Как когда-то Ленин говорил: «Как нам реорганизовать Рабкрин», вот так и мы обсуждали, как лучше провести реформу, что это даст в будущем хозяйству. Перемены были нужны во всем, как воздух.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Не успели Вы у себя провести реорганизацию, а к Вам уже стали приезжать делегации?

Е. К. МИХЕЕВ: Да, но были и противники. Наша организационно-правовая форма — товарищество — давала возможность управлять: все имеют пай, а управляют только действительные члены. Но зачастую группа людей не может эффективно управлять ввиду того, что очень сложно договориться. И вот эти «действительные члены» начали «дербанить» хозяйство: один работать не хочет, другой — не может, третий тащит... Короче говоря, правление осталось, как в самом захудалом колхозе.

Доходило до того, что я не позволял им работать спустя рукава и воровать, а они сговорились с главой администрации района и пытались меня выгнать. Так что «административные жернова» по мне прокатились не один раз. Было даже собрание, из райисполкома прислали рекомендацию Михеева уволить... Но юридически у меня все было правильно сделано, не подкопаешься. И, в конце концов, власть перешла в одни мои руки, управлять стало легче. Способность к управлению есть у очень немногих. А этих «действительных членов» я повыгонял. И коллектив товарищества меня поддерживал.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Народ чувствует талант руководителя. И за ним идет.

Е. К. МИХЕЕВ: Они видели реальные перемены как в целом в хозяйстве, так и в жизни каждого из них. В каждый дом мы провели газ бесплатно! Не только подвели газовую трубу к дому, но и установили газовое оборудование: дымоходы, вентиляционные каналы и другое. Когда строили котельные, я лично во всем участвовал. Ездил в Санкт-Петербург на завод по производству оборудования для газовых котельных, потом в Казани на военном заводе покупал автоматику для газовых котельных. Для того, чтобы достать котлы я летал в Братск с тремя пересадками.

Кроме того, в начале 90-х, как мы помним, царила эпоха бартера. Мы в своем хозяйстве перерабатывали выращенную пшеницу в муку, муку отправляли в Ярославль, оттуда везли резину для Бутурлинской «Сельхозтехники». «Сельхозтехника», в свою очередь, давала нашему хозяйству погрузчики для кормов, а их мы обмени-

вали в других хозяйствах на скот. Из скота делали колбасу, а продав ее, получали «живые деньги». Вот такой товарооборот. Денег не было. «Немцовки» были.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Газ когда сюда провели?

Е. К. МИХЕЕВ: В 1991–1992 годах.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А единоличным хозяином когда стали?

Е. К. МИХЕЕВ: Году в 1995-м.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Получается, здесь был совхоз, который в результате реформы стал «товариществом на вере». В «товариществе» какая стала форма хозяйствования?

Е. К. МИХЕЕВ: Коммандитное товарищество.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Да, была такая форма. Сейчас у вашего предприятия такое пышное название «Мини-агрохолдинг»! Эффектно.

Е. К. МИХЕЕВ: Сын придумал. Самое главное — наша экономическая эффективность: мы получаем прибыли около 300 млн рублей в год, при этом очень много инвестируем в производство. В настоящее время заканчиваем строить животноводческий комплекс на 1040 голов дойного стада беспривязного содержания стоимостью в один миллиард рублей, и что характерно: не используем заемных и кредитных средств. Работаем на будущее, развиваемся. В планах на 2025–2026 год строительство третьего животноводческого комплекса. В перспективе, к 2027 году мы будем производить более 100 тонн молока в сутки.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Просто не верится! Получается, к середине 1990-х годов Вы стали единоличным хозяином и руководителем. Как можно было бы описать Вашу стратегию развития хозяйства и производства, Вашу философию управления?

Е. К. МИХЕЕВ: Наша стратегия строилась по принципу «что выгодно, то и надо делать». Меня всегда интересовала экономическая составляющая производства. Например, я видел, что показатели у соседнего совхоза идут вверх, прибыль больше, чем у меня. В чем дело? Это было хозяйство по разведению норок, рентабельность была высокая. Я тоже стал норковое хозяйство строить. Тогда везде было фондированное распределение: субпродукты, рыба и все, чем кормили норку, по фондам стоили копейки. И тут рыночная реформа всех настигла. А с приходом рынка цены на корма в 10 раз подпрыгнули. Я еще не успел завести норок, только клетки построил, сделал кормокухню и думаю: проедуся по норковым хозяйствам. В Московскую область съездил, три хозяйства объехал, они говорят: «Мы разоряемся, все продаем. Кормов нет, «зеленые» давят, меха не дают носить...» Я приезжаю, строительство идет к концу, и, не тратя даром времени, норковую ферму стали реконструировать в мясокомбинат. Сейчас там расположен завод по производству колбас и полуфабрикатов. Сначала купили старое оборудование комбината в Дзержинске.

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия строилась по принципу: что выгодно, то и надо делать»

Я входил в систему «Мясопром», сдавал много скота, часть платы за продукцию шла бартером — акциями Дзержинского мясокомбината. Впоследствии эти акции я отдал директору этого мясокомбината в обмен на разрешение пользоваться их технологией производства колбасных изделий, обучить сотрудников. И пошло. Через два месяца уже колбаса своя была. Это было экономически очень выгодно.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Ну да, раньше и вплоть до конца 1990-х достаток семьи определялся возможностью каждый день есть колбасу.

Е. К. МИХЕЕВ: Ну, потом это все сменилось, конечно. У нас работала и мельница, затем мы стали хлеб выпекать. Торговля давала большую прибыль, поэтому я ее развивал. Мы создали сеть розничных магазинов в селах нашего района, где реализовывали хлебобулочную, колбасную продукцию и другие продукты и товары. Доходило до 30 торговых точек в поселке, селах и деревнях, было несколько и в области. Сейчас торговля почти ничего не дает, а производство дает прибыль, поэтому на протяжении 20-ти лет я вкладываюсь в сельскохозяйственное производство. В начале 2000-х я покупал скот в колхозах, где были коровы, но не было кормов. Кадров было мало, доярок можно было по пальцам сосчитать. Вот из этого «лепили» сельское хозяйство. Мы реконструировали дворы, приобретали оборудование, начали развивать кормопроизводство: траншеи для кормов сделали, купили зерно- и кормоуборочную технику.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Легко у Вас по рассказам выходит. А в реальности...

Е. К. МИХЕЕВ: Конечно, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Но все не пересказать, с какими трудностями я столкнулся..., да и вся страна тоже.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Что можете сказать про отношения с разными людьми? С кем у Вас были встречи, конфликты? Были ли дискуссии с политиками, с учеными?

Е. К. МИХЕЕВ: Область меня поддерживала, им нужны были люди, на которых можно было равняться, которые делали бы матрицы современного производства. А местные все завидовали: «У Михеева вон как дела идут!» И подножки на каждом шагу ставили. Все старались прицепиться к моему «пирог». Советская власть, которая была раньше, никуда не ушла, она старалась выкручивать руки наиболее успешным людям, у кого есть чего взять. А на селе таких немного.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: В Бутурлинском районе Ваше хозяйство единственное такое крупное? Есть у вас конкуренты, которых можно сопоставить по аграрной мощи, по уровню эффективности экономического развития?

Е. К. МИХЕЕВ: Район на сегодняшний день производит валовой продукции на 2,5 миллиарда рублей. Мы производим 65% всей

валовой продукции сельского хозяйства района. Основная доля налоговых поступлений в бюджеты всех уровней также приходится на наш агрохолдинг.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Ваше предприятие — агрохолдинг, но агрохолдинг, «проросший снизу». А в 2000-е годы и позже стали возникать гигантские агрохолдинги, финансовые группы, финансовые корпорации в связке с правительством, которые создавали «Мираторги», «Эконивы», «Русагро» и т.д. Не было ли такого, что кто-то вас хотел поглотить?

Е. К. МИХЕЕВ: Понимаете, это не такой уж и лакомый кусок. Земли у нас расположены не единым массивом. Одно отделение, где сейчас строим комплекс, находится в 37 километрах от райцентра, второе — в противоположной стороне, за 35 км от Бутурлино, а до третьего — 22 километра в другом направлении. У нас в области нет подобных предприятий. Напомню, что у нас зона рискованного земледелия. Свой хлеб добываем трудом и смекалкой, деньги с неба не падают.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: «Крупняки» всю уже работают в Липецкой, в Тамбовской областях.

Е. К. МИХЕЕВ: Это уже юг, черноземы, у нас земли от них отличаются. И управлять этим довольно сложно. Хорошо, что я создал команду из настоящих профессионалов.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Мы убедились в высокой квалификации Ваших помощников. Они моментально могут охарактеризовать ситуацию, все цифры помнят. Подбор кадров имеет важное значение.

Е. К. МИХЕЕВ: Да, знающих людей надо найти, оценить, удерживать и сделать своими соратниками.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А что это за история с вашим докторским дипломом? Диплом 2004 года, выдан Вольным экономическим обществом.

Е. К. МИХЕЕВ: Ну, во-первых, я в 2004 году по Нижегородской области занял первое место в конкурсе «Менеджер года», благодаря тому что первый создал такую структуру, как «холдинг» — по принципу доставки продукции от поля до прилавка. Конкурс организовало Вольное экономическое общество, а оно, в свою очередь, находится под патронажем Совета Федерации РФ. Руководству Вольного экономического общества понравилась тема создания и организации холдинга. Я изложил ее, написал диссертацию. И защитил. Защита проходила в Москве, в Международной Академии менеджмента. На защите присутствовал академик РАН, доктор экономических наук, в прошлом заместитель председателя Совета министров СССР Леонид Абалкин, мне задавал вопросы первый мэр Москвы, доктор экономических наук, профессор, член РАЕН Гавриил Попов.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Тяжеловесы науки и политики.

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по прин-
ципу: что выгодно,
то и надо делать»

Е. К. МИХЕЕВ: Я не доктор из вуза, который преподает, я владею экономикой не в теории, а на практике, и управляю хозяйством научными методами. Мой опыт и интуиция мне всегда подсказывают, в какую отрасль сельского хозяйства лучше инвестировать средства, на какое направление сделать ставку в тот или иной период времени. А то, что наш холдинг с 2018 года не пользуется заемными и кредитными средствами, но при этом инвестирует ежегодно более 200 миллионов рублей в производство, говорит само за себя.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Вы можете, с точки зрения управленца-руководителя, охарактеризовать «управленческие стили» и сказать, чем Ваш стиль отличается от стилей других?

Е. К. МИХЕЕВ: Главное отличие моего стиля — в конечном экономическом результате. У нас многие работают «на зрителя», а мы — на рентабельность. В нашей зоне рискованного земледелия мы реально получаем по 50 центнеров зерновых с гектара.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Это с ваших земель? Здорово! Да еще с вашими фантастическими урожаями!

Е. К. МИХЕЕВ: Да, надой за 2023 год на одну фуражную корову составил 12,5 тонн молока и продолжает расти. К слову, я раньше был депутатом Земского Собрания Бутурлинского района, но понял, что это отвлекает меня от основной деятельности. Среди же других руководителей хозяйств есть депутаты. Я считаю, это одна из причин неэффективного управления сельхозпредприятием.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Считается, что это некий административный ресурс для развития хозяйства депутата-руководителя.

Е. К. МИХЕЕВ: Административный ресурс — это временно, а правильно выстроенная экономика — это фундамент надолго. Время, затраченное на депутатскую деятельность, съедает твои ресурсы. Я заработаю в три раза больше, чем если бы я воспользовался этим административным ресурсом. К тому же, этот ресурс очень относительный.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: В нашем государстве есть случаи, когда предприниматель всячески старается быть ближе к власти, к административному ресурсу. В этом отношении Вы исключение, Вы показываете, что лучше заниматься «классическим» частным бизнесом.

Е. К. МИХЕЕВ: Мне по своей натуре не нравится что-то просить. Мой принцип «Хочешь сделать хорошо — сделай сам». Я считаю, что любые деньги со стороны (заемные, а тем более, бюджетные ресурсы) надо использовать вдумчиво, а эффективность заработанных производством денег всегда выше любых бюджетных субсидий, дотаций.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Если обобщить то, что Вы сказали: куда движется ваше предприятие, какие проблемы Вы хотели бы еще решить?

Е. К. МИХЕЕВ: Первоочередная проблема, я считаю, которую хотелось бы решить, — это дороги местного и областного значения.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Там, где мы ехали, очень хорошие дороги.

Е. К. МИХЕЕВ: Вы ехали по трассе. А дороги в самих селах и между селами практически отсутствуют. На 80% они либо нуждаются в капитальном ремонте, либо требуется новое строительство.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А кто эти дороги должен строить? В рамках каких программ?

Е. К. МИХЕЕВ: Это очень запутанно. Вот эта дорога областного значения, эта — муниципальная. В каком-то селе дорогу и не надо бы строить: жителей мало, школы, производства нет, но ее строят по какой-то программе. А в другом селе есть и школа, и развивается производство, но подходящей программы для строительства или ремонта дорог нет. Государству, если оно решило заниматься развитием села, нужно строить дороги. Если будут дороги, то медицина не проблема, машины есть. Сделали медцентр, обеспечили его специалистами. Проще иметь 10 качественных сельских больниц на область, оснащенных оборудованием и укомплектованных специалистами; чем 50, где нет ни врачей, ни оборудования. То же самое и с образованием на селе. Я считаю, что первое, что нужно сделать для развития сельской местности, — это качественные дороги. Будут дороги — бизнес пойдет, и люди будут приближены к социальной инфраструктуре. Во всем мире 50-70 км — это не расстояние, а у нас и 20 км — это расстояние...

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Как Вы считаете, что эффективнее: крупное или мелкое аграрное производство? Будет ли продолжаться процесс концентрации крупного аграрного бизнеса? И если да, то какие шансы остаются у фермеров?

Е. К. МИХЕЕВ: До разумных пределов нужно увеличивать масштабы. Самый разумный предел, на мой взгляд, — от 2,5 до 5-6 тысяч гектаров. Тогда и широкозахватную технику можно использовать, и севооборот наладить. Специалистов тогда можно иметь. Нельзя же на 100 га иметь агронома.

Гигантомания не есть хорошо, особенно в России, потому что это вопрос управления в разных областях, районах. Я часто встречаюсь с владельцами и директорами крупных сельхозпредприятий нашего региона. Зачастую многие являются собственниками сельхозпредприятий в разных районах области, а управляются они не как единое целое, а самостоятельно на местах. А должен быть один центр принятия решений и вертикаль управления. Должна быть единая база обеспечения жизнедеятельности предприятия, единые технологии в растениеводстве и животноводстве. Надо работать как единый механизм — скоординировано.

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по принципу:
что выгодно,
то и надо делать»

Возвращаясь к размеру хозяйства, а точнее, к его оптимизации. На нашем примере я вижу, что мог бы еще приобрести и обрабатывать земли, но зачем она мне? Нужно развиваться вглубь, интенсивно, поднимать производительность, управляемость хозяйства.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Давайте подробнее поговорим именно о вашем «мини-агрохолдинге».

Е. К. МИХЕЕВ: Сейчас мы имеем небольшой агрохолдинг, который занимается производством молока, мяса, зерна, реализацией и переработкой произведённого. У нас работают 650 человек, около 1,5 млрд рублей валовый доход, ежегодные инвестиции в развитие и модернизацию производства — 250 миллионов рублей. Я это называю «самоинвестированием». На сегодняшний день мы не имеем ни займов, ни кредитов, а наоборот, держим определенную сумму в качестве «золотого запаса» на депозите.

Стараемся идти в ногу с передовыми технологиями. Мы применяем прямой сев без обработки почвы (no-till). Нигде в области подобная технология не прививается, а мы работаем с 2010 года. У нас ни плугов, ни дискаторов, ни других обрабатывающих орудий нет. Есть сеялки, опрыскиватели и комбайны, сушилки на складах и токах, сортировки для производства семян. По урожайности в нашей зоне мы в числе первых. В 2023 году урожайность зерновых у нас составила более 50 центнеров с гектара в весе после доработки.

Севооборот такой: пшеницу в основном производим на продажу, сеем ячмень на корм скоту, рапс — на масло и жмых, в 2023 году продали 1024 тонны рапсового масла, а 2000 тонн жмыха пошли на корм КРС. Переработку рапса осуществляем сами. Опытным путем доказано, что рядом с растениеводством надо всегда иметь животноводство, они дополняют друг друга и увеличивают рентабельность производства. А если вкупе с растениеводством и животноводством еще и переработка соседствует с торговлей, то это еще эффективнее и прибыльнее.

Мы производим каждый день больше 70 тонн молока. К концу третьего квартала 2024 года мы запустим молочный комплекс на 1040 голов дойного стада, а к концу 2024 года введем в эксплуатацию пять телятников для ремонтного молодняка общей вместимостью 1300 голов. Производство молока к концу 2024 года доведем до 80 тонн.

Я считаю, что оценка хозяйственной деятельности предприятия должна осуществляться по четырем параметрам. Это валовой доход; прибыль; рентабельность; инвестиции: сколько в процентах они составляют по отношению к полученной прибыли. Для того чтобы «быть в тренде», 80% полученной прибыли надо направлять на инвестиции, а не проедать ее. И мы так делаем уже давно, и сейчас можем себе позволить немного снизить эту долю. На сегодняшний день по эффективности экономики мы являемся

первым хозяйством в области. Не вижу, чтобы кто-то был нам конкурентом. Хотя по объему есть такие, кто нас больше, но по технической оснащенности мы тоже на первом месте. С учетом повсеместного кадрового голода, очень важную роль имеет размер заработной платы, она должна быть выше на 15-20% средней по отрасли. Кадры должны быть самыми квалифицированными, а дисциплина — на высоте.

У нас 10 тысяч гектаров пашни, уборочная площадь зерновых составляет около 6 тысяч гектаров. С рапсом, кукурузой и однолетними травами получается 9,3–9,4 тысяч гектаров.

Мы стали применять сексированное семя не только на телках, но и на коровах, то есть практически перешли на него полностью: более 90% коров и телок оплодотворяется сексированным семенем. И результат не заставил себя ждать. Новый комплекс мы заполняем собственными нетелями. За последние 10 лет мы не купили ни одной нетели, все обновление шло за счет собственного скрещивания. Вальной надой на вновь пущенном комплексе составляет 33 тонны молока, 44 литра — на дойную корову и 38,5 литров — на фуражную. В дальнейшем будем излишки нетелей реализовывать в другие хозяйства. Спрос есть и не маленький. При правильной постановке дела это направление обещает хорошую прибыль.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Какие новинки сейчас на вашем производстве?

Е. К. МИХЕЕВ: Что касается наших новинок — мы получаем на 100 телят 92 телки. Такого результата в России нет ни у кого. Работаем с сексированным семенем. Вот сводка на 25 июня 2024 года: с начала 2024 года всего получено 1160 телят, в том числе 1064 телки, поэтому у нас есть перспектива закрыть потребности нового комплекса скотом, ничего не покупая. А в дальнейшем заняться продажей нетелей, потому что это самое рентабельное, что есть в животноводстве, — на уровне 60%, поскольку телок не хватает.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: У вас есть статус племенного хозяйства? На какую породу?

Е. К. МИХЕЕВ: Да, мы являемся племенным хозяйством по разведению коров голштинской породы.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Так вы не просто пережили 1990-е годы, но смогли еще и развиваться?

Е. К. МИХЕЕВ: Ну, всякое было... Мы выжили частично за счет переработки. Многие, кто занимался откормом, даже при наличии 10 тысяч гектаров сельхозугодий, все равно разорились. А мы мясо перерабатывали в колбасу, она тогда была символом благополучия. И из килограмма мяса получали 1,6 кг колбасы. Из «трешки» делали шесть рублей, мы очень хорошо тогда поднялись. Потом реконструировали помещение столовой в хлебозавод, стали выпекать и реализовывать хлеб, хлебобулочные и кондитер-

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по прин-
ципу: что выгодно,
то и надо делать»

ские изделия через свою розничную сеть. Продолжили развивать торговлю, у нас до 35 магазинов по области было. Сейчас количество магазинов уменьшилось, так как в сельскую местность пришли крупные сети «Пятерочки», «Магниты» и другие. С ними конкурировать невозможно. Хорошо, что мы в свое время сделали ставку на производство: растениеводство, животноводство и переработку продукции. Последние 10 лет очень активно занимаемся производством молока, продовольственной пшеницы, рапса. За 2023 год выручка животноводческой продукции в общей валовой выручке составляет более 70%. На мой взгляд, самое рентабельное на сегодняшний день — производство молока, хотя и самое трудозатратное.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Сейчас на молочном рынке все жалуются на низкие закупочные цены.

Е. К. МИХЕЕВ: Я изучал этот вопрос. Ну, мы посмотрели на себя — так, как мы работаем, мы можем жить и при этих ценах, запас прочности есть. Высокие надои, производительность высокая, кормовой базой занимаемся. У нас самая мощная техника, в том числе для производства кормов. Только кормоуборочных комбайнов «Ягуар» 4 штуки. Мы можем ежедневно заготавливать до 2 тысяч тонн сенажа. За 2023 год мы заготовили более 40 тысяч тонн сенажа из однолетних и многолетних трав.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: И погода не повлияла на темп заготовки?

Е. К. МИХЕЕВ: Самое главное в деле заготовки кормов — иметь профицит высокопроизводительной техники. Она как раз у нас и есть. И поэтому мы не так сильно зависим от погоды.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Какие у вас средние надои на фуражную корову?

Е. К. МИХЕЕВ: За 2023 год надои на одну фуражную корову составил 12,5 тысяч килограмм, а это на 5% больше, чем в предыдущем. Фиксируем жир, белок, смотрим, сколько в зачет в этом и в прошлом году молока пошло, сколько было/стало дойных коров, сколько телятам молока выпоили, какой был приплод. Считаю процент выхода телочек, надои на фуражную и дойную корову. Последнее время была жара, поэтому удои сократились. Так мы получаем 38,5 кг молока в день на дойную корову, а в Борнуковском отделении, на новом комплексе, — 42 килограмма.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Вы упоминали, что у вас коровы доятся 2–3 года всего?

Е. К. МИХЕЕВ: Количество лактаций у наших коров, в среднем, 2 года 8 месяцев.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Есть ли такой выбор: дать корове пожить дольше, но при этом она будет молока меньше давать?

Е. К. МИХЕЕВ: Есть такая дилемма. Европа и Америка идут по пути интенсивного использования животных. Корова — это,

собственно, станок. Как машина. Да, у нас есть коровы, которые живут дольше... Одна из них за свою жизнь дала 75 тонн молока. Конечно, мы ведем селекцию, стараемся. Что такое порода? Это животные, которые устойчиво передают потомству свои полезные признаки: надой, жир, белок, скорость молокоотдачи, конституцию, способность поедать корм и перерабатывать, т.е. речь идет о развитости рубца и работе пищеварительной системы. Но высокие надой изнашивают корову, можно ее держать 8 лет и надойти 7,5 тонны, это экстенсивный способ. Так, лет 15–20 назад в Канаде средняя урожайность пшеницы была 23 ц/га, это считалось нормальным. Но местные фермеры работали фактически без удобрений. Сейчас все равно взят курс на интенсификацию, т.к. в мире не хватает продовольствия. И это выгоднее, рентабельнее получается.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Можно услышать Вашу точку зрения о необходимости цифровизации и способах ее внедрения в сельское хозяйство?

Е. К. МИХЕЕВ: С одной стороны, у государства хорошая задумка, но есть один минус: все это ложится на плечи сельхозтоваропроизводителя. Для работы в информационных системах приходится выделять квалифицированного работника, и он не просто должен быть айти-специалистом, а еще или агрономом, или бухгалтером, а лучше — и тем, и другим одновременно, что почти нереально. Поэтому надо освободить человека от его основной работы и перенаправить только на эту деятельность.

Если до этого нам говорили по поводу отчетных показателей по растениеводству: «Можете вносить данные во ФГИС «Зерно» в любой момент», то с 2023 года правила изменились: надо данные об урожае вносить или каждый день, или не позднее пяти дней с момента окончания сбора той или иной культуры. В 2024 году добавится еще одна федеральная информационная система «Семеноводство». Иными словами, нагрузка на производителя увеличивается: и речь идет не просто о росте затрат на фонд оплаты труда, но и о проблемах дефицита квалифицированных кадров.

С 2023 года в программе «Сатурн» стало отражаться расходование средств защиты растений (СЗР) и удобрений, а именно их конкретный объем на каждом поле сельхозтоваропроизводителя. Для чего это надо? Если контролирующие органы хотят посмотреть, не было ли превышения применения пестицидов при выращивании ячменя, то аграрии могут отразить в системе нужное количество вещества. Контролеры же не придут на каждый участок и никогда это не проверят. Получается работа ради работы, и вот это страшно. Самое сложное — найти специалиста, который будет вести эти программы, предварительно его обучив. Он должен знать севооборот, какие культуры на разных полях сеются, какие средства защиты используются и т.д.

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по прин-
ципу: что выгодно,
то и надо делать»

Выпускники сельхозинститутов, которые к нам приходят, зачастую не владеют нужными знаниями и практическими навыками. Иногда, мне кажется, лучше бы они там не обучались! Легче с нуля их обучить. У нас работает один из лучших агрономов Нижегородской области — и по образованию он экономист. За 10 лет прошел путь от помощника агронома до главного агронома, получив высшее образование по специальности «Агрономия», и стал квалифицированным специалистом. Сейчас у него в подчинении пять агрономов.

Продолжим о цифровизации в животноводстве. Так как мы племхоззайство, мы и так ведем информационно-аналитическую систему «СЕЛЭКС» — Молочный скот. Внедряется новая программа в животноводстве «Хорриот», может, это и правильно, но тогда у нас в штате должна быть дополнительная единица — зоотехник или учетчик. Хотя несколько лет назад при внедрении информационной системы «Меркурий» отмечалось, что в ней будет учитываться продукция всей отрасли животноводства, в том числе идентификация и учет животных. Однако, внедряется программа «Хорриот», которая предназначена для идентификации и учета животных, а также фиксации сведений о проведенных с ними профилактических, лечебных и других ветеринарных мероприятий. И мы уже начинаем вешать на наш скот бирки, не обращая внимания на то, что средства на это нужны немалые: на каждую голову нужно по 2–3 бирки, а голов — 5 тысяч... Но вопрос в том, как это все будет работать и пересекаться с тем же «Меркурием».

Развиваются новые технологии, в том числе мониторинг состояния посевов сельскохозяйственных культур. Нам разработчики говорят, что квадрокоптеры будут летать над полями и считывать информацию, в какой стадии развития находятся наши посевы, а мы, анализируя это, будем понимать, где какое удобрение надо применить. Но проблема в том, что никогда не будет полного покрытия полей с помощью этой технологии, а также не хватит человеческого ресурса, чтобы своевременно обработать эту информацию. Когда агроном выезжает на поле, он отслеживает ситуацию в реальном времени и принимает решение о сроках проведения тех или иных работ. Ему это надо смотреть ежедневно, а то и по два раза за день (как например, с посевами рапса). Инвесторы, которые сейчас планируют вложиться в нашу отрасль, нередко думают, что если установят современную цифровую программу, то просто будут наблюдать, что там на ферме у них происходит. А с полями так вообще не работает. У нас все занесено в программу, но все равно специалистам приходится постоянно все отслеживать лично.

Ну, внесли мы удобрения. Вчера на совещании это как раз обсуждали: есть поле, там три зоны и посевы развиваются неравномерно. И агроном это все видит! И принимает решение, что вот тут мы

убираем, а тут подождем. А, например, рапс — это вообще самая сложная в наших условиях выращиваемая культура в плане обработки от вредителей. Чуть проглядишь вредителей — и все насмарку. Мы имеем право обрабатывать рапсовое поле только ранним утром, в другое время гибнет пчела.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А как вы с пчеловодами работаете?

Е. К. МИХЕЕВ: Юридически мы извещаем их о времени обработки полей. Нам выгодно, чтобы были пчелы, чтобы они опыляли наши посевы, поэтому мы заранее информируем пчеловодов о наших планах, даем объявления через районную газету о сроках, препаратах и методах их применения. В законе на это дается 3–5 дней, мы пишем заранее, недели за две, также указываем свой номер телефона. Мы с пчеловодами находим общий язык.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: В некоторых хозяйствах нам говорили, что им пчелы уже не нужны.

Е. К. МИХЕЕВ: Никогда с этим не соглашусь! Пчелы нужны, однозначно! Пчела все опыляет: злаки, рапс, кукурузу, клевер, люцерну. Как без пчел быть?

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Вы сейчас работаете с отечественными или с иностранными производителями техники и семян?

Е. К. МИХЕЕВ: Мы сейчас работаем с российскими производителями семян, решили своих поддерживать. Но пока они пребывают в стадии развития. Например, у Нижегородской сельхозакадемии, а сейчас она называется Нижегородский аграрно-технологический университет (НГАТУ) было подсобное хозяйство, были поля, на которых проводились опыты, студентов обучали... Сейчас все поля отдали под застройку!

Что касается сельскохозяйственной техники в растениеводстве, то она, в основном, у нас импортного производства. Мы считаем, она более надежная и производительная. За последние два года цена на сельхозтехнику любого производства поднялась в два раза! Ее в те-то годы не покупали, ее не хватало, а сейчас и вообще мало кто может себе это позволить. В 2022 году мы купили зерноуборочный комбайн производства «CLAAS» за 26 млн рублей, а в 2023 году он стоил уже за 48 миллионов. Мы каждый год обновляем комбайно-тракторный парк и покупаем технику. В 2022 году купили кормоуборочный комбайн, без которого не обойтись, за 38 млн рублей. А сейчас он уже стоит 67 миллионов! И как прикажете «технически оснащаться»? Эти проблемы надо решать на государственном уровне. А те машины, что наши заводы выпускают, они «сырые», есть сложности с запчастями, сервисом, много недостатков. Также есть сложности с маточным яйцом в птицеводстве. Но есть и положительные моменты. Например, отмечу, что усиленно развивается отечественная селекция семян кукурузы.

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по прин-
ципу: что выгодно,
то и надо делать»

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Вы упомянули студентов. К вам на практику приходят студенты аграрного университета?

Е. К. МИХЕЕВ: Приходят, но мало. Это же надо обозначить хозяйства в области, включить их в план программы, и в определенные периоды надо сделать так, чтобы студенты проходили практику — на наших тракторах, на наших фермах. Учить-то надо на чем-то. Профтехучилища зачастую учат студентов на древней технике. Система ПТУ в кризисе. Хотя некоторым и подняли статус — техникумами сделали, а иные даже институтами. В Книгинине (в 50 километрах от нас) — даже университет создали, но, к сожалению, ни одного специалиста оттуда за последние пять лет к нам не пришло! Есть дефицит кадров и проблемы с образованием и подготовкой кадров. И это надо освещать, а не молчать об этом.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Но это уже дело массмедиа.

Е. К. МИХЕЕВ: Мы считаем, что в прессе надо материалы публиковать и о хорошем, и о плохом. У нас много недостатков, а как с ними бороться, если мы не будем знать правду? Давайте все время всех хвалить?! А иногда что-то не так сделают — и как же это исправлять? Маяковский говорил, что «пресса — наши глаза и уши». И как же они могут слышать-видеть, если мы не будем показывать истинные вещи? Это же можно договориться до того, что наше сельское хозяйств купается в золоте. А ведь если разобраться, то сельское хозяйство недофинансировано процентов на 70!

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: На вашем предприятии есть проблема с кадрами?

Е. К. МИХЕЕВ: Она всегда есть! Конечно, мы платим зарплату процентов на 20 больше, чем другие, но все равно проблемы есть. С качеством кадров. Но они всегда были. Когда я в 23 года был председателем, было еще больше проблем с кадрами.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Но сейчас у вас техника заменяет людей.

Е. К. МИХЕЕВ: Дело идет к тому, что производительность растет: если раньше для каких-то работ мне надо было семь комбайнов, сейчас достаточно одного. И в животноводстве так же. В Инкино ежесуточный надой молока — 30 тонн, при этом работают всего шесть доярок. Получается, по пять тонн на доярку. А 20 лет назад, когда мы пришли туда, там доили по 200 литров в сутки. Как производительность поменялась! Кадров везде нет: врачей, учителей, специалистов в АПК. А нужны дороги, нужно, чтобы больницы с оборудованием были, чтобы была врачебная помощь. И другие параметры современной жизни. Скажем, электричество. Напряжение должно быть 220 вольт, а здесь то 180, то 250 вольт — вся электроника горит — насос и моторы, везде «стабилизаторы» стоят. Надо реально смотреть на вещи и их реально воспринимать. Кадрам нужна зарплата, жилье благоустроенное

и комфортное. Мы даем кредит на жилье своим рабочим, практически бесплатно.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Вы в государственных программах поддержки участвуете?

Е. К. МИХЕЕВ: В «социалке» по внутривладельческим дорогам — да. Если речь идет о строительстве животноводческого комплекса, то почему же не поучаствовать, ведь мы реально строим. И нам государство возмещает часть затрат.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Вы же говорите, что кадров на предприятии не хватает. Может, с помощью жилья, построенного с помощью программы развития сельских территорий, вы сможете привлечь работников?

Е. К. МИХЕЕВ: Одного жилья мало. Вопросы нужно решать комплексно. Школы на селе закрываются, детсады тоже, ввиду некомплектности — мало молодежи детородного возраста. Так что сельское население проживает в условиях, сильно отличающихся от условий в городе, не говоря уже о Москве. Наша районная больница не доукомплектована врачами, а те, кто работает, в основном преклонного возраста. Подготовить ребенка для поступления в престижный ВУЗ без репетиторов невозможно, а репетиторы тоже в городе. Ассортимент товара в сельских, деревенских магазинах скуден и непостоянен.

По конституции — все жители у нас равны, но сельские жители в этом равенстве несправедливо обижены.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Сельсовет здесь остался?

Е. К. МИХЕЕВ: Никогда сельсовета здесь не было. Раньше был район, теперь стал муниципальный округ, но мы изменений не заметили, структура управления не изменилась. Самое слабое место у нас: и в России, и в хозяйствах, и в районах — это управление. Оно малоэффективно. То, чем управляет государство, работает мало продуктивно, зачастую убыточно. Чего ни коснись. Я долго не отдавал водоснабжение по поселку в муниципалитет: если я ремонтировал насос за 3–4 часа, то сейчас на это уходит минимум полтора дня. Все-таки частная собственность — это частная собственность. Мы за 10–15 лет то, что производилось на наших землях, приумножили в 10 раз. Выросло валовое производство продукции и увеличилась производительность труда благодаря частной собственности и западным технологиям, а смена строя с социалистического к капиталистическому на это не повлияла.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Кому принадлежит земля, которую вы обрабатываете?

Е. К. МИХЕЕВ: Часть земельного фонда находится у нас в собственности, а часть — в аренде. Это земельные доли жителей, за аренду которых мы платим дольщикам зерном и/или деньгами.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: То есть местное население все-таки держит подсобные хозяйства?

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия
строилась по прин-
ципу: что выгодно,
то и надо делать»

Е. К. МИХЕЕВ: Да, но оно значительно уменьшилось. В десятки раз. В нашем селе Валгусы 20 лет назад было 130 коров. Сейчас 5 коз, немного кур — вот все подсобное хозяйство.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Тогда зачем населению зерно?

Е. К. МИХЕЕВ: Кто-то продает в другие деревни, кто-то держит кур.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Ваше предприятие в каких селах работает?

Е. К. МИХЕЕВ: Человек 40–50 работают в Валгусах, здесь расположена центральная усадьба нашего агрохолдинга. Есть отделение в селе Большие Бакалды, Инкино, Борнуково. У нас в хозяйстве строгая дисциплина, так как на работниках лежит большая ответственность: техника очень дорогая. Каждый работник и специалист перед началом смены проходит тест на алкоголь. За появление на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения сотрудник лишается не только ежемесячной, но и годовой премии. Да у нас люди даже не курят, один только снабженец курит.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А курили раньше?

Е. К. МИХЕЕВ: Да, почти все. Я и сам раньше много курил, был заядлым курильщиком 25 лет. В 50 лет я бросил, и уже 25 лет совсем не курю. Считаю, что «здоровый образ жизни» — это не просто слова, а основа работоспособности, залог успеха труда, как интеллектуального, так и физического. Я ежедневно прохожу по 15 тысяч шагов, плаваю в бассейне, играю в баскетбол, настольный теннис, придерживаюсь правильного питания и тем самым подаю пример своему коллективу.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А гастарбайтеров привлекаете?

Е. К. МИХЕЕВ: Да. Вот я взял хозяйство, где уже все развалилось. Зарплату там не давали год, население выехало из деревень. А сейчас мы там получаем по 30 тонн молока, но на второстепенные должности все равно нужны люди. И гастарбайтеры неплохо работают. Все оформлены официально. Ислам к нам придет лет через 30, ничего не поделаешь. Я ни «за», ни «против». И гастарбайтеры тоже разные бывают. У нас узбекские ребята, они приезжают регионами, есть выходцы из Ферганы. И самое главное: они говорят, что должны заработать 75 тысяч за месяц, и работают они от 230 до 270 часов в месяц. И зарабатывают. И сами просят, чтобы их загрузили работой.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: А почему Вы свое хозяйство все-таки назвали холдингом?

Е. К. МИХЕЕВ: Исходя из формы управления.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Это означает, что все ваши подразделения объединены общим собственником?

Е. К. МИХЕЕВ: Да, совершенно верно.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: То есть в советское время тут был относительно небольшой колхоз, а потом он вырос в мини-холдинг...

Е. К. МИХЕЕВ: Все правильно. В начале пути все местные хозяйства были равноправными, но у них были разные условия: были и лидеры, и отстающие. А в результате получился агрохолдинг. В принципе, в управлении можно идти коротким путем, а можно идти немного не так. И все это есть в нашей жизни. Если бы все развивались как мы, то сельское хозяйство у нас в стране шагало бы семимильными шагами. Вот у нас в селе спутниковое телевидение никак не может нормально работать, а ведь это наш космос, которым мы все гордились. Абрамович купил «Челси», а у нас есть стадион, но мяча нет! Я с премьер-министром Великобритании Мейджором встречался, в Гарварде выступал с докладом о российском агробизнесе, но, к сожалению, не встречался ни с одним федеральным чиновником Министерства сельского хозяйства РФ. Возвращаясь к первому губернатору Нижегородской области Борису Немцову, отмечу, что он у меня раза три был в хозяйстве, он был прост в общении и близок к людям.

А. М. НИКУЛИН, О. П. ФАДЕЕВА: Реформу Немцова, которая прошла в Нижегородской области, сейчас очень ругают.

Е. К. МИХЕЕВ: Он ничего такого не сделал, что бы противоречило здравому смыслу. Он дал возможность всем стать хозяевами. Но статус «собственника» подразумевает не только право (грести деньги лопатой), но и обязательства и ответственность по организации производства и управлению людьми. И только тогда «хозяин» становится эффективным собственником, а его предприятие прибыльным и рентабельным. По-моему, в этом и заключалась суть реформы Немцова.

*Е. К. Михеев,
А. М. Никулин,
О. П. Фадеева*
«Наша стратегия строилась по принципу: что выгодно, то и надо делать»

“Our strategy was based on the principle of doing what was profitable”

Evgeny K. Mikheev, DSc (Economics and Management), Head of the Niva-Mikheev and Co agroholding. Ogorodnaya St., village Valgusy, Buturlinsky district, Nizhny Novgorod Region, 607451, Russia. E-mail: agrokholding@bk.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vice-Rector for Research, Moscow School of Social and Economic Sciences, Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Head of the Department, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Academician Lavrentiev Prosp., 17, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Abstract. The interview with E. K. Mikheev (DSc (Economics and Management), Head of the agroholding Niva-Mikheev and Co, Honored Worker of Agriculture of the Russian

Federation, Honorary Citizen of the Nizhny Novgorod Region and Buturlinsky district), which was conducted by sociologists A. M. Nikulin and O. P. Fadeeva in August 2023, reconstructs his life path from the peasant collective-farm family to the world of contemporary agricultural science, politics and business. The interviewers focused on the economic philosophy of Mikheev as agricultural manager, his decision-making logic at the collective farm in the USSR and in the post-Soviet period of the developing market economy in the 1990s, his estimates of the situation at his agroholding, agrarian economy and rural development in the Nizhny Novgorod Region and Russia. The interview emphasizes the rational choice of economic decisions made and implemented in the transforming national and local institutional environment.

Key words: agroholding, collective farm, perestroika, Russia, USA, agricultural strategy, Nizhny Novgorod reforms, profit

История окраин в многообразии интерпретаций и подходов¹

Обзор международной конференции «VI Гришаевские чтения»

Н. В. Гонина

Наталья Владимировна Гонина, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии факультета гуманитарного образования НГТУ. 630087 Новосибирск, ул. Маркса, 20. E-mail: nvg7@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-235-248

«Окраины воображаемые и реальные» — так называлась международная конференция, состоявшаяся в Красноярске 29–30 ноября 2023 года. Она проходила в рамках ежегодных чтений, посвященных памяти заслуженного деятеля науки В. В. Гришаева, организованных кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета при поддержке Института истории СО РАН, Сибирского федерального университета, Государственного архива Красноярского края, Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края и Красноярского краевого краеведческого музея.

Осень — время, наполненное многочисленными конференциями, и собрать коллег на еще одну встречу нелегко. Однако заявленная организаторами тема оказалась, с одной стороны, в меру широкой, чтобы привлечь специалистов различного профиля, а с другой — достаточно интересной, чтобы ученые решили отдать ей предпочтение. В целом нужно отметить, что избранное организаторами базовое направление конференции — фокусировка на актуальных и проблемных методологических подходах и аспектах исторического знания, оправдывает ожидания и остается востребованным. Поэтому наряду с постоянными участниками к работе присоеди-

1. С информацией о конференции можно ознакомиться на сайтах <http://history.nsc.ru/news/2023-11-30.htm>; <https://idun.urfu.ru/blind/ru/pro/muzei-malogo-goroda-mnozhestvennost-kultur-pamjati/novosti>; <http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/gosudarstvennyi-arkh/news/events/3291>; <https://petrsu.ru/news/2023/124666/petrgu-na-grishaevsk> и т.д.

По итогам конференции подготовлен сборник статей в электронной и печатной версиях с размещением в РИНЦ и присвоением DOI https://elibrary.ru/download/elibrary_65671102_96268441.pdf

нилось много новых авторов из разных регионов, и среди них преобладала молодежь.

Пространственный поворот (spatial rotation) для исторической науки интересен тем, что позволяет раскрыть глубинное содержание в традиционной региональной тематике, привлечь новые источники и расширить границы понимания процессов взаимодействия между локальным, региональным и глобальным. Здесь уместно привести цитату Д. Харви: «...мы осознаем множественность объективных качеств, которые могут выражать пространство и время, и роль человеческих практик в их конструировании»². Одним из важных аспектов понятия «пространство» выступает категория «окраины».

Понятие «окраина/периферия/margin» шире, чем географическое обозначение части пространства. Это историческая, социальная, культурная и политическая проекция общества, она является отражением не только реальных состояний, но и воображаемых характеристик, находящихся в представлениях людей. Окраинное положение весьма динамично, и в своих взаимоотношениях с центром они могут меняться местами.

На площадке VI Гришаевских чтений было предложено обсудить феномен «окраин и окраинностей» в истории Сибири, России и Евразии. История окраин является логическим продолжением темы фронта, исследованной участниками IV Гришаевских чтений (2021), и микроистории, которой были посвящены V Гришаевские чтения (2022)³. В отличие от пограничных и приграничных процессов и явлений, периферийность не имеет четкого понятийного характера и не ограничена устоявшимися объяснительными парадигмами. В то же время для России, и особенно для Сибири, она обладает большим потенциалом, так как легко позволяет выстроить диалог между традиционным историческим подходом, историческим краеведением и новой исторической наукой.

Конференция проводится шестой год и на каждом этапе ее уровень повышается. В 2023 году впервые удалось организовать параллельную работу семи секций. Заседания шли в смешанном формате. В конференции принял участие 171 специалист, в том числе представители четырех иностранных государств (Беларусь, Туркменистан, Пакистан, Китай) и 157 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Петрозаводска, Пскова, Вологды, Владимира, Калуги, Орла, Нижнего Новгорода, Самары, Астрахани, Йошкар-Олы, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Краснодар, Махачкалы, Уфы, Ижевска, Перми, Чердыни, Екатеринбурга, Тюме-

2. Харви Д. (2021). Состояние постмодерна // Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. С. 335-336.

3. Сентябова М. В. (2022). Историческая наука о пространствах сибирского фронта // Журнал фронтальных исследований. Т. 7. № 4(28). С. 15-23; Голина Н. В. (2022). Микроистория как путь самопознания // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 182-190.

ни, Ханты-Мансийска, Сургута, Нижневартовска, Омска, Томска, Новосибирска, Барнаула, Горно-Алтайска, Кемерово, Железногорска, Ачинска, Красноярска, Абакана, Кызыла, Якутска, Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Благовещенска, Хабаровска.

Начало заседаний конференции от имени организационного и программного комитетов открыли д.и.н. профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета *Н. И. Дроздов* и заведующий кафедрой истории и политологии Красноярского ГАУ д.и.н. *С. Т. Гайдун*. В силу того, что из 20 докладов, заявленных на первую секцию «**Окраина в истории: методология, источники и историография**», смогли выступить только четыре автора, было принято решение объединить научную часть пленарного заседания и данную секцию. *А. С. Ковалев* (Сибирский федеральный университет) представил оригинальную трактовку темы конференции через разговор о старости в XIX веке как воображаемой окраине. Были отмечены бесправие и бедственное экономическое состояние стариков, особенно не защищенными были крестьяне. *Е. П. Мамышева* (Сибирский федеральный университет) продолжила тему социальной маргинальности в докладе «Судьба П. И. Гедымин-Тюдешевой в контексте советской эпохи (к 140-летию со дня рождения)», посвященном деятельности представительницы хакасского народа в советском аппарате регионального управления в 1920–1930-х годах. В 1930 году она была назначена полномочным представителем Хакасской автономной области при Всероссийском центральном исполнительном комитете (ВЦИК) в Москве, где в течение двух лет решала вопросы экономического и социального развития области.

Л. Н. Мазур (Уральский федеральный университет) выступила онлайн с докладом «Малый город как объект историко-социологического исследования: методы реконструкции историко-культурного и меморативного ландшафта», в котором были представлены результаты коллективного исследования. В фокусе внимания авторов — музеи малых городов русской глубинки, их профессиональная деятельность и формируемый в результате культурный ландшафт. Уникальная тема интересна не только содержательно, но и оригинальной авторской методикой, которая включает полевые исследования и восходит к разработкам ученых начала XX века М. Н. Гревса, Н. П. Анциферова и Н. К. Пиксанова, то есть объединяет социологические и культурологические подходы и методы с исторической методологией. Авторы использовали акторно-сетевую теорию, метод интервью, визуальный анализ исторических источников. В результате работы выявлено, что в музее Петровска-Забайкальского присутствуют три сильных нарратива, определяющие параметры исторической памяти: тема завода, тема декабристов и тема Великой Отечественной войны.

Заключительный доклад был сделан онлайн *М. В. Шиловским* (ИИ СО РАН). Тема его выступления: «Роль переселений в ниве-

Н. В. Гонина
История окраин в многообразии интерпретаций и подходов

лировке окраинного статуса Сибири в XVII — начале XX века», в котором был рассмотрен вопрос влияния переселенческой политики и определенных ею миграций на преодоление окраинного статуса Сибири в составе Российской империи; отмечено, что ставка делалась на крестьянство. Коренные народы административными методами переводились на оседлость, приобщались к православию, их налоги уравнивались с повинностями русских крестьян.

Данная секция оказалась наиболее полидисциплинарной. Как показывает ознакомление с присланными рукописями, концепт «окраина» продуктивно используют не только историки, но и географы, культурологи, филологи, социологи, философы и экономисты. Среди присланных текстов можно выделить интересный материал *О. В. Гейфнер* (Омский государственный аграрный университет) «Сибирская окраина глазами полкового священника Митрофана Сребрянского», основанный на дневнике священника, который в 1904 году следовал на Дальний Восток и увидел всю Сибирь из окна железнодорожного вагона. Он дает описание природы, людей и городов в местах стоянок поезда. Особенное внимание им уделено Омску, Ново-Николаевску и Красноярску. Докладчик замечает, как «жителя Европейской части России» поразил уровень «цивилизации» Сибири: автор дневника упоминает множество городов с высоким уровнем торговли, развитым транспортом, бытковой культурой. Свежесть впечатлений, непредвзятый взгляд позволили ему выделить наиболее характерные черты городов Сибири, сибирской природы и населения.

Нельзя обойти вниманием текст *А. С. Тимощука* (РАНХиГС, г. Владимир) «Казусы и практики модернизации», в котором описана актуальная проблема разрыва между воображаемой реальностью проектов развития, содержание которой обусловлено представлениями о современности как мире супертехнологий и креативности и суровой действительностью, определяющейся реалиями специальной военной операции. Это приводит не только к неправильной профорientации молодежи, но и к распылению ресурсов и в конечном счете обостряет проблемы безработицы, клановости, депопуляции и коррупции.

Работа секции и полученные материалы демонстрируют, что специалисты, исследующие разные формы и проявления окраинности, успешно сочетают традиционный подход исторической науки с новыми направлениями и методами, а также широкое распространение междисциплинарности как основы исследовательского дизайна, что позволяет привлекать новые источники, изучать каузальные сюжеты, ставить новые вопросы и получать не тривиальные результаты.

Участники второй секции «**Окраина как пространство международных отношений**» сосредоточили внимание на проблемах международных отношений России со странами АТР. Все прозвучавшие доклады вызвали активное обсуждение. Наибольшее внимание привлекло

выступление *О. В. Залесской* (Благовещенский государственный педагогический университет) «Дальневосточная периферия как контактная зона российско-китайского взаимодействия», посвященное проблемам китайской миграции в Дальневосточном регионе. Актуальный и увлекательный материал прислала *М. В. Баканова* (Исламабад, Пакистан) «Новая Большая игра на крыше мира», в котором указала на основные тенденции международного сотрудничества и конкуренции в Высокогорной Азии. Автор отметила, что борьба ведется активно, но часто не напрямую, а руками частных компаний, под видом материальной помощи. Наиболее значимыми международными проектами являются программы транспортных коридоров, крио- и водных ресурсов, энергетические программы, «зеленые инновации» и геополитические проекты. Не менее интересное раскрытие темы конференции предложила *Конг Вейран* в материале о Чан Фанлянь (Файне Вахревой), бывшей первой леди Тайваня, в судьбе которой отразились политические изменения в Китае и России в прошлом веке. По мнению автора, она обладала одновременно силой русской женщины и стоицизмом китаянки.

Результаты работы секции позволяют обнаружить современный тренд на глобальность в изучении как мировых, так и региональных процессов, а также результаты применения этого подхода. Кроме того, в очередной раз выявился фокус внимания на Азиатско-Тихоокеанском регионе и его значимости в международных отношениях в целом и российской внешней политике в частности.

Третья секция «**Взаимодействие центра и окраин в истории России**» собрала большинство сибиряков, представивших локальные сюжеты. Целый ряд авторов сосредоточились на дореволюционной истории, в том числе на длительных процессах XVI–XVIII веков, а также коротком, но очень сложном периоде конца XIX — начала XX века. Так, например, очень интересный сюжет выбрала *Е. В. Овчинникова* (Петрозаводский государственный университет). Она исследовала жизнь карельских православных приходов российско-шведского приграничья в XVI–XVII веках. Учитывая, что эти территории постоянно переходили «из рук в руки», религиозная политика как Швеции, так и России постепенно менялась от жесткой к более мягкой, так как насилие приводило к массовому бегству населения и создавало угрозу запустения территорий.

С. И. Бондаренко (Алтайский ГАУ) представила доклад «Особенности переселенческого дела на Алтае (по материалам ученых, общественных деятелей XVIII — начала XX в.)», в котором через призму источников личного происхождения (тексты членов Общества любителей исследования Алтая) показала, как формировалось русское население этого уникального региона, определила его основные группы и процитировала его характеристики, данные в источниках.

А. П. Шекшеев (Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий) в работе «Омск, Новониколаевск — Крас-

ноярек: напряженный диалог между руководством Сибири и Енисейской губернии в начале 1920-х гг.» осветил перипетии политической борьбы между партийно-советскими органами Сибири и Енисейской губернии на раннем этапе становления советской власти. Автор считает, что формирование жесткой линии централизованного управления в условиях, когда центр был заинтересован в выкачивании сибирских ресурсов любыми средствами, очень тяжело воспринималось на местах и потребовалось длительное время, чтобы «выковать когорту негибких партийных функционеров». Постоянные перемещения руководящих работников приводили к жесточайшему дефициту кадров.

С. Т. Гайдин и *Г. А. Бурмакина* (Красноярский ГАУ) в статье «Высшее руководство страны и Красноярский край: основные этапы взаимоотношений в советский период» показали зависимость региональной политики от ресурсного потенциала и способов его эксплуатации и ее отражение в развитии региона. В связи с тем, что в Красноярском крае были расположены предприятия горнодобывающей и атомной промышленности стратегического значения, большая часть его территории управлялась органами НКВД–МВД. Это сдерживало местные инициативы и не позволяло планировать комплексное развитие территории.

В целом работа секции аккумулировала материал по многообразию жизни окраинных территорий и выявила не только уникальные местные особенности, но и общие черты при взаимодействии с центром, демонстрирующие готовность населения отстаивать свои интересы и предлагающие варианты диалога с властью.

На четвертой секции «**Хозяйственное освоение окраин: развитие и возможности в истории**» были представлены регионы, что в очередной раз показало масштаб и многообразие нашей страны: Каспий и Байкал, Енисей и Амур, Горный Алтай и Забайкалье, Удмуртия и Дальний Восток, Кемерово и Норильск. Хронологический и тематический охват докладов также довольно широк, однако преимущественно речь шла о локальных данных. Много внимания авторы уделили раннему советскому периоду. Интересно, что целый ряд присланных материалов касался истории транспорта. Эта тема обычно не пользуется популярностью у исследователей-историков, однако, если мы говорим о хозяйственной деятельности на окраинах такой большой страны, как Россия, игнорировать ее проблематику невозможно. Также немало докладов было посвящено купечеству, предпринимательству и меценатству, что показывает, какое большое значение играли их представители в процессах в развития российского общества и государства. Несколько выступлений осветили индустриальное развитие периферийных зон.

Открыл работу секции доклад *С. В. Виноградова* и *Ю. Г. Ещенко* (Центр изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, АГУ им. В. Н. Татищева, г. Астрахань) «Развитие предпринимательской деятельности в рыбной отрасли Волго-Каспийского бас-

сейна как фактор привлечения трудовых мигрантов во второй половине XIX — начале XX в.», в котором была показана специфика жизни астраханских рыбаков в условиях бурного развития капиталистических отношений; дана характеристика вклада трудовых мигрантов в работу рыбопромысловых хозяйств и процессы колонизации окраинного региона; оценена эффективность государственных мер по поддержке рыбохозяйственной отрасли и задействованного в ней населения. Авторы отметили, что параллельно с хозяйственной деятельностью решался комплекс стратегических задач внутренней политики: создание новых промышленных центров путем освоения богатых природных ресурсов; перераспределение населения для снижения нагрузки на территории центра; органичное включение окраин в единый хозяйственный комплекс; укрепление границ на окраинных землях.

Следующий доклад сделала *Ж. Е. Левина* (Омский государственный педагогический университет) «Образ Сибири в путеводителях всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1939–1941 гг.)». В выступлении было показано, что основной задачей экспозиции являлась демонстрация успехов советского хозяйства в деле превращения Сибири в новую сельскохозяйственную житницу СССР. Автор приходит к выводу, что облик региона создавался через оппозиции природы и культуры, нищеты и благосостояния, кустарного и индустриального, традиции и модернизации, творчества и застоя. Эмоциональный аспект исторической модели Сибири обеспечивался визуализацией основных идейных составляющих при помощи широко использовавшихся традиционных жанров художественной культуры (скульптура, барельефы, живопись) и новых технических средств (диафильмы, действующие макеты, светящиеся строки, наплавные картины, наплавные аппараты, электрифицированная карта Сибири, макеты-диорамы, фотофильмы).

Целый ряд докладов и тезисов раскрывают проблемы освоения северных территорий. В выступлении *И. В. Зыкина* (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) «“Советский клондайк” Сергея Бергавинова» проанализировано создание лесной промышленности в Архангельской губернии в 1920-х годах. Работа основана на речах крупного партийного деятеля С. А. Бергавинова на региональных и центральных партийных мероприятиях. Источник позволяет раскрыть эволюцию взглядов на развитие лесной промышленности страны и Европейского Севера, вклад в индустриализацию отрасли этого окраинного региона, а также показать, как выстраивалась карьера советского руководителя.

Содержание представленных докладов выявило многоуровневые и порой неожиданные связи различных регионов страны как друг с другом, так и с Сибирью, что расширяет наши представления об исторических, социальных и культурных процессах. Также важным моментом было обращение к специфике хозяйственной

деятельности отдельных территорий. Несмотря на размещение объекта исследования в области экономической истории, большинство авторов основное внимание сфокусировали на качественных аспектах и в первую очередь на человеческом факторе, что еще раз подтверждает идею Н. К. Пиксанова о высоком социальном потенциале периферийных областей.

На пятой секции «Социальные практики окраин: люди, явления, события» речь шла о нелегких судьбах жителей окраин, которым обычно уделяется мало внимания в историческом исследовании (за исключением героев и руководителей). Интерес ученых привлекли как отдельные персоналии, так и целые социальные группы, особенно работники медицины и образования, ряд статей посвящен церковной деятельности.

Среди полученных материалов можно выделить текст А. В. Спичак (Нижегородский государственный университет) «Проблемы документооборота при решении дел о расторжении брака на окраине Российской империи». В небольшом сюжете, избранном автором, как в капле воды отражены многие проблемы и противоречия России. Так, например, показано несоответствие между гигантскими размерами сибирской окраины, которой управляла Тобольская консистория, и малым штатом этой организации, ее равноудаленностью от центра страны и большинства населенных пунктов, которые подпадали под ее юрисдикцию, неразвитостью путей сообщения. Все это приводило к затягиванию решения вопросов на годы и разрушало судьбы людей, а равно и подрывало авторитет власти. Другой аспект — секуляризация сознания и рост самосознания населения на рубеже веков, что отразилось в росте числа разводов. Однако при этом уровень грамотности на окраинах был заметно ниже, причем это касалось не только населения, но и церковных служащих. В результате большинство отказов в прошениях о разводах было по причине неправильного составления документов. Важно заметить, что данное исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук в рамках научного проекта № МК-1840.2022.2.

Не менее интересный доклад представил Г. А. Циденков (Самарский государственный социально-педагогический университет) «“Маленькие винтики” государственной кампании помощи голодающим в 1921–1923 гг.: периферийные работники в стрессовой ситуации». Исследование выполнено в полидисциплинарном ключе с фокусировкой на актуальной сегодня истории эмоций и имеет во многом уникальный характер. Цитаты из документов, отражающие весь ужас повседневной работы государственных служащих в период голода, позволяют по-новому осознать, каких усилий стоило преодолеть последствия этой катастрофы.

Еще одну слабо разработанную тему затронула Д. Н. Нестеренко (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск) в докладе

де «Облик городской проституции в 1920-х гг. на примере материалов г. Красноярска». Автор, используя традиционные исторические методы, уверенно раскрывает политические, экономические и социальные причины проституции, обосновывая тезис о том, что проституция является частью городской среды и ее развитие отражает состояние общества.

Таким образом, в фокусе внимания участников секции была преимущественно деятельность населения в контексте реализации государственных экономических проектов и социальной политики. Тематика независимых жизненных стратегий и повседневности представлена достаточно фрагментарно, как и использование новых подходов в исторических исследованиях. Очевидно, что это направление в исторической науке в качестве самостоятельного развивается медленно, особенно на периферии. В то же время в данной секции больше внимания было уделено вовлечению в научный оборот исторических источников личного происхождения и их анализу.

Шестая секция «**Культурное разнообразие окраин**» сосредоточила результаты исследований в области социокультурных и этнокультурных процессов на периферии. Доклады и тезисы ее участников были посвящены образованию, библиотечному делу, культурным традициям, народным ремеслам, мифам и легендам.

В ряде исследований представлены культурные связи окраин. Так, в статье *А. И. Лойко* (Белорусский национальный технический университет, г. Минск) и *Л. Е. Лойко* (Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск) «История развития культуры в Витебской провинции Российской империи» показан вклад жителей Витебской провинции в развитие российской культуры, в том числе роль И. Д. Черского в изучении географии и геологии Сибири, Н. М. Пржевальского в исследовании Алтая и Тибета.

В работе секции приняли активное участие ученые из Туркменистана. *А. Д. Байриева*, сотрудник Национального музея туркменского ковра (г. Ашхабад) прислала материал об искусстве изготовления войлока, преподаватели Туркменского государственного университета имени Махтумкули (г. Ашхабад) *М. К. Перделиева* и *Х. Б. Томмиев* написали о народных традициях в ювелирном деле, *М. А. Моммалиева* и *Ш. А. Бердиева* рассказали об истории ковроделия в Закаспийском крае в конце XIX — начале XX века, преподаватели *Б. Х. Суханова* и *О. А. Моммалиева* из Туркменского сельскохозяйственного университета им. С. А. Ниязова (г. Ашхабад) познакомили слушателей с историей становления и развития библиотечного дела в Закаспийской области (конец XIX — начало XX века), преподаватель Марыйского педагогического училища им. Хыдыра Деряева (г. Мары) *Л. А. Аллабердиева* представила доклад о научном наследии Абу Рейхана Бируни.

Несколько текстов отражают трудности формирования и бытования российского поликонфессионального общества. Так, в тезисах *А. П. Яркова* (Тюменский государственный университет)

«Структура сибирской уммы до революции: местные и приезжие, городские и сельчане» речь идет о культурной деятельности мусульман в Сибири, прослежена постепенная секуляризация населения, отмечен вклад в культурное развитие региона мусульманского джадидизма, в том числе — открытие Высших женских курсов в Томске. Автор замечает, что «место “стыковки” двух порядков реальности... осязаемой и предполагаемой — исламская культура и интерпретация ее образов в сознании людей, не всегда принадлежавших к этому культурному ареалу, в мегарегионе было представлено достаточно многообразно, а взаимодействие иногда рождало причудливые заимствования».

Особый интерес вызвал доклад *Е. Л. Зберовской* (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) «“Дом на окраине”: практики сохранения польских культурных традиций в поликультурной среде (по материалам историко-культурной экспедиции в Краснотуранский район Красноярского края)», в котором рассказывается о бытовании культурного анклава в деревнях Николаевка и Александровка, образованного польскими и немецкими переселенцами в конце XIX — начале XX века и существующие до сих пор. Жители этих деревень сохраняют родной язык и традиции, поддерживают связи с национальными объединениями.

В рамках данной секции были представлены исследования, посвященные культурной специфике и своеобразию окраин. Это очень богатая тема, разработка которой позволяет открывать все новые и новые аспекты и явления. Причем, несмотря на процессы модернизации и секуляризации, как этнокультурные, так и религиозные особенности народов нашей страны сохраняются и передаются последующим поколениям и в наши дни, приобретая современное звучание в контексте политики сохранения многообразия. Поэтому особое внимание привлекают темы национально-религиозной идентификации на окраинах. Важно было услышать специалистов по музееведению, истории краеведения. Всем были интересны наблюдения авторов, касающиеся современной ситуации в области национально-религиозных аспектов культуры.

Седьмая секция была посвящена **историческим аспектам периферийной урбанизации**. Присланные материалы были очень разнообразны как по тематике, так и по хронологии. Изначальный план обсудить тему исторических парадоксов и казусов бытия субурбий практически не нашел отклика у авторов. По этой теме был прислан только один доклад. *Д. С. Быльева* (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) представила рукопись «Руины: из прошлого в будущее», в которой отразила вариативность судеб руинированных построек в наши дни. Особый интерес вызывает рассказ об исторических зданиях в сельской местности, не охраняемых государством, но восстановленных за счет населения (церкви) и частных инвесторов (усадыбы), а также информация

о вариантах использования восстановленных руин в новом качестве (гостиницы, музеи, торгово-выставочные комплексы...). Автор делает важный вывод, что разрушенные архитектурные объекты имеют много смыслов, их значение в пространстве и во времени может быть важнее извлекаемой практической пользы.

Т. А. Кискидосова (Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории) прислала тезисы, посвященные отражению внешнего облика городов Енисейской губернии в региональной периодической печати второй половины XIX века. Автор приходит к выводу, что данный источник позволяет достаточно подробно реконструировать не только внешний облик городов, но и мнение журналистов о перспективах их развития. Уже тогда они писали, что процветающий Енисейск в будущем неизбежно уступит место менее развитому, но выгодно расположенному региональному центру Красноярску.

Большинство исследователей, присутствовавших офлайн, подготовили сообщения по различным аспектам жизни городов-спутников на примере г. Дивногорска Красноярского края в 1950–1970-х годах, что связано с выполнением этой группой ученых при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» исследования в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644.

Таким образом, работа секции сосредоточилась на обсуждении феномена бытования малого города в позднесоветский период. Были рассмотрены источниковая база, численность населения и ее динамика, городское планирование и обеспечение. *Е. А. Ахтамов* (Сибирский федеральный университет) в своем докладе отметил высокую информативность газеты «Огни Енисея», которая фиксировала не только официальные события и позиции, но и повседневную жизнь строительства Красноярской ГЭС и города Дивногорска, возникающие проблемы и противоречия. Он также подчеркнул особое внимание в источнике к личности человека, отражающее как черту эпохи, так и общее настроение жителей молодого города. Доклад *Р. В. Павлюкевича* (Красноярский государственный аграрный университет) был посвящен сложному процессу разработки генерального плана г. Дивногорска в 1955–1963 годах. В нем нашли отражение и специфика советского планирования в указанный период, и половозрастная динамика населения, и трудности взаимопонимания планировщиков и застройщиков, а также роль природных условий Дивногорска в его рождении и развитии. *М. В. Сентябова* (Красноярский государственный аграрный университет) представила сообщение о динамике детского населения г. Дивногорска в межпереписной период 1959–1979 годов, в котором показала уникальность Дивногорска по сравнению с другими городами Красноярского края, выразившуюся в высокой доле маленьких детей в составе населения на стадии стройки. Интересно, что

в последующие периоды ни значительного притока семей с детьми, ни беби-бума не наблюдалось, то есть население Дивногорска на стадии формирования города в основном пополнялось за счет мигрантов и их детей. Автор считает, что источником роста населения Дивногорска стали также жители ближайших сел и деревень Красноярского края.

Дискуссия на секции развернулась вокруг специфики жизни городского поселения вблизи регионального центра и особенностях половозрастного состава населения города-новостройки. Таким образом, в центре внимания оказалась ресурсная роль окраины в условиях индустриального подъема страны в целом и Красноярского края в частности, а также конфликт между советским планированием социально-экономического развития периферии и реальными хаотическими процессами роста, отягощенный недостаточным вниманием к местным условиям, а также техническим и ресурсным дефицитом.

Интересной и активной получилась **молодежная секция**, в работе которой приняли участие 39 человек. Многие выступления по уровню подготовки не уступали «взрослым». Несколько участников из других регионов нашли возможность приехать в Красноярск: так, из Москвы прибыла делегация Исторического клуба НСО МГИМО «Кассиодор»⁴ с рядом докладов, тематика которых варьировалась от Ново-Архангельска (*Р. Е. Неуймин, М. Ю. Дегтярев*) до идеи границы в дискурсивной практике современной России (*Е. Д. Кудяшев*). В том числе были доклады, посвященные Сибири и Енисейской губернии (*Г. А. Ипатов, Т. С. Китаева, В. А. Карпусь*). Они затрагивали важные темы истории окраин и вызвали бурное обсуждение. Большое внимание привлек доклад студента Томского государственного университета *Н. А. Доскоча* «Рабство в Сибири как социально-экономический институт окраины Московского царства XVII века». По его мнению, сохранение рабства было вынужденной мерой и объяснялось дефицитом рабочей силы и женщин. Из девяти выступлений, подготовленных студентами Сибирского федерального университета, активную дискуссию вызвали доклады *Р. М. Чистякова* о красноярском спортивном обществе «Сокол», *А. А. Кириленко* об отражении советского общества в кинематографе, *Е. А. Гришаева* о сибирской мужской повседневности 1990-х годов.

Много исследователей из регионов РФ приняли участие онлайн. Например, в докладе *А. А. Борисова* (Северо-Восточный федеральный университет) «Историография воеводского управления Якутии в XVII в.» были проанализированы основные тенденции изучения этой темы как в советский, так и в современный период. Автор считает, что этот сюжет имеет большой исследовательский потенциал и важен для изучения истории всего Дальнего Востока. Тема

4. <https://vk.com/cassiodor/announce>

культурного своеобразия окраин получила развитие в выступлении *А. А. Жердева* (Северо-Кавказский федеральный университет) «Отражение “своего Востока” в архитектуре Кавказских Минеральных Вод второй половины XIX — начала XX в.», посвященного мавританскому стилю в застройке курортной зоны Ставрополя. Важный акцент для изучения социальной жизни окраин был поставлен в докладе *А. А. Кононова* (Новосибирский государственный университет) «Обращения сибирских крестьян к чиновникам губернского управления при обжаловании решений уездного съезда крестьянских начальников в начале XX века». В резюме докладчик подчеркнул, что вопреки устоявшимся стереотипам в оценке крестьян, они занимали в ряде случаев активную позицию, могли постоять за свои интересы и имели достаточно знаний и навыков, чтобы вступать в дискуссию с представителями власти. Аспекты советской урбанизации на периферии были отражены в докладе *А. Ю. Николаевой* (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина). «Проблема упадка соцгородов Урала на примере индустриального города Красновишерска». Автор показывает, что отказ от государственной политики индустриального роста в 1990-е годы привел к упадку целого ряда уральских городов. Являясь периферийными моногородами с неразвитой инфраструктурой, они не обладали внутренним потенциалом, который мог бы стать основой самостоятельного развития в период становления рыночных отношений. Очень сложная тема изменений в исторической памяти в постсоветский период в 1990-е годы на материалах Омска и Иркутска была поднята в докладе *Н. В. Кулиша* «Память о гражданской войне в постсоветской Сибири: сохранение и разрушение советских традиций политики памяти».

Активное участие в работе молодежной секции приняли опытные преподаватели — доктор исторических наук *А. С. Ковалев*, кандидаты исторических наук *Н. В. Гонина* и *Р. В. Павлюкевич*. Коллеги не только задавали вопросы молодым докладчикам, но и давали методические, организационные, научные советы и рекомендации. По итогам работы секции многие участники высказывали слова благодарности организаторам и выразили готовность к дальнейшему научному сотрудничеству. Были достигнуты устные договоренности об обмене результатами научно-исследовательской деятельности, проведении совместных исследований.

Подводя итоги конференции следует признать, что избранная тематика может интерпретироваться очень по-разному, и, очевидно, именно поэтому какого-то специального методологического подхода не требуется, наоборот, изучение окраин может быть осуществлено с опорой на практически любую известную методологию. В то же время именно многообразие аспектов темы и научных подходов к их раскрытию не позволяет суммировать полученные результаты применительно к концепту «окраина». Здесь гораздо важнее произвести обмен наработками, что позволит увидеть общее

и особенное. Такая работа удобна именно в формате конференции или расширенного семинара, аналогично опыту Фонда Прохорова по проведению конференций в Норильске, фестивалей «Локальные истории» в Красноярске и программы Российского фонда культуры «Гений места. Новое краеведение»⁵.

Общей чертой работы конференции можно назвать внимание участников к уникальным сюжетам и микроистории в целом. Магистральными направлениями в исследовании окраинности стали локальная специфика, история малого города и социальный маргинализм. Они нашли отражение как в пленарных выступлениях, так и в большинстве секционных докладов. Обе темы очень важны для понимания истории России, но при этом им уделяется относительно мало внимания. На наш взгляд, это связано с отсутствием разработанной исследовательской методологии, а также с недостаточной актуальностью данных направлений с точки зрения политических и общественных запросов. Возможно, эту ситуацию следует пересмотреть.

History of the outskirts: Interpretations and approaches

Natalia V. Gonina, PhD (History), Senior Researcher, Agricultural and Demographic History Sector, Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090. E-mail: nvg7@mail.ru

5. <https://www.prokhorovfund.ru/projects/own/detail/13>; <https://localhistory.ru/media/news/festival-lokalnye-istorii-v-krasnoyarske-programma-meropriyatiy/>; <https://rcfoundation.ru/museum.html>

Сельский туризм: перспективы и ограничения¹

Л. А. Овчинцева

*Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1.
E-mail: lovchintseva@rambler.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-249-255

В рамках научно-практической конференции, которую уже почти четверть века проводит Международный банковский институт им. Анатолия Собчака (Смирновские чтения), 22 марта 2024 года состоялся круглый стол «Туризм на сельских территориях: история, социология, экономика и финансы». Тема сельского туризма не случайно была выбрана в качестве отдельной тематики международного научного форума, поскольку этот вид туризма формируется как отдельная отрасль в общем потоке туристической индустрии во все большем числе стран и очевидно нуждается в осмыслении и анализе проблем развития.

Дискуссию круглого стола открыл доклад *М. И. Кадыровой* (Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, Душанбе), представившей обзор развития аграрного и сельского туризма в Республике Таджикистан. В сельской местности этой горной страны проживает около 74% населения, именно поэтому 2019–2021 годы были объявлены «годами развития села, туризма и народных ремесел». Для стимулирования развития сельского туризма фирмам, организующим туры в сельскую местность, государство предоставило налоговые льготы. Однако главы многих декханских хозяйств сначала не понимали, какую выгоду им может принести занятие сельским туризмом. Одними из первых идею поддержали в декханском хозяйстве «Боги Сомон» в г. Турсунзаде. Это хозяйство специализируется на виноградарстве, здесь выращивают разнообразные сорта винограда на площади около 500 га. Прием гостей в хозяйстве организован как в виде экскурсий с дегустацией, так и в форме мастер-классов. Во время дегустаций туристы могут ознакомиться с различными сортами вино-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

града, особенностями выращивания различных садовых культур. На мастер-классах можно более детально изучить особенности агротехники, приобрести саженцы, поработать в винограднике. Глава хозяйства охотно делится опытом, показывает, как организован прием туристов. В разных районах Таджикистана традиционно выращивают различные плодовые и бахчевые культуры, поэтому в районах нередки сельскохозяйственные праздники и выставки сельхозпродукции. Эти мероприятия способствуют развитию событийного сельского туризма.

Информация о декханских хозяйствах, которые оказывают услуги туризма, размещается в соцсетях и на сайтах в Интернете. Гостям предлагают мастер-классы, осмотры садов, виноградников, хлопковых полей с дегустациями, есть интерактивный демонстрационный участок. Всегда в продаже сувениры. По данным регистрационной книги хозяйства «Боги Сомон», большая часть посетителей, примерно две трети, — это граждане Таджикистана, а треть — иностранные граждане, преимущественно из стран СНГ.

Тему развития сельского туризма на азиатском континенте продолжила *Р. Р. Мухаммадеева*, опытный специалист по развитию сельского туризма, член Ассоциации сельского туризма Республики Татарстан. В силу обстоятельств оказавшаяся в Турции, Мухаммадеева активно взялась за изучение ситуации в Турецкой Республике и продвижение инициатив по развитию туризма на сельских территориях. Турция — развитая агроиндустриальная страна с богатым культурным и историческим наследием, с конца 1980-х годов здесь развивается аграрный и сельский туризм в самых различных формах: посещение фермерских хозяйств, виноделен, плодоовощных ферм, гастротуризм и деревенские завтраки, продолжающиеся порой до обеда, размещение в гостевых домах сельских жителей в сочетании с экотурами и активным отдыхом, пляжный, оздоровительный, спа-туризм, событийные мероприятия, фестивали, ремесленные ярмарки. В качестве примера был представлен график событийных мероприятий региона Ялова. Он включает в себя фольклорный, джазовый и клубничный фестивали, фестиваль ростовых кукол, фестивали масляной борьбы и верблюжьей борьбы, джазовый фестиваль, фестиваль театра и балета, Балканский фольклорный фестиваль и многое другое.

В Турции немало этнических деревень, где проживают выходцы из разных стран и регионов. Например, довольно значительна дагестанская диаспора, представители которой переселились в Турцию в конце XIX века и сейчас компактно проживают в селениях, расположенных в горной местности. Прием туристов дает им дополнительные доходы, дагестанская кухня нравится жителям Турции, а город Ялова является побратимом города Махачкалы.

Поскольку прием гостей в сельской местности — это в значительной степени семейный бизнес, большое значение имеет обучение домохозяек правилам сельского гостеприимства. Турецкие се-

ляне могут привлекать гранты на развитие сельского туризма как по линии правительства Турции, так и по линии Евросоюза. Докладчица рассказала об опыте организации ассоциации русскоговорящих жителей региона Ялова, одной из целей которой является содействие развитию туристического бизнеса, обучение проектной культуре, обмен опытом и обучение. Нарботанный в сельской местности Республики Татарстан опыт оказался востребован в новых условиях.

Тема гастрономического туризма получила развитие в докладе *Я. С. Тестиной* и *Е. В. Печерицы* (Санкт-Петербургский государственный университет), посвященном культуре замедления ритма жизни и гастротуризму как важному элементу развития сельской местности и ресторанов «медленной кухни». Движение замедления возникло в противовес универсальной и всепроникающей городской культуре, навязывающей быстрый темп жизни, однообразный фастфуд, еду на бегу. В пик распространению ресторанов быстрой кухни «Макдоналдс» в конце 1980-х годов в Италии был разработан и подписан Манифест движения медленной еды, по замыслу его основателей, культура медленной еды должна позволить сохранять гастрономическое наследие народов мира. С 1996 года каждые два года проходит международная гастрономическая выставка Терра Мадре Салон дель Густо, организуемая регионом Пьемонт и городом Турин (Италия). Это мероприятие собирает приверженцев экологической устойчивости, ремесленников, хранителей секретов национальной кулинарии из разных стран мира.

В 1999 году в Норвегии был основан «Институт медленности» (World Institute of Slowness) и движение «Медленный город». В России членом этого движения стал город Светлогорск Калининградской области. Идея замедления получила свое развитие в самых различных направлениях: это не только медленная еда, но и медленные путешествия, медленные научные исследования, медленные стартапы и еще много чего, что происходит гораздо эффективнее, если делать это медленно и осознанно. Фестиваль медленного туризма регулярно проходит в Лапландии, а в 2023 году — и в Болгарии (г. Средец Бургасской области). Интересно, что в контексте туризма, в том числе и сельского, идею замедления поддерживают не только туристы «третьего возраста», но и миллениалы (поколение альфа), сосредоточенные на поиске баланса между трудом и отдыхом.

Обстоятельный обзор деятельности российской Ассоциации сельского и экотуризма был представлен в докладе исполнительного директора этой ассоциации *В. Л. Калининцева* (Москва). Ассоциация объединяет теоретиков и практиков сельского туризма от Калининграда до Дальнего Востока. Она была создана в 2013 году, в 2019-м был проведен ребрендинг Ассоциации, обновлен устав. На средства президентского гранта осуществлено исследование сельского туризма, подготовлены методические материалы, доступ-

ные сейчас на сайте Ассоциации, прошли конференции. Членами Ассоциации могут быть как физические, так и юридические лица, работающие в сфере сельского и экологического туризма.

По мнению Калиничева, нынешнее законодательство не ограничивает сферу деятельности участников сельского туризма именно агротуризмом. Опрос, который специалисты ассоциации проводили в 2019 году, показал, что люди хотят отдохнуть на природе, побыть в тишине, молодые тянутся к активному отдыху, но лишь 8% опрошенных хотели бы поработать на ферме. В Европе таких не более 5% (данные Европейской ассоциации сельского туризма, 2022 г.). Концепция сельского туризма была разработана Всемирной ассоциацией сельского туризма, ее главная идея заключается в гостеприимстве — люди едут к людям.

Практика показывает, что сельский туризм способствует развитию регионов, раскрывает потенциал местных жителей и порой является побудительным мотивом для переезда горожан в сельскую местность. Например, по Псковской области проходит национальный туристический маршрут «С грохотом по фермам, или глаза страшатся, а руки делают». Из числа входящих в него 16 объектов показа, 14 созданы выходцами из городов, причем 6 — молодыми людьми, раскрывшими свой творческий потенциал в сельской местности.

Ассоциация сельского и экотуризма ведет большую просветительскую работу, организует выездные туры для обмена опытом, участвует в международных и региональных конференциях. В октябре 2023 года в Ивановской области при содействии Ассоциации прошла конференция, посвященная партнерству, наставничеству и патриотизму, в ней участвовали представители из более чем двадцати регионов. В рамках конференции Интурмаркет (март 2024 года) состоялся круглый стол по теме креативного участия молодежи в инициативах по развитию сельского туризма.

Модератор круглого стола *Е. Е. Шарафанова* (Международный банковский институт им. Анатолия Собчака) справедливо подняла тему участия молодежи в сельском развитии. Ответом на вопрос, почему молодежь уезжает из села и что можно противопоставить этой тенденции, стало выступление *Т. Поддубной*, председателя Ассоциации по развитию Северо-Запада (Волосовский район Ленинградской области). В Волосовском районе успешно действуют следующие объекты сельского туризма: сомовая ферма Р. Петровой в пос. Беседа и дом-музей национального героя Франции, Бориса Вильде в деревне Ястребово. Ферма — это успешный коммерческий проект, где можно посмотреть на африканского клариевого сома, принять участие в дегустации, сделать покупки продукции фермы и иных товаров, производимых на соседних фермах.

Дом-музей Б. Вильде, участника движения Сопротивления во Франции во время Второй мировой войны, возник при активной поддержке местных жителей. Первую экспозицию музея собирала

местная жительница Г. А. Озол. Сейчас музей имеет интересную постоянную экспозицию, в нем проходят выставки, посвященные дворянскому быту. Чувство гордости за своего земляка, именем которого названа улица в Париже, объединяет местных жителей вокруг музея, побуждает их к поиску форм культурного досуга. Благодаря частной инициативе был восстановлен православный храм. Большой популярностью пользуются тематические балы (Веймарский бал, фортепианный бал, праздник полевых цветов и др.), костюмы для которых молодые люди готовят сами. Интересные события создают благоприятную почву для фотопроектов и фото-выставок. Студенты, уехавшие из села в город на учебу, свободное время предпочитают проводить у себя в районе, так как там интереснее, чем в городе. Некоторую проблему для расширения круга участников событийных мероприятий в Волосовском районе представляет отсутствие там средств размещения, но ее также удается решать при участии местных жителей.

Еще один позитивный пример деятельности туроператора в малом городе был в выступлении руководителя Центра сельского гостеприимства «Усадьба» (г. Южа, Ивановская область) *И. А. Крюковой*. Она рассказала о том, как возникли Центр сельского гостеприимства «Усадьба» и гостевой дом «Русская дача». Это — семейное дело, в котором участвуют несколько поколений семьи. При разработке тематических экскурсий активно использовались особенности территории, а именно наличие центров художественных ремесел в селах Палех, Холуй и в самой Юже. Большое внимание было уделено выбору целевой аудитории, которая была определена как семейные пары с детьми, небольшие группы по интересам (работники творческих профессий, йога-ретриты, туры-стажировки и т.п.). В результате родился слоган: «развитие вместе с гостями». Также был зарегистрирован сказочный бренд «усадьба Василысы Премудрой», которая занимается разными рукоделиями, взаимодействует с музеями, со столярным колледжем, со швейным колледжем, с художниками. Новое направление развития Центра гостеприимства, в котором активно участвует молодежь, — создание медиаклуба. И хотя в последние годы значительно повысилась транспортная доступность Южи из Москвы и Санкт-Петербурга, больших туристических потоков в Южу нет. Малый город остается благоприятным местом для любителей «медленного туризма».

Разносторонний научный анализ устойчивого развития сельского туризма на примере Ставропольского края представила *И. Г. Павленко* (Ставропольский государственный аграрный университет). Ставропольский край является одним из наиболее привлекательных мест для внутреннего туризма, темпы роста числа туристов в нем опережают темпы в среднем по России, в абсолютном выражении турпоток составлял в последние годы около 3,5 млн человек в год. Основная масса туристов направляется в Кавказские Минеральные Воды (санаторный туризм), однако исследования по-

казывают, что у курортников есть свободное время, которое можно направить в сторону объектов сельского туризма.

Ставропольский ГАУ ведет методическую и научную работу в области сельского туризма. Например, обучение владельцев сельских гостевых домов, курсы по использованию геоинформационных систем для анализа емкости территории, участия сельского населения в предоставлении услуг сельского туризма. Туробъекты сельской местности Ставрополя размещены на сайте Руспас, являющегося эффективным инструментом продвижения внутреннего туризма.

Ученые составили профиль туриста, посещающего Ставропольский край, однако опрос населения показал, что жители малых городов не осознают, что было бы интересно туристам. Люди не знают, что могут получить гранты на развитие сельского туризма, поэтому специалисты Ставропольского ГАУ взяли на себя обязанность помогать им составлять заявки на гранты.

Фермеры более информированы и понимают, что туристы — это дополнительные доходы, поэтому силами сотрудников факультета фермерам помогают в разработке и регистрации локальных брендов. Важной научной разработкой стала методика для оценки предельно допустимой нагрузки на фермерское хозяйство (посещения туристами). Алгоритмы методики показали, что уже сейчас фермы загружены всего на две трети.

Также в фокусе внимания ученых разработка новых туристических маршрутов, среди которых — «винная дорога». Кроме того, большое внимание уделяется развитию инфраструктуры, а также работе с объектами общественного питания.

Проблемы в деятельности сельских гостевых домов были освещены в выступлениях *А. В. Таниной* (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого) и *Н. А. Хоферихтер* (Международный банковский институт им. Анатолия Собчака). А. В. Танина обоснованно показала, что сегодня гостевые дома испытывают значительные трудности при работе в правовом поле. До сих пор не решены проблемы с классификацией гостевых домов: в 2019 году был отменен ГОСТ, регулировавший гостевые дома, новые требования к гостевым домам не утверждены. Все это помещает объекты сельского туризма в сферу неформальной экономики.

Н. А. Хоферихтер поставила вопрос о том, кто же может стать посетителем сельских объектов туризма. С ее точки зрения, клиентская база объектов сельского туризма довольно узкая, поскольку 25% населения страны — это сельские жители, при этом 63% горожан имеют дачи, а 14% — время от времени арендуют дачные дома. Еще одной проблемой для развития агротуризма является то, что КФХ расположены на землях сельского назначения, на которых юридически не разрешено строить объекты сельского туризма. Проблематичными остаются взаимодействие с местными органами

власти, состояние дорог, низкая степень оборудования баз отдыха, пригодных для размещения туристов только пять месяцев в году. И еще вопрос, насколько местные жители рады туристам. Скорее жители могут страдать от туристов, поскольку затаптываются леса, инвесторы сводят леса под строительство жилых построек. Очевидно, что расширение взаимодействия с населением является важной составляющей развития туризма на территориях.

Возражения на это высказала *Л. А. Овчинцева* (Президентская академия, Москва), отметившая, что сельский туризм — это не только движение больших групп на автобусах по проторенным маршрутам, это могут быть авторские туры по неизвестным для горожан сельским местам, и именно такие небольшие по числу участников туры становятся все более популярными.

В целом дискуссия в рамках круглого стола получилась интересной, поскольку в ней нашли отражение важные моменты, имеющие значение для развития сельского туризма в современных условиях.

Л. А. Овчинцева
Сельский
туризм: перспекти-
вы и ограничения

Rural tourism: Prospects and limitations²

Lubov A. Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp. 82, Moscow, 119571. E-mail: lovchintseva@rambler.ru

2. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Крестьяноведение

2024. Том 9. №2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 100 экз.

Формат 70×100/16.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru